

Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI – начале XXI в.

Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области
«Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей»

Центр аграрных исследований Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI в.»

Материалы XV Каргопольской международной научной конференции

УДК 94(47)(08)

ББК 63.3 (2РЗ)

К90

Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI в. Материалы XV Каргопольской международной научной конференции (15-17 августа 2018 г.)/Отв. ред. и сост. М.Г. Пугачева, Н.И. Тормосова. Каргополь, 2018. — 315 с. с ил.

Отв. за выпуск Л.И. Севастьянова

Настоящий выпуск подготовлен по материалам XV Каргопольской научно-практической конференции «Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI в.», посвященной 310-летию создания губерний в России и 100-летию Каргопольского музея, состоявшейся в Каргополе 15-17 августа 2018 г. Конференция прошла при поддержке Министерства культуры Архангельской области и Фонда Розы Люксембург. Доклады участников конференции были посвящены становлению и преобразованию системы государственного управления на Русском Севере в XVI — начале XXI в., развитию местного самоуправления на Русском Севере. Значительное внимание было уделено роли ТОСов на современном этапе развития сельских территорий на Севере, в Поволжье и в Сибири.

© Авторы статей

© Каргопольский государственный
историко-архитектурный и художественный музей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
Кутукова Е.С. Гармонизация стратегического управления развитием северных территорий.....	9
Зворыкина Ю.В., Зворыкина Е.И. Методические аспекты исследования этнической истории на Русском Севере в XVI — начале XXI в.....	17
Грот Л.П. «Кланяются написавше жену в человеческ образ» — роль женских культов на Русском Севере в самоорганизации общества догосударственного периода.....	21
Кубецкая Л.И., Кудрявцева Н.О. Историко-генетические особенности расселения и градостроительная структура русских поселений Севера как отражение национальной самобытности и культурного достояния России.....	36
Вовина В.Г. Государство и волость (на материалах тягольно-солдатской книги Подвинской четверти 1665 г.).....	54
Аверьянов К.А. Когда возник Каргополь?.....	62
Пугач И.В. Бюджет Каргополя первой половины XVII в.....	68
Порохина С.С. Административно-финансовые параметры Турчасова первой половины XVII в.....	83
Комиссаренко А.А., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю. Проведение приказом Большого дворца и Поместным приказом кадастра дворцовых карельских поселений Бежецкого Верха во второй половины XVII — начала XVIII в.....	94
Истомин А.А. Фискальная политика государства в отношении Устьянских волостей в первой половине XVII века.....	105
Старицын А.Н. Роль государства в распространении церковных нововведений на севере России (начальный этап).....	121
Онучина И.В., Пригодина О.Б. Пожар в Каргополе в 1765 г. и восстановление города. Взаимодействие государственных и местных органов власти.....	133

Сметанин В.А. К вопросу обозрения присутственных мест Архангельского и Олонецкого наместничеств сенаторами Воронцовым и Нарышкиным.....	144
Решетников Н.И. Олонецкие губернские ведомости» о реформах Александра II.....	156
Хрушкая Л.Н. Вопрос о введении земских учреждений в Архангельской губернии в органах государственной и местной власти России (1864–1917 гг.).....	167
Попова Е.Н. Органы управления народным образованием в Каргопольском уезде во второй половине XIX — нач. XX в.....	185
Мухин Д.А. Закон и традиция: вопросы сосуществования в Вологодской губернии в конце XIX — начале XX в.....	193
Трошина Т.И. Крестьянское самоуправление: трансформации 1917–1918 гг. (на материалах сельских обществ северных губерний Европейской России).....	200
Филимончик С.Н. Карелия в условиях конституционной реформы второй половины 1930-х годов.....	213

СЕЛЬСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО СЕВЕРА: ПРОЕКТЫ ВЛАСТИ И ИНИЦИАТИВЫ НАСЕЛЕНИЯ

Копотева И.В. Локально-ориентированные подходы сельского развития. Опыт Европейского Союза и России.....	217
Аверкиева К.В. Сельская местность на Русском Севере: локальные очаги развития на внутренней периферии России.....	228
Никулин А.М. Проекты сельского развития Русского Севера: от прошлого к настоящему.....	238
Виноградская О.Я. Настоящее время сельских миров Русского Севера: социологическая рефлексия.....	245
Виноградский В.Г. Северная деревня как «Сельский мир».....	255
Фадеева О.П. Сельское самоуправление под прессом реформ 2000-х годов: сибирские реалии.....	264

Божков О.Б. О социально-экономических последствиях административных реформ для сельских районов (на примере семи районов Северо-Западного региона).....	273
Трапезникова О.Н., Тормосова Н.И. Ландшафтно-хозяйственный ареал северной деревни и его трансформации под влиянием государственной системы управления.....	281
Кабринская О.А. ТОСы Каргополья.....	292
Никулина Е.С. Отдаленный сельский мир деревни Ступная: ферма, промыслы и лес неприступные.....	298

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

Черкасова М.С. Новые документы по Каргопольскому уезду и ЧарондеXVII — начала XVIII в.....	304
СПИСОК АВТОРОВ.....	313

ПРЕДИСЛОВИЕ

В августе 2018 года в Каргополе состоялась XV Международная научно-практическая конференция «Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI века», посвященная 310-летию создания губерний в России и 100-летию Каргопольского музея. Организаторами конференции выступили Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей и Центр аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. Конференция состоялась при финансовой поддержке Министерства культуры Архангельской области и Фонда Розы Люксембург.

Основные направления работы конференции:

- развитие северных территорий в контексте формирования российского государства;
- становление и преобразования системы государственного управления на Русском Севере в XVI–XVII вв., организация государственной службы;
- местное самоуправление на Русском Севере в XVI–XVII вв.;
- преобразования в системе государственного управления и местного самоуправления на Русском Севере в XVIII — первой половине XIX в.;
- административные реформы Александра II и их значение для Русского Севера;
- становление и развитие государственной системы управления и системы местного самоуправления на Русском Севере в советский период;
- административные реформы в постсоветский период. Конец XX — начало XXI в.;
- становление и развитие ТОСов на Русском Севере.

В конференции приняли участие более 40 человек. Среди докладчиков семь докторов исторических, географических и философских наук, 13 кандидатов исторических, географических, экономических, социологических наук и культурологии, академические исследователи, работники архивов и музеев, представители государственных и муниципальных органов власти из Москвы, Санкт-Петербурга, Берлина, Архангельска, Вологды, Петрозаводска, Перми, Новосибирска, а также из Швеции.

На открытии конференции с приветственными словами выступили глава Каргопольского муниципального района **Н.В. Бубенщикова**, директор Карго-

польского историко-архитектурного и художественного музея **Л.И. Севастьянова**, заместитель губернатора Архангельской области — руководитель представительства Архангельской области при Правительстве Российской Федерации **Е.С. Кутукова**, директор Фонда Розы Люксембург **К. Кайзер**, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ **А.М. Никулин**. Они говорили о важности тематики взаимодействия государства и общества на Русском Севере не только для истории, но и для современности.

Собственно научная часть конференции началась с доклада **Л.И. Кубецкой**, посвященного анализу исследования исторического расселения и типологическим особенностям градостроительных структур русских поселений Севера как объектам национального достояния России. Шесть докладов были посвящены истории г. Каргополя и Каргопольской земли. **К.А. Аверьянов** в докладе «Когда возник Каргополь?» подверг критике мнение о том, что Каргополь возник в XII веке, и выдвинул гипотезу, что достоверно можно утверждать лишь то, что Каргополь существует с 70-х годов XV века. **И.В. Пугач** посвятил свое сообщение анализу бюджета Каргополя первой половины XVII века. **Н.И. Тормосова** остановилась на административно-территориальных преобразованиях территории Каргополя с XVI по начало XXI века. Большой интерес вызвал доклад **И.В. Онучиной** и **О.Б. Пригодиной** «Пожар в Каргополе в 1765 году и восстановление города», в котором подробно рассказано о работе комиссии по отстройке города.

В выступлениях других участников конференции рассматривались вопросы взаимодействия государства с сельскими общинами, монастырями в различные исторические периоды; роль государства в развитии системы образования и т.д. Например, **А.А. Истомин** по великокняжеским и царским жалованным грамотам XV–XVII веков реконструировал социальную жизнь Устьянских волостей, пользовавшихся юридическим и даже податным суверенитетом, а **Д.А. Мухин** исследовал особенности взаимодействия крестьян и чиновников при формировании системы сельского управления конца XIX века. **Н.И. Решетников** проанализировал ход реформ Александра II на территориях северных губерний на основе публикаций в «Олонецких губернских ведомостях» за 1861 год. **Т.И. Трошина** обратилась к историческим событиям в северной деревне 1917–1918 годов и проанализировала эволюцию общинного крестьянского самоуправления, конфликты крестьян с представителями самых различных властей периода Революции и Гражданской войны, которые часто можно идентифицировать как архаические формы социальности.

Второй день прошел в селе Ошевенск Каргопольского района. Здесь работала секция «Сельское развитие Русского Севера: проекты власти и инициативы населения», посвященная современным проблемам взаимодействия государства и общества. Проведение данной секции стало возможно благодаря финансовой и организационной поддержке Фонда Розы Люксембург. По словам директора Фонда **Керстин Кайзер**, целью его деятельности в России является содействие общественному просвещению, социальным правам человека и региональному развитию. Социологи Центра аграрных исследований РАНХиГС, Социологического института РАН (Санкт-Петербург) и ИЭОПП СО РАН (Новосибирск), географы Институтов географии и геоэкологии РАН и Географического факультета МГУ на разнообразных региональных примерах — от Архангельской до Новосибирской области — проанализировали современную практику взаимодействия власти и населения на муниципальных уровнях. Об истории создания и развития ТОСов в Каргопольском районе и селе Ошевенск рассказали **О.А. Кабринская** и **Т.Н. Третьякова**. Также на секции прошла презентация нового журнала «Крестьяноведение», который публикует на своих страницах материалы по проблемам государственного и муниципального управления в связи со спонтанной и многообразной деятельностью сельского населения в российских регионах и на Русском Севере в частности. В докладах сотрудников РАНХиГС **В.Г. Виноградского** и **О.Я. Виноградской** дана развернутая социально-философская характеристика понятия сельских и крестьянских миров в контексте истории и современности Русского Севера. Многие выступавшие остановились на анализе проблем сельского самоуправления, которые проявились в ходе административных реформ начала XXI века. Обобщающим многие темы стал доклад **Е.С. Кутуковой** «Гармонизация стратегического управления развитием северных территорий».

Подводя итоги конференции, ее участники отмечали безусловную значимость выступлений и дискуссий для лучшего понимания истории и современного развития систем управления на Русском Севере.

Редколлегия

Гармонизация стратегического управления развитием северных территорий

Российский Север включает в себя полностью или частично 27 субъектов Российской Федерации, что составляет около 60% территории всей страны. На этой площади расположены 70 городов, более 360 поселков городского типа и множество сельских поселений. Общая численность населения российского Севера — 12 миллионов человек.

Полностью к районам Крайнего Севера России и приравненным к ним местностям, согласно постановлению Совета Министров СССР от 3 января 1983 года (с последующими редакциями), относятся: республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва, Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский-Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В остальных 11 регионах к северным районам отнесена лишь часть их территории.

Отдельно законодательством выделяется Арктическая зона Российской Федерации. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296, к сухопутным территориям Арктической зоны полностью или частично относятся территории 9 субъектов Российской Федерации. В Архангельской области — это 7 муниципальных образований: город Архангельск, Мезенский муниципальный район, Новая Земля, Город Новодвинск, Онежский муниципальный район, Приморский муниципальный район, Северодвинск.

Северные территории России были освоены русскими с незапамятных времен. Например, официально город Каргополь был основан в 1146 году, что на один год раньше Москвы. Первые поселения относятся к временам до крещения Руси.

Само по себе грандиозное продвижение русских на Север почти не отражено в летописях и свидетельствах. Древние летописцы, подробно описывающие грандиозные битвы, подвиги и преступления, как-то не заметили медленного, лишенного шума «великих деяний», движения на Север. Уже в IX–X веках охотники, купцы, пахари, проникая по рекам на сотни километров в неведомые земли, вышли на берега Студеного моря, как называли русские Северный Ледовитый океан.

Роль Севера всегда была значительна. При Иване Грозном город Каргополь в 1565 году был включен в список 19 городов страны, которые обеспечивали содержание опричнины.

Экономически Север привлекал в Средние века пушниной и солью, помимо традиционных рыболовства и земледелия (и сегодня — самое северное земледелие в мире на Русском Севере). Например, в Великом Новгороде на найденных деревянных ящиках, использовавшихся для опечатывания мешков, в которых складывалась пушнина, были вырезаны названия «Пинега», «Усть-Вага» и «Тихменьга» — названия северных рек. А в XVII веке Соловецкий монастырь был главным поставщиком соли на внутренний российский рынок, продавая до 180 тыс. пудов соли в год. Из важных отраслей экономики Севера того времени можно отметить, например, производство смолы, которая употреблялась для смазки обуви, колес, дверей, в судостроении, кожевенном ремесле и производилась в том числе в Холмогорах, Вельске и на Пинеге¹.

Отсутствие на Севере крепостного права, а также то обстоятельство, что сюда не дошло монголо-татарское иго, привели к тому, что жизненный уровень местных жителей был самым высоким в Средневековой Руси, несмотря на суровые климатические условия.

В XVI веке до присоединения Сибири Поморье занимало половину всей территории Российского Московского государства. «Золотым веком» Поморья был период с конца XV до начала XVIII века, то есть от падения Новгородской республики до петровской эпохи, в частности, основания Петербурга. Поморье было в допетровской России «окном в Европу». Торговля России со странами Западной Европы началась с 1553 года, когда английский корабль под командованием капитана Ченслера оказался в Белом море. Результатом было установление торговых и дипломатических отношений между Англией и Россией. Несколько позднее стали совершать плавания в Поморье голландцы и моряки других стран.

Сначала торговля с Западной Европой шла через Холмогоры. В 1584 году был основан Архангельск, быстро ставший столицей Русского Севера, и почти полтора века после основания — единственным морским портом России. Из России вывозились меха, мясо, смола, пшеница, металлы (медь, олово, свинец), пенька. Канаты для британского флота делали на «канатном дворе» в Холмогорах

1 Лебедев С.В., Максимович В.Ф. Русский Север: исторические и этнокультурные особенности формирования российского региона // Человек и культура. 2015. № 6. С.28-63. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.6.15788. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_15788.html

и подобном «дворе» в Вологде. В начале XVII века такой же «Канатный двор» в Архангельске обслуживало уже более 400 работников, что делало его одним из крупнейших предприятий Европы.

Оборот Архангельской ярмарки в XVII веке доходил до 3 миллионов рублей (при государственном бюджете России в 8 миллионов). В конце XVII века в торговле с иностранцами через Архангельский порт участвовали 70 русских городов — почти вся Россия.

После присоединения всего Поморья к Московскому государству великий князь Иван III провел конфискацию вотчин новгородских бояр. В результате не боярская вотчина, а крестьянская волость стала основой хозяйственной и социальной жизни в крае. Таким образом, после падения Новгородской республики северные земли стали по-настоящему самоуправляемыми. Поморье допетровского времени могло считаться самым свободным обществом в Европе.

На низовом уровне всеми делами руководил крестьянский сход. В архиве Куростровской волости сохранились «протоколы» 12 волостных сходов. Эти сходы определяли оценку имущества своих членов, измерение земли, надзор за общинными угодьями. Местные жители также следили за состоянием местной церкви, нанимали священника и весь причт.

Последнее обстоятельство очень важно. На Севере волость была не только земской единицей, но и церковным приходом. Большинство выбранных священников совмещали пастырские обязанности с мирскими, являясь земскими старостами.

Интересна также правовая система Поморья. Волость выступала в качестве юридического лица, владела землей, угодьями, дворами, совершала купли-продажи и дарения. В судопроизводстве в Поморье существовал суд присяжных. Он выслушивал показания свидетелей («послухов») и письменные документы. Специальные уполномоченные мира выступали в роли защитников (адвокатов, как называли бы их сегодня). После суда оправданной стороне выдавалась правая грамота — копия решения суда с печатью и подписью дьяка.

Трудные времена для экономики Поморья наступили при Петре I. Хотя именно в Поморье Петр впервые вышел в море в 1693 году и именно из поморов он формировал экипажи кораблей Балтийского флота, для Поморья петровская эпоха оказалась почти разорением. В 1718 году Петр издал указ, запрещающий экспорт хлеба и импорт большей части заграничных товаров через Архангельск. Две трети всех товаров было велено привозить в Санкт-Петербург. Число кораб-

лей, приходивших в Архангельск, резко сократилось. В 1722 году пришло всего 60 судов, в 1723-м — 40, в 1724-м — 22, в 1725-м — 19.

Конкурировать с Петербургом архангельскому порту, имевшему более короткий период навигации и более долгий путь из городов Европы, было затруднительно. Когда в 1762 году Архангельск был полностью уравнен с Петербургом, то это не остановило упадок города.

Исчезли многие поморские города, превратившись в деревни. Так, в 1637 году на Северо-Двинском водном пути был 31 город, а в 1719 году, после упразднения этого пути, их осталось 19. Многие жители при Петре I были переселены в Санкт-Петербург.

Население со второй половины XVIII века стало расти, но медленно из-за продолжающегося оттока. Наступил период хозяйственного и культурного застоя края. Например, полностью прекратилось выпаривание соли (сказалась конкуренция с солью, привозимой с юга России). Аналогичным образом значительно сократилась доля Севера в рыбном промысле под влиянием конкуренции с рыболовством Каспийского бассейна. Пушной промысел утратил общероссийское значение, поскольку теперь основную часть пушнины добывали в Сибири.

Из застоя Север начал потихоньку выходить с начала XX столетия. В 1898 году вошла в строй железная дорога Вологда — Архангельск. К Котласу подошла железная дорога от Вятки. По ней стал поступать на вывоз через Архангельск сибирский хлеб. В 1906 году заработала железная дорога Санкт-Петербург — Вологда — Пермь. Все это способствовало оживлению хозяйственной жизни края. Получает мировую известность вологодское маслоделие и сыроварение, возникают целлюлозно-бумажные и лесопильные предприятия. В целом на Север в 1912 году приходилось не более 1% всей промышленности России, так что говорить о начале нового процветания было бы слишком оптимистично.

Сегодня северные территории содержат почти 80% запасов всех полезных ископаемых страны. На Севере России находится около трети экологически чистой территории Земли.

В районах Севера производится до 20% ВВП страны, 18% электроэнергии, 25% лесной продукции, добывается более 90% природного газа, 75% нефти, 80% золота, 90% меди и никеля, почти все алмазы, кобальт, платиноиды, апатитовый концентрат. Разведанные в данном месте месторождения составляют 1/3 мировых запасов никеля, 1/10 меди, 15% кобальта и 30% платиноидов. Кроме того, на Севере сконцентрировано 50% деловой древесины, основная часть пушнины,

речной и морской рыбы. Север дает 3/5 всех валютных поступлений страны.

Система стратегического планирования в Российской Федерации определена Федеральным законом Российской Федерации от 28 июля 2014 года № 172-ФЗ¹.

На рисунке 1 представлена структура документов федерального, регионального и муниципального уровня в соответствии с данным законом.

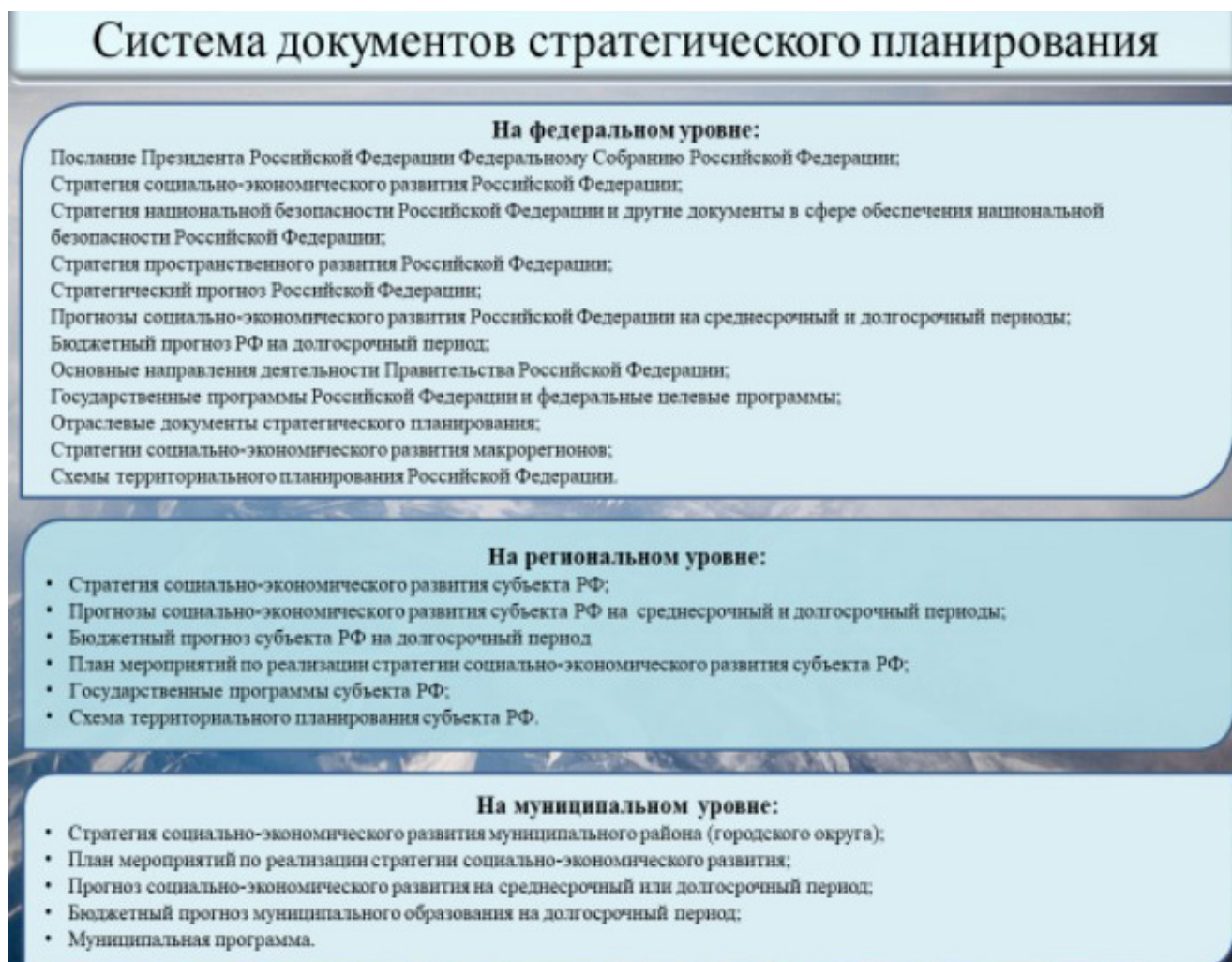

Рисунок 1

Уже из перечня документов видно, что основная роль при определении стратегического развития в стране отводится федеральному уровню, наименьшая роль при этом отводится муниципалитетам. Одним из рисков данной модели является недостаточный учет территориальных особенностей. Регионы и муниципалитеты в ряде случаев принимают решения, исходя не из оптимальных решений для развития их территорий, а из уже принятых решений на федеральном уровне. Иногда это оправданно, учитывая, что оптимальность для одной территории может

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

вести к потерям (экономическим, экологическим, социальным, демографическим и прочим) для соседних территорий. Но также очевидно, что на федеральном уровне невозможно учесть особенности, подчас важные, 85 регионов и более чем 22 тысячи муниципалитетов. Федеральный центр использует определенные механизмы обратной связи с субъектами Федерации при разработке стратегических документов. Но в своей основе региональный и муниципальный уровни при разработке документов стратегического развития используют статичные модели государственного управления, повторяющие положения документов вышестоящего уровня, нивелирующие территориальные особенности, планирующие линейное развитие без качественных рывков.

Особую остроту учет региональных особенностей приобретает при разработке документов на федеральном уровне в отношении субъектов Российской Федерации с ярко выраженной спецификой, к которым относятся районы Крайнего Севера России и приравненные к ним местности.

Так, до настоящего времени не было предпринято комплексного анализа системы стратегического управления процессами развития на Севере России.

В то же время федеральные документы в недостаточной степени учитывают специфику северных регионов России. В ряде случаев не учитываются, во-первых, трудности с транспортной доступностью, во-вторых, ограничения экономической деятельности, накладываемые «северными» надбавками в структуру оплаты труда и предоставлением других обязательных льгот, в-третьих, высокая себестоимость производимой электрической энергии (приводит к высокой стоимости коммунальных услуг из-за использования дорогих завозных видов топлива (мазут, уголь), продолжительного отопительного периода, наличие территорий, технологически не связанных с Единой энергетической системой России, где производство электрической энергии осуществляется с использованием стационарных дизельных электростанций), а также другие объективные условия, ведущие к удорожанию жизни и ведения экономической деятельности на Севере России (например, наличие большого числа малокомплектных школ и детских садов). Данная специфика оказывает дополнительную нагрузку по сравнению с регионами средней полосы и Юга России, как на инвестиционную и деловую активность, так и на более высокий уровень бюджетных расходов.

Подобный неучет северной специфики привел, например, к уменьшению трансфертов из федерального бюджета ряду регионов (в том числе Архангельской области) с началом применения «модельного» бюджета, в котором ориентация

идет на средние по расходам регионы. Это накладывает существенные ограничения на развитие северных территорий.

Исходя из вышеизложенного, учитывая масштаб и региональное разнообразие страны, видится целесообразным сместить акцент в приоритетности при разработке документов стратегического развития с федерального на региональный и муниципальный уровни. Дать большую свободу (особенно муниципалитетам) в инициировании направлений и механизмов развития.

Для этого необходимо в том числе дополнить пакет документов регионального и муниципального уровней стратегиями (программами) пространственного развития.

В такой системе у вышестоящего уровня (субъекты Федерации для муниципалитетов, федеральный уровень для субъектов Федерации) большая роль будет отводиться на координацию стратегических документов нижестоящего уровня, включая устранение противоречий и негативных последствий для других территорий.

Сознавая важность Севера для настоящего и будущего страны, необходимо уделять особое внимание развитию данных территорий, разработке соответствующих документов, применяя при необходимости нестандартные подходы, отличающиеся от подходов к регионам средней полосы и Юга России. Особое место на современном этапе занимают вопросы освоения Арктической зоны.

Так, например, для нивелирования указанных выше негативных аспектов можно применить следующие меры.

Дополнительную финансовую поддержку северным регионам можно реализовать через установление повышающего коэффициента (например, в размере 1,3 для Арктической зоны Российской Федерации по аналогии с Дальневосточным федеральным округом (Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ)) в рамках государственных программ Российской Федерации.

Также необходимо совершенствовать методологию применения «модельного» бюджета с учетом особенностей северных регионов страны. Добавление в методику «модельных» бюджетов дифференцирующих факторов, таких как районные коэффициенты, территориальные надбавки к заработной плате и расчетная надбавка для определения компенсации затрат на проезд к месту использования отпуска для работников бюджетной сферы, а также других факторов, связанных с транспортной доступностью, позволило бы более справедливо учитывать особенности северных территорий страны. В настоящее время, учитывая предложе-

ния северных регионов, данный вопрос рассматривается на федеральном уровне.

Для решения вопросов высоких энерготарифов целесообразно рассмотреть опыт существующего особого порядка регулирования тарифов на электроэнергию для территорий Дальнего Востока, предусматривающего снижение тарифов до установленных («базовых») уровней для местных потребителей за счет незначительного увеличения цен для потребителей в других субъектах страны.

Развитие северных регионов страны как приоритетной территории, что отмечено в документах федерального уровня, сохранение их заселенности, закрепление и развитие производственных компетенций в интересах развития транспортной и промышленной инфраструктуры, обеспечение национальной безопасности требуют комплексных решений как в сфере планирования стратегического развития, так и в налоговой, бюджетной, трудовой и социальной сферах.

Методические аспекты исследования этнической истории на Русском Севере в XVI — начале XXI века

Территория Русского Севера представляет особый интерес для исследования генетиков, лингвистов и этнографов, поскольку долгое время являлась местом контакта народов монголоидной и европеоидной рас, что наложило отпечаток на формирование генофонда современного коренного населения этого региона. Сегодня здесь проживает множество смешанных народов, несущих в себе в разной пропорции признаки обеих рас. Изучение генетически различных популяций, населяющих эту территорию, вносит большой вклад во всемирные исследования по изучению генетического разнообразия населения планеты в целом.

Идентификация ключевых генов, характерных для популяций, проживающих на Русском Севере, расширяет понимание истории этих территорий. Систематизация знаний о генетических особенностях жителей арктического макрорегиона необходима для изучения хронических заболеваний, которые могут развиваться под воздействием факторов жизни в высоких широтах, в том числе под влиянием циркумполярных ритмов.

Однако разработка методологии исследования и разделения генетических популяций затруднена наличием значительного числа небольших этнически различающихся между собой групп и генетических маркеров сравнения и требует более подробного изучения этногенеза на указанных территориях. Освоение Русского Севера — одно из важнейших исторических событий в этногенезе русского народа. Следует отметить, что генофонд жителей этих территорий сформировался не только за счет древнерусской колонизации, но и под влиянием финно-угорского населения. Это создает трудности в определении методов формирования генетической идентичности изучаемых этнических групп. Существует несколько подходов к исследованию этнического генетического профиля популяций, они основываются на ДНК-маркерах аутосом, половых хромосом (в частности, Y-хромосома) и митохондриальной ДНК.

На сегодняшний день большинство русских популяций изучаются по аутосомным ДНК-маркерам (содержащимся не в половых хромосомах). Однако в большинстве работ присутствуют разные списки генов, которые не поддаются сравнению. Наиболее обширное исследование, включающее в себя значительный исторический

ареал этнически русских популяций, в частности, три популяции Архангельской области, было проведено по панели Alu-инсерций (ACE, APOA1, B65, PV92, TRA25)¹. Его данные указывают на то, что русский генофонд на этих территориях достаточно сходен, несмотря на обширный ареал (расстояние между наиболее удаленными изученными популяциями 2220 км). Основной ареал генофондов, сходных с карелами и вепсами, достаточно четкие географические границы. Наиболее близкие генетические популяции находятся на территории стран Прибалтики, Русского Севера и частично Приуралья. На севере его ограничивает Белое море, а на юге левобережье Волги. На юго-западе граница проходит между Литвой и Беларусью, а на юго-востоке по правобережью Волги. Следует отметить, что на северо-западе четкой границы генетического различия с карелами и вепсами нет, по всей территории Финляндии, Швеции, Норвегии встречаются генетически сходные популяции. В сравнении с другими территориями России популяции Архангельской области расположены достаточно компактным кластером и отличаются гомогенностью. Наибольшее отличие от других этногрупп демонстрируют коми, в особенности коми-ижемцы. По-видимому, в их геноме сохранились в неизменном виде древние гены жителей этих территорий².

По одному из наиболее изученных аутосомных ДНК-маркеров — СПИД-протекторной делеции CCR5de132 — обнаруживается редкая закономерность для северных русских популяций: частота максимальна на севере Европы (на побережьях Балтийского и Белого морей), и во всех направлениях от этой границы плавно снижается, распределение мутации в русском ареале носит довольно сложный характер. Наибольшие частоты отмечены на Русском Севере — во всех трех изученных популяциях Архангельской области. Именно они формируют беломорскую часть беломоро-балтийского максимума, обнаруженного при анализе генофонда России. К югу и западу русского ареала частота снижается.

Для изменчивости генетической экспрессии на половых хромосомах наблюдается иная картина. Исследования последних лет указывают на то, что по Y-хромосоме основной массив русских популяций проявляет сходство с популяциями

1 Verbenko D.A., Pocheshkhova E.A., Balanovskaya E.V., Marshanija E.Z., Kvitzinija P.K., Limborska S.A. Polymorphisms of D1S80 and 3' APOB minisatellite loci in Northern Caucasus Populations // Journal of Forensic Science. 2004. Vol. 50. № 1. P. 180–182.

2 Khrunin A.V., Khokhrin D.V., Filippova I.N., Esko T., Nelis M., Bebyakova N.A., Bolotova N.L., Klovins J., Nikitina-Zake L., Rehnström K., Ripatti S., Schreiber S., Franke A., Macek M., Krulišová V., Lubinski J., Metspalu A., Limborska S.A. A Genome-Wide Analysis of Populations from European Russia Reveals a New Pole of Genetic Diversity in Northern Europe // PLoS One. 2013. Vol. 8. № 3. e58552

украинцев, белорусов и поляков, в то время как северные русские популяции (в особенности Архангельской и Вологодской областей) образуют особый кластер, тянущийся к северно-европейским странам. Отметим также, что три популяции Архангельской области (Красноборского, Лешуконского и Пинежского районов) имеют высокую степень сходства, но сильно отличаются от остальных изученных популяций. В то же время они перекликаются с популяциями Смоленской и Псковской областей. Таким образом, основываясь на данных изменчивости по Y-хромосоме, можно заключить, что северные популяции не отличаются от среднерусских, однако среди них наблюдается большее влияние дрейфа генов¹.

Похожую картину можно наблюдать для различий по митохондриальной ДНК, которая наследуется только по материнской линии. Среди этногрупп Архангельской области в этой системе генетических маркеров выделяют три популяции — Пинежского района (восточная окраина области на границе с Республикой Коми), Каргопольского района (запад области у истоков Онеги) и суммарной группы поморов (север области). Различия по митохондриальной ДНК между этими тремя северно-русскими популяциями велики, но при этом не выходят за более широкие рамки маркеров, представленных во всех европейских популяциях. Достоверные различия наблюдаются только для финноязычных популяций (финны, карелы, мордва, коми, марийцы)^{2, 3}.

Отдельным методом изучения этнического состава на Русском Севере является лингвистический анализ. Проблема формирования народов с лингвистической точки зрения интересовала историков еще с эпохи Средневековья, однако основные попытки теоретического ее осмысления были предприняты главным образом советскими исследователями и в наше время. Впрочем, общая теория формирования и этнического развития современных народов до конца не сформирована. Так, например, венгерский язык относится к финно-угорской языковой группе, однако частота группы генов, характерных для народов, говорящих на финно-угорских языках, у жителей Венгрии составляет всего 0,9%

1 Клёсов А.А., Тюняев А.А. К вопросу о геногеографии древней части «дерева» Y-хромосомы // Материалы Международной конференции «Проблемы генетики населения и этнической антропологии». Москва, 2013.

2 Балановская Е.В., Пежемский Д.В., Романов А.Г., Баранова Е.Е., Ромашикина М.В., Агждо-
нян А. Генофонд Русского Севера: славяне? финны? палеоевропейцы? Вестник Московского
университета. Серия 23: Антропология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. № 3. С. 27–58.

3 Malyarchuk B., Derenko M., Grzybowski T., Lunkina A., Czarny J. et al. Differentiation of Mitochondrial
DNA and Y chromosomes in Russian Populations // HumBiol. 2004. Vol. 76. P. 877–900.

В целом приведенные результаты по материнским линиям наследования на основании анализа митохондриальной ДНК указывают на существование общего мощного пласта в генофондах популяций Русского Севера и народов Центральной и Западной Европы. При этом как западные, так и восточные финны генетически резко отличаются от северно-русских популяций, что позволяет отрицать их участие в формировании митохондриального генофонда Русского Севера. Подчеркнем, что своеобразие генофонда Русского Севера хотя и четко выражено, но не выходит за орбиту основного массива русских популяций, что подтверждается анализом и совокупности аутосомных-ДНК маркеров, и фонда фамилий, и Y-хромосомы.

Таким образом, исследования этнической истории требуют использования как лингвистическо-сравнительных методов, так и генетических, поскольку это может дать общее представление об обширном генофонде этих территорий.

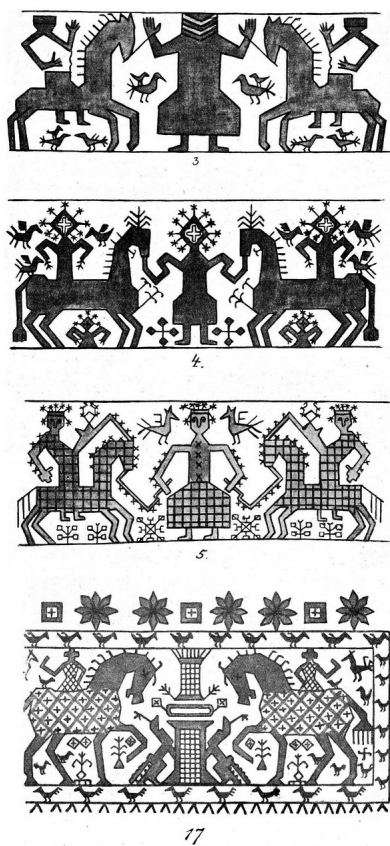
**«Кланяются написавше жену в человеческ образ» — роль
женских культов на Русском Севере в самоорганизации общества
догосударственного периода**

Культ женских божеств или обожествленных женских предков играл важную роль в истории народов Восточной Европы. Исследователи античности отмечали, что известные предания об амазонках на берегах Азовского моря отражали ту исключительную роль женщин в жизни местных племен, где женщины выступали не только как воительницы, но и как предводительницы и воинственные царицы целых народов. Это был культ Великого женского божества, распространенный в древности по всей Восточной Европе. Вопросу о том, как этот культ проявился в древнерусской традиции и конкретно в традиции Русского Севера, будет посвящена данная статья.

На VII Конгрессе этнографов и антропологов России в Саранске (2007 г.), где я выступала с докладом о термине *«мати»*, обозначавшем сакральность и старшинство в древнерусской традиции и, соответственно, — культ женского естества, моя коллега из Архангельска Т.И. Трошина спросила, есть ли у меня объяснение тому факту, что в древнерусской фольклорной традиции Севера «езде женщина», т.е. женский образ выступает как фигура сосредоточения всей системы мифопоэтического мышления. Мне пришлось ответить, что догадки по этому поводу у меня есть, однако развёрнутого ответа нет ни у меня, ни у какого-либо другого исследователя. Теперь я могу дать более развернутый ответ. В качестве основных мною привлечены такие уникальные визуальные источники, как северорусская ритуальная вышивка и произведения пермского звериного стиля (ПЗС), а также произведения металлического литья, за которыми с 1920-х годов закрепилось указанное название и появление которых датируют периодом IX–III веков до н.э.

Северорусская ритуальная вышивка изобилует трёхчленными композициями, включающими женскую фигуру в центре, часто несоразмерно крупную. Ее голова оформлялась как солнечный диск с короткими лучами, расходящимися во все стороны, две мужские фигуры по бокам или у её ног играли роль «прибогов» — служителей богини. Б.А. Рыбаков отмечал, что весь Русский Север — от Пскова на западе до обширных архангельских краёв на востоке — изобилует

полотенцами с устойчивой ритуальной сценой: в центре — женская крупная фигура (часто с поднятыми к небу руками), а по сторонам её — два всадника, тоже нередко с поднятыми к небу руками. У женской фигуры обычно в руках бывают птицы — символ неба. Нередко голова женского идола оформлялась как солнечный диск с короткими лучами, расходящимися во все стороны, иногда огромный солярный знак покрывал почти всю середину женской фигуры, что подчёркивало сакральную природу изображения. В русском средневековом памятнике «Слово об идолах» порицался обычай поклонения женским идолам: «кланяются написавше жену в человеческ образ», что убедительно трактовалось Б.А. Рыбаковым как поклонение вышитым изображениям («писать шёлком»)¹.

Археолог В.А. Городцов (1860–1946) первым обратил внимание на русскую вышивку как изобразительный источник при исследовании древнерусских сакральных традиций. По признанию Городцова, его поразили пережитки глубочайшей старины, заключавшиеся в вышитых узорах². Центральной фигурой северорусских узоров является изображение женщины, которая представляется всегда стоящею. Её отношение к окружающему внешнему миру выражается положением

1 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1997. С. 677-709.

2 Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды государственного исторического музея. Вып. I. Разряд археологический. М., 1926. С. 10-20.

рук, которые то поднимаются кверху, как молитвенное отношение к чему-то высшему, либо держат за поводья коней, стоящих по обе стороны от нее, на которых сидят всадники, молитвенно простирающие к женщине руки, либо руки женщины лежат у нее на бедрах, придавая фигуре величественное спокойствие.

Женщина органически связывается с изображением дерева. Иногда она, по выражению Городцова, срастается с ним, а иногда заменяется символом, перед которым, как перед нею самою, молитвенно предстоят и важные всадники, конем попирающие маленьких людей, и звери, и птицы, и гады, и рыбы, и все светила небесные. Иногда женщина стоит в храме, наполненном знаками всех светил небесных: и солнца, и луны, и звезд, и пред ее могущественною фигурою предстоят оба всадника. Иногда она сама представляет храм, внутри которого стоит ее статуя — кумир, а справа и слева находятся оба всадника, высоко поднимающие длани кверху, выражая жестами молитвенное благоговение.

Есть удивительные изображения, где женщина стоит в небесных сферах в молитвенном благоговении пред великим светилом солнца, а пред нею — небесные, очевидно, посвященные ей, неземные кони, так как под ногами их свастические знаки. Наконец, имеется изображение алтаря, сооруженного не на земле, а в небесных сферах. Перед алтарем стоят всадники на конях, покрытых свастическими знаками¹.

Логичен вывод Городцова о том, что особое изображение женщины и сопровождающих её символов неба и светил, моление перед нею великих и малых людей или человекообразных существ ясно указывают на то, что пред нами не простая женщина, а богиня, царица неба и земли, для которой возводятся жертвенники, храмы с поставленными в них ее же изображениями или кумирами.

Сопутствующее и часто замещающее богиню дерево — это, очевидно, есть Древо жизни или Древо мировое, которое может быть изображено и в виде алтаря или храма, посвященных антропоморфному женскому божеству. И если это женское божество так тесно связывается с ним, то значит, в народном представлении, считает Городцов, оно само есть начало жизни, мать всего сущего. Ей как таковой принадлежат все стихии: воздух, вода и земля.

Но эта великая русская древняя богиня не представлена как наивысшее автократное существо: иначе она молитвенно не возносила бы своих дланей кверху. Очевидно, в русском народном сознании над великой матерью всего сущего воз-

1 Городцов В.А. Указ. соч. С. 11-17.

вышалось такое необъятное божество, чью светлую природу иногда изображали сияющим диском солнца, возвышающимся над головою великой богини. Представляется вероятным, делает вывод Городцов, что этим необъятным невыразимым светлым божеством возглавлялось стройное и по своему характеру великое религиозное учение, выраженное в русском народном творчестве, как совершенно определенная и законченная теософская система.

Привлекают внимание изображения коней и всадников, сопутствующих богине как в земных, так и в небесных сферах. Тот факт, что кони изображаются над и среди символов небесных светил и покрыты солярными знаками, указывает, по мнению ученого, на служение их богине в ее небесных сферах. Логичен и вывод об их неземной сущности: это боги, но боги, подчиненные великой богине — царице небесной, к которой они возносят свои моления, так как власть их и сила в ее руках, что наглядно представляется тем, что поводья (бразды правления) коней находятся в руках богини.

Персонажи вышивок, не отмеченные небесными знаками, характеризуются Городцовым как люди, но люди не простые, а цари-владыки земные, получающие милостью божиею свою власть. Некоторые из этих всадников молитвенно простирают руку к богине, тогда пред нами открывается мысль народного сознания о божественном происхождении власти, предупредившая христианскую доктрину — «несть власть, аще не от бога». Северо-русские вышивки запечатлели замечательный по своему стройному и величественному содержанию культ «царицы небесной», имя которой, по мнению Городцова, забыто русскими, так как, по-видимому, целиком перенесено на христианскую «Царицу небесную»¹.

Б.А. Рыбаков — другой крупный ученый, по достоинству оценивший значение русской вышивки, писал: «Отложение в вышивке очень ранних пластов человеческого религиозного мышления... объясняется ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором. Специально ритуальным предметом, давно обособившимся от своего бытового двойника, было полотенце с богатой и сложной вышивкой. На полотенце подносили хлеб-соль, полотенца служили вожжами свадебного поезда, на полотенцах несли гроб с покойником и опускали его в могилу. Полотенцами увешивали красный угол; на полотенце — «набожнике» помещали иконы»².

1 *Городцов В.А.* Указ. соч. С. 18-20.

2 *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1997. С. 639.

Но Рыбаков (так же как и другие ученые советского времени) развивал свои концепции под влиянием идеи, согласно которой первыми насельниками Восточной Европы были предки финно-угорских и самодийских народов, а древнейшие славяне выделяются только в V–VII веках, при этом локализуются вне Восточной Европы, в междуречье Одера и Вислы и до низовьев Днепра на востоке. Соответственно, сами славяне (русские) — недавние пришельцы в Восточной Европе, поэтому памятники их материальной и духовной культуры либо привнесены в Восточную Европу со стороны, с запада, либо появились под влиянием восточноевропейской субстратной культуры (скифо-сарматской, древнегреческой, финно-угорской, тюркской и т.д.). Иными словами, русская история не может иметь в Восточной Европе собственных древних корней.

Как мне удалось обнаружить, работая со шведскими источниками, представления о финно-угорском субстрате в Восточной Европе и позднем появлении здесь русских восходят к ненаучному источнику, а именно к шведскому политическому мифу XVII–XVIII веков. Он был вызван к жизни насущными политическими задачами, вставшими перед шведским государством в русских землях в начале XVII века. По Столбовскому договору 1617 года Швеция смогла удержать часть русских земель. Для управления завоеванными землями с православным населением необходимы были идеологические обоснования права шведских властей осуществлять там свою политику, а именно: получать выгоды от контроля за русской торговлей хлебом, постепенно распространять лютеранство путем этнической зачистки этих земель от русского населения и православных води и ижоры и пр. А после поражения в Северной войне шведскому правительству требовалось найти оправдание попыткам реванша с целью возврата земель, вернувшихся в Россию по Ништадтскому миру (в течение XVIII века Швеция дважды нападала на Россию: в 1741 и в 1788 году).

Для обслуживания указанных задач и потребовалось создание особого политического мифа с использованием фальсификации истории. При поддержке государства шведскими литераторами стала создаваться собственная версия истории Восточной Европы в древности. Политический миф был призван доказать первенствующую роль предков шведов в Восточной Европе и создавался он отнюдь не на научной основе. Так, предки шведских королей якобы раньше всех других народов, уже в гиперборейские времена обживали Восточную Европу, ходили и до Черного моря, и далее до греческих островов. Тогда же в трудах придворных шведских историков была описана и этническая картина Восточной Европы в древности, приспособленная к нуждам шведской политики.

Согласно этой фантазийной истории, в послегиперборейские времена древнейшим населением Восточной Европы, начиная с севера и вплоть до Дона, были финны, а славяне или русские жили где-то в стороне и намного южнее. Финны подчинялись предкам шведских королей и платили им дань, а русские пришли в эти земли позднее всех. Так политическая мифология работала на вытеснение русских из собственной истории. С начала XIX века идеи шведского политического мифа стали распространяться в российском обществе трудами финских филологов, а затем — силами либеральных и других прогрессивно-демократических кругов российского общества, уверовавших в непогрешимость идей, идущих с Запада. В результате русская история была лишена начального, древнейшего периода своей истории¹.

Отсечение от русской истории её древних корней и определило вышеуказанное смещение направления научного поиска, что не оставляло ученым никакой возможности ни увидеть всю глубину древности вышитой русской иконографии и ее автохтонность в Восточной Европе, ни оценить ее как изобразительный источник, сохранивший космогоническое мировоззрение, соотносимое с мировоззрением ведийских памятников. Тем не менее большой заслугой Рыбакова было то, что он постарался выявить связь между картинами северо-русских вышивок и пантеоном общеславянских богов. Правда, эта связь мыслилась им в основном как отражение культа плодородия и народной календарной обрядности, что правомерно, но является только частью того, что содержит древнерусский изобразительный источник. Эту мысль я постараюсь раскрыть, насколько возможно, в рамках данной статьи.

Негативное влияние идеи шведского политического мифа о финно-угорском субстрате в Восточной Европе сказалось и на конечных выводах Городцова, в частности, на его оценках аналогов северо-русской вышитой иконографии, обнаруженных им в сарматских древностях и в так называемых дако-дунайских табличках первых веков н.э. По убеждению Городцова, дакские образки послужили источником для развития северо-русской вышитой иконографии, поскольку, по его убеждению, славяне пришли в Восточную Европу из Подунавья.

1 Грот Л.П. Идея финно-угорского субстрата в Восточной Европе и шведский политический миф XVII–XVIII вв. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XVI вв. Материалы XIV Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2017. С. 385–391; Грот Л.П. Начало русской истории и шведский политический миф XVII–XVIII вв. // Вестн. Новг. гос. ун-та. Гуманитарные науки: Материалы XVI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения». 2017. № 2 (100). С. 19–23.

А на деле, как сейчас становится ясно, происходило наоборот. По неоднократным разъяснениям А.А. Клёсова и И.Л. Рожанского, наиболее выраженная и разнообразная у славян гаплогруппа R1a и все её ветви (за редким исключением) начинаются (или продолжают) на Русской равнине, с общим предком примерно 4900 лет назад, но расходятся по ветвям, общие предки которых жили начиная со второй половины II тыс. до н.э. и на протяжении I тыс. до н.э. В Европе были идентифицированы 38 ветвей гаплогруппы R1a, и немалое число её ветвей тяготеют к Карпатам и Подунавью¹. Таким образом, Подунавье не является прародиной славян, а теми землями, куда славяне/русы переселялись с Русской равнины, а затем возвращались назад (как об этом и говорится, например, в «Сказании о Словене и Русе»). Поэтому северо-русская вышитая иконография сложилась на Русской равнине, и ее сюжеты изобразительными средствами выражали космогонические представления, которые распространялись по путям миграций носителей гаплогруппы R1a. Древность этих представлений подтверждается сходством со словесными текстами гимнов РВ, тысячелетия существовавших в устной форме. Представления обоих источников создавались в лоне еще нерасчлененной общности древних русов и ариев, и отсюда идет их сходство.

Независимо от того, как Городцов объяснял генезис архаики образов в северо-русской вышивке, он верно определил, что в ней отражены народные представления о древнерусской матери всего сущего. А этот образ был тесно связан или даже персонифицировался с Древом мировым (*arbor mundi*, «космическое» древо), являющимся в образе космической опоры частью универсальной концепции мира в мифопоэтическом сознании.

Появление образа Древа мирового относится к эпохе бронзы. Он прямо или косвенно восстанавливается в данный период для разных традиций в Европе и на Ближнем Востоке. Эпоха Древа мирового знаменует собой новый этап в развитии мифологических систем, который в человеческом сознании стал противопоставляться как знаково организованный космос предшествовавшему беззнаковому хаосу². Данный важнейший переломный момент и запечатлелся навсегда в образах северо-русской вышитой иконографии — фигуры вышивок снова и снова, век за веком воспроизводят акт творения в той священной точке пространства, где стоит Древо мировое — местопребывание древнерусской матери всего сущего.

1 Клёсов А.А. Венеты и венеды — кто их современные потомки? <http://pereformat.ru/2015/02/veneti>

2 Древо мировое // Мифы народов мира. М., 1987. С. 398-406.

Образ Древа мирового известен и в ведийских гимнах, где выступает, например, в виде жертвенного столба («мировой столп»). Жертвенный столб — одно из наиболее распространенных воспроизведений середины мира — категории моделирования пространства в мифологических системах. С жертвенным столбом связана и ведийская мать богов и всего сущего Адити, которая соединена с жертвенным столбом через своих сыновей Адитьев. Им посвящался жертвенный ритуал, воспроизводивший творение Вселенной. Многие в образах Адити и Адитьев перекликается с образами древнерусской вышитой иконографии.

Так, хорошо соотносятся с образами Ригведы фигуры всадников северо-русской вышивки. Многие ведийские боги, в том числе Адитьи, упоминаются как всадники или как правящие конями. Одного из главных Адитьев Митру везут по небу белые кони, подкованные серебром и золотом. Бог солнца Сурья объезжал мир на рыжих кобылицах и сам выступал в образе рыжего коня. Конь был атрибутом и образным уподоблением бога огня и жертвенного костра Агни. Прославлялись буланные кони Индры. Со всеми этими ведийскими богами неразрывную связь имело и великое материнское начало или Адити, поскольку Адити — это «все боги вместе взятые и каждое божество в отдельности».

Вышитые северо-русские всадники, восседающие на конях, покрытых солярными символами, и размещаемые по обеим сторонам от древнерусской матери всего сущего или выражающего ее символа, наделяются такой же небесной или божественной сущностью и несут в себе тот же смысл, что и ведийские боги-всадники. Но каких богов представляли всадники северо-русской вышитой иконографии?

Здесь уместно вспомнить, что в древнерусской традиции конь был одним из животных «скотьего бога» Волоса/Велеса, в силу связи его культа со скотом. Но с Волосом в древнерусской традиции был связан и небесный мир божественного солнца, поскольку Волос соотносился с золотом — символом солнца. Это следует из рассказа о каре, которая постигнет преступившего клятву, данную именем Волоса: «да будемъ золоти, яко золото...». Волос — явно иносказательное прозвище, за которым в разные исторические времена могли скрываться разные теонимы, связанные с Солнцем.

Для данной статьи особое значение имеет то, что божество Волос в русской традиции зафиксировано и в мужской, и в женской ипостасях. Это проявлялось, например, через персонификацию Солнца как в женском, так и в мужском облике. Женское воплощение Волоса отразилось в таком образе, как Волосыни —

наименование созвездия Плеяд в русской традиции. По мнению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, Волосыни могли пониматься как астрализованный образ женщины и толковаться как жены Волоса¹.

Дополнительным подтверждением тому, что «скотий бог» существовал и в женском облике, является тот факт, что в народной традиции покровительницей домашнего скота считалась Св. Агафья Коровница, оберегавшая коров от болезней. День памяти Св. Агафьи Коровницы 5/18 февраля предшествовал дню Св. Власия (11/24 февраля), или Власьеву дню, который в народе также именовался коровьим праздником, а корову называли «власьевной».

Другой пример, на мой взгляд, можно разглядеть в героине легенды, записанной в 1858/59 году П.И. Якушкиным, о звере-змийке и Волховской коровнице, жившей в Ильмень-озере: «Этот зверь-змийка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюньской. Кажинную ночь этот зверь-змийка ходил спать в Ильмень-озеро с Волховскою коровницей. Перешел змийка жить в самый Новгород; а на ту пору и родился Володимир-князь в Киеве...»² Под личиной Волховской коровницы здесь явно выступает местное женское божество Приильменя — женское воплощение Волоса³.

Образ Волховской коровницы как олицетворение древнего женского божества находит подтверждение в других русских мифах. На Русском Севере были известны легенды о мифических коровах, обитавших в озерах. Корова в древнерусской культуре была связана и с небесной «водой», т.е. с облаками, с осадками. У ариев корова именовалась как мать человеческая, а тучи в Ведах воспевались как коровы, набухшие молоком дождя. В статье А.Е. Федорова приводятся примеры из Ригведы, где говорится, что «корова создала при своём рождении этот мир», а Адити характеризуется как дойная корова, но и как мать богов. Боги небесные, земные, в воде живущие — рождены коровой. Сыновья Адити — Адитьи наделялись солнечной природой. В упомянутой статье Федоров отмечает, что Адитья — главное название Солнца, о чем свидетельствует статистическое рассмотрение текстов Чхандогьи и Брихадараньяки упанишад, датированных ок. VIII–VI вв. до н.э.⁴

1 Иванов В.В., Топоров В.Н. Волосыни // Славянская мифология. М., 1995. С. 107-108.

2 Грузнова Е.Б. Новгородский змийка-Перун и его аналоги // *Rossica Antiqua*. 2010. С. 108.

3 Грот Л.П. Древнерусские женские божества Севера. 2013 // URL: <http://pereformat.ru/2013/06/zhenskie-bozhestva-severa/>

4 Фёдоров А.Е. Глава 2 // Кутенков П.И., Фёдоров А.Е. Об истоках родства числознаковых рядов закона русского духа и древних арийских культур // Знаковедение, ярговедение, числоведение: закономерности, методы, материалы. СПб., 2018. С. 20-25.

Итак, краткий сравнительный анализ вышитой северо-русской иконографии и ведической космогонии позволяет, во-первых, подтвердить выводы Городцова о том, что центральная женская фигура северо-русских вышивок представляет антропоморфное женское божество, которое тесно связывается с Древом мировым и которое в народном представлении выступает как мать всего сущего. Как и Адити, ей принадлежат все стихии: воздух, вода и земля. Определение Городцовым ритуальных вышивок как вышитой иконографии представляется вполне обоснованным. Вышитые изображения явно отражают законченную теософскую систему, которую я определяю как дохристианскую систему поклонения Солнцу как проявлению бога. Архаичной спецификой данной системы было то, что объект поклонения под иносказательным прозванием Волос выступал и в мужском, и в женском облике.

Сакральный смысл северо-русской вышитой иконографии, согласно результатам моих исследований, перекликается с таким уникальным источником, как произведения пермского звериного стиля (ПЗС) — произведения металлического литья, появление которых датируют периодом IX–III вв. до н.э. Я провела сравнительный анализ названных источников. Это — первый опыт подобного рода, поскольку до сих пор этническая атрибутика произведений ПЗС замыкалась в кругу финно-угорской этнической культуры, под влиянием вышеупомянутой ненаучной концепции финно-угорского субстрата — части шведского политического мифа.

Важность такого источника, как ПЗС, для данной статьи определяется двумя моментами. Во-первых, в науке после многолетнего изучения произведений ПЗС сложилась концепция о том, что в них запечатлен комплекс верований и ритуалов, т.е. ПЗС имели сакральное предназначение¹. Во-вторых, изготовление этих культовых предметов осуществлялось женщинами, поскольку литейные формочки для изготовления произведений ПЗС обнаруживались в женских захоронениях. Этот факт особенно интересен для темы о женских культах в древнерусской истории, он расширяет рассматриваемый ареал до Прикамья и Предуралья.

К исследованию произведений ПЗС я обратилась после проведенного анализа поминально-погребальных комплексов с конем или погребений конского снаряжения, известных в ареале ананьинской культуры, создатели которой являются предшественниками ПЗС. Но помимо этого они разбросаны на обширных пространствах от Поволжья и Кавказа до Алтая и Саянских гор. Сакральные традиции, отразившиеся в погребальном инвентаре данных могильников, следует относить к культу Солнца, в частности потому, что конь являлся одним из зооморфных символов солнца наряду с оленем/лосем, соколом, лебедем. Я конкретно показала их связь с ритуалом жертвоприношения коня у ведических ариев и с культом коня в древнерусской традиции и, основываясь на вышеприведенных рассуждениях,

1 Чагин Г.Н. (2011). Птицы и звери, боги и духи в бронзовом искусстве Рифея // Вестник Пермского университета. История. 2011. Выпуск 1 (15). С. 127-133.

соотнесла с культом Волоса¹. А создатели культовых предметов ПЗС были непосредственными преемниками ананьевцев и сохранили связь с их традициями. При этом, учитывая время миграций ариев из Восточной Европы с середины III–II тыс. до н.э., создателями произведений ПЗС должны были быть древние русы, в традициях которых важное место занимал культ Волоса в женском обличье².

В произведениях ПЗС можно с достаточной отчетливостью обнаружить следы поклонения Солнцу как божеству. Исследователь ПЗС А.В. Доминяк выделял сюжет «шествия» медведей и лосей, как бы воспроизводящее их следование друг за другом в непрерывном движении посолонь, т.е. по солнцу, символизируя движение вокруг сакрального предмета, расположенного в центре. Данный сюжет, по его мнению, явно воссоздавал ритуально-обрядовое действие. Вариант данного обряда изображен и на бляхах с профильными фигурами медведей и лосей, устремленных к солярному знаку над их головами. Как известно, круговые танцы — хороводы носили обрядовый характер и исполнялись в честь Солнца как проявления Бога. На бляхах во множестве представлена и солярная символика, в том числе изображение свастических символов, иногда составлявшееся мордами животных³.

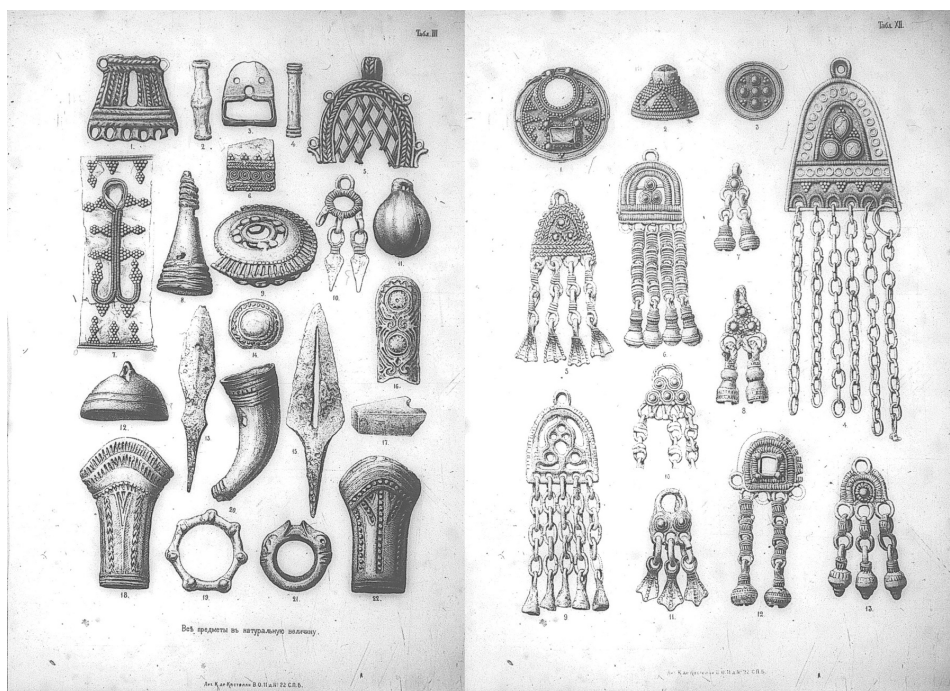

1 Грот Л.П. Подсолнечное царство на огромных евразийских пространствах. 2015 // URL <http://pereformat.ru/2015/12/podsolnechnoe-zarstvo/>

2 Грот Л.П. Прерванная история русов. Соединяем разделенные эпохи. М., 2013. С. 94-121.

3 Доминяк А.В. Свидетельства утраченных времен: человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь, 2010. С. 18, 42-43.

Женские образы занимают значительное место среди изображений ПЗС. На бляшках небесные человеко-лоси заменяются часто безрогими лосихами. В некоторых композициях человеко-лоси/лосихи предостоят женскому божеству с солярной символикой. На бляхах, обнаруженных в Чердынском районе на севере Пермского края, особо выделяются женские божества, такие, например, как изображение крылатой богини на коне, осенённой головой хищной птицы, или крылатой трёхликой богини на ящере и др. Есть пластина, где изображены три слившиеся женские фигуры с начертанными солярными знаками, осененными тремя профильными орлиноклювыми головами. Солярные знаки встречаются не только как часть композиций на бляхах, но и в виде отдельных подвесок. Кроме того, Доминяк обратил внимание на то, что если взглянуть в абрис шумящих подвесок, то можно увидеть антропоморфные черты: фигуру женщины в широкой юбке с разведенными в стороны или лежащими на бедрах руками¹.

Приведенный анализ Доминяка могу дополнить собственными наблюдениями. До сих пор не обращалось внимания на то, что эти украшения часто оформлялись виноградными гроздьями. Согласитесь, виноградные гроздья — несколько странный элемент декора для культуры народов коми, хантов и манси. Но эта странность исчезает, если мы осознаем, что данный растительный мотив возник в творчестве древних русов, которые расселились в Восточной Европе «от моря до моря». Однако схематическое изображение виноградной грозди, украшавшее металлопластику ПЗС, нес-

1 Доминяк А.В. Указ. соч. С. 15-26, 28-30, 78, 38-39.

ло в себе и глубокий символический смысл, понять который можно, только исходя из древнерусской сакральной традиции. Изображение виноградной грозди на культово-обрядовых предметах наводит на мысль о «Виноградье». В северорусской традиции «Виноградьем» назывались величальные поздравительные песни, с которыми совершали обход домов на Рождество. «Виноградье» включалось не только в святочную, но и в свадебную обрядность. Исполнение каждого двестишья величальных песен сопровождалось припевом: «Виноградье, виноградье красно-зелено!»

Несложно догадаться, что за словом «виноградье» в этих обрядовых песнях, исполняемых на Рождество или на свадьбах, скрывалось имя благожелательного божества, связанного со светом, плодородием и солнцем. Известно, что христианство многое восприняло из идейного багажа традиции поклонения божеству в обличье Солнца, а именно из митраизма. Например, день рождения «непобедимого солнца» (25 декабря — день поворота солнца на весну) был провозглашен Рождеством Христовым. Полагаю, что и виноградная лоза, ставшая одним из символических именовании Христа, согласно словам Евангелия (Иоан. 15:1,5), перешла в христианство вместе с образом «непобедимого солнца». Этот символ, воплотивший имя бога, был перенесен и в иконописание: икона Христос Виноградная Лоза или икона Христос Лоза Истинная.

На мой взгляд, должно быть понятно, что традиция соединять изображение виноградной лозы (или грозди как ее части) с образом великого божества развивалась ещё в лоне дохристианской идеологии древних русов и ариев, поклонявшихся богу в образе Солнца. Одним из проявлений этой традиции можно считать изображение виноградной грозди на шумящих подвесках, укладывавшихся как часть погребального инвентаря в женские захоронения. Это было выраженное художественными средствами благопожелание на пути перехода из мира плодоносящей природы в потусторонний мир. Оба данные мира находились под защитой великого бога Волоса/Велеса, имевшего как мужское, так и женское обличье.

Высказанную мысль о том, что такой элемент на шумящих подвесках, как виноградная гроздь, связан с древнерусской традицией, подкрепляется выводами крупнейшего российского археолога В.В. Седова. В его работах, посвященных историко-археологическим исследованиям славян, приводятся находки ювелирных украшений из восточнославянского ареала, также декорированные виноградной гроздью. В.В. Седов определяет их как безусловно славянские¹.

1 Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 532-540.

Таким образом, северо-русская вышитая иконография и культовая металлопластика ПЗС из Прикамья, Урала, Западной Сибири являлись культовыми изображениями Солнца как проявления бога и отражали различные сюжеты данного культа у древних русов. Для общества, жившего устной традицией, распространение сакрального учения с помощью изобразительных средств было вполне естественным. Дохристианское верование древних русов, основанное на поклонении божеству в образе Солнца, распространялось на необъятной территории своего Подсолнечного царства (это название сохранилось в былинах), поэтому естественно, что иконография культового литья из такого яркого центра, каким было Прикамье, расходилась и в Поволжье, и в отдаленных от Прикамья областях Западной Сибири. Древнерусская традиция играла донорскую роль в распространении культа Солнцебожества среди народов Севера и Сибири, отсюда эти традиции вкупе с обрядовыми изобразительными и другими предметами присутствуют до сих пор в быту народов ханты и манси или коми-пермяков.

Поклонение Небесным владычицам и Солнечным девам известно и у народов урало-алтайской семьи языков, т.е. оно было распространено практически на всем пространстве нынешней России, что также отразилось в фольклоре многих народов Севера и Сибири. Это дает основания предполагать, что территория нашей страны, и в древности полиэтническая по составу, скреплялась общей духовной культурой наднационального характера. И эта общая духовная культура явилась фундаментом совместной жизни для всех наших предков уже в догосударственный период.

Историко-генетические особенности расселения и градостроительная структура русских поселений Севера как отражение национальной самобытности и культурного достояния России

Что такое градостроительная структура? Это здания, вписанные в структуру улиц, созвучно взаимодействующие с торжественно господствующими храмами, комплексами, это целостная система, соединившаяся с природой, в которой она возникла и существует. И если она рождает в нас чувство гармонии, совершенства, соединяет пейзажные ландшафтные картины, архитектурные и планировочно-градостроительные шедевры, ассоциируемые с исторической и мемориальной памятью, это и есть национальное достояние¹.

Процесс исследования и проектирования выстраивается согласно многоуровневой организации управления и планирования. На верхнем государственном уровне анализируется общая информационная база, обеспечивающая исходные характеристики. Формируется представление об объекте в общегосударственной системе и перспективы его социально-экономического развития. Началом изучения градостроительной структуры поселения служит представление об объекте в системе расселения. Для Каргополя таким объектом исследования первого регионального уровня является вся территория — культурно-градостроительная целостная зона расселения — Каргополье². Это и традиционный сельскохозяйственный район, и его неотъемлемый *историко-культурный ландшафт, сельский ландшафт*, которые характерны для этой полосы. Авторы считают, что в данном случае система расселения — это материальное оформление исторического культурного ландшафта. Ее главный элемент — *традиционная волость* в понимании «округа деревень». Различают волости, используемые для административного деления, и для обозначения устойчивой формы территориальной организации деревень.

Региональное своеобразие Каргополья связано с природно-географической спецификой, определяется физико-географическими условиями. Устойчивые

1 Рескин Дж. Семь светочей архитектуры. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 43.

2 Тормосова Н.И., Трапезникова О.Н. Научно-исследовательская Геоинформационная система (ГИС) «Каргополье» как инструмент изучения и сохранения историко-культурных ландшафтов // Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. М.; Каргополь: Издатель, 2016. С. 144-206.

местные особенности расположения поселений на местности иногда называют типами. Для Севера (Подвинья) характерен *прибрежный тип* заселения, который был описан Семеновым Тянь-Шанским. М. Витов для Западной зоны Русского Севера выработал классификацию, в которой выделил: во-первых, шесть форм поселений у воды (свободная, прибрежная, рядовая «на лето», кончанская, уличная, смешанная), и во-вторых, четыре формы на водоразделах (свободная, рядовая «на лето», уличная, смешанная)¹. Разнообразие расположения селений по отношению к рекам, озерам проанализировано также Ю.С. Ушаковым².

На Севере сложился и *гнездовой тип* расселения, при котором одно поселение может соединять в себе до десяти деревень (рис. 1).

Рисунок 1. План Ошевенской волости.

Местоположение Александро-Ошевенского монастыря

Встречается также *островной тип* расселения, когда одно поселение включает населенные места близлежащих островов (например, село Холмогоры Архангельской области)³.

1 Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1974.

2 Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Л.: Стройиздат, 1980. С. 128.

3 Кубецкая Л.И., Кудрявцева Н.О. Холмогоры — природно-градостроительная система расселения // Градостроительство. 2013. № 3(25). С. 50-62.

Цель нашей статьи — представить историческую форму расселения в регионе, включая историко-генетические взаимосвязи как национальное достояние. Выявленные элементы исторического расселения сохраняют роль опорных центров и являются объектами охраны.

В современных дискуссиях об охране историко-культурного наследия много внимания уделяется статусу исторического поселения, необходимости принятия охранных законодательных мер¹. Но практически нигде не встречается требования рассматривать историческое расселение как объект национального достояния, учета его значения в территориальном планировании². «Историческое расселение» как категория присутствует в проекте «Ясная Поляна», но о его охране речь идет лишь в границе музея-заповедника. В плане развития государственного историко-культурного и этнографического музея-заповедника «Кижский» упоминается ряд экспозиционных секторов «исторических деревень»: «Русские Заонежья», «Русские Пудожья», «Пряжинские карелы», «Северные вепсы», «Северные карелы». В составе музея-заповедника есть две деревни, расположенные в средней части острова, — Ямка и Васильево. Подобная тенденция музеефикации исторических деревень в деятельности историко-культурных заповедников связана с темой сохранения достоверности исторического расселения, что весьма ценно для науки и национальной культуры. Однако при разработке схем территориального планирования, генпланов учитываются ценные природные территории и объекты, но к сожалению, нет интереса к историко-генетическим системам поселений, фрагментам, зонам, которые могли бы и должны присутствовать в ценностном зонировании. В генпланах исторических городов, таких, например, как Рязань или Углич, как в пределах городских границ, так и в ближнем окружении не считаются, планировочно не выявляются зоны национальной значимости, нет их отражения и в градостроительной структуре.

Каргополье

Уникальны местоположение и значение Каргополья в историческом расселении на территории Европейской части России (рис. 2).

1 Градостроительство и территориальное планирование в новой России: сборник статей. Ч. 1. СПб.: Зодчий, 2016.

2 Кубецакая Л.И. Историко-генетические закономерности зарождения и развития градостроительных систем как неотъемлемой части национальной культуры // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 3. С. 76-83.

Рисунок 2. Карта Севера с нанесением городов, указанных Д. Флетчером как главных в России XVI века

С одной стороны, именно на эту территорию ложилась главная нагрузка при продвижении русской цивилизации на Север. С другой — срединное положение Каргополя увеличивало привлекательность оседлости.

Каргопольский уезд в XVI–XVII веках простирался от озера Лача до Онежской губы Белого моря, включая реки Кушу и Летнюю Золотицу, верхнее и среднее течение рек Емцы и Мехреньги¹ (рис. 3).

Рис. 3. Схема владений Обонежья, Каргополя, Двинской и Вологодской земель

¹ Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М.: Стройиздат. 1973.

Уезд делился на две половины, называвшиеся станами. «В Каргопольскую половину входили Окологородный (или Каргопольский) и Низовский станы, в Турчасовскую половину — Мехреньгский, Усть-Мокшский и Турчасовский станы. Самой малой административной единицей была волость. Всего их в уезде было 52. Собственно Каргопольский стан насчитывал 17 волостей и 487 селений. Большинство селений было малодворными, по 2–3 двора. Всего в уезде в середине XVI века было 4500 дворов, в 1622 году — 4530 дворов. Из них 498 дворов находилось в Каргопольском посаде»¹.

В системе расселения Каргополь занял стратегически важное положение ближайшего к срединным территориям, будучи портом на реке Онеге. Каргополю принадлежала ведущая роль как торгового центра, связывающего Россию с Поморьем. В торговле солью в древности выполнял таможенные функции, взывая сборы с судов, следовавших в Онегу.

Срединное положение Каргополя в юго-восточном секторе запечатлено на карте Олонецкой губернии (рис. 4).

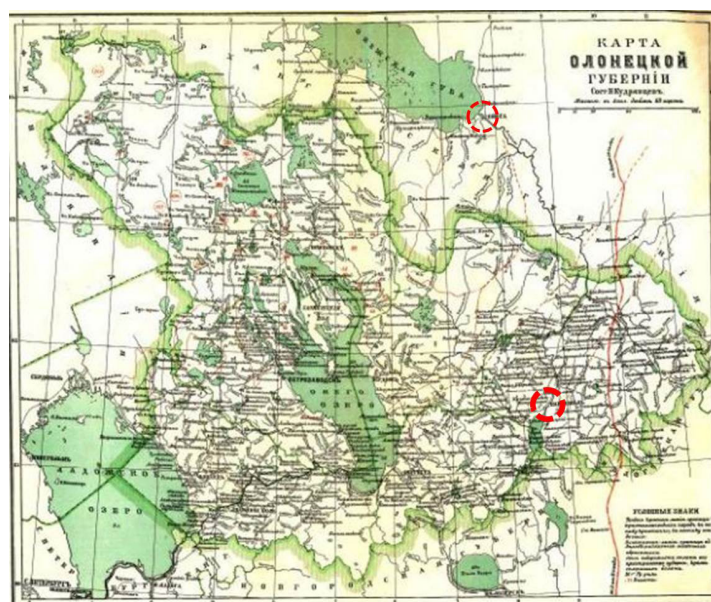

Рисунок 4. Карта Олонецкой губернии

Город Каргополь

Каргополь исторически был пространством, в котором присутствовала особая эстетика градостроительной среды. А.С. Щенков писал: «В результате движения по одной из улиц складывалась картина, пусть неполная, структурного по-

¹ Мильчик М.И. Каргополь: деревянная крепость и остроги по реке Онеге: документы и исторические реконструкции. СПб.: Лики России, 2008. С. 179.

строения города. А движение по другим путям дополняет предшествующую цепь впечатлений и создается полная образная картина, «раскрывается вся структура города»¹ (рис. 5).

Рисунок 5. Герб Каргополя. В голубом поле лежащий в огне на дровах баран натурального цвета. Высочайше утвержден 16.08.1781

Первоначальная дорегулярная планировка Каргополя напоминала посадскую. На планах до XVIII века не было ни одной продольной вдоль Онеги улицы. Сложившаяся свободная планировка была насильственно зарегулирована. В структуре были запечатлены Колобова Горка, старая торговая площадь, старый посад, Соборная площадь, Красный посад, крепость, вблизи нее новая территория (подобие посада), слободы, два монастыря, один из которых, на юге, Успенский женский и другой, на правом берегу Онеги, Спасо-Преображенский мужской. Условные очертания их восстановлены на послепожарном плане 1766 года (Рисунок 6).

¹ Щенков А.С. Структура русских городов XVI–XVII веков и их эстетическое восприятие // Архитектурное наследство. 1988. № 31.

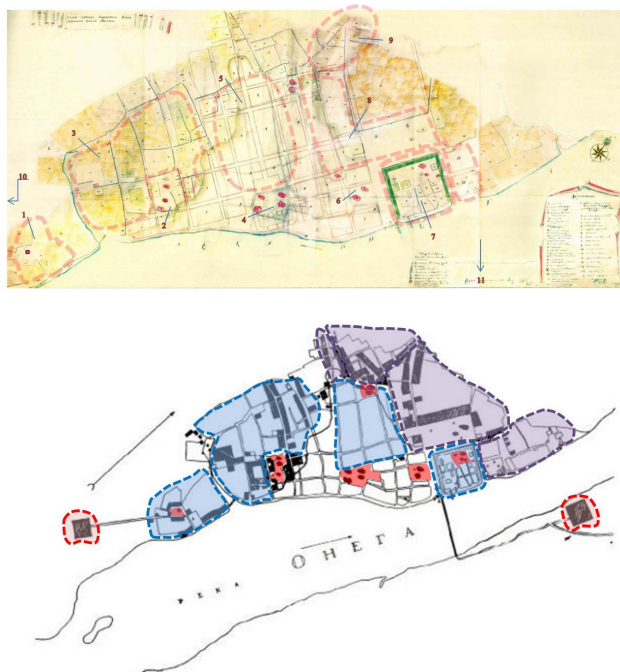

Рисунок 6. План Каргополя после пожара 1766 года

Вызывает изумление, каким образом изначально на этапе дорегулярной планировки возникли каргопольские площади, обширные по размерам. Эти площади — «зеленые лужайки — просторные, предназначенные для двух приходов церквей. Чья мудрая интуиция определила их градоформирующую роль как композиционных центров планировочной структуры? Они обеспечили устойчивость градостроительной системе, ее самобытности, сохранили мощный пространственный масштаб города. А облик города сливается с традициями» — так весьма современно звучит впечатление от Каргополя К.А. Докучаева-Баскова¹.

Что впечатляет нас от встречи с Каргополем? Конечно же, храмовая архитектура. Ведь именно силуэты церквей, соединяющиеся с природным окружением, создают запоминающийся вид, ассоциируемый с городом. А сколько невиданных приемов демонстрируют нам храмы Каргополя. Прежде всего монументальный собор Рождества Христова (1552–1562), восходящий ко времени Иоанна Грозного, после которого строительство храмов задерживается на столетие из-за Смутного времени. Храмы Рождества Богородицы (1678–1683), Благовещения (1692–1723) и Воскресения (конец XVII в.), объединяемые в группу «насыщенно-декоративного направления», имели московское происхождение форм². Но заметны

¹ Докучаев-Басков К.А. Каргополь. Архангельск, 1996.

² Масиель Санчес Л.К. Каменная архитектура Каргополя начала XVIII в. // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 1. С. 41.

и оригинальность и изобретательность мастеров местной школы: Предтеченский приход северо-восточнее Соборного, простой архитектуры; Предтеченский храм, построенный в 1751 году, самый высокий в городе, с тремя рядами окон, при этом одноэтажный, с двойными главками куполов и мощными барабанами; Воскресенский собор, имеющий редко встречаемую ныне черту — «покрытие по законам».

Насколько различны архитектурно-художественные характеристики церквей, видно по типам и формам барабанов. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы — пятиглавая бесстолпная, с трапезной и пристроенной колокольной, в завершении имеет стройные тонкие барабаны, несущие изящные луковки глав. Рядом стоящая Благовещенская — это строгий кубический объем с изысканным узорочьем, «шедевр стеной обработки»¹. Следует отметить и целостную, масштабную пространственную систему, которая задает значительные параметры и застройки, и площадей, и обширного обзора. Архитектура храмов, высота, приемы обуславливали ориентацию, соразмерность окружающей застройки, параметры и своеобразие градостроительной структуры. Всего храмов в городе к началу XX века было 22, отдельных колоколен — 3 (соборная, Никольская и в мужском монастыре). Приходские храмы, как правило, стояли на площадях (за исключением Крестовоздвиженского, занимающего угол квартала), но отличие Каргопольской традиции в том, что на каждой площади располагались два прихода. Благодаря этому образовывались целые ансамбли, которые и задавали масштабность пространственной системы. Однако есть и некий внутренний модуль, объединяющий всю градостроительную систему в единое целое, со своим ритмом и пропорциями².

Чем определяются самобытность и неповторимость градостроительной структуры Каргополя? Во-первых, длительным периодом его исторического формирования; во-вторых, исторической ролью (в XVII веке — центр воеводства) главного центра обширных пространств на пути к Северу; в-третьих, присутствием самобытной монументальной храмовой архитектуры: собор Рождества Христова (1552–1562), церкви Благовещения (1692–1729), Воскресения Христова (конец XVII в.), Рождества Иоанна Предтечи (1740–1751); в-четвертых, внутрен-

1 Песьякова О.П. Каргополь. Каргополь: Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2017. С. 15, 16, 24.

2 Поверин А. Алгебра гармонии. М.: Изд. Академии акварели и изящных искусств, 2017. С. 62–63.

ним объединяющим единым и для монументальных храмов и для внушительной по размерам гражданской рядовой застройки внутренним единым модулем, объединяющим и монументальные храмы, и внушительную по размерам гражданскую рядовую застройку: примерами служат масштабный дом Вагера, визуально соседствующий с храмом Благовещения (1692–1729), дом купца С.Д. Сергеева, соседствующий с церковью Рождества Иоанна Предтечи и др.; в-пятых, наличием свободной в прошлом планировки и градоформирующей ролью обширных площадей — композиционных центров всей структуры города, типологическим разнообразием застройки — самобытным архитектурно-художественным обликом древнерусского города.

Главной доминантой города стала колокольня высотой 61,3 м. Колокольня, по словам Докучаева-Баскова, как огромный часовой, и каждый первый встречный стоит впереди, посреди и, кажется, образует тупик, замыкая собой улицу. Она имеет три яруса с большими пролетами, что сообщает ей некоторую воздушность. Под колокольной проходы на все четыре стороны, так как первые пролеты на земле, и она как бы стоит на четырех ногах.

Четыре площади держат и организуют всю пространственно-композиционную систему. Эти площади, сформировавшиеся еще в XVI веке, легли в основу нового регулярного плана. Новыми улицами, осуществленными по регулярному плану, стали продольная Благовещенская (Октябрьский проспект), параллельная реке Онеге. Она как стержень держит линейно расположенные части. В поперечном направлении была проложена Санкт-Петербургская, ориентированная на красавицу колокольню. На ней возникли общественные здания и престижные дома зажиточных граждан. Каменная застройка привнесла новые архитектурные достоинства в городское окружение, расширила типологию домов и домовладений. В градостроительном плане определяющими стали новые принципы. По периметру Соборной площади выстроен каменный дом купца Вешнякова (1806), Каменный гостиный двор (1808), два одноэтажных каменных дома (1830–1840) по улице Шелковне и несколько образцовых деревянно-каменных домов.

Немыслимо изолировать Каргополь от обширного заповедного природного окружения. В пределах Каргопольского района расположен Национальный парк с цепью озер, протянувшейся с юга на север, это водный путь, параллельный реке Онеге¹. Не имевший особого транспортного значения, этот водный путь, однако,

1 Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М.: Искусство, 1994. С. 13.

сыграл немаловажную роль в освоении бездорожного края. Так, одна «связка» поселений сформировалась по Онеге, вторая — в «озерном Каргополье». Деревни по реке Онеге оказались на оживленном торговом пути к Белому морю, озерные деревни рассеялись в «усторонье», в глубину северного «сузема». Возникли *озерные землячества*, сохранявшие свою обособленность, самобытность, этнографические отличия в быту, одежде и образе жизни, следы которой еще можно наблюдать. Их жители называли себя «лекшмозерами», «кеноозерами», «почозерами».

Монастыри

Была еще одна подсистема опорной сети исторического расселения на Русском Севере — монастырская. Ее роль в освоении территории невозможно переоценить. Среди основанных в XII веке новгородцами упоминаются Михайловский Архангельский, Николаевский Корельский (на Двинском устье) и Соловецкий. Обширные земли Заонежья, Подвинья (Двинской и Мезенской земель) осваивались достаточно поздно. Только в XV веке они присоединились к Московскому государству. По своему расположению монастыри располагались в кремле, в центре или за чертой вблизи города (Каргополь Успенский женский на юге и Спасо-Преображенский мужской на правом берегу р. Онеги). Во многих случаях монастырь служил центром локальной взаимосвязанной системы населенных мест. Например, Александро-Ошевенский монастырь был духовным центром волости и одновременно вместе с поселениями вокруг составлял единую планировочную систему. Строительство монастыря в городе было традицией. Стольно-княжеский город не считался благоустроенным, если не имел монастыря и слободы.

Пустынножительные монастыри и пустыни, исторически возникшие в труднодоступных местах, присутствуют на территориях с низкой плотностью населения, в том числе в Каргопольском районе. Именно они, расположенные вдали от поселений и на островах, выполняли важную роль в формировании опорной сети расселения вместе с генетически взаимосвязанными с ними поселениями. Так сформировались Кожеозерский, Кийостровной Крестный, Антониево-Сийский Троицкий и Спасо-Преображенский Соловецкий монастыри. Шло долгое обживание пустыней, постепенно перераставших в монастыри, которые стимулировали дальнейшее расселение, обрастали усложняющейся сетью населенных мест.

Часто началом поселения становился монастырь, храмы которого даже после упразднения продолжали существовать как приходские, рядом оформлялся

посад или слобода, впоследствии выросал город. Так, сосуществование двух соперничающих монастырей Успенского и Введенского дало начало городу Тихвину.

Оплотом Европейского Севера являлись Соловки, сильно удаленные от материка, но при этом остающиеся влиятельным центром притяжения. Здесь в свое время проходили послушание выдающиеся подвижники Русской православной церкви. История возникновения монастыря начинается с X века на Ладожском озере, где действует древнейший русский монастырь Валаамский, скалы которого были, по преданию, благословлены Андреем Первозванным. Именно здесь в XV веке подвизался преподобный Савватий, постриженник Кирилло-Белозерского монастыря, удалившийся на Соловецкий остров, где вместе с преподобным Германом (уроженцем Тотмы) положил начало монастырю.

На первых этапах пожертвования даров монастырям государей, бояр было традицией. Заволочье для новгородцев было тем же, что Индия для англичан, — источником непомерных богатств¹. Самыми богатыми были бояре Борецкие, которые подарили Соловецкому монастырю всю Кемскую волость и Сумской посад. Марфой Борецкой был богато одарен не только Соловецкий, но и восстановлен Никольский монастырь, расположенный в 90 верстах от Архангельска.

Позднее появляются монастыри нового типа с крупными землевладениями, иногда обладающие великокняжескими льготами на торговлю хлебом, солью, рыбой и др. Монастыри обеспечивали социальную помощь немощным, устраивали богадельни, больницы. Огромную роль внесли в дело просвещения, грамотности: в монастырях жили свои летописцы, составлявшие летописные списки — национальную летопись². Холмогорские летописные списки наряду с Устюжскими внесли огромный вклад в русскую историю. Духовные подвижники, первыми обживавшие Вологодчину и Каргополье, содействовали не только распространению православия, но являли образец нравственного совершенствования в служении миру. Мы видим *цепь взаимопорождающих обителей*, основанных пустынножителями. Эта мощная канва опорных центров — крупных монастырей Европейского Севера, обозначила своеобразный исторический каркас, берущий начало от центральных районов (от Москвы к Каргополю).

1 Случевский К.К. По Северу России. СПб., 1886. Т. 1.

2 Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья конца XVII–XX вв. Архангельск, 2005.

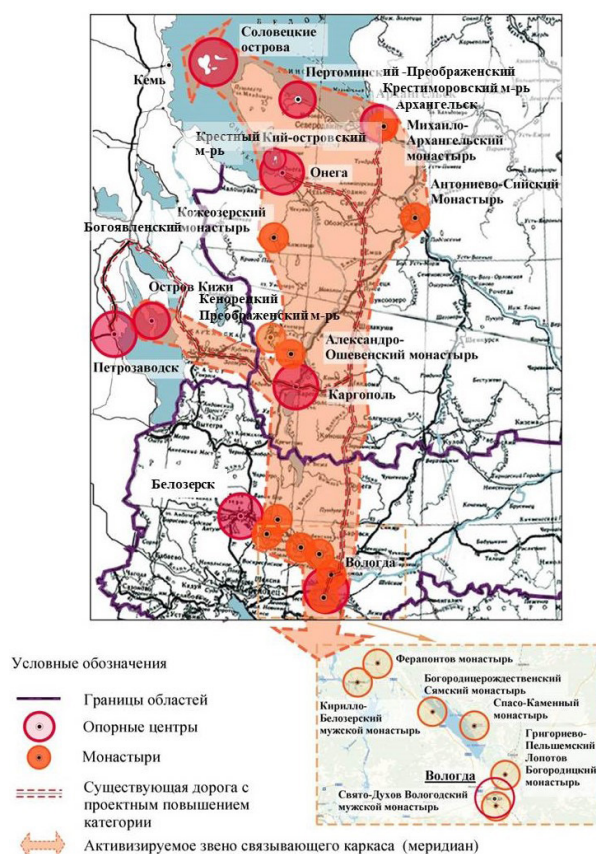

Рисунок 7

От Кирилло-Белозерского скопления через Каргополье шел путь к ближайшему Александров-Ошевенскому монастырю, затем к Соловкам. Сложилось обширное пространство локализации монастырей: Каргопольско-Онежские, среди которых Александров-Ошевенский, Кенорецкий Преображенский, Кожеозерский Богоявленский, Кийостровский Крестный, затем Антониево-Сийский монастырь, который прозвали «Малые Соловки», Михаило-Архангельский, Пертоминский Преображенский монастырь и далее к «духовной вершине пути» — к Соловецкому архипелагу. Мы видим в прямом смысле «духовную канву» расселения, продолжающую Вологодское скопление, с выходом напрямую к Троице-Сергиеву и Москве.

С XVI века в Русском государстве монастыри стали использоваться как место ссылки и заточения религиозных и государственных преступников. Была распространена практика насильственного пострига, ссылки в северные монастыри, отличающиеся суровостью устава, быта, наиболее известными были Соловецкий, Антониево-Сийский, Красногорский, Николо-Кеврольский, Кирилло-Белозерский, Кожеозерский Богоявленский монастыри. Среди узников северных монастырей Федор Романов (будущий патриарх Филарет), протопоп Сильвестр, писатель-публицист Амвросий Палицын, герцог Брауншвейгский Антон Ульрих

и его семейство (Холмогорский Успенский монастырь, 1744 год) и многие другие. В Каргополь, а позднее в Пустозерский острог был сослан князь Василий Васильевич Голицын, который до этого восемь лет был у власти в ранге канцлера. В начале XX века на Беломорском Севере приняли мученичество многие деятели Русской православной церкви.

Ближайшей к Каргополю с точки зрения духовных связей была система монастырей северо-западнее Вологды, вблизи озер Белое, Кубенское, включая и Лачу. Это вологодские Свято-Духов мужской и Спасо-Прилуцкий, Богородицкий, Григориево-Пельшемский Лопотов, Спасо-Каменный, Богородице-Рождественский, Сямский, Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри. Далее путь шел через Каргополье от Кирилло-Белозерского скопления к ближайшему Александру-Ошевенскому, далее Кенорецкому Преображенскому, Кожеозерскому Богоявленскому, Крестному Кийостровскому.

Двинские и Каргопольские монастыри дополняли опорную сеть поселений, представляя собой относительно самостоятельную специфическую структуру, формально независимую от геополитических целей. Формы ее взаимодействия с региональной градостроительной структурой разнообразны: от полного обособления и уединения (островные монастыри) до интеграции (Успенский Холмогорский монастырь). В единой сети монастырей можно выделить: очаговые удаленные от поселений (Кийостровский), отдельно расположенные, но в определенной близости (Александр-Ошевенский), и городские, в большинстве своем располагавшиеся на окраинах, на менее освоенном берегу реки (Прилуцкий в Вологде, Спасо-Суморин в Тотьме).

Именно здесь на Русском Севере мы видим генетическую градостроительную взаимосвязь между монастырями и городами, как в виде город–монастырь, так и монастырь–город.

Кожеозерский Богоявленский монастырь

Город Онега — ближайший город к одному из самых удаленных монастырей — Кожеозерскому Богоявленскому (110 км). Монастырь основан в 1557 году иноком Нифонтом и преподобными Серапионом и Авраамием. Свое название получил от местоположения на Лопском полуострове, омываемом водами озера Кожа (25 верст длины и не более 2 сажень глубины), протяженностью более 20 км, которое по своим береговым очертаниям имеет вид распростертой кожи. Согласно царской грамоте 1617 года, монастырь причислялся вместе с деревнями к Тур-

часовской десятины или стану Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1784 году при новом разграничении губернии вошел в состав Архангельской губернии. По состоянию на начало XX века входил в состав Онежского уезда Архангельской губернии в 120 верстах на юго-запад от города Онеги, близ границы Пудожского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии. Ближайший приход был в 50 верстах Прилуцкий Онежского уезда.

Первым поселенцем был священноинок Нифонт, предположительно постриженник Александро-Ошевенского монастыря Каргопольского уезда. Доказательством этому служит тесная духовная связь, существовавшая между Ошевенским и Кожеозерскими монастырями. Обе обители писали своих святых представителей преподобного Александра и преподобного Никодима на одной иконе. Земельные владения монастырей были смежными. Еще одно доказательство родства монастырей — приход преподобного Серапиона в новый монастырь.

Первоначально на месте будущего монастыря появился Нифонт, его преемником стал татарский царевич из Казани Турсас Ксангарович, принявший христианство под именем Сергей, а при посвящении в монашество Серапион. Он проявил героические усилия, спасая паству от голода обращением к государю за помощью, и получил во владение все озера с обширными окружающими землями.

При Серапионе в монастыре жили 40 человек, были построены две церкви. Преемник и ученик Серапиона игумен Авраамий управлял обителью с 1608 по 1634 год. При нем к владениям монастыря прибавилось еще 10 деревень, большое количество пахотной и сенокосной земли, доли в рыбных речных и озерных тонах, в соляных варницах, мельницы, амбары.

Будущий патриарх Никон был три года игуменом этого монастыря. Предположительно в 1640 году Никон ушел из Соловецкого монастыря от Елеазара Анзерского, поселился пустынником на речке Виленке, в 7 км от монастыря, и прожил там полтора года. После кончины игумена Иова братия призвала Никона стать его преемником. За время игуменства Никона (1643–1646) и впоследствии его патриаршества в Кожеозерском монастыре число насельников выросло до 100, обитель достигла полного расцвета.

В Кожеозерскую обитель принудительно заточен и пострижен в монахи по приказанию Бориса Годунова опальный князь Иван Сицкий. Условия пребывания в Кожеозерском монастыре как месте ссылки были куда страшнее, чем в Сийском и Соловецком.

Во время «Соловецкого сидения» Кожезерская обитель выступила противницей раскола. В 1660–1670 годы Кожезерский стал местом ссылки и бунтовщиков.

В 1764 году обитель была закрыта и возобновила свою деятельность лишь в 1853 году. Соловецкий иеромонах Питирим сыграл большую роль в обустройстве возобновленного монастыря, при нем была построена дорога в 70 верст — знаменитая «монастырка». Монастырь осуществлял просветительскую деятельность в Архангельском и Олонецком краях. В советское время на месте монастыря возник Кожпоселок, а по берегам озера еще три деревни. В конце 1950-х жители переехали в онежские деревни и поселки. В апреле 2000 года монастырь вновь открыт для монашеской жизни¹.

Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь

Один из главных монастырей Каргополья-Подвинья — Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь на острове большого Михайловского озера у истоков реки Сии на восточном краю Онежского уезда Каргополья. В XVI–XVII веках он был крупнейшим на Севере. В старинных житиях читаем: «Отстоит от города Холмогоры на 92 версты, от Архангельска — 165 верст, от волостей же Емецкой — в 15, от Сии Ваймуги — в 10 верстах». В современных масштабах расстояние до Архангельска составляет — 150 км, до Холмогор — 75, ближайшая почтовая станция находится в 9 км от монастыря.

Возникновение монастыря, основанного в 1520 году, связано с именем преподобного Антония. Символично его изображение на летописном карандашном рисунке сохранившегося издания Двинской летописи² (рис.8). Мы видим преподобного во весь рост, у его ног красуется воздвигнутая им обитель.

1 Монастыри Русской православной церкви. Справочник-путеводитель/Сост. Л.Г. Рудин, П.В. Кузнецов. Вып. 1. Издательство Московского патриархата, 2001. С. 12-13.

2 Титов А.А. Летопись Двинская. М.: Изд. Снегирева, 1889. С. 1.

Снимокъ съ древней иконы препод. Антонія Сийскаго.

Рисунок 8. Снимок с древней иконы

«Родом он был Двинского уезда из Кехотской волости. Монашеский образ принял на 30-м году своего возраста Онежского уезда в Кенском Преображенском (при реке Кене) монастыре и жил в оном 12 лет»¹.

Преподобный Антоний с разрешения великого князя Василия III основал Сийский монастырь и в 1544 году получил в дар вотчину. Вокруг монастырю отведено было большое количество леса, пашен, лугов и озер. К концу XVII века сложился уникальный ансамбль каменных построек, возведенных на месте деревянных. В самом монастыре было шесть храмов, из которых четыре каменных. Из них две церкви находились вне ограды монастыря.

Монастырь был экономическим, культурным и духовным центром Подвижья. В 1692 году в монастыре была установлена архимандрия, к нему было приписано 5 монастырских обителей, а также несколько более мелких монастырей и пустыней. Библиотека, собранная стараниями архиепископа Холмогорского и Важского, имела не менее 250 единиц и была второй после Холмогорской. Обитель получала большие доходы от землевладений на Двине, Емце, Ваймуге, Выге, Мезени, Каргополье, семушных тоней и солеварен в Беломорье и на Кольском полуострове. Монастырь обладал большой церковной административной властью на Севере, его настоятели контролировали сбор налогов, производили суд по ду-

¹ Там же.

ховным делам, организовывали выполнение различных повинностей на огромной территории Поморья. Подворья монастыря располагались в Москве, Вологде, Архангельске.

В монастыре развивалась иконопись, осуществлялась переписка книг. Среди уникальных книг можно назвать огромных размеров рукописное пергаментное Евангелие «АПРАКОС» конца XVII века (сегодня находится в библиотеке Академии наук Санкт-Петербурга). Монастырь много раз принимал вклады государей Ивана Грозного, Алексея Михайловича, патриарха Филарета, патриаршего казначея Паисия, представителей крупных боярских родов, о чем свидетельствуют изделия из золота и серебра в ризнице. Икона Богоматери Владимирской пожалована монастырю Филаретом в 1628 году. Именно здесь, находясь в заточении в течение шести лет, принял монашеский постриг Федор Никитич Романов, будущий патриарх Филарет. Патриарх Никон посещал монастырь в 1653 году и лично отправил пелену по случаю кончины преподобного Александра (ныне хранится в фондах Архангельского музея).

Антониево-Сийский монастырь оставил богатое культурное и духовное наследие, оказав большое влияние на распространение грамотности, развитие художественных промыслов в Поморье. Основанная в монастыре традиция каменного зодчества послужила началом строительства каменных храмов на Двине. Монастырь был известным центром паломничества, как из поморских районов, так и из центра.

Заключение

Особенность исторического расселения Каргополья состоит в малой плотности поселенческой сети, явно выраженной ее неравномерности, наличии больших расстояний между поселениями, присутствии скоплений — «гнезд» поселений, когда одно село состоит из десятка деревень. В территориальной структуре присутствуют сеть монастырей и исторический уклад сельского расселения.

Характерная особенность расселения на территории бывших Каргопольской и Двинской земель — наличие четырех урбанизированных центров: Каргополь, Онега, Холмогоры, Архангельск, что в значительной степени определяет специфику распределения территорий в соответствии с принципами использования земель. Тип расселения обусловлен количеством городов и населенных мест, их взаиморасположением, конфигурацией связей. Существенный фактор — удаленность от городов высшего и низшего ранга, наличие историко-культурных

ландшафтов, своеобразный характер и масштабы сельского расселения. Кроме того, наличие в пределах района Национального парка с его уникальными ландшафтами и особым этнотипом — озерным расселением, определяет сложную многомерную территориальную структуру Каргополя.

Учитывая низкую плотность поселений в этом районе, стратегия территориального планирования должна учитывать историческое духовное наследие. В новых условиях градостроительной и хозяйственной деятельности следует включать в перспективные концепции развития восстановление сети расселения и исторически сложившиеся опорные центры в составе поселений и монастырей. Исторический процесс монастырского освоения территорий и строительства Кожеозерского Богоявленского монастыря дарит нам примеры инициативности и участия в возрождении культурно-исторических пространств.

Благодаря монастырям строились дороги, устанавливалась экономическая взаимосвязь с окружающими деревнями, активизировалась производственная сельскохозяйственная деятельность. Монастырская подсистема масштабна и иерархична. Монастыри и ныне играют заметную роль в формировании местных систем расселения. На современном этапе необходимо найти формы вовлечения их в систему территориального планирования муниципальных образований, в частности, в социальные сети, областного и межобластного ранга за счет взаимодействия административных органов и Русской православной церкви.

Государство и волость

(по материалам тягольно-солдатской книги 1665 года)

В научном архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН сохранилась тягольно-солдатская книга по Подвинской четверти Важского уезда 1665 года¹. Она упоминалась Ю.С. Васильевым в обзоре писцовых и переписных книг Важского края².

Книга содержит разнообразный материал о жизни северных дворцовых крестьянских волостей в середине XVII века. Тягольно-солдатской мы называем ее потому, что кроме данных о наборе крестьян в солдаты она содержит сообщения о размере тягла, взимаемого с каждого двора, независимо от того, были ли взяты с этого двора крестьяне в службу или нет. Таким образом, перед нами книга крестьянских повинностей. Набор в службу не был напрямую привязан к тяглу, хотя человека брали «с тяглового жеребья». Размер тягла в книге 1665 года указывался первым как главная повинность (которая распространялась на всех или почти всех жителей волости), а солдатская служба отмечалась вслед за этим, то есть как повинность второго ряда.

Следует учитывать, что во время составления изучаемого описания шла Русско-польская война 1654–1667 годов, поэтому активно велись солдатские наборы, особенно в дворцовых волостях. Широко известно, что солдатские полки в Московском государстве впервые стали формировать при подготовке Смоленской войны, то есть за тридцать лет до составления нашей тягольно-солдатской книги. Набор в военную службу крестьян в это время еще недостаточно изучен. Известно, что наборы производились с определенного числа дворов, но цифры тут существенно колебались. В 1658 году был издан указ брать в солдатскую службу с 25 дворов даточного пешего человека. В 1659 году был произведен второй такой набор, а в 1660 году — третий набор в солдаты.

1 Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 309. Далее при цитировании приводим лишь листы рукописи в круглых скобках.

2 *Васильев Ю.С.* Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI — первой половины XVII века: каталог // *Важский край: источниковедение, история, культура: материалы и исследования.* Вып. 3. Вельск, 2006. С. 135–156.

Типично упоминание в книге 1665 года «тягловое жеребья солдатского», которым крестьянин «в мир не поступаетца, пашет и подати платит собою». Это выражение проходит через всю книгу, но сейчас останавливаться на том, как следует понимать это выражение, не будем, так как это заслуживает специального исследования.

Полный анализ книги 1665 года — дело будущего. Пока мы исследовали некоторые ее аспекты, опираясь главным образом на описание одной из волостей, а именно Кургоменской волости, которой уже был посвящен доклад на XIV конференции в Каргополе¹.

Кроме истории солдатских наборов исследуемая книга имеет ценность как источник по истории крестьянских семей Подвинья. Это первое сохранившееся описание Кургоменской волости, а также некоторых других соседних волостей, и его приходится использовать как основу, на которую следует накладывать материалы более поздних описаний: 1677/78, 1709, 1710 и 1717 годов. В книге 1665 года, как уже было сказано, переписаны все дворы: как те, из которых были взяты солдаты, так и те, которых набор не затронул. Другая особенность переписи состоит в том, что в ней указаны женщины, если это жены солдат. Имена их не сообщаются, но в других государственных описаниях XVII века женщины не указывались, за исключением вдов, владеющих дворами. Используя материалы нашей книги, можно представить, как складывалась судьба членов семьи после того, как мужей (братьев, сыновей) брали в службу.

Последний сюжет можно поставить в центр рассмотрения взаимоотношений государства и волости в конкретный момент 1665 года. Дело в том, что, забирая крестьянина в солдаты, государство не думало о том, как будет жить его семья, поэтому заботу о ней вынужден был брать на себя «мир» (волость).

Судя по тексту книги 1665 года, длительность пребывания в службе могла быть различной. Кроме того, за себя можно было выставить замену. Позднее государство старалось пресекать такую возможность, чтобы в службе находились уже обученные лица. Но судя по книге 1665 года, практика замен в это время широко применялась. И если сам крестьянин нанимался в службу за кого-либо другого, это также отмечалось в описании (по Кургомени таких данных нет, но по другим волостям таких примеров достаточно).

1 *Вовина-Лебедева В.Г.* Кургоменская волость в конце XVII — начале XVIII в. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв. Материалы XIV Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2018. С. 82–88.

По материалам описания можно выделить несколько моделей. Одна модель видна из описания д. Прокопьевской, в которой записан «Епифанко Иванов, с ним внук Осташко Иванов десяти лет... Да от него, Епифанка, во 163-м году с того тяглового жеребья взят в салдаты сын ево Ивашко женатой, сшел за себя. Жена ево живет у него Епифанка» (Л. 404 об.). Ситуацию эту можно считать естественной: сына взяли на службу, свекор принял на попечение сноху и внука.

В д. Селивановской мы видим иной, казалось бы, несколько неожиданный вариант семейной истории (как выяснится далее, он оказывается почти типичным): «Васка Семенов... С ним сын Ивашко осми лет. Да ево ж подворник племянник Сенка Евтихеев женатой взят в салдаты во 162-м году, сшел за себя. А у Васки взял подмог. Жена ево Сенкина вышла замуж» (Л. 405). Обращает на себя внимание деталь — племянник живет в подворниках у дяди, поэтому, видимо, тот и дал ему «подмог». И, конечно, бросается в глаза вышедшая замуж солдатская жена.

Другой случай в той же деревне: «Гаврилко Васильев... И во 163-м году он, Гаврилко, описан в салдаты от отца. И в ево место сшел на государеву службу наемщик ево Заостровские волости Лучка Клементьев Корноухов. А от отца он, Гашко, отделился тому шесть годов. Да с того ж тяглового жеребья во 163-м году взят в салдаты брат ево родной Нестерко Ермолин женатой, сшел за себя, жена ево вышла замуж» (Л. 405).

Здесь мы видим сразу несколько интересных деталей. С одной стороны, «наемщика», причем нанятого в другой волости. Далее, становится яснее механизм взятия в солдаты. Когда Гаврилко Васильев жил с отцом одним двором его описали в солдаты, он выставил наемщика. Но потом он отделился в отдельный двор, и после этого с его старого двора взяли уже его брата (который почему-то имеет другое отчество, тут возможны разные варианты объяснений). То есть после отделения Гаврилки солдатская служба пошла в зачет уже его новому двору, а старый остался в долгу перед государством. И, наконец, здесь опять мы видим солдатскую жену, вышедшую замуж. К последней коллизии еще вернемся.

Редкий пример, когда отмечена судьба наемщика, видим в описании д. Елизаровской: «Марчко Кирилов стар... сын Логинко женатой, да у Логинка сын Тимоша осми лет. И во 162-м году он, Логинко, описан в салдаты и в ево место сшел на государеву службу наемщик ево, Троецкие волости бобыль Софронко Андреев Опеколев, и под Дубровной убит» (Л. 410). Опять мы видим, что в службу идет наемщик из другой волости, и далее речь идет о военных действиях вокруг литов-

ской крепости Дубровна, осажденной в 1654 года (видимо, бобыль Софронко был убит вскоре по прибытии на место).

Переходя к описанию д. Гавриловской, мы находим там Ивашку Семенова: «Ивашко Семенов... одинок. И во 163-м году он, Ивашко, описан в салдаты от брата от Оферка и в ево место был на государеве службе брат ево родной он, Оферко, два годы и пришед домой. С ним Ивашком он, Оферко, розделился тому шесть годов и живет он, Оферко, в той ж деревне своим двором» (Л. 406 об.). Вот пример двух братьев, из которых один пошел в службу вместо другого. Интересно, что пошел старший брат вместо младшего, хотя это не единичный случай: иногда мы видим, как отец шел в службу за сына (случаи встречаются в описаниях других волостей). Мотивацией было не семейное положение младшего (он одинок), а что-то иное. Мы узнаем, что, пробыв два года в службе, старший брат вернулся, разделил хозяйство со своим (видимо, благодарным ему) братом. И они по-прежнему (уже шесть лет) живут одинокими. Вообще, этот сюжет (одинокие крестьяне) можно было бы рассмотреть отдельно: в описаниях других волостей Подвинской четверти есть целые деревни, состоящие из одних одиноких крестьян и вдов. Но это должно быть темой специального исследования.

У другого жителя этой же деревни, у «жилца Терешки Карпова взяты в салдаты два сына: Андрюшка да Кирюшка женатые. И в службе умерли. Андрюшкина жена скитаецца в мире, а Кирюшкина жена вышла замуж. А записаны были от отца и отец их умре. А тяглым их жеребьем владеет Ивашко Семенов по купчей» (Л. 406 об.—407). Итак, перед нами семья, уничтоженная вследствие солдатских наборов: оба сына умерли в службе. Судьбы их жен напрямую связаны с тем, смогли ли они выйти замуж. Та, которая вышла замуж, видимо, считается пристроенной, та, которой это не удалось, «скитаецца в мире». Но из данного места остается неясным, вышла женщина замуж до смерти мужа-солдата или после нее.

Из описания д. Куликовской понимаем, сколько могла продолжаться солдатская служба: «Якимко Марков стар и слеп... С ним два сына: Фочка женатой, Васка осми лет. И во 163-м году описан он, Фочка, в салдаты и был на государеве службе восьм лет безотходно» (Л. 407—407 об.). Обратим внимание на то, что в этом случае судьба жены ушедшего в солдаты Фочки не отмечена. Поскольку он из службы уже вернулся, описание женской доли стало неактуальным. К сожалению, такой принцип описания лишает нас возможности определить те случаи (часть из которых отмечена выше), когда жена, по-видимому, выходит замуж от мужа-солдата, а он затем возвращается в деревню. С современной точки зрения

такая коллизия казалась бы драматичной. Но крестьяне Подвинья в 1665 году, видимо, смотрели на это иначе: драматично было остаться одной и питаться подаванием мира.

Не всегда служба крестьянина, взятого в солдаты, продолжалась все восемь лет. Так, в деревне, «что был починок Сенки Григорьева», жил «Дружинко Парфенов... с ним сын Овдокимко десяти лет. И во 163-м году он, Дружинка, описан в салдаты и был в службе год, а после того он от отца отделился тому четыре годы» (Л. 408–408 об.). Тут обращает на себя внимание следующая деталь: отсутствие упоминания о жене. Упоминается только сын, хотя нигде не отмечено, что Дружинка Парфенов вдов. Судьба жены, как и в других случаях, не интересовала переписчиков после того, как солдат возвращался.

Напротив, положение членов семьи других крестьян этой же деревни, которые ушли в солдаты и пока не вернулись, зафиксировано: «Агафонко Филипов... Да с того ж тяглово жеребья взяты в салдаты Огафонковы три брата родных: Савка да Федорко женатые, Лучка неженатой. Федка взят во 162-м году, а Савка и Лучка взяты во 163-м году. Сошли за себя. Савкина жена вышла замуж, а Федкина жена живет у него, Агафонка» (Л. 408 об.) Итак, перед нами четверо братьев: в службу взяты трое, из них двое женатые. Одна жена вышла замуж, другая живет у зятя.

В д. Ильинской также имелся случай, связанный с двумя братьями: «Мишка Павлов... да от него ж Мишки во 162-м году с того жеребья взят в салдаты брат ево родной Мелешка женатой, сшел за себя. А жена ево вышла замуж». А «Окинфейко Трофимов... описан в салдаты от брата от Лучки из деревни Куликовской и в службе был год, да в ево ж место сшел на государеву службу наемщик Колмогорского уезду с посаду Ондронко Федоров, а запись на того наемщика потерял и з братом с Лучкою живет за делом» (Л. 409 об.). Жить «за делом» — это выражение встречается в книге 1665 года довольно часто. В описании соседней с Кургоменью и более обширной Топеской волости отмечен случай в д. Филиповской: «Савка Васильев, тягла под ним малая четь обжы на жеребью, с ним сын Ефтюшка женатой прозвищем Томилко, да у него ж сын Коземка прозвищем Богдашка женатой, и... он, Евтюшка, отписан в салдаты и в службе был год, а Богдашка живет в том же дворе в другой избе, тягла под ним малая четь обжы, а с отцом он, Богдашка, живет вместе ли или за делом, того старожилы сказали, не знают...» (Л. 424).

Здесь имеется еще важная подробность: выставление наемщика оформлялось особой «записью», которую следовало хранить. Кстати, в данном случае

речь идет о наемщике — посадском человеке, видимо, пошедшим в солдаты в результате обнищания. И тут уместно поставить вопрос: каким образом крестьяне, упомянутые выше, брали наемщиков из соседних волостей? Механизм понятен, если волости соседние, и крестьяне проживали недалеко друг от друга, но как крестьянин д. Ильинской смог нанять на службу холмогорца? Если это не было порождено стечением обстоятельств (родственные связи, случайное знакомство и пр.), то можно предположить, что существовал определенный рынок таких лиц, готовых продать себя в солдаты вместо крестьян, подлежащих набору в службу, и что сведения об этом, возможно, распространялись по волостям.

Возвращаясь к Кургоминской волости, отметим, что в д. Никитинской (Уваровская то ж) встречаем сразу два любопытных варианта семейного устройства. Один к солдатской службе не имеет отношения: «Гаврилко Максимов... С ним сын Лучка четырнатцати лет, да его ж сын Матюшка двенатцати лет живет в Конецгорской волости у деда своего у Федотка Дементьева на печальстве» (Л. 402 об.). Тут мы имеем дело с некоей формой неполного усыновления. В известной книге М.А. Островской, написанной сто лет назад, но все еще актуальной из-за богатства собранного материала, «печальство» определяется автором как то же, что и «печалование». Исследовательница ссылается на документ из Архангельского епархиального древлехранилища (акты Богословского монастыря): запись на печалование деда и дяди с женою и дочерями¹. В актах, которыми занималась М.А. Островская, «печальство» — форма покровительства, когда старший принимает на себя заботу о младшем, хотя не обязан делать это. В данном случае у Матюшки есть отец, живущий отдельно в соседней волости. При этом Матюшка по представлениям того времени — уже работник, ему 12 лет. Так что, скорее всего дело не в том, что Гаврилко не в состоянии был кормить второго сына и поэтому передал его деду, а в том, что этот дед нуждался в помощи, оформленной как «печальство» о внуке.

И второй случай в той же д. Никитинской: «Тренка Гаврилов Золотиков... Тренкин брат родной Мишка, женатой, во 162-м году описан в салдаты и в ево место сшел на государеву службу брат ево родной МIRONKO, да ево ж, МIRONKOV, сын Стенка, неженатой, взят в салдаты во 163-м году, сшел за себя. А Мишка тяглою жеребей свой продал и сшел в мир, скитаецца» (Л. 403). Итак, перед нами семья, состоящая из трех братьев. Глава семьи — старший брат, записан в сол-

¹ Островская М.А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913. С. 45, примеч. 3.

даты средний, вместо него пошел младший, а через год и неженатый сын этого младшего брата. О возвращении их из службы ничего не сказано. Казалось бы, перед нами классическая ситуация: младший брат жертвует старшему. Но оказалось, что жертвы этой линии семьи были в каком-то смысле напрасными, и это отражено в описании: тот брат, за которого пошел служить младший брат, продал свою долю земли и начал нищенствовать.

Конечно, мы можем только предполагать побудительные мотивы крестьян, анализируя их действия в том или ином случае. Так, например, мы не можем точно определить, по какой причине в ряде случаев крестьяне выставляли наемщиков, а в ряде случаев шли в службу сами. На поверхности лежит объяснение, что причина состояла в уровне семейного достатка. Пока затруднительно сказать, сколько платили наемщику, но понятно, что это была значительная сумма. Хотя, кажется, дело могло быть не только в этом. В д. Ефремовской жил «Филка Аникеев... одинок. Да у него же, Филки, взяты в салдаты два пасынка Стахейко женатой, Якимко неженатой: Андреевы дети. Стахейко взят во 162-м году, а Якимко взят во 163-м году, сошли за себя» (Л. 404). Итак, вдовый крестьянин (при описании он назван «одиноким») сдал в солдаты двух своих пасынков: женатого и холостого. Наемщиков за них не выставили, и так и хочется объяснить это тем, что они — неродные дети, хотя такие предположения относятся уже к области фантазии. О судьбе жены Стахейки почему-то не сказано.

Итак, мы можем сделать пока несколько выводов:

1. В 1665 году во время государственного описания дворов, в которых были ушедшие и не вернувшиеся еще солдаты, отмечались судьбы их жен и детей (если они были семейными).
2. Если солдаты уже вернулись со службы, факт их прошлой службы отмечался, но о судьбе жен во время службы мужей мы узнать уже не можем.
3. Если солдаты умирали в службе, это всегда отмечалось.
4. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что если в описании значится, что жены-солдатки «вышли замуж», а о смерти мужа не сказано, то речь идет о какой-то форме невенчанного брака.
5. Такой брак фактически признавался миром и поэтому отмечался при описании.
6. Никакой помощи семьям солдат государство не оказывало. Альтернативой невенчанного брака для солдатки было проживание у родственников мужа или скитание «в мире», т.е. жизнь на пожертвования волости.

Возможно, поэтому волость была заинтересована в том, чтобы солдатки выходили замуж. Такой брак можно считать признаваемой обществом формой выживания.

7. Возможно, в случае возвращения мужа со службы жены к ним возвращались. Пока проследить это не представляется возможным.

В заключение отметим, что тягольно-солдатская книга 1665 года по Подви-
нью является важным источником по истории северного крестьянства, но о степе-
ни уникальности ее известий пока говорить мы не можем, вопрос о сохранности
других подобных книг и об их количестве выясняется.

Когда возник Каргополь?

На страницах русских летописей Каргополь впервые упоминается под 1447 годом во время событий феодальной войны второй четверти XV века, когда сюда бежал князь Дмитрий Шемяка, прихватив с собой великую княгиню Софью Витовтовну, мать своего соперника Василия Темного. Летописец записал: «и тако побегаша к Галичю, а оттоля на Чюхлому, и ту возьмъ с собою мать великого князя, великую княгини Софью, побежа на Каргополе»¹.

Но это далеко не первое упоминание здешних мест в источниках. Под 1378 годом летописи содержат рассказ о сражении с татарами на реке Воже, а затем добавляют подробность, что во время битвы был захвачен некий поп опального московского боярина Ивана Васильевича Вельяминова: «И имаша же тогда на войне тои некоторого попа от Орды пришедша Иванова Васильевича и обретоша у него злых и лютых зелеи мешок и истязавшее его много и послаша его в заточение на Лаче озеро, иде же бе Данило Заточеник»².

Летописец не случайно упомянул Даниила Заточника, выдающегося древнерусского писателя, жившего, как считается, на рубеже XII–XIII веков. Ему принадлежит «Слово Даниила Заточеника, еже написа своему князю, Ярославу Володимировичю». Оно сохранилось не менее чем в 20 списках XVI–XVII веков, которые принято относить к двум редакциям, имеющим названия «Слово» и «Моление», которые иногда объединяют под названием «Послание». Сочинение Даниила оформлено в виде обращения к князю, сочетающего черты послания-просьбы, поучения, обличительного слова и панегирика. Полагают, что оно адресовано новгородскому князю Ярославу Владимировичу, княжившему в 1182–1199 годах, хотя существуют и другие версии³.

Свое прозвище Даниил получил по следующим строкам «Слова», обращенным к князю:

«Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое;
Кому Бело озеро, а мне черней смолы;

1 Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 269. Далее: ПСРЛ.

2 Там же. С. 200.

3 Данилевский И.Н. Даниил Заточник // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2006. С. 113–114.

Кому Лаче озеро, а мне, на нем сидя, плачь горкий;
И кому ти есть Новъгородъ, а мне и углы опадали,
Зане не процвите часть моя»¹.

В летописной статье 1378 года и сочинении Даниила Заточника упоминается только озеро Лаче, а название Каргополь не встречается. Это верный показатель того, что время возникновения города приходится на довольно широкий хронологический период, условно определяемый рубежом XIV–XV веков.

Окончательно разобраться в этом вопросе помогает такой источник, как «Список русских городов дальних и ближних» (мы датируем его 1375 годом), в котором упоминаются «на Белеозере два городка». Где же они располагались? По мнению М.Н. Тихомирова, опубликовавшего данный памятник, одним из них был современный Белозерск, а другим Усть-Шехонский городок при выходе р. Шексны из Белого озера, часто упоминаемый в духовных и договорных грамотах московских князей. Он получил свое название от Усть-Шехонского монастыря, построенного по преданию в XIII веке. Сейчас здесь находится деревня Крохино².

В историографии сравнительно давно сложилось устойчивое мнение, что подобное близкое соседство двух городков было вызвано переносом старого Белозера (на месте нынешней деревни Крохино) на новое место (там, где располагается Белозерск). Его причинами назывались зафиксированные летописцем страшные эпидемии чумы 1352 и 1363–1364 годов, а также неоднократные нападения новгородцев. Под 1398 годом ряд летописей помещает известие, что новгородцы «старый городок Белозерский пожгоша, а из нового городка вышедши князи Белозерский и воеводы князя великого», давшие новгородцам окуп в 60 рублей, с тем чтобы они ушли прочь³. Подобных взглядов придерживались А.В. Экземплярский, А.И. Копанев, А.М. Сахаров, В.А. Кучкин⁴. Точка зрения, что «новым белозерским городком» являлся именно Белозерск, проникла даже в современные энциклопедические издания⁵.

1 Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 270.

2 Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 128.

3 ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 392.

4 Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 152; Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 14; Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 79–81; Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. (число и политико-географическое размещение)//История СССР. 1990. № 6. С. 77.

5 Большая российская энциклопедия. Т. 3. М., 2005. С. 232.

Эту точку зрения, казалось бы, подтверждали и данные археологии. Л.А. Голубева, проводившая на месте старого Белоозера многолетние (с 1949 по 1965 год) раскопки, описывала последние этапы существования города следующим образом. Вторая половина XIV века стала временем его упадка. Эпидемии и вражеские нападения опустошили город. Часть оставшегося в живых населения в конце XIV в. переселилась на новое место, где возникает современный Белозерск. Старый же город запустел, а в начале XV века полностью прекратил свое существование¹.

Вместе с тем в данной версии выявились определенные неувязки. Как известно, в средневековой Руси городом именовалось, как правило, укрепленное место. Но еще в 1951 году Голубева указала, что раскопки на старом Белоозере так и не выявили каких-либо остатков укреплений². Если это так, то говорить о том, что оно представляло собой город, не приходится. Между тем летописные известия повествуют именно о двух белозерских *городках*. Возникал парадокс — или ошиблись археологи, либо на Белоозере существовал другой, неизвестный нам город. Последнее представить было невозможно, и поэтому еще в 1959 году А.М. Сахаров посчитал, что «Л.А. Голубева не привела никаких существенных доказательств, отвергающих подлинность летописных известий о наличии укреплений в Белоозере»³.

Кто был прав в этой полемике, выяснилось много позже. Уже в наши дни С.Д. Захаров, обратившись к итогам работ Белозерской экспедиции 1949–1965 годов, указал на то, что в ходе раскопок было выявлено чрезвычайно малое количество материалов XIV века. Привлечение новых археологических методов определения дат, появившихся лишь в последнее время, позволило ему пересмотреть датировку основных этапов развития города.

Оказалось, что расцвет старого Белоозера необходимо относить ко второй половине XII — началу XIII века, т.е. к домонгольскому периоду. Во второй половине XIII века город начинает приходить в упадок — прослеживается значительное сокращение застроенной площади. Размеры поселения XIV в. не идут ни в какое сравнение с территорией, которую город занимал во второй половине XII века.

1 Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973. С. 58, 196.

2 Она же. Древнее Белоозеро // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 41. М., 1951. С. 40.

3 Сахаров А.М. Указ. соч. С. 80.

Проанализировав летописные известия об эпидемиях 1352 и 1363–1364 годов¹, он пришел к выводу, что их данные не позволяют связывать моровые поветрия с переносом города.

Подтверждение своим наблюдениям Захаров нашел в правой грамоте, датированной 1490–1492 годами и составленной по судебному делу между Белозерским и Ферапонтовым монастырем о принадлежности д. Крохинской, стоявшей на месте старого Белоозера. В ходе разбирательства сторонами были заслушаны свидетели из числа «старожильцев» и представлены три документа, подтверждавшие права монастыря на это владение. Из них выяснилось, что при князе Андрее Дмитриевиче (1389–1432 годы) деревня Крохинская принадлежала сыну боярскому Гавриле Лаптеву, жившему в соседнем селе Великом. Он умер бездетным, и его владения как выморочные князь Андрей Дмитриевич взял «за себя». После этого сыном князя Андрея — Иваном Андреевичем в 1434–1435 годах д. Крохинская была дана Ферапонтову монастырю². Это позволило исследователю утверждать, что, по данным археологии, старое Белоозеро XIV века было скорее рядовым поселением, нежели городом³.

Тем не менее «Список городов русских» и летописи, составленные в XV веке (в частности, своды 1493 и 1495 годов), прямо говорят о наличии на Белоозере двух *городков*, хотя и не раскрывают их названий⁴. В XVI веке это сделала позднейшая Устюжская летопись. Под 1389 годом она сообщает, что Дмитрий Донской «третьему сыну своему князю Андрею дать город Можаетск, а на Белоозере два города: Каргалом да Каргополь, а прежде того было Белозерское княжение»⁵.

Местонахождение Каргополя известно. Где же находился Карголом? А.И. Копанев выяснил, что к востоку от современного Белозерска по актам XV–XVI веков известна волость Карголома⁶. Очевидно, где-то в этом районе, на южном берегу оз. Белого, и лежал город Карголом, давший название одноименной волости.

1 ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 224; Т. XI. М., 2000. С. 3.

2 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. II. М., 1958. С. 311–314.

3 Захаров С.Д. Письменные и археологические данные о Белоозере XIV в. // Тверской археологический сборник. [Вып. 1.] Тверь, 1994. С. 164–168; *Он же*. Новые данные о Белоозере XIV в. // Белоозерье. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 16–23.

4 ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962. С. 256–257, 335.

5 Там же. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 37.

6 Копанев А.И. Ук. соч. С. 7. Прим. 1.

Имя его упоминается составителем Никоновской летописи, поместившим под 1487 годом известие, что «князь великий Иванъ Васильевичъ всеа Русии царя Махметъ-Аминя изъ своей руки посадилъ на царство въ Казани, а коромолныхъ князей и улановъ смертию казнилъ и иныхъ коромолниковъ; а царя Алегама съ царицею послалъ князь великий въ заточение на Вологду, а мать его и братию его и сестры послалъ князь великий въ заточение на Белоозеро в Карголомъ». Под следующим, 1488 годом она сообщает: «Того же лета повелениемъ великого князя Ивана Васильевича поставиша градъ новъ на Белоозере въ Карголоме, а от старого города за 10 верстъ»¹.

Аналогичное сообщение имеется в Софийской первой летописи². Софийская вторая летопись о том же событии говорит: «Того же лета городъ Белоозеро заложили»³. Это позволяет говорить, что современный Белозерск (так называться он стал лишь при Екатерине II с 1777 года, а до этого именовался Белоозеро) возник лишь в конце XV века, только с закладкой укреплений в 1488 году.

До этого центром округа являлся располагавшийся в 10 верстах от него Карголом. Его укрепления были уничтожены во время московско-новгородской войны. Перенос столицы Белозерского княжества из него в современный Белозерск объяснялся рядом причин. К этому времени после смерти в 1485 году последнего удельного князя Михаила Андреевича Белоозеро окончательно вошло в состав московских владений, и по приказу Ивана III здесь были построены мощные земляные укрепления — насыпной вал высотой около 30 метров со рвом и деревянной стеной с восемью башнями.

Таким образом, видим, что двумя белозерскими городками «Списка русских городов» являлись Карголом (старый городок) и Каргополь (новый городок). Это позволяет говорить о том, что Каргополь возникает в 70-е годы XV века. Это подтверждает и Устюжская летопись, прямо уточняющая, что поп, сторонник сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова, был сослан именно в Каргополь: «посла его князь великий в заточенье на Лачь озеро в Каргополе»⁴.

1 ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 219.

2 Там же. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 37.

3 Там же. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. Стб. 325.

4 ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 76.

Первые годы своего существования Каргополь безлично именовался «новым городком», а позднее получил свое нынешнее имя. В литературе была высказана версия, что оно происходит от именованя ворон словом «карга» и полем, над которым они якобы летали. Однако, обратившись к словарю В.И. Даля, видим, что словом «карга» также обозначали пешую дорогу вдоль берега¹. Отсюда и название города.

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 2001. С. 80.

Бюджет Каргополя первой половины XVII века¹

Каргопольский уезд, сформировавшийся после присоединения Новгорода к Москве, на протяжении XV–XVIII веков, особенно в XVI веке занимал одно из ведущих мест в административно-территориальной системе Поморья и его хозяйственной жизни².

Это обстоятельство вызывает у историков и краеведов закономерный интерес к прошлому Онежской земли. Наиболее разработанными сюжетами в изучении исторического прошлого Каргопольского уезда XVI–XVII веков являются колонизация, хозяйственное освоение и административно-территориальное обустройство края (работы М.М. Богословского, Н.И. Тормосовой, А.И. Побежимова и др.³); источниковедения и социально-экономического развития (исследования Ю.С. Васильева и Н.П. Воскобойниковой⁴). Другие сюжеты изучены менее обстоятельно, а некоторые до настоящего времени практически не рассматривались. К таким относится в первую очередь административно-финансовая сфера и фискальная политика государства в Каргопольском уезде XVII века.

Вся система финансового управления на местном уровне осуществлялась через территориальные приказы — четверти, в ведении которых находились все города Русского государства и черносотные уезды Поморья. Каргополь с уездом подчинялся Новгородской четверти.

Основной отчетной финансовой документацией, поступавшей в Москву из подведомственных городов, являлись сметные списки. Именно через них цен-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ — грант № 18-09-00350-а «Сметные списки городов Русского Севера XVII в.: исследования и тексты».

2 Тормосова Н.И. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. С. 18, 20.

3 См.: Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. Прил. I. М., 1909; Тормосова Н.И. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь, 2011; Побежимов А.И. Историческая география Каргопольского уезда середины XVI — первой четверти XVII вв. // Вестник НВГУ. 2017. № 2. Отечественная история. С. 37-44 и др.

4 Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л., 1978. С. 37-58; Он же. Источники по истории Онежско-Каргопольского края XVI–XVII вв. Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования // Материалы IX Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2006.; Воскобойникова Н.П. Каргопольский уезд // Писцовые книги Русского Севера. Вып. 1. М., 2001. С. 263-267.

тральная власть обеспечивала контроль над деятельностью местной администрации в бюджетно-финансовой сфере¹.

Бюрократический механизм функционирования этой делопроизводственной документации был следующий. После окончания финансового года подьячие съезжей избы составляли подробный отчет, в котором расписывались планируемая и реально собранная сумма по каждой статье доходов, размер полученной прибыли или недоимки и ее причина. Затем расписывалась расходная часть, в ней указывались все статьи, по которым были истрачены бюджетные средства. Как правило, в конце каждого сметного списка был так называемый пометный список на следующий финансовый год, показатели которого планировались исходя из результатов предшествующего года.

После этого сметный список отправлялся в Новгородскую четверть и там хранился. Как правило, это происходило в середине — второй половине следующего календарного года. В четверти сметные списки со всех подведомственных городов сводились в общую сметную книгу, которая содержала основные финансовые параметры за календарный год, как по самой четверти, так и каждого города в отдельности.

По Каргополю за весь XVII век сохранилось 39 сметных списков, из них 8 относятся к первой половине века. По своему типу они делятся на две группы: 5 из них относятся к городovým сметным спискам — за 1627–1629, 1628–1630, 1630–1632, 1632–1634 и 1634–1636 годы², а 3 — к четвертным сметным спискам — за 1633/34, 1643/44 и 1644/45 год³.

Структура городских и четвертных сметных списков в основном одинакова, они состоят из доимочной, доходной и расходной частей. Различия в степени детализации и подробности описания бюджета.

Городовые сметные списки — это подробная и обстоятельная постатейная роспись за отдельный финансовый год, в которой расписаны все долги, доходы и расходы по каждой статье с конкретным указанием исполнения бюджетных параметров, т.е. размер оклада и конкретного сбора. Особенно большой интерес

1 См. *Пугач И.В.* Сметные списки как источник по истории русского феодального города // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. Материалы XV Всероссийской научной конференции. М., 2008 С. 251–261.

2 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 524–620; Новгород 18. Ч. 2. Л. 1189–1270; Каргополь 2. Л. 1–77; Каргополь 3. Л. 1–91; Каргополь 4. Л. 1–76.

3 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 22. Л. 242–251; Новгород 29. Л. 201–220 об.; Новгород № 30. Л. 202–211 об.

представляет расходная часть, которая, с точки зрения информационного потенциала, уникальна и не может компенсироваться ни одним из известных источников о финансовой жизни русского города XVII века.

Четвертные сметные списки — это краткая сводная роспись в целом по четверти и по отдельным городам за финансовый год, составляемая уже в Новгородской четверти. В них представлены только итоговые данные по доимочной, доходной и расходной части бюджета. В лучшем случае конкретизируются основные статьи дохода — четвертные (сошный оклад), таможенные и кабацкие деньги, окладные (ружникам и служилым людям) и неокладные расходы. Данный тип всегда небольшой по объему, наполнен стандартными бюрократическими формулировками, которые не содержат конкретной информации.

Сметные списки в обязательном порядке сверялись с приходо-расходными книгами самой четверти, и затем подводился окончательный баланс за данный календарный год. При этом недобранные доходы выписывались в «доклад» и переводились в разряд «доимочных», которые местные власти должны были взыскать с должников.

В данной работе при анализе бюджета Каргополя первой половины XVII века были использованы 4 сметные списки — за 1628–1630, 1633/34, 1643/44 и 1644/45 годы.

Административно-финансовым центром уезда был Каргополь. В середине XVII века это был крупный город Русского Севера, в котором насчитывалось 534 двора, из них 491 тяглых — 343 посадских и 148 бобыльских дворов¹. Уезд делился на две половины — Каргопольскую и Турчасовскую, которые представляли самостоятельные автономные финансовые округа, нередко в источниках XVII века именовавшихся уездами².

Доходная часть каргопольского бюджета, так называемые четвертные денежные доходы, состояла из окладных, новоприбылых и неокладных сборов. Окладные доходы были точно регламентированы по номенклатуре и размеру и, как правило, соответствовали итогам предшествующего года. Они состояли из сошного оклада, таможенных пошлин, кабацкой прибыли. К новоприбылым доходам относились оброчные платежи с новых объектов налогообложения или

1 *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. Прил. III. М., 1909. С. 66.

2 См. статью С.С. Порохиной в данном сборнике «Турчасовский уезд в первой половине XVII в.: административно-финансовые параметры».

«наддача» на старые оброчные угодья, неокладным — пошлины с судебных дел, купчих и т.д.

Городовой сметный список за 1627/28 год позволяет подробно рассмотреть структуру доходной части бюджета и его исполнение.

Если говорить о финансовых округах, с которых взимался сошный оклад, это два посада — Каргополь и Турчасов и два уезда — Каргопольский (Окологородный и Низовской станы) и Турчасовский (Верхний и Нижний концы, Усть-Мошский и Мехренгский станы).

В целом сошный оклад составлял 2245 руб. 33,75 коп. На посад Каргополя приходилось 131 руб. 96,25 коп., а Турчасова — всего 2 руб. 35,5 коп.¹ Столь существенная разница оклада объясняется огромной разницей количества тяглых дворов, в Каргополе их было 419, а в Турчасове — 42.

Иная ситуация была с сошным окладом сельской округи. На Каргопольский уезд — 26 волостей, приходилось 983 руб. 05,5 коп., а на Турчасовский уезд — 47 волостей, 1127 руб. 96,5 коп. В составе этого оклада были и платежи как каргопольских монастырей — Ошевенского и нескольких небольших пустыней, так и крупнейших монастырей Русского государства, имевших хозяйственные угодья в Каргополье — Кирилло-Белозерского и Соловецкого. Оклад Ошевенского монастыря составил 20 руб. 69,75 коп., Соловецкого — 16 руб. 46 коп., а Кирилловского — 32 руб. 03,75 коп. Последние платили сошный оклад сами, «на Москве»².

Все обязательства перед государством по уплате сошного оклада за 1627/28 финансовый год тяглое население выполнило в срок и в полном объеме, недоимки в сметном списке не указаны.

О социально-экономическом благополучии населения Каргопольского уезда в этот период говорит и полное исполнение обязательств по уплате нового и весьма обременительного налога — денег за стрелецкие хлебные запасы, которые составляли более половины от сошного оклада — 1182 руб. 10,75 коп.³

Наиболее доходной статьей государственного бюджета в Каргополье была кабацкая прибыль, оклад на 1627/28 год составлял 3460 руб. 08 коп. Кабаков было три: в Каргополе — оклад 2414 руб. 78,25 коп., Турчасове — оклад 772 руб. 82,25 коп. и Усть-Моше — оклад 270 руб. 47,5 коп. Результаты работы кабацких голов и целовальников были следующими: в Каргополе недобор кабацкой при-

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 538, 558 об.

2 Там же. Л. 591-595.

3 Там же. Л. 596 об.

были составил 122 руб. 82,25 коп., в Турчасове была получена небольшая прибыль в 52,5 коп., а в Усть-Моше она была собрана «сполна», общий сбор составил 3337 руб. 78,25 коп.¹

Довольно существенный доход приносили и таможенные сборы — замытные, свальные, пошлины с Гостиного двора и др. Таможни были устроены как в самом Каргополе, так и в Турчасове, Усть-Моше и на Пороге.

Возглавлял таможенное ведомство Леонтий Бараков «с товарищи». Сбор по каргопольской таможне соответствовал окладу и составил 794 руб. 47,25 коп., а по турчасовским таможням даже превзойден, при общем окладе в 78 руб. 83,25 коп. сбор составил 88 руб. 70,75 коп. В целом таможенных пошлин было собрано 883 руб. 18 коп.²

Традиционная, но не очень значительная часть доходов бюджета формировалась за счет так называемых «неокладных доходов». В их число входили пошлины с судебных дел и «поголовные», оброчные деньги с пустых земель, пашен и сенокосов и др. За 1627/28 финансовый год их было собрано 274 руб. 44,75 коп.³

В структуре государственных доходов Каргополя сметный список отмечает и наличие натурального оброка, который платили местные крестьяне. Он, видимо, имел старинный традиционный характер, выплачивался с выловленной семги и распадался на две части. Первую часть платили крестьяне, ловившие рыбу в районе погоста Святого Петра на порогах реки Онеги. Они поставляли на «государев обиход» 120 рыбин — 60 свежих и 60 свежепросоленных. Вторую — крестьяне Турчасовского уезда, также ловившие семгу в реке Онеге, они были обязаны отдавать в виде оброка каждую десятую выловленную рыбу. За исполнением данной повинности следили выборные целовальники. В 1627/28 году целовальник Федор Межников «с товарищи» отправили в Москву 332 штуки «свежего просолу рыбы семги» общим весом «179 пудов 26 гривенок»⁴.

Таким образом, общий доход государственного бюджета, собираемого с Каргополя, за 1627/28 год в денежном выражении составил 7922 руб. 85,5 коп. при окладе в 8035 руб. 27,75 коп. Можно говорить о том, что местная власть и население успешно справились с выполнением своих финансовых налоговых обязательств. Незначительные недоимки образовались за счет снижения кабацкой при-

1 Там же. Л. 539 об., 540, 559, 559 об., 570 об.-571 об.

2 Там же. Л. 538 об., 539, 558, 558 об., 569-570.

3 Там же. Л. 598, 598 об.

4 Там же. Л. 600-601.

были, которая, при ее значительном размере, была самой неустойчивой в структуре доходов государственной казны.

Городовой сметный список 1627/28 года позволяет подробно рассмотреть и второй важнейший параметр бюджета — расходы. Они делились на две части — окладные и неокладные.

Все окладные расходы — государева руга монастырям и жалованье служилым людям, планировались заранее. В целом по Каргополю они были незначительны и составляли 88 руб. 75 коп. Из них 12 руб. 75 коп. составляла государева руга, а 82 руб. — государево жалованье служилым людям.

Государеву ругу в Каргополе получали 3 местных монастыря: Ошевенский — 6 руб., Строкина пустынь — 3 руб. и Сырьянский — 3 руб. 75 коп.¹ Конкретного указания, на какие монастырские расходы давались эти деньги, сметный список не дает. Судя по незначительным суммам и учитывая практику выдачи руги другим монастырям, можно говорить, что они шли на так называемый «монастырский обиход» — покупку свеч, ладана, церковного вина и др.

Второй статьей окладных расходов было государево жалованье служилым людям и местной приказной бюрократии. На содержание гарнизона стрельцов из 20 человек выделялся 51 руб., а на жалованье подъячих съезжей избы — 31 руб.

Неокладные каргопольские расходы состояли из так называемых «избных расходов» — содержание съезжей, таможенной и кабацкой изб. Их общий объем составлял 291 руб. 39,25 коп. В основном это были деньги, которые шли на обеспечение текущей деятельности заведений, приносящих основной доход в государственную казну, — кабаков и таможен.

На содержание каргопольской, турчасовской, усть-мошской и порожской таможен было потрачено 20 руб. 68,75 коп. (соответственно, 5 руб., 5 руб., 57,75 коп. и 10 руб. 11 коп.), а каргопольского и турчасовского кабаков — 253 руб. 83 коп. (соответственно, 195 руб. 64,5 коп. и 48 руб. 18,5 коп.). Расходы на содержание съезжей избы — покупку бумаги и чернил, сальных свеч для освещения и дров для отопления помещений составили в целом 16 руб. 87,5 коп.

Отдельной статьей расходов было устройство нового Гостиного двора и таможни в Каргополе, на что было истрачено 75 руб. 43,75 коп.²

1 Там же. Л. 607 об., 608.

2 Там же. Л. 609 об., 610.

В целом содержание всех каргопольских учреждений, обеспечивших сбор государственного бюджета на 1627/28 год в размере около 8 тысяч руб., обошлось государству в небольшую сумму, которая составила чуть больше 0,33% общего дохода.

Четвертные сметные списки 30–40-х годов XVII века по Каргополю дают нам только основные параметры бюджета, но при этом позволяют увидеть как общую картину за отдельные годы, так и ее динамику (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика окладных статей дохода каргопольского бюджета первой половины XVII века

Вид дохода	1627/28	1633/34	1643/44	1644/45
Сошные:	2245,3375	2522,9350	2534,5325	2545,1325
— оклад	2245,3375	2522,9350	2545,1375	2218,1575
— сбор				
Таможенные и кабацкие:	4333,3850	3832,4200	6350,5450	5583,2575
— оклад	4220,9625	4303,9125	5583,2575	4140,8800
— сбор				
Итого:	6578,7225	6382,6675	9225,0500	8496,7915
— оклад	6466,3000	6855,1425	8496,7975	6727,5200
— сбор				

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 524-620; Новгород 22. Л. 242-251; Новгород 29. Л. 201-220 об.; Новгород 30. Л. 202-211 об.

Обращают на себя внимание несколько важных аспектов.

Во-первых, относительно устойчивое положение в области уплаты поземельного налога, что говорит о стабильном демографическом и хозяйственном положении крестьянства Каргопольского уезда в 20–40-е годы XVII века. Только за 1644/45 год зафиксирована значительная недоимка в 326 руб. 97,5 коп.¹

Во-вторых, при абсолютном увеличении размеров оклада таможенных и кабацких доходов к середине 40-х годов XVII века отчетливо наблюдается процесс увеличения задолженности, особенно за 1634/44 и 1644/45 годы.

Сметные списки 40-х годов довольно подробно указывают причины недоимок, как сошных, так кабацких и таможенных доходов. Среди основных факто-

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 30. Л. 206.

ров неблагоприятные природно-климатические условия, как результат — неурожаи, а затем экономические и демографические проблемы.

Подьячий, составляющий финансовый отчет за 1644/45 год, очень красочно описал все эти проблемы: «...во 153-м году в марте месяце дорога попортилась и реки прошли рано, и торговые иногородные люди из городов с хлебом и ни с какими товарами и с Низу с солью в Каргополь не поехали, и таможенной пошлины собирать было не с ково. Да во 153-м же году в Каргополе и в Каргопольском и в Турчасовском уездах хлебной недород был великой, и от хлебные скудости крестьяне оскудели и на кабаках пили мало, а иные от хлебные скудости дворы свои и тяглые деревни покиня, в пусто разбрелись врознь. А на пивные вари хлеб покупали дорогою ценою, и то плох, зяблой, а привозной покупной хлеб вологодской покупки ставился дорогою ж ценою, а вина на кабаки перед прошлым годом куплено менши, а ценою дороже, и за продажею питья у 153-го году во 154-й год осталось не продано много»¹.

Недоимки по разным статьям дохода отмечаются во всех сметных списках, но общая тенденция очевидна — рост к середине XVII века. Если в 1627/28 году они составили менее 250 руб.², то в 1644/45 году — уже около 1450 руб.³

Конечно, государство не могло спокойно смотреть на эту ситуацию и принимало адекватные меры. Основные направления фискальной политики государства в Каргополье укладываются в несколько форм.

Во-первых, сыск и доимка долгов. Так, к 1627/28 году Иван Крюков взыскал с каргопольцев 701 руб. 36,5 коп. долгов за предшествующие годы (из 946 руб. 87,5 коп.), а с таможенного головы Леонтия Боракова «с товарищи» взыскали недобор в размере 15 руб. 65,25 коп.⁴

Во-вторых, списание долгов, возникших по объективным и не зависящим от налогоплательщиков или должностных лиц обстоятельствам. Это происходило исключительно по распоряжению центральной власти — отдельной государевой грамоте. Так, учитывая неблагоприятные климатические и социально-экономические обстоятельства, были списаны кабацкие и таможенные недоимки за 1643/44 и 1644/45 годы, соответственно, около 767 руб. 28,75 коп. и 1442 руб. 37,75 коп.⁵

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 30. Л. 207-207об.

2 Там же. Л. 206об.

3 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 30. Л. 206 об.

4 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 537, 539.

5 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 30. Л. 208.

Но списывали недоимки только по объективным и очень серьезным причинам. Ряд недоимок переходил из года в год на протяжении десятков лет. Примером может служить история с долгом одного из каргопольских воевод.

В 1626/27 году по счетному списку каргопольского воеводы Меншово Стрешнева была обнаружена недоимка в съезжей избе в размере 28 руб. 21 коп. Это были пошлинные деньги «прошлых лет, што збирал в Каргополе воевода Федор Бутурлин и держал в съезжей избе в коробье за своею печатью и за замком... а как ево, Федора, в Каргополе не стало, и тех пошлинных денег по досмотру и по счету Федорова духовного отца спасково игумена Иякова да подьячих Фторово Шестакова да Олексея Корепанова, и каргопольских земских старост и целовалников, и Федорова человека Бутурлина Юшки Оксенова, налицо не объявилось. А в роспросе Федоров духовной отец игумен Ияков и Федоров же человек Юшка сказали, што у той коробьи печать была Федорова, и ключи той коробьи были у Федора»¹.

В-третьих, передача в откуп отдельных статей дохода. Так, на 1633/34 год каргопольские таможенные и кабацкие доходы были переданы на откуп «володимерцу посадцкому человеку Дружинке Горохову» и крестьянину И.Н. Романова Ивашку Хмелевскому. При этом оклад сразу вырос на 473 руб. 99,5 коп., с 3814 руб. 29,75 коп. до 4288 руб. 29,25 коп. и был «взят сполна»².

Расходная часть бюджета на протяжении первой половины XVII века остается более стабильной. Общее представление о ее масштабах и динамике дает таблица 2.

Таблица 2. Динамика расходной части каргопольского бюджета первой половины XVII века

Вид расхода	1627/28	1633/34	1643/44	1644/45
I. Окладные: — ружные	12,75	12,75	12,75	12,75
— гос. жалованье	82,00	82,00	38,50	36,00
Всего	94,75	94,75	51,25	48,75
II. Неокладные: — избные	16,875	17,045	16,05	всего 207,70
— таможенные	20,6875	2,705	всего	
— кабацкие	253,83	не указ.	224,565	

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 30. Л. 202 об., 203.

2 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 22. Л. 245 об., 246.

Всего	291,3925	19,75	240,615	207,70
III. Новоприбылые	75,4375	70,00	нет	нет
ИТОГО	461,58	184,50	291,865	256,45
в % от бюджета	7,14	2,69	3,44	3,81

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 607 об.-610 об.; Новгород 22. Л. 250-251; Новгород 29. Л. 218-220; Новгород 30. Л. 210 об.-211 об.

Фактически основные статьи расходов мало меняются или даже сокращаются. Так, на протяжении всего этого времени стабильным остается размер государственной руги, но уменьшаются расходы на государево жалованье. Причина вполне прозаична — из Каргополя исчезают стрельцы. Последний раз они упоминаются в сметном списке 1633/34 года, 70 каргопольским стрельцам было выдано по 1 руб. жалованья на проезд до Москвы¹.

Таким образом, общее состояние бюджета Каргополя и его развитие на протяжении первой половины XVII века выглядит следующим образом.

Каргополь и Турчасово занимают важное место в формировании государственного бюджета на Русском Севере. Среди поморских городов, подведомственных Новгородской четверти, доходы с них занимают третье место по общим размерам, хотя и значительно уступают Архангельску и Вологде. Так, общий объем доходов за 1644/45 год с Каргополя и Турчасова составил 6727,52 руб., а с Архангельска — 34961,42 руб.², а с Вологды — 22357,45 руб.³ При этом существует значительный разрыв с городами, стоящими ниже, например, доходы с Кевролы и Мезени — 1372,32 руб.⁴

Структура доходной части, учитывая социально-экономический облик Каргополя первой половины XVII века, выглядит традиционной. Огромная доля сельского населения определяла значительную долю окладных сошных доходов, а около двух третей доходов составляли таможенные пошлины и кабацкая прибыль. Вместе с тем последние были и самой неустойчивой статьёй доходов, наблюдаются сильные колебания в силу природных и социально-экономических факторов.

В целом на протяжении 20–40-х годов XVII века наблюдается довольно устойчивая социально-экономическая ситуация, а следовательно, и фискальный режим по формированию государственного бюджета в Каргопольском крае.

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 22. Л. 250 об.

2 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 30. Л. 129.

3 Там же. Л. 66 об., 67.

4 Там же. Л. 151.

Приложение
Сметный список Каргополя 1644/45 года

Л. 202

Каргополь

В Каргополе государевых денежных доходов у 152-го году во 153-й год за расходы в остатке 5637 рублей 31 алтын пол-2 денги и с тем, что взять на каргопольском подьячем да за двор и недописанных остаточных доходов.

Л. 202 об.

И во 153-м году тех остаточных доходов взято на Москве 3417 рублей 25 алтын пол-2 денги, а досталные 2220 рублей 6 алтын в остатке в Каргополе. //

Каргопольских же денежных доходов взяти из доимки на прошлые годы.

Л. 203

По счетному списку воеводы Меньшово Стрешнева 135-го году с судных дел пошлинных денег прошлых лет, што збирал в Каргополе воевода Федор Бутурлин и держал в съезжей избе в коробье за своею печатью и за замком 28 рублей 6 алтын пол-6 денги. А как ево, Федора, в Каргополе не стало и тех пошлинных денег по досмотру и по счету Федорова духовного отца спасково // игумена Иякова да подьячих Фторово Шестакова да Олексея Корепанова и каргопольских земских старост, и целовалников, и Федорова человека Бутурлина Юшки Оксенова налицо не объявилось. А в роспросе Федоров духовной отец игумен Ияков и Федоров же человек Юшка сказали, што у той коробьи печать была Федорова и ключи той коробьи были у Федора.

Л. 203 об.

На 150-й год.

На каргопольском подьячем // на Дружинке Степанове с судных дел и с пив явочные пошлыны 2 рубля 9 алтын 4 денги.

На 151-й год.

Л. 204

Каргопольского уезда Кожеозерского монастыря с обеленых и с черных земель, и с волости Шуйки данных и оброчных денег, и с цренов оброку и пошлын рубль 19 алтын 4 денги.

На 152-й год.

Каргопольского уезда Соловецкого // монастыря с вотчинных деревень и с волости Кушрецкой, и с оброчных деревень, и с пустошей, и с соляных варниц, и с рыбных ловель, и с сенных покосов, и со всяких угодей, и с тони Костылихи, что на оброке

- Л. 204 об. Соловецкого монастыря за игуменом з братьею, да Полской волости деревни Курсановской з дворовых и с варничных пустых мест, что дано внов на оброк Соловецкого монастыря игумену з братьею, данных и оброчных денег 54 рубли 26 алтын пол-6 денги. И во 153-м году те денги взяты на Москве сполна.//
- Всего каргопольских доходов из доимки взять 86 рублей 29 алтын 5 денег.
- И во 153-м году тех доходов во взятые на Москве 54 рубли 26 алтын пол-6 денги, а достальные денги 32 рубля 2 алтына пол-6 денги в доимке.
- Л. 205 Да по каргопольскому сметному списку 153-го году Кожеозерского монастыря на игумене з братьею с обеленых и с черных земель, и с волости//Шуйки, и с цренов данных и оброчных денег на 152-й год взяти рубль 19 алтын 4 денги.
- А на 153-й год с Каргополя и с Турчасова с посадов и с уезду государевых царевых и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси четвертных доходов собрати против 152-го году по окладу.
- Л. 206 С Каргополя и с Турчасова с посадов и с уезду данных и оброчных, и за усть-мошской кабак, и с монастырских// вотчин, которые по государевым жаловальным грамотам платят на Москве, 2545 рубля 4 алтына пол-3 денги.
- И в то число тех доходов во 153-м году взято на Москве 2171 рубль 5 денег и с тем, что Польской волости с пустоши, что была деревня Нахойколе, которая дана на оброк Соловецкого монастыря игумену Маркелу з братьею, сверх окладу перенято 8 алтын пол-5 денги.
- Л. 206 об. Да в Каргополе взято 22 рубля// 13 алтын з денгою.
- Да по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси Кожеозерского монастыря с тяглых вытей и с соляных варниц для монастырские скудости и пожару во льготные годы имати не велено 25 рублей.
- Л. 207 А достальные 326 рублей 32 алтына 3 денги в доимке.
- В Каргополе ж и в Турчасове и в Усть-Моше// таможенные пошлины и писчие денги, и кабацкие прибыли на 153-й год собрати против збору 152-го году 5583 рубли 8 алтын пол-4 денги.

Л. 207 об.

И во 153-м году тех денег собрано и взято в Каргополе 4140 рублей 29 алтын 2 денги. А недобрано перед 152-м годом таможенных пошлин и писчие денги, и кабацкие прибыли 1442 рублей 12 алтын полу-4 денги, потому что во 153-м году в марте месяце дорога попортилась и реки про//шли рано, и торговые иногородные люди из городов с хлебом и ни с какими товары и с Низу с солью в Каргополь не поехали, и таможенной пошлины збирать было не с ково. Да во 153-м же году в Каргополе и в Каргопольском и в Турчасовском уездах хлебной недород был великой, и от хлебные скудости крестьяне оскудели и на кабаках пили мало, а иные от хлебные скудости дворы свои и тяглые деревни покиня, в пусто розбрелись врознь. А на пивные вари хлеб покупали дорогою ценою и то плох, зяблой, а привозной покупной//хлеб вологодцкой покупки ставился дорогою ж ценою, а вина на кабаки перед прошлым годом куплено менши, а ценою дороже, и за продажею питья у 153-го году во 154-й год осталось не продано много.

Л. 208 об.

И всего с Каргополя и с Турчасова с посадов и с уезду данных и оброчных и таможенных и кабацких денег на 153-й год собрати против 152-го году 8128 рублей 13 алтын.

И ис того числа выбыло таможенных пошлин и писчие денги, и кабатцкие//прибыли недобрано 1442 рублей 12 алтын полу-4 денги.

Л. 209

А за тем каргопольских окладных доходов на 153-й год взять 6686 рублей пол-3 денги.

И в то число тех доходов во 153-м году во взятые на Москве 2171 рубль 5 денег и с тем, что сверх оклада перенято 8 алтын пол-5 денги.

Да в Каргополе во взятые 4163 рубли 9 алтын 3 денгою.//

Л. 209 об.

Да по государеву указу Кожеозерского монастыря с тяглых вытей и с соляных варниц для монастырские скудости и пожару во льготные годы имати не велено 25-ти рублей.

А достальные 326 рублей 32 алтына 3 денги в доимке.

Каргополского и Турчасовского уезда с пустых земель и с сенных покосов, которые отдают на оброк в Каргополе приказные, на 153-й год взяти против 152-го году 290 рублей 17//алтын пол-6 денги.

- Л. 210 И во 153-м году тех денег собрано и взято на Москве 64 рубли 7 алтын 2 денги. Да в Каргополе взято 237 рублей 11 алтын пол-5 денги.
- Обоего на Москве и в Каргополе во взятые 301 рубль 19 алтын с полуденгою.
- И сверх збору 152-го году прибрано 11 рублей 7 денег.//
- Л. 210 об. В Каргополе ж неокладных доходов с судных дел и с пивячных пошлинных денег во 153-м году собрать толко зберетца против 152-го году 77 рублей 28 алтын 5 денег.
- И во 153-м году тех денег собрано и взято в Каргополе 66 рублей 30 алтын 2 денги. А недобрано перед 152-м годом 10-ти рублей 31 алтына 5 денег, потому что во 153-м году судов было мало, а пив крестьяне для хлебного недороду варили перед прошлыми годы менши.//
- Л. 211 Всего каргопольских окладных и неокладных денежных доходов во 153-м году собрано и во взятые на Москве и в Каргополе 6702 рубля 26 алтын с полуденгою, oprичь остаточных и доимочных доходов.
- А и с тем что у 152-го году во 153-й год в Каргополе в остатке и из доимки взято и во 153-м году собрано всего 12395 рублей 17 алтын пол-4 денги.
- Л. 211 об. А во взятые тех доходов на Москве 5707 рублей 27 алтын.//В Каргополе во взятые 6687 рублей 23 алтына пол-6 денги.
- И ис того числа во 153-м году в Каргополе в расходе на окладные расходы ружником и оброчником государева жалованья.
- В монастыри годовые руги 12 рублей 25 алтын.
- Каргопольские съезжие избы подьячим и таможенным дьячком 36 рублей.//
- Обоего на окладные расходы дано 48 рублей 25 алтын.
- На неокладные расходы вышло.
- В съезжую избу на бумагу и на свечи, и на дрова, да Белозерского уезда Кирила чюдотворца Новозерского Белого монастыря строителю старцу Ионе Палицыну за таможенную

пошлину, что с товаров их имано со 146-го году по 153-й год, и таможенному дьячку найму, и на каргопольские и турчасовские и усть-мошские таможенные и кабацкие расходы 207 рублей 23 алтына 2 денги. //

Всего в Каргополе на окладные и на неокладные расходы во 153-м году в расходе 256 рублей 15 алтын.

А за расходы у 153-го году во 154-й год в Каргополе государевых денежных доходов в остатке 6431 рубль 8 алтын пол-6 денги, опричь стрелецких денег.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 30. Л. 202-211 об.

**Турчасовский уезд в первой половине XVII века:
административно-финансовые параметры¹**

В XVI веке в бассейне озера Лаче и реки Онеги сформировался Каргопольский уезд, административным центром которого стал город Каргополь. На протяжении XVI–XVII веков уезд делился на две половины: Каргопольскую и Турчасовскую, которые нередко назывались уездами или станами².

М.М. Богословский на основании Переписной книги 1648 года впервые дал подробную характеристику административного и демографического состояния Каргопольского уезда, определил его территорию, границы, внутреннюю структуру и систему управления³.

Очень подробно проблемы административно-территориального устройства Каргопольской земли рассматривал в своих работах Ю.С. Васильев⁴. Ссылаясь на уставную Онежскую грамоту, он пишет о том, что в XVI веке Онежская земля состояла из четырех станов: Каргопольского, Турчасовского, Усть-Мошского и Мехренгского. Затем термин «Онежская земля» заменился на термин «Каргопольский уезд», который, в свою очередь, делился на Каргопольский и Турчасовский уезды. При этом термин «Каргопольский уезд» имел два значения: первое — обозначающее всю территорию бывшей Онежской земли, и второе, более узкое — ее южную часть — Каргопольскую половину, которая, в свою очередь, делилась на Окологородный и Низовской станы. Турчасовская половина состояла из Верхнего и Нижнего концов, Усть-Мошского и Мехренгского станов. Они сохраняли определенную автономию и в источниках первой половины XVII века — сметных списках и Переписной книге 1648 года именуются Турчасовским уездом.

Каргопольский уезд, в широком значении этого термина, занимал одно из ведущих мест в административно-территориальной системе Поморья XV–XVII вв.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 18-09-00350-а «Сметные списки городов Русского Севера XVII в.: исследования и тексты».

2 Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л., 1978. С. 38-39; Писцовые книги Русского Севера. Вып. 1. М., 2001. С. 263.

3 Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. Прил. I. М.: Синодальная тип., 1909. С. 14-19.

4 Васильев С.Ю. Источники по истории Онежско-Каргопольского края XVI–XVII вв. Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования // Материалы IX Каргопольской научной конференции / Науч. ред. Н.И. Решетников; сост. Н.И. Тормосова. Каргополь, 2006. С. 8.

Основанием для этого послужили удобные торговые пути, высокий уровень развития торговли, пушные и рыбные богатства.

Турчасовский уезд занимал значительную территорию — всю центральную северную часть Каргополья. Центром уезда был посад Турчасово. В середине XVII века это было небольшое поселение городского типа, в котором насчитывалось 32 посадских и 10 бобыльских дворов, а также 2 церковных и 3 монастырских двора¹. По количеству волостей он превосходил Каргопольскую половину, но уступал по количеству деревень, входящих в эти волости. Это объясняется несколькими причинами: через Каргопольскую половину проходили более оживленные торговые пути, в южной части, в верховьях реки Онеги и вокруг озера Лаче были самые плодородные почвы, что, относительно северной территории Поонежья, создавало предпосылки для роста населения².

Исторически сложившееся территориальное деление Каргополья наложило отпечаток и на его административно-финансовую структуру, в частности, Турчасовский уезд в XVII веке рассматривался как автономный объект налогообложения и фискальной политики.

Одним из основных источников по изучению административно-финансовой системы русских феодальных городов и фискальной политики государства являются сметные списки. Они представляют собой бюджетные росписи, которые составлялись на каждый финансовый год, их целью был учет и контроль над исполнением налоговых обязательств населения. Основные параметры бюджета определялись показателями предшествующего финансового года. На основе этих данных определялся размер доходной и расходной частей бюджета на текущий финансовый год, по завершении которого фиксировались результаты и указывалась прибыль или недоимки по отдельным статьям. Каргополье находилось в ведении Новгородской четверти, соответственно, по завершении финансового года сметные списки отправлялись туда и сверялись с приходными книгами.

По Каргополю за XVII век известно 39 сметных списков³. В данной работе рассматривается бюджет Турчасовского уезда по сметным спискам 1627/28 года⁴,

1 Богословский М. М. Указ. соч. Табл. III. С. 66.

2 Тормосова Н.И. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. С. 18.

3 См.: Пугач И.В. Бюджет Каргополя. Сметные списки как источник по истории русского феодального города // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. Материалы XV Всероссийской научной конференции. М., 2008 С. 251-261.

4 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 16. Ч. 2. Л. 524-620.

1633/34¹ и 1644/45 годов². Наиболее полная и подробная информация содержится в городском списке 1627/28 года, где записан размер доходной и расходной частей бюджета Турчасовского уезда по всем 48 финансово-административным округам, таможням и кабакам. Списки 1633/34 и 1644/45 годов являются четвертными, поэтому они содержат только общие сведения, относящиеся ко всей территории Каргопольского уезда, иногда упоминая отдельные детали по Турчасову.

Доходная часть бюджета Турчасовского уезда в сметном списке 1627/28 года представлена сошным окладом, таможенными пошлинами, кабацкой прибылью и оброчными сборами с соляных варниц, а также натуральным оброком. Структура и конкретный размер отдельных статей дохода по Турчасовскому уезду представлены в таблице 1.

**Таблица 1. Структура доходов государственного бюджета
Турчасовского уезда в 1627/28 году (руб.)**

Вид дохода	1627/28 год	
1. Окладные	Оклад	Сбор
А. Сошные		
Турчасово посад	2,355	Собраны сполна
Турчасовский уезд	1127,965	Собраны сполна
Оброк с соляных варниц	46,11	Собраны сполна
Натуральный оброк	1. Семга — 60 шт. свежей	Собраны сполна
	60 шт. свежепросольной	Десятинная
	2. С рыбаков на р. Онеге — каждая	рыба — 332 шт.
	10-я рыба	свежепросольных, весом 179 пудов
Б. Таможенные		
Турчасово	70,0075	74,315 (+ 4,3075)
М. — Усть-Моша	8,825	14,3925 (+ 5,5675)

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 22. Л. 242-251.

2 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 30. Л. 202-211 об.

В. Кабацкие		
Турчасово	772,8225	774,345 (+ 0,525)
Усть-Моша	270,475	Собраны сполна
ВСЕГО	2298,56	2308,96 (+ 10,4)

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 16. Ч. 2. Л. 558 об.-620.

Сметный список делит территорию Турчасовского уезда на 48 отдельных финансовых округов — 47 волостей и посад Турчасово.

В целом сошный оклад Турчасовского уезда на 1627/28 год составлял 1127,965 руб. Из этой суммы большая часть приходилась на Усть-Мошский стан — 343,895 руб., что составляло 30,5% от уездного оклада¹, это объясняется большей населенностью этого стана. Оклад Мошенского стана равнялся 227,8 руб., или 20,2%², Мехренгского — 124,8675 руб., или 11,1%³. Оклад Турчасовского стана состоял из трех частей: одну часть платило население Нижнего конца — 259,2325 руб., или 23,0% от уездного⁴, вторую часть — население Верхнего конца — 169,815 руб., или 15,0% от уездного⁵, третью часть платило собственно население посада — 2,355 руб., или примерно 0,2% от уездного оклада⁶. Особых затруднений оплата сошного оклада не вызывала, все деньги по всем финансовым округам были собраны сполна, ни в одной волости не были зафиксированы недоимки.

Территориальная структура административно-финансовых округов Турчасовского уезда и полная картина сошного оклада по всем округам с указанием численности населения в каждом из них представлена на рисунке 1 и в таблице 2.

Второй по значимости статьей, составляющей доходную часть государственного бюджета, являлась кабацкая прибыль. Кабаков, имеющих автономный административно-финансовый режим деятельности, было два — в Турчасове и Усть-Моше. Сбором кабацкой прибыли в 1627/28 году ведал кабацкий голова Левонтий Бараков «с товарищи». Общий размер кабацкого оклада равнялся 1043,2975 руб. Основная

1 Там же. Л. 568 об.-577 об.

2 Там же. Л. 578-580 об.

3 Там же. Л. 566-568.

4 Там же. Л. 581-592.

5 Там же. Л. 558 об.-565 об.

6 Там же. Л. 558-558 об.

часть приходилась на турчасовский кабак — 772,8225 руб., оклад усть-мошского кабака составлял 270,475 руб. По итогам финансового года был зафиксирован небольшой доход в размере 0,525 руб., которую принес турчасовский кабак¹ (см. табл. 1).

Таможенные пошлины, которые в Каргополье были одним из основных источников государственного дохода, в Турчасовском уезде составляли незначительную долю. Таможни находились в Турчасове и Усть-Моше. Ответственным за сбор средств был таможенный голова Михаил Кожевников. Оклад турчасовской таможни на 1627/28 год составлял 70,0075 руб., усть-мошской — 8,825 руб. Таможенные доходы с уезда были собраны полностью. В сметном списке зафиксирована общая прибыль в размере 9,875 руб., что говорит о полном исполнении бюджета в торговой сфере уезда².

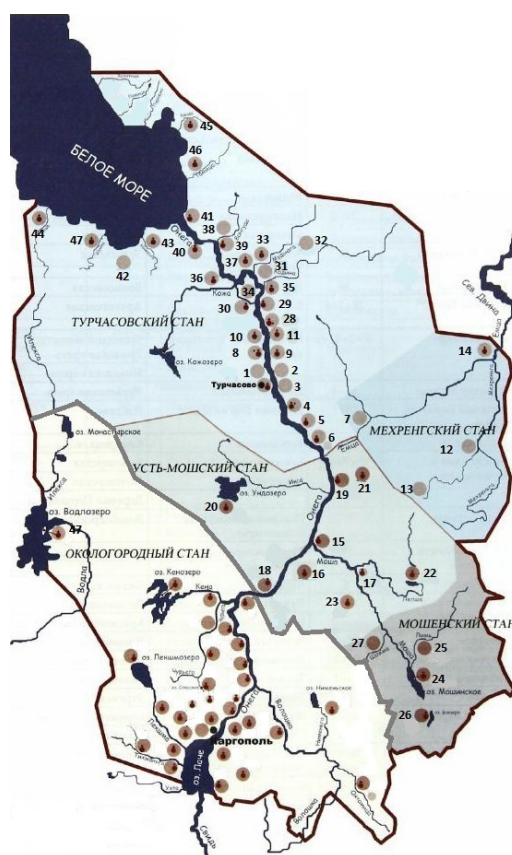

**Рисунок 1. Административные финансово-территориальные округа
Турчасовского уезда первой половины XVII века**

Составлен по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 16. Ч. 2. Л. 558 об.-592;
Тормосова Н.И. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. С. 21.

1 Там же. Л. 559 об., 571 об.

2 Там же. Л. 559, 569.

Таблица 2. Сошный оклад Турчасовского уезда в 1627/28 году (руб.)

1. Окладные сошные доходы	Оклад (руб.)	Кол-во деревень	Кол-во дворов	
			крестьянские	церковные
Турчасово				
Посад	2,355	-	42	5
Верхний конец				
Около Посаду	11,355	4	11	1
— церковная земля	0,3			
Тевзогорская	15,97	12	31	7
Нермошская	23,28	11	45	-
Городок Рагонимов	24,495	22	42	5
- на р. Онеге	11,2	-	-	-
Ордомская	17,205	22+6	43	18
— Веденский погост	0,725	-	-	-
Биричевская	10,84	6	29	3
Шелекса	4,865	9+1	25	1
Фехталима	14,355	7	19	-
— Кянский монастырь	2,865	-	-	-
Кутованга	6,285	3	7	1
Прилуцкая	12,3575	10	22	6
— Рождественский и Покровский погосты	0,0975	-	-	-
Клещево Поле	10,9175	6	11	10
— Кожезерский монастырь	2,7025	-	-	-
ИТОГО	169,815	119	285	62
Мехренгский стан				
Тарасов погост	39,5375	22	70	2
— Ильинский погост	0,04	-	-	-
Никольский погост	45,62	50+1	130	3
— церковная земля	0,26	-	-	-
Селецкая	39,285	29+2	125	1
— Воскресенский погост	0,125	-	-	-
ИТОГО	124,8675	104	325	6
Усть-Мошский стан				
Усть-Мошская	4,45	101	350	4

— острог	3,8925	-	-	-
— церковная земля	0,5575	-	-	-
Кирилловский приход	196,3525	-	-	-
Шалекушка Большая и Малая	8,38	2	26	
Дуброва Набережная	33,38	24	159	8
— Никольский и Ильинский погосты	0,2825	-	-	-
Никольский приход	39,3725	26	87	9
— бобыльская и церковная земля	10,3125	-	-	-
Ундоозеро	7,2575	6	24	1
Даниславль на Озерках	9,38	7	17	-
Лепшаозеро	26,5	24	73	3
— Никольский погост	0,13	-	-	-
Лелма	8,0075	8	24	3
— Ильинский погост	0,09	-	-	-
ИТОГО	343,895	198	760	28
Мошенский стан				
Моше-озеро	116,645	71	195	12
— Рождественский и Покровский погосты	31,75	-	-	-
Лима	16,48	11	44	
Воезерская	56,505	40+2	104	8
— Преображенский погост	0,55	-	-	-
Шожма	5,87	2	24	-
ИТОГО	227,8	126	367	20
Нижний конец				
Пияла и Ковкола	24,155	12	62	39
— Кожезерский монастырь	2,275	-	-	-
— погост Климанта папы Римского	0,12	-	-	-
— Ошевенский монастырь	0,3625	-	-	-
— Кенский монастырь	0,3075	-	-	-
Вазеницы	10,17	5+1	27	5
— Кенский монастырь	0,3125	-	-	-

Чекуевская	29,3125	14	76	10
— церковная земля	0,065	-	-	-
— Сырьянский монастырь	0,2975	-	-	-
Чухчин Бор	8,2575	8	18	3
— Сырьянский монастырь	2,59	-	-	-
Поле	10,5575	4	36	8
Мудьюга	13,425	8	54	-
— Сырьянский монастырь	1,18	-	-	-
Заостровская	6,6025	4	19	-
Пирзопалда	11,5625	6	20	1
— церковная земля	0,0325	-	-	-
Волость на р. Коже	11,115	8	37	-
Корельская	6,4225	3	18	-
Вонгуда	8,735	6	31	-
Волость Петра св. над порогом (Надпорожская)	20,125	10	52	4
— церковная земля	9,25	-	-	-
Подпорожская	9,835	7	57	3
Усть-Онега	8,11	5	55	5
— церковная земля	0,125	-	-	-
Ворзогоры	3,29	3	25	1
Нименга	12,3175	10	44	1
— церковная земля	4,75	-	-	-
Кушрецкая	7,39	6	30	4
Кянская	6,825	4	43	4
Тамицкая	5,9425	-	32	1
Шуйка Малая	11,7075	4	31	4
— Кожезерский монастырь	11,5425	-	-	-
— Сырьянский монастырь	0,165	-	-	-
ИТОГО	259,2325	128	848	93
ВСЕГО	1127,965	675	2627	214

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 16. Ч. 2. Л. 558 об.-592;
Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. Прил. I.
М.: Синодальная тип., 1909. С. 14-19.

Традиционными для населения Турчасовского стана были солеварение и рыбный промысел, с которых государство взимало оброк.

Соляные варницы Турчасовского уезда в значительной степени принадлежали монастырям, но встречаются случаи, когда владельцами были крестьяне¹. Оброчные доходы с соляных варниц, которых в уезде было 24, принесли государству доход в размере 46,11 руб., что полностью покрыло оклад².

Еще одной статьей оброчных доходов был рыбный промысел на р. Онеге. Натуральный оброк на 1627/28 финансовый год составлял 60 штук свежей и 60 штук свежепросольной семги, которая доставлялась к царскому двору на «государев обиход». Также существовал десятинный сбор, по которому онежские рыбаки должны были каждую десятую выловленную рыбу отдать в качестве налога государству. По сбору целовальников Федота Межникова «с товарищи» на 1627/28 год было собрано 332 десятинных рыбы весом 179 пудов, т.е. примерно 2864 кг³. Натуральный оброк был выплачен сполна.

Таким образом, доходная часть бюджета Турчасовского уезда равнялась 2296,205 руб., а сбор превысил оклад и составил 2306,605 руб. Основную часть доходов государству приносили поземельный сошный оклад и кабацкая прибыль, которые были примерно равны и в общей доле и составляли более 90% от общего числа окладных и неокладных доходов.

Расходная часть бюджета уезда в основном состояла из издержек на содержание турчасовских кабака и таможен. Она представлена в таблице 3.

Самый высокий расход числился за турчасовским кабаком и составлял 48,185 руб., или 75% от общей суммы расходов. Как правило, большая часть из них приходилась на закупку сырья и ремонт помещений и оборудования кабака.

Сумма таможенных расходов составляла 25%. При этом она распределялась неравномерно: за турчасовской таможней числилось 5 руб., за усть-мошской — 0,5775 руб., за порожской — 10,11 руб.⁴. В основном это так называемые «избные расходы» — покупка бумаги, чернил, свечей и дров.

1 *Побежимов А.И.* Население поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда в начале XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 3. С. 11.

2 Там же. Л. 592-592 об.

3 Там же. Л. 600-601 об.

4 Там же. Л. 609-609 об.

**Таблица 3. Структура расходов государственного бюджета
Турчасовского уезда в 1627/28 году (руб.)**

Неокладные расходы	1627/28 г.	
	Всего	%
Турчасово:		
— таможенные	5,00	8,0
— кабацкие	48,185	75,0
Усть-Моша		
— таможенные	0,5775	1,0
Порог		
— таможенные	10,11	16,0
ВСЕГО	63,8725	100

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 16. Ч. 2. Л. 619-619 об.

Важным фактором социально-экономической и финансовой устойчивости Турчасовского уезда было наличие и размер недоимок, которые расписывались в доимочной части бюджета. На 1627/28 год за Турчасовским уездом, в основном за усть-мошским кабаком, числился долг в размере 245,51 руб.¹, накопившийся за середину двадцатых годов XVII в.

В сметных списках 1633/34 и 1644/45 годов Турчасовский уезд как самостоятельная единица обложения не упоминается. Доходная и расходная часть бюджета записана вместе с Каргопольским уездом. Только отдельные оговорки позволяют уточнить ряд деталей. Так, определен оклад Усть-Мошской таможни, который на 1633/34 финансовый год равнялся 18,1225 руб., что превышает оклад 1627/28 года почти в два раза. Собрать оклад полностью не удалось — недобор составил 2,5025 руб. Расходная часть бюджета по этой таможне составила 2,705 руб., что также превышает показатель прошлых лет².

В целом список 1633/34 года и особенно список 1644/45 года дают достаточно скудные сведения для того, чтобы проследить динамику изменений административно-финансовых показателей Турчасовского уезда за первую половину XVII века.

¹ Там же. Л. 611 об.-612.

² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород № 22. Л. 242-251.

Таким образом, финансовая ситуация в Турчасовском уезде в первой половине XVII века, особенно в конце 20-х годов XVII века, была вполне благополучной, а структура доходов и расходов турчасовской части государственного бюджета выглядит довольно устойчивой и традиционной.

А.И. Комиссаренко
Н.Ю. Болотина
А.Ю. Кононова (Москва)

Проведение приказом Большого дворца и Поместным приказом кадастра дворцовых карельских поселений Бежецкого Верха во второй половине XVII — начале XVIII века

Формирование домениальной (дворцовой) собственности во второй половине XVII — начале XVIII века относится к числу актуальных проблем историографии. В указанный период домениальная собственность являлась одной из важнейших разновидностей феодальной собственности в России. Она охватывала значительную территорию и включала немалую часть податного населения¹. В число крупнейших дворцовых владений второй половины XVII века входили карельские дворцовые волости Бежецкого Верха. Бежецкий Верх — территория в верховьях реки Мологи, по берегам Тверцы и Шоши. По материалам кадастра приказа Большого дворца во второй половине XVII века в «уезды Бежецкого Верха» входили земли Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Угличского уездов. Эта территория была заселена новгородцами еще в ранний период — в VII–X веках². Их поселения возникли на реке Мологе по ее верхнему течению. Средоточием их был пригород Новгорода — Бежичи. Затем поселения распространились по берегам рек Тверца, Шоша и их притоков. Между ними «лежали лесные и болотистые пространства»³. Как пограничная территория Новгородской земли Бежецкий Верх в XIII–XV веках был объектом борьбы между Новгородом, Москвой и Тверью⁴. В 1397 году Бежецкий Верх захватил московский князь Василий

1 Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1937; Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в. М., 1937. Т. 1; Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. I половина XVIII в. М., 1964; Водарский Я.Е. Население дворцовых владений в России в последней трети XVII в. // Вопросы географии. 1970. № 83. С. 3-19; Он же. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977; Комиссаренко А.И. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв. (проблемы изучения) // Вопросы истории. 2006. № 3.

Павлов-Сильванский В.Б. К истории историографии источниковедения писцовых книг // История СССР. 1976. № 5. С. 99-118.

2 Смирнов А.К. Бежецкая история. М., 2017. С. 10-13.

3 Любавский М.К. Русская колонизация. М., 2014. С. 64.

4 Смирнов А.К. Указ. соч. С. 24; Фролов А.А., Голубинский А.А. Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // Историческая география. 2016. № 3. С. 440-441.

Дмитриевич¹. В конце XIV — начале XV века Бежецкий Верх был присоединен к Московскому княжеству. В период опричнины и Ливонской войны территория Бежецкого Верха подверглась разорению и опустошению². Как установлено разработчиками ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» (рук. А.А. Фролов), исторический Бежецкий Верх, описанный в документах XI–XVII веков, в конце XVIII — начале XIX века был в значительной степени занят территорией трех уездов Тверского наместничества (с 1796 года — Тверской губернии): Бежецкого, Краснохолмского и Весьегонского³. В материалах же кадастра приказа Большого дворца середины — второй половины XVII века фигурирует понятие «уезды Бежецкого Верха»⁴. В них входили земли Бежецкого (или Городецкого), Новоторжского, Ярославского и Угличского уездов⁵.

История заселения Бежецкого Верха в XVII — начале XVIII века тесно связана с историей исхода карел в Россию, начавшегося после заключения между Россией и Швецией Столбовского мирного договора 1617 года, по которому Карельский уезд отошел к Швеции, и продолжавшегося в течение всего XVII, а также в начале XVIII века. В связи с этим на территории Русского государства образовалось несколько анклавов расселения карел. Один из них образовался на землях Бежецкого Верха (карелы, поселившиеся здесь, обрели название тверские, или верхневолжские). Исход карел в Россию в XVII — начале XVIII века исследован в работах Ю.В. Готье, Р.Б. Мюллер, А.С. Жербина, Т.В. Старостиной, С.И. Кочкуркиной, И.А. Черниковой, Ю.В. Жукова, З.В. Дмитриевой, В. Салохеймо⁶, в коллективной монографии «История карельского народа». В их работах уделено внима-

1 Смирнов А.К. Указ. соч. С. 28.

2 Там же. С. 41–43.

3 Веб-ГИС «Источники по исторической географии Бежецкого Верха»//admin@histgeo.ru

4 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 151–151об. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 33).

5 Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347, 425; Кн. 1450 Л. 341об.; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 235–273об., 274–341об.

6 Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1906; Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947; Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; Старостина Т.В. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.)// Вопросы истории, 1961. Вып. 1; Кочкуркина С.И. Корела и Русь. Л., 1986; Чернякова И.А. К вопросу о судьбах «карельских выходцев». Петрозаводск, 1989; Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998; Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII. Великий Новгород, 2003; Середа Н.В. Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XVI–XVII вв.). Тверь, 1991; История карельского народа/Ред. Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихсо. Петрозаводск, 1998; Дмитриева З.В. «Карельские выходцы на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке// Кириллов. Вып. V. Вологда, 2003. С. 81–90; Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии// Прибалтийско-финские народы. Афина, 1995. С. 461–462.

ние и истории тверских карел. Вопросы истории тверских карел также получили глубокое изучение в исследованиях Л.Ю. Андреевой, А.Н. Головкина, А.К. Смирнова, Ю.В. Степановой и А.И. Савиновой¹. Названными авторами введены в научный оборот ценнейшие источники для изучения этого вопроса. Так, Ю.В. Степановой и А.И. Савиновой выявлены сведения о тверских карелах в материалах общегосударственных переписей 1646 и 1678 годов, Головкиным — в переписной книге 1682 года, ландратской книге Бежецкого уезда 1709 года. Ю.В. Степановой и А.И. Савиновой разработана ГИС «Тверские карелы в XVII–XIX вв.», включающая слои с поселениями тверских карел различных периодов².

Отдельную группу источников для изучения истории тверских карел составляют материалы писцовых описаний карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха во второй половине XVII — начале XVIII века, сохранившиеся в копиях в фондах дворцовых приказов РГАДА. В 1661 году стольником Ф.М. Аксаковым по наказу из приказа Тайных дел «на государя» было отписано более 1100 карельских дворов. Таким образом была создана категория «государевых записных корелян», проживавших как на частновладельческих, так и на дворцовых землях³. После 1661 года и до начала XVIII века кадастр «государевых записных корелян» Бежецкого Верха проводился 9 раз: 2 раза Поместным приказом и 7 — приказом Большого дворца: в 1667 году О.Н. Лихаревым и Ф. Космыниным, в 1668/69 году московским дворянином Д.Г. Тютчевым и подьячим В. Второвым, в 1677/78 году В.В. Хорошевым, в 1681/82 году В.Ф. Рязановым, в 1685/86 году И.И. Тютчевым, в 1691–1693 годах И.И. Сумароковым, в 1695/96 году И.И. Морковым, в 1697/98 году И.Ф. Еляковым, в 1709 году — М.В. Норовым⁴. Во всех

1 Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской империи. М., 2011; Головкин А.Н. История Тверской Карелии. Тверь, 2008; Смирнов А.К. Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. М., 2015; Он же. Бежецкая история. М., 2017; Степанова Ю.В., Савинова А.И. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Карелика. Научный электронный журнал. № 2. 2014; Степанова Ю.В., Савинова А.И. Переписные книги XVII в. как источник по истории формирования диаспоры тверских карел // XX Всероссийская конференция «Переписные книги и другие массовые источники по истории России XV–XXI вв.», посвященная памяти М.Ю. Зенченко. 9 июля 2017 г. (в печати); Степанова Ю.В., Савинова А.И. Весьгонские карелы в XVIII — начале XX в.: расселение и демография // CARELICA. 2016. № 1. /CARELICA.petrus.ru

2 Савинова А.И., Степанова Ю.В. ГИС-технологии в изучении миграций тверских карел в XVII–XIX вв. // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования. Материалы международной научной конференции (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.). Ч. 2. Пермь, 2017. С. 58–60.

3 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 191, 230об.

4 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 1–64; Ф. 396. Кн. 3551. Л. 33–152; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347–423об.; Кн. 1451. Л. 3–69об.; Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 562, копия — Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 425–464об.

случаях кадастру подлежали поселения «государевых корелян» во всех «уездах Бежецкого Верха»: Бежецком, Новоторжском, Ярославском и Угличском. От этих описаний в подлинниках до нас дошли только единичные писцовые книги, отложившиеся в ходе деятельности Поместного приказа или переданные туда. Большинство подлинников писцовых и переписных книг, составленных в ходе названных описаний, погибли вместе с другими материалами Московского дворцового архива во время «большого пожара» 1737 года. Однако в Дворцовом отделе РГАДА хранятся их копии. Некоторые из них были сняты непосредственно с подлинников. Другие были присланы из местных дворцовых управлений в связи с восстановлением Московского дворцового архива после «большого пожара». Они были составлены с хранившихся там копий. Некоторые из этих копий полностью передают содержание писцовых и переписных книг, с которых они были выполнены. В значительной же части этого копийного материала зафиксированы лишь отдельные их фрагменты. Однако все они представляют интерес, так как позволяют подробно изучать историю отдельных территорий.

Так, сохранились четыре кадастровых описания дворцовых земель Бельской волости 1667/68, 1669, 1682, 1709 годов¹. Бельская волость, расположенная в области течения реки Кавы, находилась на рубеже Бежецкого и Новоторжского уездов. Как показано в работе А.А. Фролова, в конце 20-х годов XVII века в ней находилось одно сельцо, одна деревня, шесть селищ и 304 пустоши². Согласно переписи 1646 года, в Бельской волости было одно село и одна деревня³. Бельская волость включала как дворцовые земли, так и земли, розданные в поместья. После 1646 года на землях волости появились карельские поселения.

Описание карельских крестьян-переселенцев Бежецкого Верха, проведенное по наказу из Поместного приказа дьяком О.Н. Лихаревым и подьячим Ф. Космыниным в 1667–1668 годах, было следующим после описания Ф.М. Аксакова 1661 года⁴. Свое описание крестьян-корелян писцы О.Н. Лихарев и Ф. Космынин называли их поселением⁵. «Поселение» карельских крестьян-корелян О.Н. Лихаревым и Ф. Космыниным означало официальное предоставление

1 Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 1-64; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347-423об., 425-464об.; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1453. Л. 145-176.

2 Фролов А.А. Писцовая книга Новоторжского уезда письма 1625/26–1626/27 годов — древнейшее писцовое описание Новоторжского уезда // АНО «Новоторжская археологическая экспедиция», г. Торжок.

3 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 74. Л. 463 об.-467.

4 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 1-64.

5 Там же. Л. 1, 15-15об.

«в подмогу» той или иной карельской деревне государевых пустошей и фиксацию этого в писцовых книгах. Книга включает также подворную перепись населения карельских деревень Бежецкого и Новоторжского уездов, составленную по принципам описания тяглого населения в будущем, 1678 году: описана мужская часть населения двора, с указанием возраста неженатых детей. Одна из селитебных книг О.Н. Лихарева и Ф. Космынина дошла до нас в подлиннике. Однако содержание ее сохранилось неполно. Тем не менее сведения по Бельской волости она включает.

По наказу из приказа Большого дворца от 20 декабря 1668 года московский дворянин Д.Г. Тютчев и подьячий В. Второв должны были «дозрить и описать» «государевых записных корелян», которых «дворами и пашнями» построили дьяк Осип Лихарев и подьячий Филипп Космынин¹. В итоге этого описания Тютчевым и Второвым в 1669–1670 годах были составлены две книги. Книга, включающая описание Бельской волости Новоторжского уезда, была составлена в 1669 году. Подлинников книг не сохранилось. В Дворцовом отделе архива имеются их копии, которые полностью передают их содержание². Книги, составленные в результате этого кадастра, носят черты дозорных, как они определены Е.А. Тимохиной³. Они были составлены вслед описания Лихарева и Космынина, опирались на него. Как подобает дозорным, эти книги имеют особый формуляр, так как включают сведения о животноводческом хозяйстве корелян. Они должны были включать сведения и о земледельческом хозяйстве корелян, но не смогли их собрать из-за сложившейся ситуации («пашут на наемных на помещиковых и на вотчинниковых, и на монастырских землях»⁴). Как опять же подобает дозорным, описание Тютчева и Второва было проведено с фискальными целями («впредь им [корелянам. — *Ред.*] на тех землях жить и подати великого государя платить будет мочно ли»⁵). Тютчев и Второв фиксировали мужское население крестьянских и бобыльских дворов, указывая, были ли женаты взрослые родственники дворохозяина (дети, братья, племянники). Они записывали также возраст несовершеннолетних детей и неженатого мужского населения. При этом учитывались и дети от 2 лет. Таким

1 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 33; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1451. Л. 347-347об.

2 РГАДА. Ф. 396. Кн. 3551. Л. 33-152; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347-423об.

3 Тимохина Е.А. Изучение дозорных книг первой половины XVII века в отечественной историографии // Исследования по источниковедению истории России. М., 2004.

4 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347.

5 Там же.

образом, дозорные книги, составленные Тютчевым и Второвым являются одновременно переписными.

Описание государевых записных корелян 1682 года было проведено по наказу из приказа Большого дворца стольником Василием Федоровичем Резановым и подьячим Гаврилой Кашкиным. Подлинник книги сохранился. Как отмечено на последней странице копии, присланной в Московскую дворцовую канцелярию из Чамеровского дворцового управления в 1737 году, подлинник книги был послан в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию 14 августа 1718 года¹. Оттуда, по-видимому, он был отправлен в Москву. Дошел до нас в составе коллекции писцовых и переписных книг фонда Поместного приказа². В книге фиксировались также сведения о мужском населении тяглого двора. Особенностью описания тяглых дворов в книге 1682 года было то, что к разряду пустых были отнесены дворы, хозяева которых «бродят в мире и кормятца Христовым именем»³. Это население не было учтено в итоговых записях. Иными словами, число жителей деревень, приведенное в итоговых записях, меньше их количества, зафиксированного реально. Можно предположить, что в итоговых данных учтено только платежеспособное население карельских деревень, то есть только тяглецы.

Большой интерес представляет отложившаяся в Дворцовом отделе РГАЛА копия фрагмента переписной книги Новоторжского уезда 1709 года с описанием карельских дворцовых волостей⁴. Переписная книга Новоторжского уезда 1709 года была составлена по наказу из Поместного приказа поместным межевщиком Норовым. Ее подлинник не сохранился. Копия фрагмента книги была выполнена в Вотчинной коллегии в 1755 году в связи с межеванием дворцовых земель. Формуляр книги сопоставим с формуляром ландратских книг 1709 года. Он подробно рассмотрен в статье М.Б. Желтова⁵. Им показано, что в 1709 году порядок описания дворов как в приказах, так и в ландратских канцеляриях «совершенно очевидным образом меняется и в дальнейшем, уже с этими изменениями, соблюдается и в 1715, и в 1719 годах». Помимо описания мужского населения тяглого двора, с указанием возраста, формуляром книги 1709 года обеспечивались сведе-

1 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 425-464 об.

2 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 562.

3 Там же. Л. 202 об.

4 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1453. Л. 145-176.

5 Желтов М.Б. Достоверность сведений о возрасте населения в переписных, ландратских и ревизских описаниях конца XVII — первой четверти XVIII века (по материалам Коломенского уезда) // rodnaya-storona.ru/node/63

ния о том, зафиксирован ли хозяин двора в писцовых книгах и в каких, когда он поселился в деревне, где проживал раньше. При описании пустых дворов в книге указана причина и время запустения двора. Число дворов и жителей м.п.¹ карельских деревень, фактически зафиксированное в переписной книге 1709 года, больше их количества, приведенного в итоговых записях книги. Как и в вышерассмотренной книге 1682 года, в итоговых данных не учтены, хотя и не названы «пустыми» дворы, хозяева которых «за скудостью кормятся в мире и живут, переходя».

Названные переписные книги включают данные о численности дворов и населения в карельских дворцовых деревнях Бельской волости. В их число входит деревня Мудрово, населенная корелянами «старого выхода», то есть образовавшаяся в период между 1646 и 1661 годами.

В 1668 году в деревне было описано и зафиксировано в итоговой записи 5 жилых тяглых дворов, в которых проживало 19 чел. м.п., в 1669 году — 6 дворов, в которых проживало 18 чел. В итоговой записи по д. Мудрово книги 1682 года зафиксировано 6 жилых тяглых дворов, а в них 16 тяглецов. Фактически в деревне в это время было 7 дворов и проживало 18 чел. м.п. В итоговой записи книги 1709 года указано 6 жилых дворов и 22 чел. м.п. их населения. Фактически в деревне было 8 жилых дворов и 26 чел. мужского населения.

В названных книгах отражены особенности движения населения деревни Мудрово. Так, дозором 1669 года не были зафиксированы 6 чел. м.п. детей от 2 до 8 лет — сыновей и внуков корелян деревни², описанных в 1668 году. Количество членов семьи Фоки Кондратьева сократилось: его зять Григорий Дементьев с семьей бежал³. В книге 1682 года отсутствуют сведения о семьях корелян Лукьяна Тимофеева и Фадея Ермолина, зафиксированных в 1668–1669 годах. Можно предположить, что они ушли из деревни. Вместе с тем в период 1668–1669 годов во дворе братьев Ильи и Фадея Ермолиных в качестве соседей поселились семья братьев Захара, Кирилла и Артемия Архиповых⁴, а во дворе Фоки Кондратьева поселился его тесть Григорий Дементьев⁵. В период между переписями 1669 и 1682 года в деревне появился новый двор корелянина Ивана Трофимова, имевшего сына Кузьму⁶.

1 М.п. — мужского пола

2 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 3, 3об.-4; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

3 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 551.

4 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 3. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

5 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

6 Там же. Л. 451.

Рассматриваемая дозорная книга позволяет судить о животноводческом хозяйстве крестьян-корелян деревни Мудрово. Только семья Нестора Васильева имела одну лошадь, остальные пять — по 2–3¹. Четыре семьи — Лукьяна Тимофеева, братьев Архиповых, Ефима Родионова, Пронки Васильева имели особенно развитое молочное хозяйство — по 4–5 коров и подтелков, быка². Молочные хозяйства Нестора Васильева, Григория Дементьева были уровнем ниже, хотя также были обеспечены молочным скотом³. В хозяйстве Нестора Васильева было две коровы и бык. У Григория Дементьева было две коровы и подтелок. Во всех хозяйствах, кроме Григория Дементьева, были также овцы и свиньи. Наибольшее количество овец было у братьев Архиповых — шесть, у остальных по две-три⁴. Наибольшее количество свиней было у Ефима Родионова и Лукьяна Тимофеева — четыре, у остальных — по две-три. За 13 лет (с 1669 по 1682 год) произошло естественное увеличение численности населения м.п., составлявших три семьи деревни Мудрово, зафиксированных в 1669 году: Нестора Васильева, братьев Архиповых и братьев Родионовых⁵. В 1669 году общая численность населения м.п. названных семей составляла 8 чел. м.п., в 1682 году — 15 чел. м.п. Как видно, в 1669–1682 годах прирост мужского населения в этих семьях составил 38,5%, а ежегодный прирост — 0,38.

В рассматриваемой деревне наблюдается процесс разделения больших братских семей на малые двухпоколенные семьи прямого родства, состоящие из супругов с детьми, и в связи с этим образование новых дворов. К 1669 году на два двора разделилась братская семья Пронки и Нестора Васильевых⁶. К 1682 году на две семьи разделилась семья братьев Архиповых, которые в книге 1669 года значатся как соседи крестьянина Фадея Ермолина⁷. К 1682 году Захар и Терентий Архиповы с их женами и детьми занимали два двора⁸ (сведения о третьем брате Кирилле из материалов кадастра исчезают). Разделилась и семья братьев Ефима, Фомы-Феофана и Саввы Родионовых⁹. Средний брат Фома-Феофан высе-

1 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

6 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461. Л. 3; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

7 Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 399об.

8 Там же. Л. 451.

9 Там же. Л. 399об.

лился в отдельный двор¹. Однако в 1682 году он имел иное социальное и имущественное положение, нежели 13 лет назад, когда жил вместе со своими братьями в составе одной семьи. В 1669 году семья братьев Родионовых — все они были дворохозяева — имели развитое молочное хозяйство: две лошади, пять коров, быка, двух овец, четыре свиньи². В переписной книге 1682 года двор Феофана Родионова значился как пустой, сам он имел статус бобыля и «за скудостью жил переходя»³. Семья дворохозяина Григория Дементьева к 1682 году также занимала два двора: один принадлежал ему, другой — его зятю Фоме Кондратьеву⁴. В 1669 году в их общем дворе находились две лошади, две коровы и подтелок, три свиньи⁵. Однако в книге 1682 года оба двора: и Григория Дементьева и Фомы Родионова описаны как «пустые»⁶. Григорий Дементьев значится в книге как беглый, а Фома Кондратьев — как бобыль, который «за бедностью живет переходя». Позднее, по-видимому, к началу XVIII века разделилась семья Нестора Васильева, также имевшая в конце 60-х годов XVII века развитое молочное хозяйство⁷. В отдельный двор выделился его сын Максим. Ко времени переписи 1709 года он умер, а его вдова Марина и сыновья Сила и Тит «кормятся по миру»⁸. Как видно, разделение семей и дворов деревни Мудрово не в одном случае было связано с изменением имущественного положения и социального статуса ряда их членов.

В деревне Мудрово переписью 1682 года было зафиксировано три пустых двора. Как уже отмечалось, два из них были фактически жилыми, но их хозяева «за скудостью жили переходя»⁹. Один двор принадлежал беглому крестьянину Григорию Дементьеву¹⁰. Как следует из книги 1709 года, с 1688 по 1695 год в д Мудрово запустело еще пять дворов. Один из них принадлежал семье корелянина Ивана Трофимова, поселившегося в Мудрово в период между переписями 1669 и 1682 года и бежавшего оттуда после 1682 года¹¹. Остальные четыре были

1 Там же. Л. 451.

2 Там же. Л. 399об.

3 Там же. Л. 451.

4 Там же.

5 Там же. Л. 399об.

6 Там же. Л. 451.

7 Там же. Л. 399об.

8 Там же. Кн. 1453. Л. 147.

9 Там же. Л. 451.

10 Там же.

11 Там же. Кн. 1451. Л. 451; Кн. 1453. Л. 146об.

выморочные: их хозяева, упомянутые уже Ефим и Савелий Родионовы, Нестор Васильев, Фока Кондратьев, Терентий Антипов «з женами и детьми», умерли¹. Значительно опустел двор, в котором в 1709 году проживали сыновья Захара Архипова — Кондратий и Семен со своими семьями². Сам Захар Родионов и его брат Савелий с семьей «померли»³. Можно предположить, что в конце 80-х — начале 90-х годов XVII века в рассматриваемом районе была эпидемия.

К началу XVIII века в д. Мудрово осталось только три двора коренных жителей. Одним из них был уже упомянутый двор Кондратия и Семена Захаровых⁴. Сохранился также двор Якова Гаврилова, в котором проживал также его брат Герасим⁵. В книге 1709 года отмечено, что «в переписных книгах написан отец его Захар Архипов»⁶. В деревне находился двор бобыля Софрона Иванова, в котором проживал его шурин Яким Савельев, сын Савелия Нестерова и внук Нестора Васильева, также зафиксированного переписями 60–80-х годов XVIII века⁷. Остальные четыре принадлежали пришлым людям, поселившимся в деревне Мудрово, как следует из книги 1709 года, также в конце 80–90-х годов XVII века. Дворохозяева Никита Амосов и Михаил Сергеев поселились в д. Мудрово в 1696/97 году («лет тому с полтретьятцать»)⁸. До поселения в деревне Мудрово Никита Амосов проживал в дворцовой деревне Иевково Городецкого стана Бежецкого уезда, а Михаил Сергеев был выходцем из дворцовой деревни Кузнечиха Осеченской волости Новгородского уезда⁹. Вместе с тем две карельские семьи пришли из-за рубежа. Лаврентий Ефимов был «пришлой из-за рубежа швецкого из Ругодевского уезда тому лет з двадцать»¹⁰. Федор Максимов с братом Даниилом «вышел из-за рубежа полские земли тому з дватцать лет»¹¹.

Как видно, несмотря на то, что численность населения д. Мудрово в рассматриваемые 60 лет изменилась незначительно, состав жителей изменился. Зна-

1 Там же. Кн. 1453. Л. 146об.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же. Л. 147.

6 Там же.

7 Там же. Л. 147.

8 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1453. Л. 147.

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же.

чительная часть коренных жителей деревни, зафиксированных переписями 166–1680-х годов, вымерла в конце 1680-х — начале 1690-х годов. Часть населения ушла (по терминологии писцовых книг «выбежала») в другие места. Вместе с тем в конце 1680-х — 1690-е годы наблюдается приток населения в деревню. При этом часть пришлого населения были выходцами из-за рубежа.

Аналогичную картину можно наблюдать и в других деревнях Бельской волости. Так, согласно переписи 1709 года из 15 дворов села Кавы 8 были пустыми; из них 6 — выморочными, опустевшими в конце 1680-х — начале 1690-х годов¹. Из 11 дворов деревни Звягино три были выморочными с конца 80-х годов XVII века². Возможно, причиной этого была эпидемия, не зафиксированная в источниках. Во всех деревнях были дворы беглых. Как видно, материал книги подтверждает вывод, что кореляне в это время часто меняли свое место жительства, жили «переходя». Вместе с тем в этих деревнях зафиксированы дворы пришлых людей, в том числе выходцев из Польши и Швеции, поселившихся в начале 1690-х годов. Можно предположить, что в это время была новая волна иммиграции из-за рубежа.

1 Там же. Л. 145-145об.

2 Там же. Л. 147об.-148.

Фискальная политика государства в отношении Устьянских волостей в первой половине XVII века

Устьянские волости — административно-территориальная единица в составе Российского государства, существовавшая с конца XV по конец XVIII века (с некоторыми перерывами на время включения в состав других уездов). Устьянские волости занимали примерно в два раза большую территорию, чем современный Устьянский район Архангельской области¹. Экономически они имели больший вес в составе государства, которое в сравнении с нынешним было меньше по территории, и к тому же в рассматриваемый период разорено Смутой и нашествием иноземных захватчиков, гражданской войной начала XVII века.

Смутное время Устьянские волости пережили относительно благополучно в сравнении с другими административными единицами, в том числе и севера страны, которые были сильно разорены в результате нашествия. Захватчики на территории Устьянских волостей тоже были, но нанесли сильный урон только одной волости — Чушевицкой².

Налоговое бремя, которое несли Устьянские волости, было поначалу щадящим: они не выполняли ряд тяжелых повинностей в натуральной форме, которые заменились им денежным оброком. Так, на начало XVII века Устьянские волости не осуществляли ямской гоньбы, а платили вместо нее «*лишних*» 388 рублей с гривною в год. Согласно грамоте В. Шуйского от 28 февраля 1610 года, они были освобождены также от перевозки «*сибирских хлебных запасов*», которая была, по сути, разновидностью ямской повинности³. В 1610 году 14 малых устьянских сошек, в которых было 229 вытей, были положены в 2 большие сохи⁴,

1 Грязнов А.Л. Устьянские волости по писцовой и межевой книге 1645/46 года // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 2: Исследования и материалы. Статьи и сообщения VII–IX межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М.И. Романова. Октябрьский, 2014. С. 87–116.

2 Истомин А.А. Документы о прошлом Устьянских волостей в Смутное время // Средневековые городища Устьянского края. XI–XVII века. Материалы и исследования / Под ред. А.Я. Мартынова, А.Е. Беличенко, Н.С. Потуткина. Архангельск, 2016. С. 248.

3 Архив РГО. Разряд VII. Оп. 1. Д. 7. Л. 6. Воронов П.С. Устьянские волости или Устье Вельского уезда.

4 Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915. С. 57.

и именно с 2 сох устьянцы платили запросные деньги в государеву казну по 1620 год в полном объеме.

Подобно тому, как в 1555 году устьянцы были избавлены от управления царского наместника — «*волостеля*», и за то в дальнейшем платили оброк за «*волостелины доходы и за присуд, и за всех волостелиных пошлинных людей пошлины*»¹, в 1622 году они были избавлены от власти «*приказного человека*», и за то стали платить оброк «*за прика[з]щиковы доходы*»².

Помимо этого, поскольку описание Устьянских волостей не проводилось долгое время, они платили «*четвертные доходы*» — основные государственные подати, поступавшие в приказ Устюжской четверти (за исключением «стрелецких денег») по писцовым книгам 1564/65 года с 229 вытей, в то время как налогооблагаемая база их за десятилетия сильно увеличилась.

Причиной благосклонного отношения правительства к Устьянским волостям в начале XVII века, скорее всего, было то, что в событиях Смутного времени Устьянские волости были на стороне традиционной государственной власти и участвовали в общем сопротивлении северных городов захватчикам.

В.А. Аракчеев сообщает о шести указных грамотах царя Василия Шуйского земским старостам Устьянских волостей Устюжского уезда 1608–1610 годов, в которых описана фискальная история отношений Устьянских волостей и Москвы, начиная с лета 1606 года. Анализ их показывает, что Устьянские волости в числе других северо-восточных городов и уездов продолжали поддерживать правительство Шуйского как войсками, так и финансами вплоть до конца его царствования. При этом они ежегодно платили сверх обычных налогов довольно большие чрезвычайные сборы³. Иногда проявляли гражданскую сознательность, «земскую инициативу» и платили даже те налоги, которые не должны были. Так произошло в 1615 году при сборе «*пятинных денег*», собиравшихся «*на ратные люди*». Этот чрезвычайный налог собирался в первый раз только с богатых людей, имевших «*живота своего и промыслу*» на сумму не менее 10 рублей⁴. При этом «*в Устьянских волостях было собрано 412 руб. с полтиною, тогда как там*

1 Устьянская земля: в исторических документах, статьях и очерках: [сборник]/Редкол.: Ю.С. Васильев (отв. ред.) и др. П. Октябрьский, 2009. С. 335.

2 Там же. С. 336.

3 Аракчеев В.А. Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606–1616 гг. // Российская история. 2012. № 5. С. 23–26.

4 Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 109–110.

не было ни посадов, ни таможен, ни торжков, ни сколько-нибудь богатых торговых людей»¹.

Определенную сложность в фискальную политику государства вносили вопросы административно-территориального подчинения, изменившегося в условиях Смутного времени. И.В. Пугач выявил ряд уставных грамот 1614–1625 годов, направленных из приказа Устюжской четверти в адрес должностных лиц Тотьмы и Соли Вычегодской, в которых упоминаются Устьянские волости. В 1614 году требовалось «с Тотьмы с посаду и с Тотемского уезда пеших людей на лыжах с луки и со всяким ратным боем трицать человек, с Устьянских волостей пятьдесят человек, а корму им велели взяти с собою на три месяцы». Однако в данном случае Устьянские волости не выполнили это требование, ссылаясь на то, что платят налоги напрямую Москве, а не подчинены Тотьме². В этом поступке Устьянских волостей заметны следы давнего противостояния с окружающими городами, в частности, с Тотьмой, которые исторически пытались притянуть к себе Устьянские волости³.

Основная цель работы состоит в том, чтобы разобраться, почему «земская инициатива» со стороны Устьянских волостей и их несколько привилегированное положение в части налогообложения сменились жестким «фискальным принуждением» со стороны государства. Что привело к резкой конфронтации и даже столкновению с правительственными агентами, посылавшимися в Устьянские волости.

С.Б. Веселовский разобрал фискальную историю в отношении Устьянских волостей с точки зрения посещного обложения. При этом исследователь сравнил размер налогового бремени, которое несли в то время различные административно-территориальные единицы в составе Российского государства. Устьянские волости были причислены им ко второй группе городов (с относительно небольшой тяжестью налогообложения), вместе с Каргополом, Турчасовым, Чарондой и Тотьмой. При этом исследователь специально оговаривается, что «точные вычисления невозможны», поскольку касаются только прямых государственных налогов, а приводимые им цифры «говорят не о действительной сравнительной

1 Там же. С. 32.

2 Пугач И.В. Материалы по истории Устьянских волостей первой четверти XVII века // Заволожье. Устьянская земля. Вып. 2. С. 267.

3 Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 25–26.

*тяжести налогов и повинностей, а о номинальной — о тяжести на большую соху»*¹.

Соглашаясь в целом с выводами Веселовского, следует сказать, что тяжесть налогового бремени, как и всякий феномен, имеет объективную и субъективную сторону. В восприятии представителей Устьянских волостей тяжесть налогообложения усугублялась следующими факторами.

Во-первых, государственная фискальная политика была непоследовательной, что проявлялось в разнице налогов, зафиксированных в жалованных грамотах, и — взимаемых государством. Как уже говорилось, устьянцы были освобождены от выполнения ямской повинности в натуральной форме по царским жалованным грамотам, но фактически на протяжении всего XVII века устьянских крестьян неоднократно пытались заставить ее исполнять, несмотря на исправно вносимый денежный оброк². Вводились и новые, чрезвычайные, налоги, упоминания о которых также не было в жалованных грамотах.

Во-вторых, имел место произвол правительственных агентов — «приказных людей»³, а после отмены их — посылаемых в Устьянские волости с фискальными целями «дворян», переписчиков. Так, в 1620 году «приказной человек» Федор Кривцов хотел завести таможенную и писал в Устюжскую четверть, что в Устьянских волостях есть торги. Устьянские крестьяне докладывали в челобитной, что Кривцов пишет на них ложно, поскольку они находятся далеко от торговых путей, не имеют торжков и даже между собой не ведут никакой торговли. Веселовский утверждал, что устьянцы были правы, поскольку и до конца XVII века у них не было таможни⁴.

Следующий «приказной человек» Никифор Талызин «навалил», по выражению устьянских челобитчиков, «лишние» выти, в связи с чем посошное обложение возросло для них более чем в три раза. В результате период с 1620/21 по 1645/46 год в отношении Устьянских волостей оказался спорным с точки зрения

1 Веселовский С.Б. Сошное письмо. С. 135–136.

2 Истомин А.А. Имунитетные грамоты от ямской повинности как основа административной самостоятельности Устьянских волостей//Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Вып. 2. Материалы 2-й всероссийской научно-практической конференции 22–23 апреля 2016 года. СПб., 2017. С. 141–149.

3 Устьянские волости в начале XVII в. (до 8 сентября 1622 г.) управлялись «приказным человеком», назначаемым из Москвы, поскольку «были округом слишком мелким для назначения туда лица с воеводским рангом». Богословский М.М. Земское самоуправление... С. 27.

4 Веселовский С.Б. Семь сборов... С. 109–110, 32; Пугач И.В. Материалы по истории Устьянских волостей... С. 271–272.

посошного обложения. По дозору Никифора Талызина и Ивана Петрова 1620/21 года в трех Устьянских волостях, находившихся примерно в границах современного Устьянского района («Ростовщина, Соденга тож», «Устьянская волость, а Шангала тож»¹, «Чадромская волость»), прибыло по сравнению с прежним описанием 102 вытей с третью. Две волости — Пежемская и Чушевицкая — оставались «не дозираны», и в них, исходя из соотношения «новоприбылых» вытей в трех Устьянских волостях с «прежними», было определено предположительное количество новых вытей — 80,5. Ошибкой правительства было то, что и общее число вытей — 432 без полутрети вытей, и цифра в 6 с лишним сох были взяты не просто в сторону увеличения, но произвольно.

При установлении общего числа вытей имела место простая линейная экстраполяция. Как показывают подсчеты, прирост налогооблагаемой базы в Пежемской волости был более скромным, чем в описанных Устьянских волостях, а в Чушевицкой даже наблюдалось значительное ее сокращение в результате «литовского разорения». По дозору Дмитрия Пушечникова 1621/22 года, а также по описанию Тимофея Бобарыкина и подьячего Макара Чукарина 1622/23 года, в Чушевицкой волости запустело 10,5 вытей² (по прежнему описанию их было 27). Если на 1564/65 год в Пежемской и Чушевицкой волостях суммарно было 44% ($100 \frac{2}{3}$ из 229) всех устьянских вытей, то на 1620/21 год на них приходилось всего 33–34% «данных» и «за сибирские хлебные запасы» денег, выплачиваемых всеми Устьянскими волостями при оставшемся прежним числе вытей³. Очевидно, на изменение процентного соотношения в межволостной раскладке повлиял «переруб дани», исходя из изменившегося в волостях объема земли и угодий. Фактически раскладка была еще сложнее, поскольку «оброчные», «за волостелин доход» деньги и «пошлины» собирались пропорционально номинальному числу вытей на 1564/65 г.

Допустим, что «перерубу» подвергались только «данные» и «за сибирские хлебные запасы» деньги, и изменение процентного соотношения в налогообло-

1 Она же — Введенский стан. См.: *Истомин А.А.* Устьянские волости в XVI веке // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 2. С. 77–86.

2 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 5. Л. 25. Судное дело посыльщика Ростовской волости Якова Петрова Гневашева с посыльщиками той же Ростовской волости Четвертым Бобиным и с Корнилом Самсоновым с товарищами о расчетах в уплате государевых доходов за 141 год (16 марта — 31 мая 1633 г.).

3 Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1983. С. 377–388.

жении точно отражает произошедшие изменения в земле и угодьях. Если прирост в трех описанных волостях действительно равнялся $102 \frac{1}{3}$ выти, то вытей в них стало 230,8 ($128,5 + 102 \frac{1}{3}$). При этом общее их число в Устьянских волостях должно было составлять 344,48 (если 230,8 — 67% от общей суммы), а на долю Пежемской и Чушевицкой волостей, получается, приходилось всего 113,68 выти. Таким образом, на 1620/21 год, по нашим подсчетам, совокупный прирост вытей в двух последних волостях составлял около 13, но никак не 80. При этом еще и число «прежних» вытей всех Устьянских волостей почему-то возросло с 229 до 249 (обложение по старому описанию вернулось только благодаря жалованной грамоте 1625 года). Почему произошло прибавление 20 вытей, не могли позднее объяснить сами дьяки Устюжской четверти: *«выписать не ис чево, потому что все дела погорели в Кремльской пожар во 134-м (1626) году»*¹.

Размер же посошного обложения (6,6875 сохи) был вычислен правительством *«против денежного платежу и по сошному розводу против иных городов»*², а именно исходя из суммы требуемых «стрелецких денег», которая на 1620/21 год составила 668 рублей 29 алтын 2,5 деньги, а на следующий, 1621/22 год — 1337 рублей 25 алтын 3 деньги, и в сравнении с другими административно-территориальными единицами. Если поделить в каждом случае сумму обложения на общий оклад, который в 1620/21 году составлял 100 рублей, а в 1621/22 — 200 рублей с сохи, то получаем искомые 6,6875 сохи. По словам С.Б. Веселовского, *«весь денежный оклад, положенный на выти, был разделен на оклад с сохи других городов, и таким образом получился сошный оклад, не соответствующий вытям»*³. Вряд ли устьянские крестьяне могли посчитать такое обоснование «фундаментальным», ведь полного описания их земли и угодий проведено не было. Как позднее указывали устьянские челобитчики: *«правят и емлют неведомо почему»*⁴. Интересно, что крестьяне семи деревень Введенского стана в 1621 году даже судились с Н. Талызиным и искали на нем «переплатных денег» 22 рубля с полтиною да «убытков» 50 рублей 17 алтын 2 деньги⁵.

1 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. (Вып. 1). М., 1917. С. 345.

2 Там же. С. 352, 346.

3 Веселовский С.Б. Сошное письмо. С. 56–57.

4 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 343.

5 Веселовский С.Б. Приходно-расходные книги... С. 392.

В результате «сыска» очередного «приказного человека» Федора Вахромеева в 1621/22 году с устьянцев других пяти деревень Введенского стана за «завытные» сенные покосы взыскали лишние 16 рублей 17 алтын 2 деньги. В 1620/21 году крестьяне Устьянских волостей заплатили «четверных доходов» («данных», «оброчных», «за волостелин доход» и «пошлин»), а также за «сибирские хлебные запасы» денег 839 рублей 1 алтын 2,5 деньги¹, а в 1621/22 году — 855 рублей 19 алтын², т.е. взимаемая сумма «четверных доходов» (не считая «стрелецких денег») возросла для них как раз на те самые 16 рублей 17 алтын 2 деньги.

8 сентября 1622 года, по челобитию устьянских крестьян, которые жаловались, что *«от тех приказчиков чинятся налоги и убытки и в посулах и в кормех продажи великие»*, им была выдана царская жалованная грамота. По жалованной грамоте 1622 года в Устьянских волостях была учреждена власть мирских выборных судей, отменялась власть «приказных людей». Поскольку за эту милость устьянцы в ходатайстве предлагали их *«оброком обложить сверх старого оброка»*, то *«за приказчиков доход»* они были вновь пооброчены на сумму 144 рубля 13 алтын 2 деньги, что вместе с прежними «четвертными доходами» в размере 855 рублей 19 алтын составило ровно 1000 рублей³. Нельзя не согласиться с тем, что цифры нового оброка были взяты несколько произвольно, чтобы в сумме получилось круглое число. Устьянские крестьяне не возражали, поскольку власть «приказного человека», видимо, обходилась им дороже, да и сами они в челобитной просили взамен пооброчить их дополнительно.

Однако уже на 15 июля 1623 года образовалась недоимка 601 рубль 29 алтын 1 деньга, которую взимал с устьянцев правительственный агент Курдук Ржевский⁴. Ровно столько же, по нашим подсчетам, должны были в 1622/23 году платить Устьянские волости *«московским стрелцом за... хлебное жалованье»* по окладу 90 рублей с сохи⁵ ($6,6875 \times 90 = 601,875$). Несмотря на получение царской жалованной грамоты, устьянские крестьяне сразу же отказались платить «стрелецкие деньги», взимаемые с «навалых» 6 с лишним сох. Недоимка позднее была взыскана, и затем до 1629/30 года устьянцы платили «стрелецкие деньги» по 90 рублей с сохи.

1 Там же. С. 377–378.

2 Там же. С. 388.

3 Устьянская земля. С. 336–338.

4 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 5. Л. 47.

5 Пугач И.В. Материалы по истории Устьянских волостей... С. 271.

Возможно, в связи с недовольством устьянцев в том же 1622/23 году состоялось описание Устьянских волостей, которое провели писцы Тимофей Бобарыкин и подьячий Макар Чукарин. По новым писцовым и дозорным книгам в Устьянских волостях обнаружилось «новоприбылые» 154 с лишним выти¹. Это число было, конечно, меньше, чем предполагаемое Н. Талызиным (182,8), но значительно больше рассчитанного нами выше (116). Справедливость приведенных нами расчетов косвенно подтверждается решением, зафиксированным в царской жалованной грамоте 28 февраля 1625 года, об отмене результатов нового описания: *«А писцовые и дозорные книги Тимофея Бобарыкина да подьячего Макарья Чюкарина велели отставить, потому что они на вас крестьян положили новоприбылые доходы не по земле и не по угодью, и с сенных покосов положили новоприбылой же оброк не по нашему указу сверх прежних сотных грамот своим самовольством не против прежних сотных грамот»*².

По утверждению устьянцев, «завытные» сенные покосы Т. Бобарыкин обложил по гривне, а не по 3 деньги с 10 копен, — оклад соответствовал размеру больших, а не малых (волоковых) копен. В результате размер взимаемых «сенных денег» увеличивался более чем в 6 раз. Правительство, отменив описание 1622/23 года и таким образом признав правоту устьянских челобитчиков, в дальнейшем все же продолжало требовать «лишние» (рассчитанные по несправедливо большому окладу) «сенные деньги» с крестьян пяти устьянских деревень (16 рублей 17 алтын 2 деньги)³. Доказать свою правоту позднее устьянцы не могли, так как материалы дозора и переписи Т. Бобарыкина сгорели в Московском пожаре 1626 года, зато данные о предыдущих платежах в приходных книгах Устюжской четверти оставались. Таким образом, ошибка писцов превратилась в правило — основание последующего взыскания. Казалось бы, сумма была небольшой, если ее разложить на все Устьянские волости, но поскольку «завытные» сенокосы у пяти деревень фактически были, то крестьяне остальных деревень отказывались

1 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 37. Л. 329. Документы, связанные с приездом в Устьянские волости московского дворянина Дмитрия Михайловича Овцына и подьячего Ивана Окатова для переписи дворов, сбора денежных доходов и пр., и о сопротивлении крестьян Устьянских волостей (1635–36 гг.).

2 Там же. Л. 331.

3 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 51. Л. 20. Судное дело по обвинению земскими судейками Введенского стана Устьянских волостей Давыдом Тимофеевым с товарищами прошлых земских судеек того же стана Пятого Агапова с товарищами в сборе лишних оброчных денег с пяти деревень за сенные покосы р. Кочкурги (1632, декабря).

за них платить, тем более такую несправедливо большую сумму. Да и согласно жалованной грамоте 1622 года, местным должностным лицам строго запрещалось переносить тягло и оброки с деревни на деревню. Получилась крайне запутанная ситуация, из которой правового выхода не было, в результате чего начались бесконечные судебные тяжбы.

Самой тяжелой повинностью для устьянских крестьян была выплата «стрелецких денег», которые взимались с «навалых» сох. Тем не менее до поры до времени устьянские крестьяне выплачивали их исправно. В 1624/25, 1625/26 и 1626/27 годах образовалась задолженность за *«московские стрелецкие запасы»* в сумме более 1707 рублей. Правительство проявило терпение в данном вопросе, хотя и подумывало уже послать дворянина, поскольку у устьянских крестьян имелась уважительная причина: 21 марта 1628 года *«били челом... посыльщики, что... деньги собраны и привезены к Москве», «а доправить не на ком, потому что крестьяне оскудали, хлеб недородился, а в прошлом 135 (1626/27) году лошади и коровы и всякая скотина выпала»*¹.

С 1630/31 по 1633/34 год устьянцы платили «за стрелецкие хлебные запасы» по 635 рублей 10 алтын 2,5 деньги ежегодно, по окладу 95 рублей с сохи².

В период Русско-польской войны 1632–1634 годов ситуация в налогообложении начинает осложняться. Правительство пытается притянуть устьянцев к исполнению ямской повинности, от которой они были ранее освобождены. В 1632/33 и 1633/34 годы было *«велено устьянцом ямская гоньба гонять ис Чушевицкой волости до Вологды и Важеские их подводы перемывать и для того устроить ям»*, но устьянцы ослушались указа³. Начиная с 1634/35 года образуется большая задолженность устьянцев в выплате «стрелецких денег», так как годовой оклад увеличился до 120 рублей с сохи⁴. Начиная с 1634 года устьянцы безуспешно бьют челом о сложении с себя «навалых» сох⁵. Правительство при этом продолжает настаивать на строительстве Чушевицкого яма, пытаясь с этой целью собрать устьянских крестьян, но в 1634 году те не явились на заплани-

1 Архив РГО. Разряд VII. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.–7.

2 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 346.

3 Истомин А.А. Имунитетные грамоты... С. 144.

4 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 342.

5 Богословский М.М. Земские челобитные в Древней Руси: (Из истории земского самоуправления на Севере в XVII веке)// Богословский вестник. 1911. Т. 1. С. 147–148.

рованный правительством съезд¹. Кульминацией же затянувшейся истории стал произвол направленного в 1635 году в Устьянские волости дворянина Дмитрия Овцына, который привел к восстанию устьянских крестьян.

28 ноября 1633 года во все города, подведомственные приказу Устюжской четверти, в том числе и Устьянские волости, последовал царский указ *«имать даточным людем с сорока дворов по человеку. Да с тех же дворов тем же даточным людем кормовых денег и на платье в год по 14 рублей по 31 олтину по 4 деньги»*. На 6 января 1635 года *«даточных людей»* и денег им *«на корм и платье»* устьянцы *«не присылавали»*. 8 марта 1635 года устьянцы выразили свою правовую позицию в челобитной царю, утверждая, что *«подымщина»* и *«лишние деньги»* на них *«наложены мимо государеву жалованную грамоту»*². Действительно, в основном документе, которым руководствовались устьянцы в фискальных отношениях с государством, жалованной грамоте 8 сентября 1622 года, ничего о «даточных людях» не сказано. Для правительства же затруднением было отсутствие актуальных писцовых и дозорных книг Устьянских волостей, из-за чего нельзя было определить действительное число дворов, а соответственно, и точное количество требуемых с Устьянских волостей денег.

25 марта 1635 года царь и великий князь Михаил Федорович *«указал послати в Устьянские волости с Москвы дворенина добра... крестьянские дворы и бобыльские переписать во всех волостях и в деревнях и на погостех»*, а 30 апреля *«велел Дмитрею Михайловичю Овцыну да подъячему Ивану Окатову ехать в Устьянские волости для того»*³. В дополнение к основной цели поездки Д. Овцыну поручили взыскать с устьянцев недоимку *«четвертных денежных доходов»*, в том числе и те самые «сенные» 16 рублей 17 алтын 2 деньги, а также 666 рублей 3 алтына 5,5 деньги за *«стрелецкие хлебные запасы»*. В том же 1635 году для сбора *«стрелецких кормов»* в Устьянские волости был командирован стрелецкий сотник Иван Алалыкин, однако устьянцы *«ему, Ивану, отказали же, стрелецких кормов не дали, учинились сильны»*. Также Д. Овцыну было поручено взыскать 150 рублей убытков в пользу чушевицких крестьян, вынужденно осуществлявших ямскую гоньбу (что шло вразрез с интересами остальных Устьянских волостей), и устроить в Чушевицах ям. Каждое из требований, с которым выступил Д. Овцын, являлось, с точки зрения устьянских крестьян, незаконным.

1 Богословский М.М. Земское самоуправление... С. 225–226.

2 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 37. Л. 264, 265, 269 об.–270.

3 Там же. Л. 265 об.–267.

В июне 1635 года Д. Овцыну отказали в переписи крестьяне большинства Устьянских волостей. 2 июля он разослал повестки на съезд по поводу Чушевицкого яма, назначив местом сбора Пежемскую волость, но устьянские крестьяне на него не явились. Параллельно в июле-августе 1635 года устьянцы самостоятельно собирают требуемые Д. Овцыным деньги только с количества дворов, указанных по описанию 1564/65 годов, обосновывая свою правоту жалованными грамотами 1622 и 1625 годов. Поскольку, как покажут последующие описания Устьянских волостей, количество дворов в них изрядно увеличилось за 70 лет, крестьянам было выгодно высчитывать сумму, исходя из прежнего описания. С другой стороны, сокрытию реального количества дворов благоволил и сам переписчик, который, по выражению М.М. Богословского, *«не знал сдержки ни своим рукам, ни своим аппетитам»*¹. В Шангальской сошке Введенского стана Овцын насчитал всего 56 (!) дворов, тогда как по переписи 1646 года в ней было 240 одних только крестьянских и бобыльских дворов, т.е. цифры были занижены более чем в 4 раза². Видимо, устьянские крестьяне имели основание полагать, что Д. Овцын пишет дворы *«не по государеву указу»*, а *«своим самовольством»*, и, видимо, были правы в том, что имели место *«посулы и кормы и поминки великие»*.

Вызывали возмущение и другие неприглядные факты, связанные с пребыванием дворянина в Устьянских волостях, которые напомнили местным крестьянам произвол «приказных людей». Обвинения Д. Овцына в злоупотреблениях со стороны устьянских челобитчиков занимают не одну страницу писчего текста: *«имали у нас корму на день по пяти рублей... И справили на себя на приезде пятьдесят рублей, и велели про свой к нам приезд пива и вина варить. И прогоны на нас справили с сошки с малые по полтора рубли, и имали подводы. ...писчего имали з дворца по гривне»*; *«и приехав, взяли у нас списки с сотных и сотные к досмотру и к справке, и под сотные взяли семдесят рублей. ...взяли подводы многие Сысоевские и Наумовские и Старчевские деревень у всех крестьян и с седлы. Повозили и ездили немерно, и гоняли. И... с того их немерново езду кони примерли. А на достальных конях ехали до Чадромского погоста, и достальные кони проводники у них выкупали»*; *«доправил на себя на Шангальской сошке и на Ростовской*

1 Богословский М.М. Земские челобитные... С. 235.

2 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15038. Л. 1–63. Переписные книги черносошных Устьянских волостей переписи Дмитрия Михайловича Овцына (1634–1636 гг.); РГАДА. Ф. 1209. Кн. 583. Л. 1–137. Переписная книга черных Устьянских волостей переписи московского дворянина Никиты Дмитриевича Телегина и подьячего Михаила Тугаринова. Л. 138–339. Подлинник-противень за справой Н. Д. Телегина и М. Тугаринова (1646 г.).

волостке на крестьянх поминку по пятидесят рублев сверх твоих Государевых дворцовых денег. И доправил на нас прогонные деньги вдвое и памяти нам не дал»¹.

Непонятен для устьянских крестьян был и правовой статус присланного дворянина. Новый переписчик дворов действовал вопреки государевым жалованным грамотам 1622 и 1625 годов. В челобитной царю устьянские крестьяне сообщали: *«А Дмитрий Овцын твои Государевы жаловальные грамоты рудит, и подписную челобитную рудит же. И отбой тебе Государю и отписки к Москве на нас, сирот твоих Государевых, пишет ложно. А мы, сироты твои Государевы, от него не отбиваемся и не отказываем, подносим твои Государевы жаловальные грамоты... И тот Дмитрий Михайлович Овцын да подьячей Иван Окатов тех твоих Государевых грамот не слушают и велят твои Государевы грамоты метать под лавицу, и говорят против твоих Государевых грамот непригожие слова. А хотят они быть у нас в Устьянской волости приказщиками»².* Переписчика устьянцы обвиняли в самозванстве: *«ездете де вы по воровскому наказу, стакався с дьяком (Устюжской четверти. — А.И.) для своей корысти»³.* Государев указ о проведении переписи и сборе разного рода денежных доходов, который зачитывал Д. Овцын, выборные должностные лица и крестьяне Устьянских волостей не считали подлинным, а исходящими от царя считали только выданные им жалованные грамоты.

При попытке Д. Овцына переписать дворы в Устьянских волостях дважды — 23 сентября 1635 и 11 февраля 1636 года — происходит бунт крестьян трех «верхних» Устьянских сошек Введенского стана: Никольской, Введенской и Дмитриевской. Несмотря на то что во второй раз Д. Овцын явился с 20 устюжскими стрельцами, переписать все дворы трех «верхнеустьянских» сошек ему так и не удалось. Деревня Щапинская была превращена местными жителями в неприступный рубеж, в ней был построен небольшой острог (в стенах домов проделаны бойницы, а между дворами проезды загорожены), на защиту которого собрались около 500 вооруженных людей. С одной стороны, устьянцы игнорировали требования переписчика, а с другой — ему пришлось услышать в свой адрес и прямые угрозы: *«Подымные деньги, и за стрелецкие хлебные запасы, и [за] всякие четвертные доходы деньги послали мы, собрав, Государь, к Москве своими посыльщиками. А ты де от нас из волостей поедь вон, покаместа жив и в воду не сажень»⁴.*

1 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. (1633 г.) № 37. Л. 322–323.

2 Там же. Л. 363–365.

3 Там же. Л. 296.

4 Там же. Л. 355.

10 мая 1636 года Д. Овцын привез в Москву *«переписные книги за своею рукой»*, но ему удалось переписать всего 1003 двора (согласно писцовой и межевой книге 1645/46 года, всех дворов в Устьянских волостях насчитывалось около 2000). Не удалось достичь Д. Овцыну и других целей своей поездки.

Задолженность устьянцев в выплате «стрелецких денег» тем временем продолжала нарастать. Размер недоимки составлял за 1633/34 год — 19 рублей 25 алтын 2 деньги, за 1634/35 год — 379 рублей 23 алтына с полуденьгою, за 1635/36 год — 583 рубля 13 алтын 1,5 деньги, за 1636/37 год — 1310 рублей 11 денег, за 1637/38 год — 1309 рублей 20 алтын 2,5 деньги, за 1638/39 год — 580 рублей 12 алтын 2 деньги, за 1639/40 год — 580 рублей 33 алтына с деньгой. Всего за 1633/34–1639/40 годы образовался долг в размере 4763 рубля 30 алтын 2,5 деньги. Расплатиться с ним не было никакой возможности, ситуация с каждым годом усугублялась. Причинами образования недоимки явились также неурожаи и другие бедствия в Устьянских волостях, на которые ссылались устьянские челобитчики (достаточно сказать, что в 1636 году разбойники, пришедшие на Устю с Сухоны, сожгли 17 деревень и ограбили многих крестьян)¹.

Понимало невозможность выплаты долга и правительство, тем более что проблема касалась не только Устьянских волостей. Со всех городов Устюжской четверти было повелено взять образовавшуюся за 1633/34–1636/37 годы недоимку в 4 года, начиная с 1637 года, т.е. правительство предложило рассрочку. Однако *«Устьянских волостей земские судейки и старосты и целовальники и все крестьяне тех доимочных денег к государю к Москве не присылавали»*. 27 мая 1637 года по государеву указу в Устьянские волости был направлен пристав Устюжской четверти Гаврило Симоновский. 18 февраля 1638 года в *«доездной памяти»* (отчете) он сообщил, что *«в тех доимочных деньгах Устьянских волостей старосты и целовальники и крестьяне стояли на правеже и сказали ему, что они о тех доимочных деньгах послали к царю челобитчиков; и после де того земской судейка Подосенко Коробов с товарищи в тех доимочных деньгах в платеже ему отказали и крестьян с правежу спустили, и ево из волости выслали»*².

9 марта 1640 года в Устьянские волости с целью сбора «доимочных денег» был послан пристав Устюжской четверти Ларион Васильев. В его задачу входило также наказать прежних земских судей Устьянских волостей за неплате-

1 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 342.

2 Там же. С. 347–348.

жи — «посадить в тюрьму на неделю». 29 июля того же года в «доездной памяти» Ларион Васильев сообщил, что «он, Ларион, по государеву наказу, приехав в Устьянские волости, на судейках и на старостах и на крестьянх стрелецких денег правил, и в тех деньгах те судейки и старосты и крестьяне на правеже стояли, и как де они выбрали к Москве челобитчика, и судейка де Пахомка Елизаров с товарищи ему отказали и на правеж не пошли, учинились сильны. А что ему тех же судеек и старост и крестьян за ослушанье велено их вкинуть в тюрьму на неделю, и те судейки государеву указу не послушали ж, учинились сильны, в тюрьму не пошли и с правежу разбежались, и тех доимочных денег править стало не на ком, а одному ему с ними делать стало нечево»¹. Вместе с тем Л. Васильеву удалось провести описание трех «верхнеустьянских» сошек, не переписанных Д. Овцыным².

В то же самое время «данные», «оброчные», «за сибирские хлебные запасы» и «за приказчиков доход» деньги платились Устьянскими волостями исправно, согласно жалованной грамоте 1622 года. Устьянцы, очевидно, не хотели платить недоимку «стрелецких денег» до урегулирования вопроса о сложении «навалых» сох. «В 1640 г. посыльщик их С.С. Кубенин с тремя товарищами подали бог знает которую уже челобитную государю по этому делу... В течение двух месяцев, октября и ноября 1640 г. посыльщики подали государю одну за другою еще шесть челобитных о том же деле. Но... все эти “подписные” челобитные не оказывали ни малейшего действия»³.

В памяти из Стрелецкого приказа от 21 апреля 1643 года сказано, что государь предложил новую рассрочку — указал «с Устьянских волостей за стрелецкой хлеб доимочные деньги на прошлые годы... взять в 10 лет». За период с 1638 по 1643 год сумма задолженности составляла 4074 рубля 31 алтын 5,5 деньги.

В 1644/45 году Устьянские волости были положены в 3 с лишним сохи, причем по этому окладу было указано платить за период, начиная с 1637/38 года, «потому что Устьянских волостей крестьяне своим самовольством за стрелецкие запасы деньги платили з 2 сох неведомо почему, а не против сошного розводу, в сколько сох те их 229 вытей с полутретью выти против худые земли довелись».

1 Там же. С. 348.

2 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15038. Л. 65–83. Переписные книги черносошных Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четверти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей (1639/40 г.).

3 Богословский М.М. Земские челобитные... С. 147–148.

Поскольку предполагалось, что сох в Устьянских волостях будет, конечно, не 6 с лишним, но и не 3, то спорную часть недоимки за прошлые годы государь указал взять после нового описания: *«государь с тех вытей достальных доимочных денег за стрелецкие запасы на устьянских крестьянех имать не указал, покаместа писцы Устьянские волости опишут и книги письма своего и меры на Москве положат»*¹.

В сметах Устюжской четверти за 1644/45 год указано «донять» с Устьянских волостей денег *«за стрелецкие хлебные запасы»*: за 1637/38 год — 1039 рублей 20 алтын 3 деньги, за 1638/39 — 580 рублей 12 алтын 2 деньги, за 1639/40 — 580 рублей 33 алтына с деньгой, за 1640/41 — 801 рубль 33 алтына, за 1641/42 — 801 рубль 33 алтына, за 1642/43 — 801 рубль 23 алтына 3,5 деньги, за 1643/44 — 801 рубль 21 алтын 4,5 деньги. И всего за период с 1637/38 по 1644/45 год — 5678 рублей 10 алтын 3,5 деньги. Там же говорится о том, что за период с 1637/38 по 1644/45 год *«из Устьянских волостей крестьяне тех [доимочных] денег к государю к Москве не присылавали»*.

Задолженность с 1637/38 до 1644/45 года включительно, образовавшаяся от платежа не с 3 с лишним, а с 2 сох, составила 1691 рубль 21 алтын с деньгой, и ее *«указал государь на устьянских крестьянех доправить писцом, которым для письма и меры быть в Устьянских волостях»*².

18 марта 1645 года государь *«указал в Устьянские волости послать писцов с мерою, потому что в тех волостях писец Иван Невежин был в 73-м (1564/65) году, тому 80 лет, а после того во 131-м (1622/23) году были писцы Тимофей Бабарыкин, и те писцовые книги отставлены и в кремльской пожар во 134-м (1626) году згорели»*³.

Наконец полноценное описание Устьянских волостей после 80-летнего перерыва состоялось. Согласно писцовой и межевой книге 1645/46 года, в Устьянских волостях оказалось почти 396,5 выти и более чем 5 сох⁴. 9 апреля 1647 года новый царь Алексей Михайлович подтвердил жалованную грамоту 1622 года, указав *«и свой государев оброк, и за волостелин доход, и за осталую землю, и за сено,*

1 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 351, 352.

2 Там же. С. 353.

3 Там же. С. 351.

4 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 510. Писцовая и межевая книга земель Устьянских волостей письма и межевания писцов стольника Ивана Иевлевича Загрязского и подьячего Тимофея Семенова (1645/46 г.).

и со всяких угодий оброк же, и с оброку пошлины, и за стрелецкие хлебные запасы деньги» собирать по новому сошному письму, «а за приказщиков доход и за сибирской запас денги указал государь им платить по прежнему указу»¹. Прежнюю образовавшуюся недоимку («стрелецкие деньги») за 1637/38–1645/46 годы в размере 4788 рублей 11 алтын 0,5 деньги государь указал «взять в 6 лет»: в первые 5 лет — по 798 рублей 11 денег ежегодно, в 6-й год — 798 рублей 2 алтына без 0,5 деньги².

Оставалось неурегулированным дело о строительстве Чушевицкого яма. В 1645/46 году устьянцы, отказывавшиеся по-прежнему исполнять ямскую повинность, «Важеского воеводу Данилу Яковлева да стройщика Федора Чаплина лаяли и стрельцов били»³. Видимо, за это в 1646 году устьянским крестьянам было учинено жестокое наказание: переписчик дворянин Никита Телегин, в свою очередь, бил их кнутом⁴. В 1647 году Ф. Чаплин взял в недоимку 798 рублей 11 денег, при этом оставалось недоимки 3990 рублей 9 алтын 1,5 деньги⁵.

Урегулирование вопроса посошного обложения в середине XVII века частично сняло остроту проблемы взаимоотношений Устьянских волостей с государством в податной сфере, но не решило всех проблем, из-за чего столкновения устьянцев с правительственными агентами случались и впредь. И в дальнейшем идущие из старины, традиционные и закрепленные в жалованных грамотах налоги они выплачивали исправно. Однако крестьяне Устьянских волостей противились вновь вводимым в отношении них налогам, не зафиксированным в жалованных грамотах, также уклонялись от исполнения повинностей, от которых были по ним освобождены.

1 Устьянская земля... С. 338–339.

2 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 353–354.

3 Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Варшава, 1913. Т. II. С. 367.

4 Богословский М.М. Земское самоуправление... С. 226–227.

5 Веселовский С.Б. Акты писцового дела. С. 354.

Роль государства в распространении церковных нововведений на севере России (начальный этап)

Церковная реформа середины XVII века, вызванная к жизни сменой внешнеполитического курса русского правительства, являлась неременным условием и средством для сближения православных церквей. Церковное единство должно было лечь в основу фундамента будущей всеправославной империи¹.

Долгое время в историографии господствовало мнение, что церковное реформирование было связано с необходимостью исправления богослужебных книг, в которые закрались еретические искажения². Первым, кто обратил внимание на существование политических мотивов, вызвавших намерение царя изменить русские обряды, был профессор Московской духовной академии Н.Ф. Каптерев. В его представлении попечение царя о вере и церкви, которое тот считал своей главной обязанностью, выражалось в поддержании единства между православными церквями и в устранении препятствующих будущему церковному единению обрядовых различий. Поэтому и церковная реформа виделась царю как необходимое действие, предваряющее дальнейшее продвижение к избранной цели³. Каптереву не удалось развить высказанную им мысль. Анализируя причины церковной реформы, свое основное внимание он сосредоточил на участии царя и его духовника Стефана Вонифатьева в кружке ревнителей благочестия. Выделяя в кружке две группы — провинциальных и столичных ревнителей, Каптерев считал, что при общем желании повысить народную нравственность и оздоровить церковную жизнь, эти группы расходились во взгляде на средства достижения цели. Провинциальные ревнители, по его мнению, предлагали осуществить задуман-

1 Крамер А.В. Раскол Русской Церкви в середине XVII в. СПб., 2011. С. 53.

2 Макарий (Булгаков), епископ Винницкий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 244–247; Сеницына Н.В. К истории раскола последней трети XVII в. (Соловецкое и Московское восстания) // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 7: Период самостоятельности Русской церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). Отдел второй. Патриаршество Московское и всея Великия и Малыя и Белья России — воссоединение Западнорусской церкви с Восточнорусской (1654–1667). С. 501–503.

3 Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 42, 45.

ное «домашними средствами», оставаясь в рамках русской традиции. Столичные члены кружка, к которым принадлежали царь и Стефан Вонифатьев, предлагали привлечь ученых греков и киевлян, которые помогут наладить в Москве процесс обучения и займутся книжными переводами. При этом они видели в современной греческой церковной жизни образец для подражания¹. В итоге, по мнению Каптерева, разногласия провинциальных и столичных ревнителей благочестия вылились в открытую борьбу, что в конечном результате привело к расколу общества и церкви². Как профессор духовной академии Каптерев в оценке реформы не отходил от официального мнения, согласно которому реформа была призвана перестроить русскую жизнь на новых началах, она знаменовала столкновение нового со старым и победу нового³. Объясняя причины массовости отторжения реформы, Каптерев слишком много значения придавал проповеди отправленных Никоном в ссылку опальных членов кружка ревнителей благочестия. Будто бы они убедили народ, что реформа проводилась исключительно по инициативе одного патриарха Никона — отступника и еретика⁴. Но справедливости ради следует заметить, что под давлением выявленных им фактов Каптерев признавал, что неприятие реформы было широко распространено в церковной среде, никак не связанной с кружком «боголюбцев»⁵. Тем не менее представление, что церковный раскол вырос из борьбы бывших членов кружка ревнителей благочестия, разошедшихся во взглядах на реформу, укоренилось в научной литературе и господствовало до конца XX века, а в некоторых работах, затрагивающих старообрядческую проблематику, встречается до сих пор⁶.

В начале XXI века в научный оборот вводятся неисследованные ранее документы, в свете которых выводы Каптерева о существовавшей политической подоплеке церковной реформы получают новое, более громкое звучание. Самой значительной в этом плане явилась работа В.Г. Ченцовой, посвященная неизвестным

1 Там же. С. 32–33, 78–79.

2 Там же. С. 80, 113–114, 270.

3 Там же. С. 114.

4 Там же. С. 142–145.

5 Там же. С. 512.

6 Устюгов Н.В., Чаев Н.С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сб. статей. М., 1961. С. 313; Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 97–98; Волков М.Я. Русская православная церковь в XVII в. // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 190–191; Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. М., 1986. С. 6–7.

сторонам греко-русских связей в 40-е годы XVII века¹. Применяя особую, разработанную ею методику изучения греческих грамот, исследовательница выявила несколько групп, связанных между собой документов, установила обстоятельства их написания и характер отношений между отправителями и адресатами. Греческое духовенство было разделено на враждующие группировки — противников всего католического, наследников политики константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и осевших в Молдавии прокатолически настроенных архиереев, ориентировавшихся на иерусалимского патриарха Паисия². Политические проекты греков, направленные на создание антиосманской коалиции, находили различные отклики у части русской политической элиты, также разделенной на партии: за союз с Речью Посполитой против Турции (Ф.И. Шереметев, Г.В. Львов, М. Волошенинов, А. Иванов); за союз со Швецией и Турцией против Речи Посполитой (Б.И. Морозов, И.Д. Милославский, Н. Чистой)³. Политические предпочтения некоторых из указанных лиц нередко менялись. Изучение истории грамот позволило Ченцовой установить существование тесной зависимости приездов греческого духовенства в Россию от политических событий в Юго-Восточной Европе середины XVII века. Начавшаяся в 1645 году война (Кандийская) между Венецией и Турцией за Крит всколыхнула активность греческих архиереев, имевших корни на Крите (митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар и др.). После провала в 1646 году проекта антиосманского похода польского короля Владислава IV Афанасий Пателар, принадлежавший к пролатински настроенной части греческого духовенства, установил дружественные отношения с некоторыми сторонниками патриарха Кирилла Лукариса, оказавшимися в оппозиции к константинопольскому патриарху Парфению II. Эта группа греческого духовенства вместе с греками, находившимися в Яссах (в Молдавии), стала активно поддерживать Богдана Хмельницкого и план перехода Войска Запорожского в русское подданство. Восстание казаков против магнатов, которые воспротивились королевскому замыслу похода против турок, должно было, по их мнению, привести к войне с Османской империей и обеспечить победу Венеции в борьбе за Крит⁴. И Пателар и Власий убеждали русского

1 Ченцова В.Г. Икона Иверской Богоматери (Очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010.

2 Там же. С. 135–136.

3 Там же. С. 190–194.

4 Там же. С. 285–286.

царя принять в свое подданство Войско Запорожское и начать войну с Османской империей для освобождения православных народов и создания православной империи¹. Интересы русской политики совпали с греческими чаяниями и призывы греков на этот раз были услышаны. На повестку дня вышла необходимость устранения обрядовых различий². Как справедливо заметила Ченцова, «политическая эволюция требовала преобразований в церковной области»³. Таким образом, в новом политическом проекте церковной реформе была отведена скромная вспомогательная роль. На первое место выдвигались внешнеполитические цели: расширение границ в западном направлении, избавление от католического гнета находящихся под польским владычеством православных народов и союз с ними, освобождение греческой церкви от турецкого порабощения, объединение всех православных церквей при покровительстве московского царя. В процессе развития политических событий назревали и решались вытекающие из поставленных целей задачи: формирование общественного мнения, обретение союзника в лице украинского казачества, война с Речью Посполитой за расширение территории православного царства, унификация обрядов, чтобы не было различий с греками и украинцами. Русское правительство, сблизившись с константинопольским патриархом Парфением II, оставило без последствий предложения об унификации обрядов, высказанные Паисием Иерусалимским в 1649 году. Но после убийства Парфения II в 1651 году советниками русских в вопросах церковной реформы стали представители греческого духовенства из круга именно иерусалимского патриарха Паисия — это Арсений Грек, Афанасий Пателар и Гавриил Власий. Предложенный ими план церковной реформы предусматривал подчинить, а на деле подменить русскую церковную обрядность и идеологию греческой. Что позволило бы внедрить имперскую византийскую идеологию, необходимую для будущих территориальных приобретений в польско-литовских землях и на Дунае. Россия прочно встала на путь создания империи и экспансии⁴.

Первым шагом в этом направлении стало распоряжение патриарха Николая, действовавшего в соответствии с избранным политическим курсом страны,

1 Там же. С. 282–283.

2 На это обстоятельство, как на одну из причин проведения церковной реформы, было указано в научной литературе. См.: Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.): Критические очерки. М., 1967. С. 149.

3 Ченцова В.Г. Указ. соч. С. 287.

4 Ченцова В.Г. Указ. соч. С. 288.

о введении троеперстного крестного знамения и изменения количества земных поклонов при чтении молитвы Ефрема Сирина в феврале-марте 1653 года¹. Таким образом, патриарх оказался втянутым в большую политику как активный проводник греческой линии, а начатая им церковная реформа прочно закрепила за собой его имя². Готовилась война с Речью Посполитой. Решение о начале войны было принято именно в феврале-марте 1653 года (после чего, вероятно, и последовало распоряжение Никона об изменении обрядов), а 23 октября 1653 года царь объявил о принятом решении в Успенском соборе. Войска выступили к границам в феврале, а боевые действия начались в июне 1654 года³. Война длилась 13 лет и завершилась в 1667 году. На этом внешнеполитическом фоне, по мере развития военных событий, внедрялась церковная реформа.

В научной литературе уже высказывалось мнение о недостаточной изученности процесса распространения церковных нововведений⁴. Но практически этот вопрос вообще не подвергался исследованию. Отсюда встречающиеся в современных работах устаревшие историографические штампы: «заражение расколом», «распространение раскола», «расколоучители»⁵.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть указанный процесс и его механизм на примере северных территорий Российского государства, входящих во второй половине XVII века в Новгородскую, а с 80-х годов и в Холмогорскую епархии. В качестве источников используются архиерейские грамоты, памяти, указы, документы церковных соборов, продукция Московского печатного двора церковного и церковно-полемиического содержания, царские указы и грамоты, служебная переписка светских должностных лиц: воевод, подьячих стрелецких начальников и др.

В целях подготовки общественного мнения для оправдания польской войны на Московском печатном дворе были напечатаны Каноны-молебны о соединении православной веры и о даровании победы «на сопротивных». Если каноны о даровании победы над врагом имели общее значение и могли быть использованы

1 *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 57.

2 В литературе отмечалось, что реформа названа Никоновым именем незаслуженно. См.: *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 196; *Крамер А.В.* Указ. соч. С. 115.

3 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5, т. 9–10. С. 588, 620–621.

4 *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 297.

5 Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. М., 1986. С. 12.

для любого военного события, то каноны о соединении веры предназначались для поддержания стратегических проектов на православном Востоке. Работа над канонами, начатая еще до войны, наглядно демонстрирует, как идея создания православной империи овладевала умами русских правительственных верхов. Исходя из содержания канонов, становится очевидным, что они были составлены задолго до 1654 года и, возможно, греками. В тексте речь идет о походе царя против турок и об избавлении православных народов от турецкого рабства. Главная идея Канонов-молебнов — освобождение Греческой церкви от подчиненного положения и единение всех православных церквей¹. Цель, которую преследовали составители канонов, заключалась в вовлечении в борьбу с Османской империей какого-либо христианского государя (грекам было безразлично, кто окажет помощь и освободит их родину от неволи — католики или православные). Гавриил Власий еще в 1641 и 1646 годах присылал в Москву сочиненные им молитвы за царя, который борется с безбожными «скифами», т.е. с турками. Он считал необходимым, чтобы подобные молитвы читались в церквях, когда царь двинет войска на помощь грекам². Вероятно, начиная войну с Речью Посполитой и рассматривая ее как часть «греческого проекта», русское правительство сочло уместным использовать некоторые тексты, созданные греками, для своих будущих освободителей. Известны 4 печатных варианта молебнов: 1) «Молебное пение, певаемое в нужди церковной, о умирении и соединении веры...»; 2) «Канон молебен о соединении веры православная и о умирении церкви святых восточных...»; 3) «Последование молебного пения, внегда царю ити на отмищение противу супостатов»; 4) «Молебное пение о умирении и соединении православная веры и освобождении от бед,лежащих православным от сопротивных сопостатов и канон молебен о соединении веры православная и умирении церкви святых восточных...»³. Первые три варианта, поступая в монастыри в виде отдельных переплетенных тетрадей, для удобства пользования нередко объединялись под одним переплетом в конволюты⁴. Необхо-

1 Канон молебен, к Господу нашему Иисусу Христу о соединении веры православная, и о умирении церкви святых восточных о освобождени[и] иже в работе и во пленении еретическом сущих, и о разрушении христоненавидных тех власти, певаемый. М., 1654. С. 5–6, 10–11, 35–38.

2 Ченцова В.Г. Указ. соч. С. 197.

3 Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 80–81.

4 РГАДА б/н, БАН № 1545, 1546, 1547, 1548, 3041. На конволюте из БАН, объединяющем номера шифра 1546, 1547, 1548, на форзаце имеется надпись: «Книга в доме Пречистые Богородицы каноны новые о соединении веры в Тихвинской монастырь. А за книги плачено в Софийской дом 40 алтын, книга по две гривны».

можно заметить, что в трудах, посвященных церковной реформе, Канонам-молебнам не уделено должного внимания. Между тем привлечение такого рода источников очень важно для лучшего понимания логики и целей реформаторов.

Из Москвы печатные Каноны-молебны распространялись по епархиям. В северных областях Новгородской митрополии «на Колмогорах и у города Архангельского, и в Кевроле, и на Мезени, и на Пинеге, и в Кай городки» они появились в июне 1654 года. Местные церковные власти должны были рассылать их по монастырям и приходским церквям, а в случае, если не хватит печатных экземпляров, необходимо было делать с них списки. В патриаршей грамоте указывалось, чтобы молебны пелись по уставу: «в неделю — о соединении церкви, в среду — Богородицы воду прошед, в пяток — о победе на сопостаты», а также чтобы «всем прихожаном православным крестьяном мужем и женам, и всякого чина и возраста поститься и молить Бога, чтоб Господь Бог восточную и апостольскую церковь от иноязычных и поганных еретик освободил и совокупил воедино, також и весь повсюду христьянский род собрал воедино...»¹ Памяти с подобными предписаниями присылались на Север в знаменательные годы: 1654 (война с Речью Посполитой), 1656 (война со Швецией), 1659 (поражение под Конотопом), 1670 (восстание Степана Разина)². Вероятно, к 70-м годам общественное мнение было уже достаточно сформировано. Так, в 1662 году в доносе на турчасовских священников, которые не служили по «новоисправленным» Служебникам, доноситель апеллировал к «соединению церквей» как причине, по которой следует использовать новые Служебники³.

После неудачной попытки в 1653 году произвести изменения в обрядах посредством единоличного распоряжения патриарх решил поставить дело обрядовой унификации на законные рельсы. В 1654, 1655 и 1656 годах были созваны соборы, на которых обсуждались вопросы о якобы появившихся «новинах» в русских богослужебных книгах, которые необходимо исправить по старым греческим и славянским рукописным книгам⁴. Во исполнение соборных решений в богослужебные книги стали вносить изменения. Самая популярная у священников книга Служебник в «исправленном» варианте за время патриаршества Никона

1 РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI–XIX вв.). Оп. 5. Д. 177. Л. 1–2.

2 Там же. Д. 142. Л. 32. Д. 177. Л. 1–2. Д. 178. Л. 1.

3 Там же. Д. 252 а. Л. 1.

4 Скрижаль. Акты соборов 1654, 1655, 1656 годов. СПб., 2013. С. 255, 265, 312.

выдержала 6 изданий огромным тиражом¹. Служебники вслед за Канонами-молебнами направлялись в распоряжение епархиальных архиереев. Новгородской митрополией в 1652–1662 годы управлял митрополит Макарий², который в староверческой литературе получил характеристику сочувствующего старой вере, но покоряющегося воле начальства русского иерарха³. Деятельность этого архиерея по распространению новых книг и новых правил церковной жизни действительно не отличалась активностью.

В январе 1656 года на Вагу к поповскому старосте от новгородского митрополита Макария была прислана уставная грамота, в которой предписывалось помимо пения молебнов о здравии царя и царской семьи, службу вести в церквах единогласно, учить прихожан нравственному поведению в храме, заботиться, чтобы они постились и причащались. На непослушных следовало извещать митрополиту. Поповский староста Шенкурского острога архангельский поп Лаврентий Федоров послал 26 июня 1656 года память в Верховажскую четверть к прошлому поповскому старосте успенскому попу Федору Прокопьеву, в которой строго указывал исполнять предписания уставной митрополичьей грамоты под страхом жестокого наказания и пени. Федор Прокопьев должен был выбрать на свое место десятского попа для духовных дел⁴. Содержание уставной грамоты мало чем отличалось от общепринятых святительских наставлений нравственного характера дореформенных времен⁵. Традиционное для таких грамот требование извещать на «ослушников» не имело ничего общего с появившейся позже обязанностью составлять поименные росписи людей, не приемлющих нововведения, и носило скорее этикетный характер.

В октябре 1657 года по распоряжению новгородского митрополита Софийский сын боярский И.П. Малгин привез в Холмогоры, предназначенные для Со-

1 *Зернова А.С.* Указ. соч. С. 79–86.

2 *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36.

3 См., например: *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 23–24.

4 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы высочайше утвержденной комиссией. СПб., 1836. Т. IV. № 334. С. 496–499. (Далее — ААЭ.)

5 Ср.: Окружная память патриарха Иосифа от 16 февраля 1646 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 321. С. 481–482); Память новгородского митрополита Никона от 5 мая 1649 г. на Холмогоры поповскому старосте троицкому попу Трофиму Рогуеву (РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI–XIX вв.). Оп. 5. Д. 142. Л. 1–7).

ловецкого монастыря новые книги: Скрижаль 1656 г. и Служебники 1655, 1656 и 1657 годов. Они были переправлены на Соловки, но не использовались, т.к. по распоряжению архимандрита Ильи были спрятаны в казенной палате и подвергнуты исследованию. На состоявшемся в монастыре черном соборе 8 июля 1658 года было принято решение, запрещающее использование новых Служебников¹. Реакции властей на отказ соловецких монахов принять новую обрядность не последовало.

В Новгородской митрополии епархиальные власти до определенного времени не придавали особого значения отрицательному отношению к «новинам» в среде духовенства². Буксование реформы объяснялось особыми обстоятельствами, в которых оказалась Русская церковь в 1658 году. После ссоры с царем патриарх Никон заявил об оставлении патриаршей кафедры и своем уходе в Истринский Воскресенский монастырь. Церковь осталась без патриарха, и руководство ею взяло на себя государство в лице царя Алексея Михайловича, действовавшего через Монастырский приказ. Царь пытался контролировать процесс закрепления нововведений, привлекая светскую администрацию и прибегая к угрозам.

В марте 1660 года в Новгород к воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину из Монастырского приказа была прислана царская грамота с предписанием, чтобы воевода указал архимандритам, игуменам, протопопам, попам и дьяконам следить за соблюдением поста, за регулярным причащением, за единогласным пением. На «ослушников» следовало подавать росписи в Монастырский приказ окольничему Ивану Федоровичу Большему Стрешневу, дьякам Петру Малыгину и Андрею Немирову³. «И таковым ослушником наш, великаго государя, указ будет с опалою без всякия пощады. А будет приходских церквей попы и диаконы по сей нашей, великаго государя, грамоте детей духовных и прихожан на истинной путь обращать не учнут в сей великий пост и в прочие посты, станут таковым молчати и не покаявшихся укрывати, а нам, великому государю, учинится ведомо, и при-

1 Материалы для истории раскола за первое время его существования. Б. м., б. г. Т. 3. С. 3–7.

2 Например, в Каргопольском уезде вплоть до решения Собора 1666–1667 годов не возбранялось использовать старые Служебники. См.: Старицын А.Н. Соппротивление церковной реформе в Печниковской волости // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской конф. (14–16 августа 2012 г.). Каргополь, 2012. С. 270.

3 Грамота в 1836 г. была опубликована в ААЭ (Т. IV. № 115. С. 160–162), где вместо Андрея Немирова указан дьяк Андрей Ерохов, что более точно. См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 175, 360.

ходских церквей попам и дьяконам за то от нас, великаго государя, быть в великой опале и в пени, и правила святых апостол и святых отец в большом запрещении»¹. Грамоту приказано прочитать в соборной церкви при народе и, сделав списки, разослать по уездным монастырям и церквам². Содержание грамоты показывает, что именно светская власть инициировала создание системы контроля над продвижением и укоренением церковной реформы.

Следуя в русле царских установок, церковные власти рассылали аналогичные предписания, только контролировать их исполнение вменялось в обязанность не воеводе, а поповскому старосте. В декабре 1660 года новгородский митрополит Макарий в грамоте, отправленной в Холмогоры, приказывал поповскому старосте троицкому попу Трофиму Рогуеву следить за соблюдением, казалось бы, обычных норм церковной жизни. Но в условиях перемены идеологии под этим подразумевалось, что нужно следить за тем, как люди принимали «новины». Знаменательно, что церковные архиереи отдавали распоряжения о посте на основании царского указа³. Священство в новой церковной организации помимо привычных обязанностей наделялось новыми функциями — выявлять неблагонадежных, т.е. нелояльных к нововведениям (а по сути, к церковной и светской власти), и доносить на них. Приходские священники должны были: 1) читать поучения о необходимости покаяния и причастия; 2) расспрашивать своих прихожан, постились ли они в прошлый пост и есть ли у них духовные отцы; 3) если не постились и не причащались, то допытываться, почему и хотят ли впредь приходить к своим духовным отцам на покаяние; 4) составлять именные списки не желающих каяться и причащаться и отдавать их протопопам. Протопопы должны были передавать росписи с именами непокорных и подписями священников поповскому старосте, а тот — в Великий Новгород митрополиту. Из митрополичьей канцелярии должны посылать отписку в Москву, по всей видимости, в Монастырский приказ. В свою очередь, за протопопами и попами, чтобы они не скрывали не покаявшихся, наблю-

1 Барсов Е.В. Олонецкий монастырь Клименцы с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Ч. 4. С. 127–129.

2 Там же. С. 129–130.

3 Ср.: Грамота вологодского архиепископа Маркелла архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря Ионе от декабря 1660 г. о соблюдении поста начинается словами: «прислана великого государя царя <...> грамота <...> в грамоте великого государя написано: указал великий государь царь <...> всем православным христианом, всякого чина и возраста, мужеска полу и женска поститься...» (ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 121. С. 167).

дал поповский староста. В его задачу входило писать в Новгород на нерадивых священников, которых отстраняли от священнослужения. Сам поповский староста тоже мог быть наказан за пренебрежение своими обязанностями, если на него поступал донос к митрополиту¹. Как видно из грамоты митрополита, в 1660 году к требованиям устава 1656 года добавились обязательства выявлять церковных противников и составлять их списки для извещения начальства, а также угроза о наказании как самих «ослушников», так и тех священников, которые осмелятся их укрывать. Для оценки деятельности митрополита Макария по внедрению реформы уместно сравнить содержание его грамот с аналогичными предписаниями ростовского митрополита Ионы. Последний уже в 1657 году неоднократно требовал, чтобы в приходских храмах употребляли при богослужении новые печатные Служебники².

Несмотря на применяемые меры, можно утверждать, что до 1667 года распространение «новин» в Новгородской митрополии проходило вяло, за бездействие никого не наказывали³. Во многих храмах при попустительстве епархиальных властей продолжали вести службу по-старому, используя старые Служебники, деревянные богослужебные сосуды, просфоры с восьмиконечным крестом.

Произведенный анализ грамот церковных иерархов показывает, что к концу XVII века новая идеология и новая обрядность достигли самых отдаленных приходов Новгородской и Холмогорской епархий. На раннем этапе процесса распространения и закрепления церковных нововведений (1653–1666 годы) действует старая система духовного наставления и увещания, которая не приносит существенного результата. Следует отметить, что начало церковного реформирования проходило без явного участия государства, т.к. патриарх Никон, определенный по своему сану на роль ответственного за реформу лица, еще не утратил дове-

1 РГАДА. Ф. 1455 (Государственные и частные акты поместно-вотчинных архивов XVI–XIX вв.). Оп. 5. Д. 147. Л. 1–4.

2 ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 335. С. 499.

3 За период с 1653 по 1667 год сведений о наказании кого-либо в Новгородской митрополии за бездействие в распространении новых книг или за противодействие реформе не выявлено. В виде исключения можно упомянуть случай наказания за нерешительность каргопольского поповского старосты священника Ивана Семенова Кимлянинова — его отстранили от должности в 1667 году. Но из документов не совсем ясно, за что именно отстранили священника — за неуверенные действия при внедрении новшеств или за конфликт с воеводой (см.: РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Карт. 10973. № 48. Л. 1–8. РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 3. Д. 235. Л. 97).

рия царя, предоставившего ему свободу действий. После ссоры Никона с царем и оставления им патриаршества, государственное вмешательство в церковные дела сделалось ощутимее. В Новгородской митрополии это стало проявляться с 1660 года.

**Пожар в Каргополе в 1765 году и восстановление города:
взаимодействие государственных и местных органов власти¹**

Во второй половине XVIII века в России развернулась масштабная кампания по реформированию городского устройства. Указ Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо», изданный в 1763 году, положил начало реконструкции средневековых русских городов. Первыми по новым планам перестраивались города, пострадавшие от пожара. Каргополь оказался в их числе.

29 июля 1765 года в Каргопольском магистрате бургомистром Адреяном Прибытковым и ратманом Иваном Белоусовым был составлен рапорт генерал-майору губернатору Новгородской губернии Якову Ефимовичу Сиверсу, в котором сообщалось: *«Сего июля 26 числа по полуночи во втором на десять часу в здеишем городе Каргополе в посаде учинился бедственной незапной случай, а имянно в средине города у некоторой посадской вдовы Татьяны Шумиловой в доме загорелось... а потом и строение все огнем обнялось... улица та была тесная строения старинного... А от возгоревшегося дому пламя учинилось и загорелось вдруг немало домов... и так вдруг же переняло огонь на другую сторону улицы... в самое короткое время зделались пожары и в других улицах. Загорелись обывательския дома, а на площади публичныя строения соборныя две, к тому три приходския церкви, да еще приходских же четыре церкви... магистрат, духовное правление, казенной питейной дом, погреба, казенный соляной анбар с солью, гостиной двор, торговые купецкие лавки с мелочными товарами, съестными припасами...»². Колокольным звоном собрали народ, но отстоять ни этот дом, ни другие не смогли: *«прилагаемая всевозможныя труды вовсе находились бесполезными, ибо такой великий жар учинился, что немало было тех мест, где загоралось. Приблизиться было невозможно...»³*. Спасаясь, кто мог с имением своим убегал в поля.*

Возможно, к столь страшным последствиям привело и то, что пожар случился в июле, когда многие хозяева сенокосили в своих наделах за городом, дру-

1 Документы о пожаре и восстановлении Каргополя содержатся в РГАДА, ГААО, НА РК.

2 РГАДА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 187. Л. 9–9 об.

3 Там же. Л. 9.

гие же были в отъезде по торговым делам или на заработках. Пожар утих только к 10 часам вечера.

Из казенного имущества удалось сохранить находящиеся в магистрате денежные документы по соляным и другим сборам и казну, переправив их в судах на противоположный берег. Уцелела только часть соли в соляном амбаре. Позднее она была перебрана и перевешена. Оставшуюся, пригодную к употреблению (158 пудов 29 фунтов), складировали в подклет одной из каменных церквей.

В полученном 12 октября ответе губернатора сообщалось, что Правительствующим Сенатом поручено снять план погоревшему городу, а в помощь для этого необходимы 7 человек «работных людей». Так начался процесс восстановления города. Видимо, во время совместной работы по картографированию прибывшими геодезистами, городской властью и жителями были составлены подробные описи пожарища. Поименная ведомость владельцев недвижимости указывала занимаемую сгоревшей усадьбой площадь, *«сколько меров сажень¹ земли поперешнику и длиннику»* по каждой улице отдельно. Натурные исследования позволили отразить в чертежах прежнюю топографию с извилистыми улицами и переулками, очертить границы пожарища. Эта основа была использована для перепланировки. Статистика утрат жилых домов выглядела следующим образом: сгорело домов купеческих 238, разночинских 14, крестьянских 14, домов священноцерковнослужителей 21, монастырских подворий 7, всего 294.

Документы и чертежи позволяют представить масштаб нанесенного урона. Пожар простирался от улицы Потанихи² вплоть до крепостных валов со рвом, захватывая Воскресенскую площадь с расположенным здесь гостиным двором, от берега реки Онеги до церквей Святодуховского прихода, включая их. Выгорело $\frac{3}{4}$ городских построек. Пострадали 9 церквей: Рождества Христова, Введения во храм Пресвятой Богородицы, Рождества Иоанна Предтечи, Входа Господня в Иерусалим, Воздвижения Креста Господня, Воскресения Христова, Спасская, Сошествия Святого Духа, Вознесения Господня — все, за исключением полностью сгоревшей Введенской, каменные. Утрачены 5 колоколен с колоколами, в гостинном дворе мелочной, кожевенный, хлебный и мясной ряды, винные лавки, кладовые и амбары с товарами, общим числом до 100, кроме того, кожевенные заводы, промышленная пивная поварня, таможня. Погибли 8 человек.

1 Сажень — старинная русская мера длины. В 1649 г. была утверждена казенная сажень, содержащая 3 аршина и 16 вершков, или 2,16 м.

2 Ныне ул. Болотникова.

Как отмечалось ранее, виновницей явилась вдова Татьяна Иванова Шумилова 77 лет. Она жила с дочерьми по улице Потанихе. Женщина понесла в погреб горшок с ягодами, собранными младшей дочерью. Старшая в это время была у своего зятя на Красном посаде. От оброненного угля загорелось сено в сенях. Пытаясь загасить пламя, заливали его водой из медного ковши¹. Шумиловы были взяты под стражу. Рассматривая в январе 1766 года дело «колодниц», магистрат принял во внимание, что *«пожар учинился... не умышленно, а единственно только по неосторожности их»*, и вынес решение: *«Учинить наказание плетьюми, по учинении оного из караула освободить. Большую же дочь предписанной вдовы свободить без наказания»*².

Уже в феврале 1766 года, 9-го числа, Сенат рассмотрел вопрос «Об отстройке города Каргополя»³. На заседание был представлен проект реконструкции города — доклад губернатора Сиверса и 6 различных чертежей. Высочайше утвержденный Генеральный план 1766 года наложил на древнюю основу линейную сетку улиц с указанием мест размещения казенных и торговых строений. План был представлен в двух не сильно отличающихся друг от друга вариантах, автором одного из которых являлся поручик геодезии Алексей Докудников. Были также предложены изображения жилых домов, фасад и профиль каменного гостиного двора.

Прямые улицы сохранили направление прежних проездов и проулков и протяженность кварталов. Новые улицы шли от реки в поля, другие — параллельно Онеге. Одна из улиц должна была стать главной, ее ширину определили в 10 сажень, другие по 8 и 6 саженей. Дома четырех типов было рекомендовано ставить на каменных фундаментах, самые же дешевые без них. Просчитана и примерная стоимость материалов на постройку домов — 700, 500, 300 и 100 рублей соответственно. Гостиный двор был оценен в 15 000 рублей, ратуша (магистрата) в каменном исполнении 6000 рублей. Поскольку пострадавшие церкви располагались компактно трех площадях, Сенат предложил восстановить вместо 9 церквей 3 больших, по одной на каждой площади, и поручил посчитать смету на эти цели.

В докладе Сенату отмечалось, что *«...народ же де сего несчастливого города, сколько б ни желал оный своим изживением исправить, но пожаром*

1 РГАДА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 187. Л. 123–123 об.

2 Там же. Л. 123 об.

3 Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. XVII. 1765–1766. СПб., 1830. С. 557–559.

*столь оскудел, что на то никакой надежды полагать не можно, и остается только полагать надежду на милосердие и великодушие Вашего Императорского Величества...»*¹. Речь шла о беспроцентной ссуде на обывательские дома и безвозмездной сумме на казенные строения, церкви. Монаршая милость была оказана. Резолюция предписывала: *«Отпустить к построению города на первый случай 10 000 рублей... из Новгородской губернии доходов, а в прочем быть по сему»*².

Помимо выделения средств был поставлен вопрос об облегчении податей. Рассмотрение состоялось 14 февраля 1766 года³. Каргопольское купечество его решением освобождалось на текущий год от исполнения обязанностей по кабацким и конским сборам в Каргопольском и Чарондском уездах, но не в самом городе.

Механизм восстановления городов при помощи государственных средств был ранее отработан на восстановлении Твери. Для этих целей создавалась специальная комиссия, которая принимала заявления на получение ссуды, а также контролировала строительство. В Каргопольскую комиссию был назначен архитектор Николай Васильев и его помощник — ученик архитектора Иван Жигалов.

Каждому желающему сроком на 8 лет выдавалась беспроцентная ссуда для строительства дома первого номера 400 рублей, дома второго номера — 300 рублей, а третьего — 150 рублей. Обязательное условие при этом — возводить дом на каменном фундаменте. Для получения денег необходимы были несколько поручителей, фамилии которых указывались в заявлении. Получали их *«...не все разом, а на три части: первую подписании на строение, вторую, когда каменный фундамент положен и потребное на строение лесу уже на лицо имеется, а третью, когда строение действительно уже до стропил доведено»*⁴. Иногда ссуда выдавалась двумя частями поровну. В договоре прописывалось, что выделенные средства можно расходовать только на строительство дома (оплата материалов и работников), исключая другие постройки. *«...приняв казенную сумму... употребить единственно на одно того строение дому и наем работных людей, и на другие строения принадлежности не тратя на свои надобности в расход*

1 Полное собрание законов... С. 557.

2 Там же. С. 558–559.

3 Там же. С. 580–581.

4 РГАДА Ф. 1051. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

ничего, а по прошествии указанного термина те деньги в казну заплатил в комиссию...»¹.

Ссуду на строительство домов брали почти все, за некоторым исключением. Например, Александр Баранов, родительский дом которого тоже сгорел, отстроил его на собственные средства. Приведем имена отдельных купцов и мещан, воспользовавшихся ссудой: Петр Белоусов, Степан Ватагин, Никита Вешняков, Дмитрий Иконников, Никита Карачев, Дмитрий Кораблев, Ефим Серебrenиков, Василий Урываев, всего — 150. Воспользовались ссудой 10 священнослужителей и некоторые другие горожане. Священники не смогли вовремя погасить долг — за них рассчиталась Новгородская епархия.

«По доношению каргопольской воеводской канцелярии секретаря Ивана Протопопова просит выдать ему за поручительство здешних купцов Ивана Алексеева сына Носова, Льва Матвева сына Лыткина, Семена Михайлова сына Литусова на строение дома первого нумера пожалованной от Ея Императорского величества казенной ссуды...»².

«Приказали: предъявленной купцу Ивану Зуеву, как он доказывает, что у него строение под третьим номером фундамент положен собственным кошитом и материал потребной на оное весь на лицо имеется... выдать положенную по номеру его сумму на две части: а именно 100 рублей... дать указ, обязав прежде... Зуева в том, что он принял ту казенную ссуду имея, употребить единственно на оное строение... на наем рабочих людей и другое и строение принадлежности»³.

Архитекторам предписывалось контролировать строительство домов, чтобы сооружались они в соответствии с планом города и проектом постройки. Но не все жители города соблюдали эти требования, что пресекалось *«...объявляется, что строящиеся... погоревшие обыватели в домах своих... вознамериваются каждый строить, кто какой пожелает... Приказали: Всех обывателей принудить чрез определенных надзирателей... все делать, как... будет приказано»⁴*. Отдельные погорельцы на своих местах возводили и другие строения. *«По рапорту... архитектора... погоревшие купцы на отведенных местах... производят... излишние строение... Приказали: оным купцам чрез определен-*

1 Там же.

2 Там же.

3 Там же. Л. 22.

4 Там же. Л. 43.

ных зрителей... подтвердить, дабы они ничего излишнего не застраивали... велено будет сломать...»¹.

Около домов необходимо было поставить заборы. «...для красоты града по вехам... сделать частые из досок вкопанные в столбах тесаные заборы гладко без орнаментов, вышиною с балюстрадаю пять аришин, а длиною как даст мера каждого двора»².

Исходя из большого объема строительства, необходимы были и лесоматериалы в немалом количестве. Для этих целей по Указу Императрицы был выделен лес в Чарондской дворцовой волости для продажи каргопольцам³.

Строительная комиссия работала в Каргополе в течение 12 лет, с 1766 по 1777 год. За это время жилой фонд города был восстановлен. По итогам ее работы был составлен Реестр обывательских строений⁴, куда вошли и старые и новые дома. Согласно документу, общее количество их — 522, спустя 10 лет оно увеличивается до 529. Опись частных владений сделана по улицам, начиная от Винного круга и Красного посада. При этом дана некоторая характеристика жилых строений. Например, «дом купца Дмитрия Кораблева вверху и внизу четыре покоя», «дом мещанина Василья Шаханова в жилых два покоя», «дом купца Александра Маркова в нем жилых восемь покоев»⁵ и т.п. В других, более поздних документах иногда указывалось: дом планового или старого строения, наследственный или купленный. Всего из казны на ссуды горожанам было выделено 20 819 рублей⁶.

Магистрат в 1788 году отмечал, что в городе 11 казенных строений, в т.ч. 2 каменных, 6 деревянных общественных зданий⁷. Казенные и общественные строения ставились на отведенных по плану местах. В 1774 году на средства казны купцом Иваном Марковым на углу улиц Ивановской и Почтовой⁸ построен одноэтажный каменный соляной «магазин»⁹, в котором было 3 больших и 2 малых палаты. Напротив него на берегу Онеги — такого же назначения постройка, но деревянная. 4 питейных дома располагались в разных частях города (в Вин-

1 Там же. Л. 45.

2 РГАДА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 об.-53.

3 РГАДА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 187. Л. 136.

4 ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 3.

5 Там же. Л. 2, 5, 7.

6 ГААО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 38 об.

7 ГААО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 42. Л. 13, 18 об.

8 Современные Почтовая и Заводская.

9 В советское время — баня, снесена в 1980-е гг.

ном круге, по Екатерининской улице возле ручья Грязный и др.)¹. А вот церкви, их внутреннее убранство, иконостасы, еще долго находились в работе. Ведь средства были выделены с учетом сохранения только части храмов, а восстановлены были все.

Регулярная планировка изменила облик города. Улицы не только стали прямыми, некоторые из них получили и новое наименование. Например, вместо *«Шелковня»* — *«Новая Шелковня»*² (расположение улицы более других сместилось от прежнего); или *«Пономариха, а по плану Архангелогородская»*³, *«Красный посад, а по плану Екатерининская площадь»*⁴. Екатерининской⁵ была названа и улица возле нее. Такое название ранее не встречалось, как не было прежде Благовещенской, Санкт-Петербургской улиц⁶.

Из фактов следует, что именно Санкт-Петербургская и была определена главной городской магистралью. Даже визуально улица шире других. Ее ширина составляет чуть более 21 м (что соответствует примерно 10 саженьям, определенным в докладе Сенату). Именно здесь было предписано строить лучшие дома, то есть первого номера. Правда, желающих было немного: *«...по плану Санкт-Петербургской улицы от Соборной площади взято здешними обывателями построение домов первого нумера только семь мест, а более же взятых в комиссию не являются...»*⁷. Потому разрешили строить дома второго номера. Самое же главное, эта улица, начинаясь от каменной колокольни, выходила на транзитные сухопутные пути, связывавшие Каргополь с Петербургом, Москвой, Архангельском, Петрозаводском.

В строительстве колокольни на Соборной площади (1767–1778) принимали участие несколько подрядчиков, при этом государственных средств было выделено 4830 руб. 95 коп.⁸. Строили ее по проекту, выполненному в виде макета, который в настоящее время находится в фондах музея⁹. Предварительно были проведены торги, на которые явились 5 претендентов. Предпочтение было отдано

1 ГААО. Ф. 1003. Оп. 4. Д. 21. Л. 295; Ф. 1003. Оп. 1. Д. 54. Л. 33.

2 С 1961 г. — ул. Гагарина.

3 Позднее Архангельская.

4 Впоследствии Троицкая площадь.

5 В 1918 г. к первой годовщине Октябрьской революции переименована в ул. Ленина.

6 Ныне пр. Октябрьский и ул. Ленинградская.

7 РГАДА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

8 ГААО. Ф. 1003. Оп. 4. Д. 21. Л. 295.

9 Хранится в фондах музея. КГИАХМ. НВФ3628.

купцу Александру Матвеевичу Маркову¹, уступившему 700 рублей против сметы. Им был заготовлен кирпич и начато строительство. Однако выделенные деньги закончились, и колокольня осталась недостроенной. Его обвинили в присвоении средств, но вскоре оправдали. Оказалось, что проектировщиками было неверно рассчитано количество кирпича. В 1772 году строительство продолжили Федор Шушерин и Иван Кережин. Но денег вновь не хватило. Только в 1778 году, прибегнув к помощи каргопольского купечества, каменную колокольню достроили. Въезд в город был ориентирован строго на нее. Этим-то и объясняется расположение фасада и креста Соборной колокольни, что не противоречит церковным канонам, а является лишь исключением из правила.

«Город сей... возобновлен щедротою благополучно царствующей государыни Императрицы Екатерины Великой и регулярно построен по подтвержденному Ее Величеством... плану на всемоштивейше пожалованную знатную для возобновления города сумму, в коем уже ныне имеется до двухсот домов на каменных фундаментах зделанных весьма изрядною архитектурою...»².

Регулярный план Каргополя сохранил направления основных внешних связей, расположение церковных ансамблей, нетронутые пожаром кварталы до регулярной застройки на периферии. На примере нашего города была реализована прямоугольная композиция, для которой характерен прием полицентричности. Локальными центрами в городе служили храмовые комплексы. Ансамбль Соборной площади с главным городским храмом с давних времен являлся духовным центром города. Возведение посредине площади каменной колокольни еще более подчеркнуло ее значение. Включение в границы этой площади гостиного двора, казенных соляных складов, а также планируемое перенесение городского магистрата должно было сделать эту территорию доминирующим акцентом городского устройства, объединив здесь духовный, торговый и административный центры. Перенесение уездных присутственных мест в дом купца Вешнякова по улице Ивановской³ в середине XIX века завершило этот процесс.

Стремление монархии к преобразованию старинных городов, заинтересованность органов местного управления и усилия граждан в восстановлении соб-

1 Марков Александр Матвеевич — тесть А.А. Баранова. ГААО. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 15. Л. 7 об.

2 <http://elibrary.karelia.ru/book>. Литусов С. Исторические, топографические и камеральные известия о городе Каргополе. Л. 1 об.

3 В настоящее время в здании находятся отделы администрации и другие учреждения.

ственных домов способствовали возобновлению городов в кратчайшие сроки. Центральная власть при этом преследовала экономические и политические цели. Линейный городской строй создавал иной пространственный образ, образ строгого порядка. Но при этом утрачивалась живописность городского ландшафта, характерная для древнерусских городов.

Приложение

Превосходительнейшему господину генерал-маеору и Новгородской губернии губернатору Якову Ивановичу Сиверсу каргопольского магистрата покорнейший репорт¹.

Сего июля 26 числа по полуночи во втором на десять часу в здешнем городе Каргополе в посаде учинился бедственной незапой случай, а имянно в средине города у некоторой посадской вдовы Татьяны Шумиловой в доме загорелось, которая как о том была допрашивана показала, что пошла она из избы для отнесения в погреб съестных припасов з зажженной лучиной. Понеже тот погреб по неимению окон был темной, и неведомо как, чего уже она не усмотрела. Из рук упал уголь в лежащее при тем погребом сено, кое в тот самый момент и загорелось, а потом и строение все огнем обнялось так скоро, что не было ей времени не точию, чтоб огонь утушить, но и в близости живущим обывателем о том ведомости подать, что дано знать уже звоном. А потом, хотя к тому пожару немало народу и собралось, коим и прилагаемо было всяческое ко утушению того пожару старание. Но как к немалому несчастию улица та была тесная, строения старинного тесного и притом некоторое в два апартамента. А от возгоревшегося дому пламя учинилось и загорелось вдруг немало домов, то огню большаго препятствия учинить было никак невозможно, и так вдруг же переняло огонь и на другую сторону улицы. И пожар наибольшие усиливатца начал. К сему способствовали еще тогда бывшие ветры с вихрями, отчего в самое короткое время зделались пожары и в других улицах загорелись обывательские дома, а на площади публичные строения соборная две, к тому три приходския церкви да еще приходских же четыре церкви. Оттуда немало в отдаления также и колокольни, магистрат, духовное правление,

¹ Стиль, грамматика и орфография в тексте документа приводятся в соответствии с источником. Пунктуация приближена к современным языковым нормам.

казенной питейной дом, погреба с питьями, казенный соляной анбар с солью, гостиный двор, торговые купецкие лавки с мелочными товарами и съестными припасами. Когда же, как от канцелярии, так и от магистрата и обывателей ко утушению таковой великого и бедственного пожара прилагаемая всевозможныя старания и труды вовсе находились бесполезными, ибо такокой превеликой жар учинился, что немало было тех мест, где загоралось. Приближаться было невозможно, то и главным тому было препятствием. А как при том обыватели видя таковой возгоревшийся великой пламень, и что оной доходил уже до их домов, то всяк и помышлял о своем токмо о спасении. И так убежал к своим домам, дабы самим от такого незапного разорения избавитца. Одним словом весь посад тогда в отчаянии состоял, и никто ко спасению надежды не имел. Обыватели ж из домов с ыменьями своими выбирались в поле. Многие ж ничего и выбрать не успели. А некоторые, выбрав пред дома свои с тем, чтоб оное отвести в безопасные места, оного учинить времени не имели. Но все без остатка так погарало. К немалому несчастью последовало и то, что многие ис купцов и обывателей несть иметца в отчинах, за купечеством и заработками в Санкт-Петербург и на Макарьевскую ярмоню и в Поморския и в другия места. А кои и в домах были, но несть многих на то время, случилось бысть на сенных покосах в отлучке. Погоревшия обыватели двоя сутки, а иныя и более того имелись все ис пожитками своими, какие могли из домов своих вынести на поле, в которое время непрестанной слышан был в отнях вопль возчювственьи из самого крайнего своего разорения к бедности. При сем так великом пожаре дела и денежныя соляного и протчих зборов казна из магистрата были вытасканы вон и перевозжены чрез реку на судах, ибо в другое место перевести не было свободности, коих дел в таковом незапном случае. По беспорядочному вытаскиванию вскоре разобрать ин не можно, и все ли в целости неизбытно. Во время помянутого пожара несколько человек згорело и в реке утопло. Домов обывателей згорело и по исчислению находитца до трехсот. Сей пожар начался во 12-м часу по полуночи, докончася в 10-м часу по полудни, от которого несчастливого приключения купцы и обыватели в крайнем разорении и бедности состоят. О чем вашему превосходительству каргопольской магистрат покорнейше доносит, сколько при згоревших домах протчаго строения и другово всего от огня погибло и убытка причинило. По происшествиях при том бывших ин за кратостию времени изъяснить невозможно, о чем по учиненной публичной справки с обстоятельством вашему превосходительству каргопольской маги-

страт покорнейше донести в неукоснительном времени ин впредь. Июля 29 дня 1765 года.

Также репорт за скрепою бургомистра Адриана Прибыткова, ратмана Ивана Белоусова за справою канцеляриста Аляксия Прянишникова послан с почтою в...

РГАДА. Ф. Ф. 733. Оп. 1. Д. 187. Л. 9–10. Рукопись. Подлинник.

К вопросу обозрения присутственных мест Архангельского и Олонецкого наместничеств сенаторами Воронцовым и Нарышкиным

1775 год ознаменовался одной из крупнейших реформ екатерининской эпохи — губернской реформой. Это было первое масштабное административно-территориальное деление Российского государства после Петра I. По указу от 7 ноября 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» вместо губерний образовывались наместничества, которые делились на области, области — на уезды, уезды — на волости. Нередко два наместничества объединялись под управлением одного наместника или генерал-губернатора. Реформа 1775 года была не только административной, но и судебной. Новые суды разных инстанций создавались как самостоятельные учреждения, отделенные от административной власти¹.

В результате административных реформ Екатерины II отдельные территории нынешней Архангельской области вошли в состав разных наместничеств. Указом императрицы, последовавшим 25 января 1780 года, упразднялась Архангелогородская губерния, состоявшая из четырех провинций. Вместо нее учреждалось Вологодское наместничество в составе трех областей: Архангельской, Великоустюгской и Вологодской. Объявлялись городами: областным — Архангельск, уездными — Кола, Мезень, Пинега, Онега, Холмогоры и Шенкурск, ставшие во главе одноименных уездов Архангельской области. К вновь созданному Онежскому уезду присоединялась северная часть Каргопольского уезда Олонецкой области Новгородского наместничества². Правителем Архангельской области и обер-комендантом города Архангельска был назначен 45-летний генерал-майор Иван Романович Ливен (1735–1809). С этого времени и до конца жизни, то есть почти 30 лет, Иван Романович жил в Архангельске, из которых 18 лет занимал последовательно посты первого руководителя Архангельской области, Архангельского наместничества и Архангельской губернии³. По указу от 26 марта

1 Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003.

2 Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997.

3 Сметанин В.А. Правитель Архангельского наместничества Иван Романович Ливен // Архангельская область в контексте Российской истории: материалы межрегиональной научно-практической конференции (20 сентября 2012 года). Архангельск, 2013. С. 228–235.

1784 года Архангельская область была выделена из Вологодского наместничества в самостоятельное Архангельское наместничество, состоявшее из семи уездов: Архангельского, Кольского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского¹.

Новгородское наместничество было образовано высочайшим указом от 24 августа 1776 года и разделено на две области: Новгородскую и Олонецкую. Пять уездов, в том числе и Каргопольский уезд без его северной части, отошедшей к Архангелогородской губернии еще до ее упразднения, вошел в состав Олонецкой области. 11 декабря 1781 года Олонецкая область, а вместе с ней и Каргопольский уезд были перечислены из Новгородского наместничества в Санкт-Петербургскую губернию. Вскоре, а именно 12 мая 1782 года, центр Олонецкой области был переведен из Олонца в город Петрозаводск. В то же время центр Паданского уезда Олонецкой области перевели из Паданска во вновь учрежденный город Повенец, и Паданский уезд был переименован в Повенецкий. Именным указом от 22 мая 1784 года Олонецкая область была выделена из состава Санкт-Петербургской области и преобразована в самостоятельное Олонецкое наместничество². В состав его вошли Олонецкий, Петрозаводский, Вытегорский, Повенецкий и Каргопольский уезды. Открытие присутственных мест в новом наместничестве состоялось 17 декабря 1784 года. Указом от 16 мая 1785 года в составе наместничества были дополнительно образованы Лодейнопольский, Кемский и Пудожский уезды. Первым правителем Олонецкого наместничества стал великий русский поэт и мыслитель, действительный статский советник Гавриил Романович Державин (май 1784 — октябрь 1785). После его отставки правителем наместничества был назначен статский советник Харитон Лукич Зуев (декабрь 1785 — сентябрь 1786). Прибыл он в губернский город Петрозаводск 11 марта 1786 года и в тот же день вступил в должность³.

Из двух северных наместничеств: Олонецкого и Архангельского было образовано генерал-губернаторство, а первым Олонецким и Архангельским генерал-губернатором стал генерал-поручик Тимофей Иванович Тутолмин (1784–1793) с местопребыванием его канцелярии в городе Петрозаводске⁴.

1 Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997.

2 Там же.

3 Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 993. Оп. 1. Д. 200. Л. 2.

4 *Кораблев Н.А., Мошина Т.А.* Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биографический справочник. Петрозаводск, 2006.

Спустя год после открытия присутственных мест в новых наместничествах по высочайшему повелению сенаторам графу Александру Романовичу Воронцову и Алексею Васильевичу Нарышкину было поручено осмотреть в наместничествах: Олонецком, Архангельском, Вологодском и Выборгском «порядок течения дел»¹.

Сенатор граф А.Р. Воронцов (1741–1805) был действительным тайным советником, действительным камергером императорского двора, президентом государственной Коммерц-коллегии и кавалером орденов Святого Александра Невского и Святого равноапостольного князя Владимира первой степени. Граф был братом княгини Е.Р. Дашковой. При Александре I с 1802 по 1804 год служил министром иностранных дел Российской империи, и в 1802 году ему было присвоено звание канцлера Российской империи².

Сенатор, тайный советник, действительный камергер двора ее императорского величества и кавалер А.В. Нарышкин (1742–1800) был дипломатом и писателем³. Интересно то, что в биографиях сенаторов графа Воронцова и Нарышкина указано об обозрении ими в 1786–1787 годах Рязанского и Тамбовского наместничеств. Однако об обозрении ими ранее других наместничеств, в том числе Архангельского и Олонецкого, не сказано ни слова. Восполним этот пробел в биографиях А.Р. Воронцова и А.В. Нарышкина.

По поступлении 31 декабря 1785 года императорского указа о предстоящем обревизовании сенаторами Воронцовым и Нарышкиным Архангельского и Олонецкого наместничеств генерал-губернатор Т.И. Тутолмин тут же направил во все присутственные места этих наместничеств и всех 15 уездов и стольких же городов, а также в посады предложения для встречи сенаторов⁴.

В Архангельск сенаторы Воронцов и Нарышкин прибыли из Вологды в первой декаде марта 1786 года. Здесь их встретил прибывший из Петрозаводска генерал-губернатор Тутолмин. По дороге в Архангельск сенаторы для обревизования присутственных мест останавливались в уездном городе Холмогоры. После осмотра в Архангельске присутственных мест сенаторы составили заключение на имя правящего должность Олонецкого и Архангельского генерал-губернатора,

1 ГААО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.

2 Большая энциклопедия. Пятый том. Византия-Гадемин. СПб., 1901. С. 496.

3 Русский биографический словарь. Накенский — Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 83–84.

4 ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 522. Л. 7–8.

генерал-поручика и кавалера Т.И. Тутолмина, и вручили ему для рассмотрения и исполнения. «Осмотрев все присутственные места и заведения губернского города Архангельска и окружного Холмогор, — писали они, — долгом себе поставляем изъяснить наше удовольствие в найденном вообще во всех судах желаемом порядке и поспешном дел отправлении, согласующихся с высочайшими учреждениями. В особливо поданных нам по разным частным обстоятельствам подробные сведения и ведомости от наместнического правления и от казенной палаты доказывают, сколь много употребляемо было внимания и трудов о приведении всего того в столь хорошее устройство, что по справедливости и должно отнести отменному попечению тех мест начальников и усердию присутствующих в оных. Не менее заслуживает внимания исправность и точность ведомостей по таможенной части, служащей к похвалам советнику таможенных дел. Палату уголовных дел и совестный суд нашли мы также в отменной исправности, свидетельствующей о прилежании и усердии как председателей, так и присутствующих в оных. Заметили мы токмо одно дело в совестном суде, производившееся по прошению дочери умершего архангельского купца Пшеницына Анны Пшеницыной на архангельского купца Ивана Саванулева, которое решено не совсем согласно предписанным в высочайших учреждениях совестному суду правилам в рассуждении пополнения со стороны одного суда сверх положенного посредниками по тому дела решения относительно уничтожения крепости, данной на дом от купца Крылова мещанке Наумовой, и непринятия в посредники родственника одной тяжущейся стороны. Мы надеемся, что впредь совестный суд будет иметь попечение выполнять в точности предписанную ему должность, так как и в прочих просмотренных нами решениях одного, основанных на действительном разуме закона.

Приказ общественного призрения и состоящие под ведомством одного заведения найдены в совершенном порядке, приносящем истинную честь и похвалу правящему должность правителя губернии, которого усердие и попечение и по другим частям, относящимся к его должности, заслуживает особого внимания.

Рассматривая же ведомость о нерешенных делах по здешнему городовому магистрату, нашли мы в производстве одно следственное дело, вступившее в оное еще в прошлом 1784 году, по доносу купца Исупова о чинимом якобы купцом Лобановым при содержании им питейных дворов злоупотреблении, но оное дело, судимое в городовом магистрате обще с нижним надворным судом, и поныне еще решением не окончено. Из чего и усматривается не довольное тех мест

по сему делу рачение, почему и рекомендуем оным приложить должное старание о скорейшем приведении того дела к окончанию, ибо, если, с одной стороны, купец Лобанов может быть оправдан, то за что ж ему столь долгое время оставаться в нарекании и подозрении; если ж он окажется виновным, то равномерно нужно, чтоб всякое преступление, а особливо такого рода, не оставалось столь медлительно без должного по законам взыскания, и если все то справедливо, что доноситель купец Исупов на него показывает (который подал ныне о медлительном сего дела решении прошение с объяснением всех обстоятельств), то дело сие по существу своему есть весьма важное, подвергающее его строгости законов. Оное прошение для подлежащего рассмотрения прилагается при сем в подлиннике.

Мы надеемся, что как сии наши замечания, так и другие, сделанные в присутствии Вашего превосходительства по некоторым местам, не останутся без должного выполнения.

В протчем весь порядок и устройство в здешней губернии, соответствующий прямо высочайшим учреждениям, не можем иначе отнести как отличному попечению и трудам Вашим, о чем мы не преминем засвидетельствовать и пред Ея Императорским Величеством. А Вас просим о сих наших замечаниях приказать дать знать во все те места, что до которого принадлежит.

Сверх того препровожаем при сем для надлежащего на основании законов, где следует рассмотрения, поданные нам прошения: 1-е — здешней округи от крестьян относительно до отдачи им при торгах на откуп разных оброчных статей; 2-е — два прошения Шенкурской округи от соляного заводчика дворцового крестьянина Деткова о просимом вспоможении к восстановлению упавшего заводимого им соляного завода и об отобрании от него владеемых им с 1759 года землями для разверстывания оных между крестьянами по числу душ; 3-е — Архангельской округи Кегостровской волости староста со крестьяны просят по причине недостатка в земле и неудобности оных, перевести их на другое место, означенное в их прошении. Мы надеемся, что директор экономии по должности своей в рассуждении нужд и справедливых просьб крестьян казенного ведомства не оставит иметь внимание и взять надлежащие меры к доставлению им по состоянию их нужного пропитания.

Граф Александр Воронцов, Алексей Нарышкин. Марта, 11 дня 1786 года»¹.

1 ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 521. Л. 1–3 об.

Еще за полтора месяца до приезда сенаторов в Архангельск для обеспечения их безостановочного и безопасного проезда из Архангельска в Петрозаводск правитель Архангельского наместничества генерал-майор И.Р. Ливен 21 января 1786 года направил ордер исправляющему должность Онежского земского исправника Попову с приказанием встретить господ сенаторов¹. 18 февраля он повторил ордер прибывшему в Онегу правящему должность Онежского земского исправника прапорщику Василию Снессареву, в котором ему предписывалось поставить для караула по два человека рядовых во всей солдатской исправности на станциях, начиная от самой первой станции Онежской округи, а именно в деревнях, лежащих до Онеги: Нижмозерской и Тамицкой, а также в городе Онеге. Не зная маршрута сенаторов из Онеги в Петрозаводск за неприбытием еще сенаторов в Архангельск, исправнику Снессареву было рекомендовано расставить по два человека рядовых во всей солдатской исправности на станциях, как по тракту на Кемь: в Кушерецкой, Нюхоцкой, Колежемской и Сухонаволоцкой, так и по тракту на Каргополь в волостях: Кожской и Клещепольской. Необходимо было приготовить на тех станциях самолучшие квартиры, особенно для графа Воронцова и Нарышкина, а также надлежащее число лошадей, как для сенаторов, так и их свиты. Исправнику предлагалось встретить сенаторов на самой первой станции Онежского уезда и препроводить до другого прикосновенного уезда, наблюдая при том, «дабы дороги были исправны, так чтоб в проезд господ сенаторов не могло ни где последовать ни малейшей остановки»². О выделении исправнику 16 солдат было предписано Онежскому городничему майору Газенкампу ордером от 16 февраля 1786 года³.

В Петрозаводск из Архангельска сенаторы Воронцов и Нарышкин отбыли 13 марта 1786 года. Путь пролегал через Ненокский посад и город Онегу. До границы Архангельского уезда с Онежской округой их сопровождал исправник Архангельского нижнего земского суда капитан Василий Шишкин⁴. На границу Онежского уезда сенаторы прибыли 14 марта, где должен был их встретить онежский земский исправник прапорщик Василий Снессарев, но этого не произошло, так как он по приказанию графа Воронцова, полученному через едущего впереди свиты нарочного, объявившего, что граф приказал, «дабы в рассуждении бывшей

1 Там же. Д. 519. Л. 1.

2 Там же. Л. 1–1 об.

3 Там же. Л. 3.

4 Там же. Д. 522. Л. 2.

тогда непогоды и напавшего большого количества снега приложил бы он старание об исправлении дорог, и если же дороги будут исправны, его сиятельству гораздо приятнее будет, нежели встреча на границе». Получив приказание графа, прапорщик Снессарев распорядился, как должна быть устроена встреча, а сам тотчас поехал вперед для осмотра исправности дороги, а «равно, если где худы, для исправления»¹.

Таким образом, встреча сенаторов на границе Онежского уезда проходила без исправника. Капрал с четырьмя драгунами на лошадях во всей драгунской исправности встретили возки сенаторов перед триумфальными воротами при въезде в Нижмозерскую волость, специально приготовленные по указанию исправника Снессарева, и проводили до приготовленных им квартир. Встречали сенаторов крестьяне Нижмозерской волости в самой лучшей одежде. Когда граф Воронцов вышел из возка, то два отборнейших старика в лучших одеяниях перед крыльцом встретили его с хлебом и солью и, упав на колени, поднесли следующую речь:

«Ваше Графское Сиятельство и Ваше Высокопревосходительство!

В древние времена великим и знаменитым мужам, об общем благоденствии пекущимся, везде отворяли врата и храмы; и в знак благодарности приносили жертвы и богатые великолепные дары. Какую же мы можем принести Вам достойную жертву? Какой дар? Какую цену поставить можем трудам, для благоденствия нашего Вами понесенных? Чем? Чем оные достойно наградить можем? По истине ничем. Но, о, великие и знаменитые мужи! Мы ныне в знак чувствуемой нами благодарности вместо жертв и богатых даров, вместо отворения ворот и храмов отворяем для Вас наши усердием пылающие сердца. Примите великие мужи!

Примите! От нас сию, хотя малую, но с усердием Вам приносимую жертву, примите! И когда, совершив сей знаменитый подвиг и путь, благополучно возвратитесь к престолу, пославшей Вас для благоденствия нашего дражайшей нашей чадолюбивевшей матери премудрая Екатерины с усердием просим донесите ей, что попечения о нашем благополучии беспрестанно ею прилагаемая и благодеяния ежедневно ею на нас щедро выливаемая столько нам чувствительны, что и за свидетельствованием пред священнейшими Ея Императорского Величества стопами чувствуемой нами благодарности не имеем довольных сил кроме сего общего усердного желания.

1 ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Л. 519. Л. 4 об.-5.

Всемогущее существо, да умножая умножит драгоценнейшую для нас Ея, любезнейшего наследника Ея, жизнь и, изливая всегда обильные струи нещетных своих благодеяний да сохранит в щастии, здравии и долголетьи чрез что и наше благополучие процветать не престанет! Жители Онегской округи»¹.

Прочитав врученную ему речь, граф Воронцов сердечно поблагодарил онежских крестьян за их усердие и вскоре отправился далее. По приказанию исправника «при въезде в каждую волость крестьяне обоего пола в самом лучшем одеянии встречали и провожали его»².

Тем временем исправник Василий Снессарев, выполнив распоряжение графа, поспешил воротиться назад в Нижмозерск, но встретить сенаторов не успел, «ибо его сиятельство доехать изволил уже до Тамицы; а как тогда была ночь и его сиятельство в кибитке опочивать изволил», то он к нему не явился, а поехал вперед в сторону Онеги для скорейшего заготовления на станциях лошадей. На другой день утром, то есть 15 марта, прапорщик Снессарев, подав графу Воронцову рапорт, извинился, что не успел встретить сенаторов. Сенаторы при всем онежском обществе выразили удовлетворение сделанной им встречей, а равно и исправностью дорог, заготовлением лошадей и скорым их исправлением на каждой станции. Они пообещали исправнику уведомить обо всем его начальство.

«Что касается до суда, — сообщал в рапорте Снессарев правителю Ливену, — то в оном по данному от меня предложению, с которого при сем прилагаю копию, все было исполнено и к подаче, как его сиятельству, так и его высокопревосходительству изготовлено. И когда изволили быть в суде, то на все чинимые от них мне вопросы делал я точные объяснения, чем они были весьма довольны»³.

Выехали сенаторы из Онеги 15 марта «по полудни в четвертом часу». Перед возком графа Воронцова ехали два драгуна верхом. А так как сенатор Нарышкин выехал позже, то исправник поставил для препровождения его капрала с двумя драгунами. Сам же прапорщик Снессарев ехал верхом по правую сторону кибитки графа. Отъехав четыре версты от города, граф приказал ему сесть в кибитку, а драгунам воротиться в город Онегу. При въезде Воронцова и Нарышкина в Порожскую волость, как, впрочем, и другие волости, крестьяне обоего пола в луч-

1 Там же. Л. 8–9.

2 Там же. Л. 5.

3 Там же. Л. 5

шем одеянии встречали и провожали их. С Порожской волости для скорейшего заготовления лошадей исправник ехал впереди до самой последней станции, называемой Пабережской, где граф пообедал, а после обеда приказал исправнику вернуться в Онегу. Снессарев решился просить графа позволения проводить его до первой станции Каргопольской округи. Граф остался просьбой исправника доволен и посадил его к себе в кибитку, после чего выехали из Пабережской волости. По приезде в Каргопольскую округу и по встрече с каргопольским исправником Снессарев поблагодарил графа и попросил дозволения вернуться к своей должности. Получив разрешение, он отправился назад в город Онегу. Отъехав несколько верст, Снессарев встретил возок Нарышкина. Он поблагодарил сенатора «за сделанные им в проезд чрез округу ведомства милости ему, а равно испросив дозволения, воротился к своей должности»¹.

Каргопольский земский исправник надворный советник Иван Гаврилов, встретивший сенаторов на границе Каргопольского и Онежского уездов, находился в Устьмошском погосте с субботы 14 февраля. Дни с субботы, 14 февраля, и до воскресенья, 22 февраля, в 1786 году были днями сырной недели, а дни с понедельника 23-го по субботу, 28 февраля, — днями первой недели Великого поста. В силу Генерального регламента они были от присутствия в нижнем земском суде свободными. Однако земский исправник все эти дни находился в Устьмошской волости в ожидании приезда господ сенаторов для встречи их и препровождения².

6 марта по повелению земского исправника в Устьмошскую волость для встречи вместе с ним сенаторов приехал и сельский заседатель Григорий Ерофеев³. Со среды, 11 марта, до понедельника, 16 марта 1786 года в Каргопольском нижнем земском суде присутствия не было ввиду отсутствия не только исправника, но и сельских заседателей, находившихся в уезде. Заседатель Григорий Ерофеев находился с исправником для встречи сенаторов, а заседатель Иван Сидоров отправился в Лепшенскую волость для высылки рекрута⁴.

Вечером 16 марта 1786 года сенаторы прибыли в Каргополь, а 17 марта «земский нижний суд осчастливлен был прибывшими в оной господ сенаторов, которые изволили осматривать порядок течения дел и за исправность

1 Там же. Л. 5 об.

2 Там же. Ф. 993. Оп. 1. Д. 198. Л. 23.

3 Там же. Д. 191. Л. 23.

4 Там же. Д. 199. Л. 23.

отнесли свое суду и исправнику удовольствие, о чем и приказали записать в журнал»¹.

Предложение же Т.И. Тутолмина о встрече сенаторов от 31 декабря 1785 года в Каргопольском нижнем земском суде слушали еще в среду, 7 января 1786 года. К приезду сенаторов графа Воронцова и Нарышкина нижнему суду предписывалось приготовить следующие ведомости: о наличной денежной казне; о делах; о недоимках; о торговых в уезде ценах «всякого хлеба»; о числе в уезде сел и деревень с показанием числа церквей и погостов, фабрик, заводов и обитавшего народа; о почтовых дорогах, идущих через уезд, с показанием почтовых станций и числа лошадей на них содержащихся; о всех судоходных реках, через уезд текущих, с точным показанием, какие проходят по рекам суда, с каким грузом и куда именно. А для встречи и препровождения господ сенаторов исправник, коль скоро известится, должен был отправиться на границу своего уезда и по тракту на почтовых станциях приготовить квартиры и потребное число лошадей².

Каргопольский исправник Гаврилов с 24 марта по 3 апреля находился в Канакшанской волости на границе с Шенкурским уездом для встречи генерал-губернатора Т.И. Тутолмина, возвращавшегося из Архангельска в Петрозаводск³. По возвращении исправника в Каргополь в нижнем земском суде 4 апреля было рассмотрено сообщение Олонецкого наместнического правления, поступившее 29 марта, о том, что 24 марта 1786 года сенаторы граф Воронцов и Нарышкин предложили правлению записать следующее: «осматривая присутственные места Олонецкого наместничества, нашли они в Каргопольском нижнем земском суде, что к похвале одного места дела течение имеют весьма порядочное и поспешное, так что ни одного неоконченного дела не осталось»⁴.

На предложение генерал-губернатора о подготовке к встрече сенаторов Каргопольская нижняя расправа уже 19 января 1786 года рапортовала Тутолмину о том, что в 1786 году в нижней расправе ни одного колодника не состояло, а из нерешенных осталось лишь одно дело. Оно поступило в расправу по сообщению генерального землемера Мясоедова об обмежеванной им в Надпорожской

1 Там же. Л. 25–26.

2 ГААО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 197. Л. 5–5 об., а также Ф. 1367. Оп. 2. Д. 522. Л. 53.

3 Там же. Д. 199. Л. 39 об.- 40.

4 Там же. Д. 200. Л. 6.

волости в Пустоши и Латовой Шалги земли, владеемой строителем Спасокаргопольского монастыря Варлаамом с братией¹.

Из представленных сенаторам Воронцову и Нарышкину Каргопольской нижней расправой ведомостей за подписями расправного судьи Василия Елина, сельских заседателей Семена Слонова, Афанасия Савастьянова, Василия Усова и Алексея Мартынова, а также секретаря Петра Иванова и протоколиста Петра Протопопова можно судить о количестве решенных дел в расправе со времени открытия Олонецкого наместничества, то есть с 17 декабря 1784 года по март 1786 года. Так всего решенных дел оказалось 55, из них 25 дел было нерешенных к открытию наместничества и 30 дел поступило вновь. Из 55 дел одно было «смертно убивственное». 12 дел — «интересных», 19 дел — «следственных», десять дел — «вотчинных» и четыре дела по разным материалам — «судных». Сверх того девять дел было решено по повелению из различных команд по разным материалам².

Из Генеральной таблицы о числе сел и деревень казенного ведомства, представленной нижней расправой сенаторам, можно увидеть, что в Каргопольском уезде по четвертой ревизии проживало 41 140 крестьян, из них мужского пола 19 963 и женского пола 21 177 человек. Государственных черносоченных крестьян было 39 028 человек, экономических — 2 112 человек. Ни дворцовых, ни господских (крепостных) крестьян в уезде не было. Экономических сел, а по-здешнему, волостей, было три с 29 деревнями, государственных — 40 с 781 деревней. В уезде находились один штатный монастырь третьего класса каменный и один упраздненный деревянный, 75 церквей, из них две каменные и 73 деревянные, один деревянный завод, 182 водяные мельницы и восемь ветряных мельниц, три моста через реки и два перевоза³.

Из перечневого регистра, подготовленного в Каргопольском городском сиротском суде, за подписями головы Петра Немчинова и ратмана Ивана Прибыткова о числе граждан мужского и женского пола и по высочайше изданному городскому положению в градскую обывательскую книгу записанных, представленного сенаторам, узнаем, что в городе Каргополе проживало 2031 человек, в том числе 1046 мужского пола и 985 женского пола. Из них купцов второй гильдии 11 мужчин и 17 женщин, купцов третьей гильдии, соответственно, 149 и 158. Мещан

1 Там же. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 522. Л. 32–32 об.

2 Там же. Д. 624. Л. 69 об.-70.

3 Там же. Л. 73 об.-74.

в городе было 1639 человек, из них 851 мужского пола и 788 женского пола. После ревизии записались в мещане 34 мужчины и 22 женщины, а один человек мужского пола, прибывший из-за границы, в 1783 году был записан в мещане по указу Санкт-Петербургского губернского правления¹.

1 ГАОО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 624. Л. 4.

«Олонецкие губернские ведомости» о реформах Александра II

Как известно, реформы Александра II 1860-х годов изменили ход развития России. Естественно, что они нашли отражение и в «Олонецких губернских ведомостях» (ОГВ)¹. Но в какой степени?

Откроем подшивку газет за 1861 год. Знаковое событие — отмена крепостного права. Реформа касалась практически всех сословий, в особенности крестьян и дворян. Основную массу населения на Русском Севере составляли крестьяне государственные и приписанные к частным заводам (горнозаводские). Но что изменилось в их положении?

В ОГВ опубликован (и крупным шрифтом) сам Высочайший Манифест от 19 февраля 1861 года: «По ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ. О даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта»².

В Петрозаводске Высочайший Манифест объявлен в Кафедральном соборе 14 марта 1861 года после обычного богослужения и благодарственного молебствия архиепископа Аркадия. В тот же день он был обнародован гражданским начальством на всех площадях города и опубликован в ОГВ.

Публикуются также указы Правительствующему сенату, министру Государственных имуществ, министру Императорского двора и уделов.

В мартовском номере ОГВ перепечатана статья Михаила Погодина из «Северной пчелы» № 18 от 28 февраля 1861 года: *«Великое земское дело приближается к концу, как уже объявлено в ведомостях... Святая минута, которой ангелы на небеси возрадуются. Двадцать три миллиона христианских душ призываются к новой жизни, к сознанию своего человеческого достоинства! Вообразите же, какое чувство пронесётся, без телеграфной проволоки, обвитой гуттаперчею, по всему этому неизмеримому пространству, занимаемому Россией, с первым звуком благой вести. Подумайте, как поднимется, как взлетит дух всего народонаселения!»*³

1 Полная подшивка газет за все годы хранится в РГБ. Можно посмотреть и на сайте <http://ogv.karelia.ru>

2 ОГВ. 1861. 18 марта.

3 Там же.

Как же «взлетел дух» крестьян Русского Севера? «Олонецкие губернские ведомости» о том умалчивают.

О ходе самой реформы на местах в ОГВ практически нет информации. Имеются только сведения о горнозаводских рабочих, т.е. о крестьянах, ранее приписанных к заводам. В разделе «Губернские известия» сообщается: «...*Вслед за дарованием свободы крепостному сословию Высочайше утверждено положение об устройстве мастеровых Александровского и Кончезерского заводов и приписанных к Олонецким заводам крестьян Петрозаводского уезда, которые получают свободу от обязательной службы и обязательного труда, и составят одну общую семью с городскими и сельскими сословиями губернии. Это преобразование будет иметь важное значение для нашего края в экономическом отношении*»¹.

В апреле публикуется «Положение о горнозаводском населении казённых горных заводов ведомства Министерства финансов»². В нём говорится, что все горнозаводские рабочие «увольняются не позже двух лет со дня обнаружения сего Положения навсегда и с потомством от обязательной службы заводам. Всем увольняемым предоставляются права и присвояются обязанности свободных сельских обывателей, вместе с правами личными и по имуществу, на основании общих законов». В Положении несколько глав: «Об образовании горнозаводских обществ», «О поземельном устройстве горнозаводского населения», «О казённых и общественных податях и повинностях», «О порядке вступления горнозаводских людей в заводские работы», «О горнозаводских товариществах», «О вспомогательной кассе горнозаводского товарищества и о пособии из оной», «О мастеровых, приписанных к казённым горным заводам и монетным дворам: в Санкт-Петербурге, Петрозаводске и Екатеринбурге», «О крестьянах, приписанных к Олонецким горным заводам», «О нижних и рабочих чинах, приписанных к казённым соляным заводам и промыслам».

Далее публикуется именная ведомость дачам, приготовленным к размежеванию в лето 1861 года. Среди других по Каргопольскому уезду: «*дача села Верхнеандроновского. — Владельцы: Ольховского прихода священноцерковнослужители и государственные крестьяне. Пространство 108 д. 427 саж.*»³.

1 Там же. 23 марта.

2 Там же. 8 и 15 апреля.

3 ОГВ. 1861. 22 апреля. Межевание проводилось и ранее, но проблемы, связанные с собственниками земли, обострились в связи со слухами о грядущей реформе.

С 22 июля по 9 декабря 1861 года в шести номерах ОГВ публикуются распоряжения по крестьянскому делу в Общем циркуляре Министерства внутренних дел. По Олонецкой губернии информации нет.

Вот и всё.

Проблемы трудоустройства горнозаводских рабочих рассматривались позднее, в 1864 году, когда была проведена земская реформа. В разделе «Губернские известия» читаем:

«Реформа 19 февраля 1861 года в Олонецкой губернии распространилась не на одних помещичьих крестьянах, но и на всё горнозаводское население здешних казённых горных заводов, состоящих как из казённых мастеровых и рабочих при Александровском и Кончезерском заводах, так и приписанных к ним крестьян Петрозаводского уезда в числе ок. 25 000 душ муж. пола. Казённые мастеровые Александровского завода, получив на основании особо утверждённых для них правил, освобождение от обязательной для них службы на заводе, с 1852 года, по мере сроков выслуги, вошли окончательно в состав городских обывателей Петрозаводска; в прошлом году и мастеровые Кончезерского завода, с увольнением от обязательных работ, составили отдельное общество сельских обывателей и подчинились мировым учреждениям. Наконец, ныне всё население горнозаводских крестьян Петрозаводского уезда передано в ведение общих гражданских и мировых учреждений»¹.

Ещё 17 декабря 1862 года Государственным советом утверждён окончательный срок — 8 марта 1863 года — передачи здешних крестьян в ведомство мировых учреждений. В сентябре 1863 года Петрозаводский уезд был разделён на три мировых участка, в состав которых вошли и временнообязанные крестьяне Шуйской волости Петрозаводского уезда и Филипповского общества Повенецкого уезда.

Бывшие горнозаводские крестьяне имели уже своё сельское и волостное управление и при их передаче в общее гражданское управление не нужно было учреждать там нового общественного управления или составлять уставные грамоты, как требовалось это при помещичьих имениях. Переход крестьян из горного ведомства, распределение их по мировым участкам и устройство общественного управления осуществлялось губернским по крестьянским делам присутствием.

¹ ОГВ. 1864. 18 января.

Передача горнозаводских крестьян в ведомство мировых учреждений была возложена на особую комиссию. К концу 1863 года крестьянам было объявлено об их переходе из горнозаводского ведомства в ведение мировых учреждений. Определено было три участка мировых посредников: 1 — Кондопога, 2 — Шуя и Сямозеро, 3 — Шелтозеро-Бережное. Мировой съезд должен был созываться ежемесячно в г. Петрозаводске, в зале благородного собрания.

В том же номере газеты сообщается о хозяйственном положении крестьян. Суровый климат и малоплодородие почвы не позволяли успешно развивать хлебопашество, да и огородничество. Судя по приведённой таблице, в 1862 году на полях государственных крестьян озимого хлеба снято сам-пять четвертей, ярового — сам-три с половиной четвертей, картофеля — сам-шесть. На продовольствие оставалось 73,113 четвертей. Для удовлетворения потребностей населения нужно было закупить озимого и ярового хлеба 6,360 четвертей. И далее отмечается, что доходы с огородничества идут только на собственные нужды, а в случае недостатка хлеба у крестьян им выделялось пособие из продовольственных запасов Петрозаводского запасного хлебного магазина. В 1862 году из продовольственных запасов Петрозаводского уезда выдано в долг муки 19,073 пуда на 17,642 рубля 99 копеек¹.

В новых условиях бывшие горнозаводские крестьяне должны были выполнять натуральные подводные и дорожные повинности, а также заводские работы: возить руду, жечь уголь и заготавливать дрова.

22 ноября 1863 года состоялось заседание губернского по крестьянским делам присутствия с повесткой дня «О передаче горнозаводских крестьян Петрозаводского уезда в ведомство мировых учреждений». На заседании выступил начальник губернии, речь которого была опубликована позднее: *«Государю Императору угодно было повелеть: передать крестьян Петрозаводского уезда, приписанных к Олонецким горным заводам, в ведение мировых учреждений, для введения у них общественного управления на началах Положения 19 февраля 1861 года. С завтрашнего дня начинается эта передача. Губернское присутствие поручило избранным мною мировым посредникам отправиться, в сопровождении чиновников горного ведомства, по всем волостям и сельским обществам, для объявления крестьянам о предстоящей перемене их общественного быта. Приступая к осуществлению державной воли Государя Императора, нам пред-*

¹ Там же.

стоит зрело обдумать всю важность лежащих на нас обязанностей, ибо сверх забот о благосостоянии 25 т. крестьян мы должны не упускать из виду громадное, в настоящее особенно время, значение Александровского пушечного и других горных заводов Олонецкого округа. Правительство, по случаю грозящей России войны, ежедневно делает новые заказы на Олонецких заводах; для успешного выполнения этих заказов нужны силы и добросовестный труд окрестного народонаселения. До настоящего времени гармония между крестьянами, состоявшими в обязательном к заводам отношениях, и горными начальниками ни на минуту не прекращалась. Работы шли с полным успехом, крестьяне получали значительные заработки и находили в горном начальнике попечительного хозяина, помогавшего им и деньгами и хлебом в неурожайные годы. Надеюсь, что мировые посредники употребят всю свою деятельность к упрочению прежних отношений и при всяком случае будут объяснять крестьянам всю выгоду для них исполнять по-прежнему работы для заводов. С своей стороны, я лично и неусыпно буду следить за точным и беспрекословным исполнением крестьянами последней трети обязательных работ, всех контрактов и условий, заключённых с заводом, за постоянно-отличным содержанием дорог в уезде и за поддержанием взаимного уважения и доверия между деятелями по мировым учреждениям и г. горным начальником. Полковник Фелькнер лучше всех нас знает положение и нужды населения петрозаводского уезда — он, конечно, не откажет нам помочь словом и делом; во мне же господа посредники найдут самого деятельного и честного товарища в общем для нас деле служения к благу Олонецкого края и к осуществлению мудрых указаний и начинаний Государя Императора. От вас, гг. мировые посредники зависит многое; уверен, что вы найдёте мои указания и будете во всех ваших действиях в точности исполнять законоположение 19 февраля, не упуская в то же время ни на минуту из виду пользы заводов Олонецкого округа»¹. Интерес представляет последняя фраза в произнесённой речи. Можно предположить, что между различными ведомствами могли возникнуть противоречия, связанные с новым административным устройством. Поэтому губернатор начальственно предупреждает: «Повторяю — я желаю мирного хода дела, и не допущу ни под каким видом никаких бы то ни было пререканий между горным и гражданским ведомствами»².

1 ОГВ. 1964. 1 февраля.

2 Там же.

Известно, что Положение о губернских и уездных земских учреждениях было Высочайше утверждено и подписано 1 января 1864 года. При этом землевладельцам было дано право избирать гласных в уездные земские собрания в том случае, если имеют 475 десятин земли. О количестве выборных гласных в системе земских учреждений в Олонецкой губернии видно из таблицы в ОГВ¹.

Гласных в уездное собрание

	От землевл.	От горож.	От посел.
Петрозаводский у.	7	5	8
Вытегорский	6	2	4
Каргопольский	5	2	6
Лодейнопольский	7	2	5
Олонецкий	3	2	7
Пудожский	2	2	8
Повенецкий	4	2	6

Гласных в губернское собрание от Петрозаводского уезда 3, от прочих шести уездов по 2. Всего 15 человек. Как следует из таблицы, количество гласных в губернском и уездных собраниях примерно одинаково — от 12 до 15 человек. Выделяется лишь Петрозаводский уезд, где количество гласных составляет 20 человек. От горожан в уездные собрания избирались по 2 человека и только от Петрозаводского — 5. Крупных землевладельцев, имеющих 475 и более десятин земли, было не так уж много; в Петрозаводском и Лодейнопольском по 7, Вытегорском — 6, Каргопольском — 5; в Пудожском — всего 2, Олонецком — 3, Повенецком — 4. Количество гласных от поселений определялось от 4 до 8 человек. Учитывая, что в Олонецкой губернии насчитывалось огромное количество поселений, можно предположить, что избрание гласных проводилось от «кустов» деревень (или волостей). Поэтому наибольшее количество таких поселений было в Петрозаводском и Пудожском уездах (по 8). В Олонецком уезде было 7 поселений, в Каргопольском и Повенецком — по 6, Лодейнопольском — 5, а в Вытегорском — всего 4. На избранных гласных и возлагалась надежда на оптимальное решение хозяйственных и бытовых нужд населения.

¹ ОГВ. 1864. 1 февраля.

Рассмотрим, как решались вопросы земельного владения неразмежёванных земель и угодий на примере Ухотской волости Вытегорского уезда¹.

Владелец земли Ю.Ф. Вагнер осматривает состояние дач, находящихся в общей собственности в окрестностях озера Лаче². У него две дачи — в 1700 и 30 000 десятин. С этого он имеет свой доход. Но проблема заключается в том, что дачами в этом месте владеют ещё 15 частных лиц и казна, а земли и угодья ещё не размежёваны. Кроме того, землями и лесами пользуются государственные и удельные крестьяне. С горечью он отмечает, что его первая дача в 1700 десятин в Ухотской волости *«вся вырублена на подсека. Земля местами была так хлебородна, что обрабатывали её 20 лет сряду без удобрения и сняли от двух до 13 хлебов³; но с каждою новою разработкою земля теряла всё более и более свои производительные силы. Теперь эта дача доведена до такого состояния, что даже трава на ней худо растёт, и мы лишились не только близкой дровяной порубки, но почти совершенно и выгона для скота. Вот наша общая собственность. Никто от владельцев не получает от ней пользы, между тем как крестьянами извлечено, что только бы можно при беспорядочном хозяйстве, до совершенного её истребления»⁴*. Правда, он надеется на размежевание дачи, если полюбовная сказка на её раздел утвердится судом.

Более сложное положение с другой Ухотской дачей в 30 000 десятин лесу и сенокосов. Он пишет: *«В 1848 году, когда я поселился в своём имении, был ещё в ней лес, и теперь видно по пням, что лес был хороший. Теперь же всё вырублено, что ближе — крестьянами Ухотской волости, что дальше — удельными крестьянами. Скажете: почему мы не берегли свою собственность, живши на месте? Если я отвечу, что средств нет, то никто этому не поверит; посему расскажу вкратце, как я, при постоянном моём надзоре за дачею, действовал к охранению наших лесов. В 1849 году я нашёл в нашей общей даче брёвна, вырубленные в ней удельными крестьянами, не имеющими участия во владении дачею. Лес этот был вывезен теми же крестьянами в свои деревни; посему я должен был просить удельный приказ об описи и хранении вырубленных брёвен. Приказ оказал мне большое содействие, составил свидетельство лесу и отдал его под надзор;*

1 В 1919 году Ухотская волость вошла в состав Каргопольского уезда.

2 ОГВ. 1861. 11 марта.

3 То есть сам-13, в то время как отмечалось выше, урожайность составляла сам-пять озимого и сам-три ярового хлеба.

4 ОГВ. 1861. 11 марта.

в то же время порубщики сознались, что лес вырублен ими в Ухотской даче. Виновные открыты, они признались в своих действиях, — и так, по моему мнению, оставалось только подвергнуть их определённому законному взысканию. Немедленное взыскание с виновных служило бы примером для других, окружающих нашу дачу жителей, и уменьшило бы незаконные порубки в даче. Вот чего хотел достигнуть я своею просьбою! — Не так рассудило местное начальство; оно хотело истребить зло с самим корнем, начало исследовать и дополнять и, не жалея ни времени, ни трудов, чрез 8 или более лет окончило следствие и передало дело на суждение. Но решению суда ещё не последовало»¹. Вначале самовольные порубки уменьшились, отмечает автор, а потом, в связи с безнаказанностью, начались снова, что привело к исчезновению лесов, так как крестьяне в ожидании свободы и, зная, что при размежевании будет запрещено рубить лес, запасают его, кто сколько может. Надежду на сохранение лесов Ю.Ф. Вагнер возлагает на размежевание дачи, но не уверен, когда это произойдёт. И далее описывает все препоны, творящиеся на пути законного распределения владений. По его словам, история размежевания началась ещё в 1849 году, когда «была составлена и подписана всеми владельцами предварительная полюбовная сказка. Посредник продержал её у себя около двух лет, не передавая в суд на утверждение, следствием чего было то, что сказка эта должна была идти в Сенат. Возвратясь оттуда, она была утверждена судом, но, вероятно, после дальнего пути должна была отдохнуть. — Посредников нельзя винить в медленности, а нужно удивляться их терпению и неустойчивости. Зимой и летом они, должно быть, употребляют на переписку с разными местами и лицами, а только настанет осень и начнётся погода, при которой, как говорит пословица, «хороший хозяин собаки не выгонит», — посредники отправляются в уезд, несмотря на распутицу, и стараются владельцев общих дач склонить на полюбовный раздел. Несколько уж осеней мы радовались приезду посредника, полагая, что он приехал развести нашу тридцатитысячную дачу, но всегда оставлялись сказки на развод каких-нибудь пустошей, в 10 или 15 десятин. — По настоянию Палаты Государственных Имуществ, чрез 10 лет по составлении предварительной сказки, осенью же 1859 года сделаны нарезки на плане означенной дачи и утверждены всеми владельцами и поверенными. Мы, подписав план, не могли нарадоваться таким удивительным успехам; осталось только написать и подписать сказку — общее владение не существовало бы

¹ Там же.

у нас. Но этого было слишком много для страдавших в общем владении лиц, чтобы не вмешалось тут постороннее обстоятельство, удалившее столь желанный результат на много-много лет. — Как тут, 1 октября в Вытегре открывается ярмарка, на которую привозят капусту, свёклу, морковь, словом, всё необходимое в домашнем быту. Эти предметы выгодно закупать на ярмарке, а упустив её, после на всё нужно передать лишнюю копейку. — И вот посредник уехал от нас, с обещанием быть через месяц для составления сказок. Проходят месяц, два, три — не приезжает, проходит лето, удобное для межевания, и вновь посредник оттянул дело это на год. Но вот настала осень — нет возможности в лес забраться; тут наехал посредник со сказками для подписи. Между тем в год было много дум и толков! Трое, подписавшие нарезки на плане, не подписали сказки; один показал, что нарезки переделаны, у другого отнята доверенность и передана другому лицу, а третий, не имев прежде доверенности, только что получил её с особою инструкцією, — так всё, что было сделано в 1859 году, остановлено в 1860 — и посредник опять прав на год. Вероятно, будущую осенью начнёт вновь соглашения, которые во второй раз представлять более затруднения и, надобно полагать, не составится. Останься посредник по нанесении нарезок на плане ещё дня на два — сказка была бы подписана, и межевание могло бы начаться в 1860 году...

Спрашивается, чем виноваты и за что лишаемся нашей собственности? — За то, что посредники очищают себя бумагами и нумерами, а в сущности, дела не кончают. Если освобождение крестьян от крепостной зависимости будет обнародовано, а земли наши к тому времени не размежеваны — что нам остаётся делать? Хоть волком вой... Слышал я, что китайский богдыхан, когда болеет, прекращает жалованье своим докторам до совершенного выздоровления. Само собой разумеется, что доктора употребляют все средства для лечения, и богдыхан почти болен не бывает...»¹

Наблюдательное замечание. Для землевладельца прискорбно, что успех в ведении хозяйства во многом зависит не столько от усилий самого хозяина, сколько от бездействия чиновников. Беспокойство Вагнера вызывает и состояние озера Лача. Он пишет:

«В общем владении нашем, как уже сказано, состоит и навсегда в нём останется озеро Лача; оно довольно рыбное; в нём ловятся окуни, язи, ерши и щука,

1 ОГВ. 1861. 11 марта.

а временами леиши, сизи и налимы, также попадаетя белая рыбица, которая здесь особенно славится. Ловля производится круглый год курмами (мережами) и неводами. Если бы был надзор, чтобы при ловле употреблялись дозволенные законом снасти, то рыба бы не переводилась. Но ловля производится частыми сетями, так называемыми мутниками, которые столь часты, что не проходит самая мелкая рыба. Этими сетями ловят преимущественно крестьяне Тихманской волости и тем содействуют уменьшению рыбы в Лаче-озере. — С 1849 года наблюдал я за ловлею и, чрез расспросы рыбаков, уверился в постоянном уменьшении здесь рыбы, которое в продолжение 10 лет сделалось очень заметным. Желательно было бы, чтобы ловля мутниками была запрещена и преследовалась, чрез что навсегда сохранялась бы рыба, да и сами рыбаки со временем получили бы более выгод от своего промысла. — На озере прежде плодились лебеди и даже гуси, но этого я уже не застал. В первые годы моего здесь жительства на озере было много уток разных пород, но с каждым годом количество их уменьшается, так что в последнее время мало гнездились их около озера, несмотря на удобные для них места на Лаче-озере, берега которого заросли травой и трестом на значительное расстояние. Причина оскудения дичи, по моему мнению, заключается в том, что жители разоряют птичьи гнёзда и собирают яйца в большом количестве, что составляет забаву прибрежных поселян»¹.

Естественно, что при таком положении дел он горестно подводит итог:

«Так, при общем владении, всякий старается извлечь временную пользу для себя, говоря: «на наш век будет», и не заботится о том, что следующие за нами поколения останутся безо всего»².

Это последнее заключение автора злободневно и сегодня, хотя с тех пор прошло уже более 150 лет. Административные изменения последних лет не улучшают состояние землевладения. Изъятие из официальных документов понятий «город», «село», «деревня» и замена их «муниципальными образованиями», «округами» и «поселениями» положительного результата не дают. Это приводит к забвению исторической памяти и того опыта, который мы могли бы извлечь из прошлого, в том числе из публикаций в «Губернских ведомостях».

Следует отметить ещё одну сторону проблемы — изменение социального климата в стране в результате всяких реформ. Неясное положение и противоречи-

1 Там же.

2 Там же.

вые сведения о крестьянской реформе¹ приводят к разлому в сознании, когда люди не заботятся о будущем и стремятся ухватить лично для себя часть общего достояния, как в случае разграбления лесов по описанию Вагнера. Меняется ландшафт местности (в результате вырубki лесов, как выше описано, так и зарастания лесом пашенных угодий, что наблюдается в настоящем), который, в свою очередь, формирует национальные особенности населения. При разломе сознания сложно говорить о перспективах развития общества.

Тема же, заявленная в статье, может быть расширена и углублена как изучение проблемы землепользования на Русском Севере, отражаемая в губернских ведомостях, губернских епархиальных ведомостях, памятных книжках и других местных публикациях. Землепользование, как известно, взаимосвязано с административными преобразованиями, которые, в свою очередь, влекут за собой территориальные изменения и формы управления административно-территориальными единицами. Добротным научным исследованием оно станет при изучении архивных документов в комплексе с иными источниками.

Что касается пользы для крестьян от реформ Александра II, то ее следует рассматривать с разных позиций. В чём-то они явились положительным результатом (получение свобод), в чём-то и отрицательным, что и привело к народническому движению и крестьянским бунтам. Правда, Русский Север относительно последствий реформ стоит особняком, что и требует специального изучения.

1 А это хорошо отразил Г.И. Успенский в своих произведениях, описывая пореформенную эпоху.

Вопрос о введении земских учреждений в Архангельской губернии

Светлой памяти профессора МГИАИ

Николая Петровича Ерошкина посвящается

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года вводилось не повсеместно. Архангельская губерния оказалась среди регионов, на которые этот закон не распространялся. При составлении земского Положения 1864 года мнения правительственных чиновников по поводу введения земства в северной губернии разделились. Министр внутренних дел П.А. Валуев предлагал включить Архангельскую губернию в число «земских» губерний, однако Государственный совет выступил против данного предложения, ссылаясь на малонаселенность и недостаточное количество частных владельцев, проживавших там. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 1 января 1864 года министру внутренних дел было поручено совместно с местными администрациями губерний, где не были введены земства, разработать и внести в Совет предположения о порядке применения Положения в данных губерниях¹.

Министерство не стало медлить и уже в 1864 году обратилось к архангельскому губернатору Н.М. Гартингу с предложением выработать и внести свои соображения по вопросу введения Положения о земских учреждениях, учитывая особенности региона. В губернаторский проект, представленный в МВД в 1865 году, были включены следующие предложения: понизить земельный и имущественные цензы, допустить к участию в земских собраниях уполномоченных от землевладельцев, владевших не менее 1/10 ценза, уполномоченных от церковнослужителей, представителей торгового класса и судовладельцев, ограничить число избирателей от сельского сословия, открыть доступ в земские учреждения всем лицам, получившим высшее или среднее образование, уравнивать количество гласных от сельских обществ с количеством гласных от землевладельцев и городов. По данному проекту председатель губернского земского собрания должен был назначаться императором и утверждаться МВД, а председатель уездного земского собрания — избираться земским собранием и утверждаться губернатором.

1 ПСЗ РИ. Собр. 2. Том 39. Ст. 40457. *Сосновский И.В.* О введении в Архангельской губернии земских учреждений. Архангельск, 1910. С. 1.

Принимая во внимание то обстоятельство, что с введением земства возрастут земские расходы, губернатор Гартинг указал на необходимость обложения поземельным земским сбором всех удобных земель, принадлежавших частным владельцам, духовенству, казне и уделу, а также на установление земского сбора с лесов. При этом губернатор заметил, что сельские обыватели, составлявшие основную массу населения, крайне обременены податями и различного рода государственными и мирскими сборами¹.

Для дальнейшего экономического и культурного развития губернии требовалось изменить систему местного управления. А.Г. Казначеев, небольшой период бывший на должности архангельского губернатора (с января по июль 1866 года), признавая «тупость и негодность административного элемента» в управлении губернией, отметил: «Воскресить и поднять на Севере промыслы, торговлю, мореходство — это такие задачи, которые испугают не только меня, но и самого гениального администратора. Впрочем, администратору в этих делах приходится стараться не мешать, порою помогать, а творчество принадлежит народу... Творить может только гений народа сообразно со степенью его образования и развития»².

Следующий проект Закона о введении земских учреждений в Архангельской губернии был представлен в МВД в декабре 1866 года вновь вступившим на должность архангельского губернатора князем С.П. Гагариным, который в учреждении земств видел единственный выход из тяжелого продовольственного положения, сложившегося в регионе. Соглашаясь с тем, что отсутствие дворянства является основным препятствием для распространения Положения о земских учреждениях 1864 года на губернию, губернатор предлагал сочетать в земских учреждениях административный и земский элементы. Для этого необходимо было предпринять следующее: 1) назначить в губернскую и уездные земские управы председателей от правительства при выборных членах; 2) дать право губернатору вносить в губернское земское собрание предложения по продовольственному вопросу; 3) расширить административный контроль над определениями земских собраний и распоряжениями земских учреждений по продовольственному вопросу. Автор проекта признавал целесообразным понизить ценз для выборов гласных³.

1 Сосновский И.В. О введении в Архангельской губернии земских учреждений... С. 4-6.

2 Сидоров М.К. Север России. СПб., 1870. С. 77.

3 РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 17. Л. 17 об.-20.

Но эти губернаторские проекты не получили дальнейшего движения, так как встретили возражения со стороны министерств финансов и государственных имуществ. Министр финансов М.Х. Рейтерн высказался против обложения земским сбором всех лесов. По его мнению, облагать земским сбором в данной губернии можно только леса, приносящие доход, и обработанные земли¹. Министр государственных имуществ А.А. Зеленый заметил, что, по имеющимся у него сведениям, владения казны в губернии в 63 раза превосходят другие владения, поэтому вся тяжесть уплаты земского сбора будет падать на казенные земли. Чтобы не допустить этого, он предлагал земским учреждениям назначить пособие от казны в дополнение к сбору от других земель, исключая казенные земли². В связи с этим 15 февраля 1867 года МВД сообщило архангельскому губернатору, что ввиду исключительности положения, в котором находится Архангельская губерния (недостаток в крае землевладельцев и других частных собственников, изъятие лесов губернии от обложения земским сбором), вопрос о введении земств в губернии не может получить движения с надлежащей скоростью³.

Стремясь изменить устаревшую форму управления местным хозяйством, МВД вновь запрашивает мнение архангельского губернатора по данному вопросу. В апреле 1870 года уже новый губернатор Н.А. Качалов представляет в министерство «Проект применения в Архангельской губернии статей Высочайше утвержденного 1 января 1864 года “Положения о губернских и уездных земских учреждениях”». Автор проекта предлагал сосредоточить все земское дело в одном губернском комитете земских повинностей, который должен был возглавить губернатор. Члены, входившие в этот комитет, делились на две группы. Первая группа состояла из представителей органов местной государственной власти и управления: вице-губернатор, два постоянных члена Особого о земских повинностях присутствия, управляющие государственными имуществами и казенной палатой, инспектор народных училищ, врачебный инспектор, члены от удельного ведомства, епархиального духовенства, губернского по крестьянским делам присутствия; архангельский городской голова, 11 мировых посредников (всего 22 члена). В состав второй группы предлагалось включить по одному члену от каждого города и уезда, а также представителей от оптовых контор⁴. Исполнительным

1 Сосновский И.В. О введении в Архангельской губернии земских учреждений... С. 7-8.

2 Там же. С. 8.

3 Там же. С. 9.

4 ГААО. Ф. и-1. Оп. 5. Д. 1030. Л. 3-3об.

органом данного комитета по проекту являлось Особое о земских повинностях присутствие, возглавляемое вице-губернатором. В состав присутствия могли бы войти два постоянных члена, назначенных правительством, и два члена, избранных комитетом из населения. По проекту мировым посредникам отводилась роль исполнителей распоряжений данного присутствия¹. Надо заметить, что Качалов указал на необходимость обложения земскими сборами казенных и удельных земель и лесов. От этого, как он отметил, зависит прочное экономическое устройство губернии².

В вышеизложенном «качаловском» проекте земское самоуправление подавлялось так называемым административным элементом. Цель проекта: сосредоточить управление земским хозяйством в одном органе и показать видимость «земского управления» в губернии.

10 декабря 1874 года Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О прекращении отдельного существования государственного земского сбора и присоединения его с 1875 г. к общим государственным доходам» были созданы распорядительные комитеты³. В Архангельской губернии данный комитет был открыт 9 июля 1875 года вместо Губернского о земских повинностях присутствия. Председателем являлся губернатор. В состав комитета входили: председатель казенной палаты, архангельский городской голова, управляющий губернской почтовой частью и член от военного ведомства в губернии. Комитет ведал раскладкой и взиманием земских сборов, расходом денежных средств на квартирное довольствие войск, наем, постройку и ремонт казенных зданий, содержание дорог и подвод⁴. На этом и закончилось усовершенствование системы управления местным хозяйством. Как бы подводя итог всем проектам архангельских губернаторов, в конце «качаловского» проекта стоит пометка об образовании распорядительного комитета в губернии⁵.

Испытывая неудобства в управлении «неземскими» губерниями, правительство через двадцать лет вновь вернулось к вопросу организации земства в Архангельской губернии. 31 июня 1896 года министр внутренних дел И.А. Горемыкин обратился с письмом на имя архангельского губернатора А.П. Энгельгардта.

1 ГААО. Ф. и-1. Оп. 5. Д. 1030. Л. 4.

2 Там же. Л. 5об.-6.

3 ПСЗ РИ. Собр. 2. Том 49. Ст. 54144.

4 ГААО. Ф. и-112. Предисловие к описям фонда. Составитель Полякова О.Г.

5 ГААО. Ф. и-1. Оп. 5. Д. 1030. Л. 10 об.

Признавая тот факт, что местные органы управления в «неземских» губерниях «настолько устарели, что не только не отвечают более предъявляемым к ним требованиям, как со стороны правительства, так и с точки зрения интересов местного населения», министр поручил губернатору представить заключение по данному вопросу¹.

В своем ответе от 14 сентября 1896 года губернатор высказался против введения Положения о земских учреждениях 1890 года в полном его объеме. Он представил свой подробный проект по данному вопросу. Документ состоял из двух разделов. В первом освещались причины, вызвавшие необходимость преобразования учреждений, ведавших местными хозяйственно-экономическими вопросами, во втором разделе говорилось об условиях, при которых было бы возможно введение в Архангельской губернии земских учреждений. На основании статистических данных автор проекта пришел к заключению, что одни владельцы недвижимой собственности в губернии не могут быть выразителями интересов всего населения и экономических нужд губернии. По проекту в состав земских собраний должны были войти представители разных групп местного населения, которые точно так же, как и вышеназванные владельцы, были заинтересованы в правильной организации управления местным земским хозяйством².

Энгельгардт предлагал включить в состав уездных земских собраний по одному гласному, назначенных от следующих ведомств: казны, удела, владевшего лесопильными заводами в Архангельске и землями в Шенкурском уезде (в соответствующие уездные земские собрания), духовенства, министерств внутренних дел, финансов и народного просвещения. По губернаторскому проекту в состав уездных земских собраний входили гласные от городов и посадов, торгово-промышленного класса, владельцев заводов и крупных судовладельцев. Они избирались на особых съездах. Что касается крестьян, то их представляли гласные от сельских обществ (по выбору волостных сходов по 1 гласному от каждой волости с населением свыше 1000 душ мужского пола и по 1 гласному от каждой двух волостей (по очереди) с населением менее 1000 душ)³.

Уездные земские собрания, в свою очередь, избирали губернских гласных: по 4 гласных от Архангельского, Шенкурского, Онежского и Кемского уездов и по 3 гласных от остальных уездов. Кроме того, в состав губернского земского

1 ГААО. Ф. и-1. Оп. 8. Том 2. Д. 572. Л. 1об.

2 Там же. Л. 21 об.

3 Там же. Л. 24.

собрания входили представители, назначенные руководителями ведомств казны, удела, епархии, министерств внутренних дел, финансов, народного просвещения, а также городской голова города Архангельска и уполномоченный Комитета торговли и мануфактуры¹. Таким образом, губернское земское собрание состояло бы из 38 гласных.

Председатель губернской земской управы выбирался губернским земским собранием необязательно из земских гласных, но и из посторонних лиц, которые должны были соответствовать требованиям Устава о службе гражданской и обладали бы правом на чин не ниже 5-го класса или высшим образованием². Члены губернской земской управы также выбирались собранием, как из среды гласных, так и из посторонних лиц, имевших право на государственную службу. Председателя губернской управы утверждал министр внутренних дел, а членов и уездных агентов — губернатор³.

Энгельгардт в своем проекте отметил, что было бы преждевременно допустить уездные земские учреждения к самостоятельному ведению земского хозяйства, установлению земских сборов и утверждению земских смет. По его мнению, необходимо было сохранить за губернским земством право управлять всеми земскими делами губернии, оставив за уездными земскими собраниями лишь совещательные функции по вопросам, предложенным на их обсуждение правительством или губернским земством. Окончательное решение всех вопросов земского характера предоставлялось губернскому земскому собранию. По губернаторскому проекту губернская земская управа назначала в уезды своих агентов, которые являлись исполнительными органами земства на местах⁴. Губернатор полагал, что при вышеизложенной организации земского управления постепенно могла бы готовиться почва для введения в губернии земских учреждений в полном объеме.

В приложении к своему проекту 23 января 1897 года Энгельгардт доставил в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел проекты расписаний губернских и уездных земских гласных по Архангельской губернии⁵. Гласные относились к двум группам: по назначению и избранию. Причем преобладали гласные по избранию, которые выбирались двумя общественными группами

1 ГААО. Ф. и-1. Оп. 8. Том 2. Д. 572. Л. 24 об.-25.

2 Там же. Л. 27-27 об.

3 Там же. Л. 27 об.

4 Там же. Л. 26-26 об.

5 Сосновский И.В. С. 16.

«куриями»: 1) от сельских обществ — на волостных сходах; 2) от владельцев недвижимых имуществ — в уездных городах и уездах стоимостью имущества 1000 рублей, в г. Архангельске — 5000 рублей¹. Земельный ценз был обойден, так как он мог быть примененным в весьма незначительных размерах.

Проект Энгельгардта носил более реакционный характер, чем Положение 1890 года. Преобладание административного элемента в земских органах привело бы к превращению их в административно-чиновничий орган управления, подкрашенный для видимости элементом самоуправления.

Этот «энгельгардтовский» проект получил одобрение со стороны министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, который признавал необходимость ввести земские учреждения в северной губернии. Тем не менее в проект были внесены некоторые изменения. Вся распорядительная власть по земскому хозяйству сосредоточилась в губернском земском собрании, при этом уездные земские собрания исключались. Исполнительные функции осуществлялись губернской управой. Имущественный ценз был оставлен в том размере, который предлагался губернатором. Частные собственники объединялись в одно избирательное собрание. Гласные от сельских обществ выбирались на сельских сходах по 1 человеку. Из числа избранных губернатор утверждал положенное расписанием количество гласных². Кроме того, предполагалось ввести в земское собрание гласных по назначению губернатора: по 1 от каждого уезда чиновников по крестьянским делам, а также губернского врачебного инспектора и директора народных училищ³.

Вышеизложенные предположения были включены в законопроект по преобразованию земского устройства в 9 западных и 4 окраинных губерниях, разработанный МВД и представленный им в 1898 году в Государственный совет.

Против территориального распространения земских учреждений выступили министр финансов С.Ю. Витте и обер-прокурор Святейшего синода Н.П. Победоносцев. Министр финансов, ссылаясь на обширность территории губернии, заметил, что централизация земского хозяйства в регионе приведет к тому, что земские сборы с лесов и земли в Шенкурском и Холмогорском уездах будут расходоваться на улучшение рыбных промыслов на Мурмане, а земские сборы с факторий и рыбопромышленных заведений на Мурмане — на развитие земледельческой и местной промышленности юга губернии. По его мнению, это вызвало бы затруднения

1 Там же. С. 18.

2 Там же. С. 22.

3 Там же. С. 23.

при составлении смет и раскладок¹. Обер-прокурор Святейшего синода считал, что население Архангельской губернии не подготовлено к самоуправлению, указывая на неудовлетворительность проведения волостных сходов в губернии². Также были возражения и представителей других ведомств. Так, например, министр юстиции Н.В. Муравьев высказал опасение в том, что в земстве будут преобладать гласные, избранные из «низших» классов, имеющие невысокий уровень развития. Такие гласные, по мнению министра, были бы совершенно непригодными для руководства всем хозяйством губернии³.

Принимая во внимание возникшие разногласия по вопросу распространения земского Положения 1890 года, Государственный совет отложил рассмотрение данного вопроса, поручив МВД продолжать работу по разработке проекта⁴.

Министр финансов С.Ю. Витте, выступивший против законопроекта И.Л. Горемыкина о распространении земских учреждений на окраины, изложил свои взгляды в записке «Самодержавие и земство». Несмотря на секретность этого документа, он стал известен революционным деятелям. В.И. Ленин назвал эту записку обвинительным актом против земства. В связи с этим он писал: «Обвиняется земство в том, что оно несовместимо с самодержавием, что оно конституционно по самому своему характеру, что существование его неизбежно порождает трения и столкновения между представителями общества и правительства»⁵.

В 1899 году архангельский губернатор А.П. Энгельгардт представил в МВД второй проект по земскому вопросу. В записке «О преобразовании в Архангельской губернии учреждений, ведающих местные хозяйственные вопросы» от 10 декабря 1899 года⁶ губернатор предлагал сосредоточить все управление земским хозяйством губернии «в одном более самостоятельном местном правительственном учреждении в виде особого присутствия по земским делам, предоставив этому присутствию приблизительно такие права, какими пользуются земские учреждения»⁷. Исполнительными органами присутствия должны были являться

1 Там же. С. 26.

2 Там же. С. 27.

3 Там же. С. 26.

4 Там же. С. 29.

5 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 5. С. 26.

6 ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Том 2. Д. 572. Л. 105-118.

7 Там же. Л. 109.

губернская и уездные земские управы под председательством чиновника по крестьянским делам. Предложенные Энгельгардтом учреждения носили чисто административный характер, поэтому их нельзя было назвать земскими, поскольку там отсутствовал элемент самоуправления.

В 1901 году Министерство внутренних дел составило второй законопроект по учреждению земского самоуправления в 13 неземских губерниях. Для его обсуждения было образовано Особое совещание под председательством министра внутренних дел Д.С. Сипягина. В состав совещания вошли представители разных министерств и ведомств. По этому проекту «земское управление состоит из губернского комитета, которому принадлежит распорядительная власть по делам земского управления, уездных комитетов, созываемых для подготовительного обсуждения некоторых важнейших дел земского хозяйства, и исполнительных органов — губернской земской управы и земских уполномоченных, являющихся агентами управы в уездах»¹.

В соответствии с проектом председателем губернского земского комитета являлся губернатор. В состав комитета входили: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющие палатами казенной, контрольной и государственных имуществ, неперенные члены губернских присутствий по городским и крестьянским делам, председатель и члены губернской земской управы, городской голова губернского города и земские гласные (от каждого уезда по одному или два). Земские гласные назначались министром внутренних дел на трехлетний срок из числа местных землевладельцев и других лиц, имевших в уезде местожительство и владевших в пределах уезда торгово-промышленными заведениями или недвижимым имуществом, обложенным сбором на земские повинности. Помимо этого губернатор имел право приглашать на заседание комитета лиц, участие которых в обсуждение дел он считал необходимым. Некоторые постановления губернских земских комитетов должны были поступать на рассмотрение министра внутренних дел². Предполагалось в состав губернской земской управы включить председателя и трех членов, которые назначались министром внутренних дел преимущественно из лиц, владевших недвижимой собственностью в пределах губернии или близко знакомых с местными условиями по прежней своей служебной деятельности³.

1 ГАОУ. Ф. 1. Оп. 8. Том 2. Д. 572. Л. 128 об.-129.

2 Там же. Л. 129-130, 132 об.

3 Там же. Л. 130 об.

По проекту председателем уездного земского комитета являлся уездный предводитель дворянства, а при его отсутствии — лицо, назначаемое губернатором. В состав комитета входили земские начальники (там, где их нет, — мировые посредники или чиновники по крестьянским делам), податные инспектора, уездный исправник, местный представитель ведомства Государственных имуществ, инженер по дорожной части, городской голова, земские гласные от уезда и земские уполномоченные¹.

Рассмотрение вышеупомянутого законопроекта в Государственном совете проходило зимой 1902/03 года. Министр внутренних дел В.К. Плеве выступил против распространения вновь принимаемого Положения на четыре окраинных губернии: Архангельскую, Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую. Он утверждал, что по причине малочисленности дворянства и городского населения в данных губерниях земские гласные, вошедшие в состав губернского комитета, будут исключительно из крестьян, которые не смогут противостоять представителям от администрации как своему начальству. В таком случае управление местным хозяйством сохранит свой прежний бюрократический характер². Таким образом, Государственный совет и на этот раз отложил вопрос о введении земств в Архангельской губернии

В соответствии с законом от 2 апреля 1903 года были введены земские учреждения в Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях. В основе этого Положения лежал вышеизложенный законопроект министра Д.С. Сипягина. Управление земским хозяйством сосредотачивалось в губернском комитете, административный характер которого мешал проявляться хозяйственной инициативе представителей населения. В скором времени правительство признало, что данные земские учреждения не справляются с определенной им задачей развития хозяйства в губерниях. Такие земства прозвали «урезанными». Но Архангельская губерния не получила даже «урезанного» земства.

В 1903 году Архангельский и Шенкурский уездные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности на своих заседаниях обсуждали вопросы о необходимости введения земских учреждений в губернии. Вышестоящий

1 ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Том 2. Д. 572. Л. 130.

2 Сосновский И.В. О введении в Архангельской губернии земских учреждений... С. 33.

губернский комитет, поддержав их предложения, постановил: «Признать скорейшее введение земства в Архангельской губернии необходимым»¹.

Вновь вопрос о введении земского самоуправления в Архангельской губернии был поднят в 1908 году, когда на рассмотрение Государственной думы было внесено законодательное предположение 54 ее членов. Правительство к думской инициативе отнеслось крайне отрицательно. 7 октября 1908 года Совет Министров, присоединяясь к заключению МВД от 12 сентября 1908 года о несвоевременности введения земских учреждений в Архангельской губернии, отметил, что такое решение правительства должно быть объявлено при обсуждении данного вопроса в Государственной думе и обосновано указанием на отсутствие в регионе частного землевладения, а также на малонаселенность края, слабое развитие путей сообщения, как обстоятельства, затруднявшие созыв земских собраний².

Поэтому, когда 19 ноября 1908 года состоялось обсуждение вышеназванного предположения в Государственной Думе, представитель МВД заявил об отказе своего ведомства участвовать в разработке законопроекта³. Однако министерство стало собирать фактический материал, чтобы во всеоружии выступить против думского законопроекта. С этой целью оно обратилось к местной администрации в лице архангельского губернатора И.В. Сосновского с поручением представить заключение по поводу введения земских учреждений в доверенной ему губернии.

Особое губернское совещание, созванное губернатором в октябре 1910 года, высказалось за введение земских учреждений в губернии по Положению 1890 года⁴. Учитывая местные особенности губернии, Совещание предложило включить в Положение некоторые изменения, а именно: допускать на должности председателя и членов управ лиц, не имевших имущественных цензов, председателя губернского земского собрания утверждать императором, а председателей уездных земских собраний назначать губернатором; председателям уездных земских собраний последних сессий принимать участие в работе собраний; в состав уездных земских собраний включить городских старост; на земские собрания любо-

1 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Архангельск, 1903. С. 27.

2 РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 60. Л. 6.

3 Там же. Л. 10-10 об.

4 Журнал Особого губернского совещания по вопросу о введении в Архангельской губернии губернского и уездных земских учреждений по Положению 12 июня 1890 года. Архангельск, 1910.

го уровня приглашать представителей духовенства. Не находя «никаких особых неудобств от значительного преобладания крестьян среди уездных земских гласных», совещание из 149 мест уездных гласных 117 определило за крестьянами. Что касается земского бюджета, то он с введением земских учреждений в губернии значительно возрастет. По мнению Совещания, необходимо было увеличить обложение как самых крупных в губернии владельцев недвижимости — казны и удела, так и сумму земских сборов с недвижимых имуществ частных владельцев¹.

В результате проведенной работы губернатор И.В. Сосновский представил в МВД Записку о введении в Архангельской губернии земских учреждений, где осветил историю вопроса и высказал свое мнение по этому поводу. Глава губернской администрации указал на острую необходимость проведения земской реформы в регионе, отвергнув при этом все доводы противников реорганизации местного управления и подвергнув критике Положение 1903 года. Он отметил, что существовавшая на тот момент система управления земским хозяйством губернии посредством устарелых административных учреждений являлась «одним из важнейших тормозов культурно-экономического развития» губернии. При этом губернатор указал на отрицательные стороны этой системы: недостаток хозяйственной инициативы, разобщенность с местным населением. Отвергнув доводы противников распространения земской реформы на Архангельскую губернию, он, сравнив ее с соседними земскими губерниями: Вологодской, Вятской и Олонецкой, не нашел никаких существенных причин, которые могли бы служить препятствием для проведения земской реформы по Положению 1890 года на территории вверенной ему губернии. Архангельский губернатор отверг распространение на губернию Положения 1903 года, как не оправдавшего себя в западных губерниях².

Таким образом, Сосновский не только не выступил против земской реформы в губернии, но и представил проект, который в дальнейшем был использован при составлении думского законопроекта³. В то же время Министерство внутренних дел не одобрило этот губернаторский проект. Так, министр А.А. Макаров в письме уже новому архангельскому губернатору С.Д. Бибикову от 23 января 1912 года высказался против применения в губернии земского Положения 1890 года, пред-

1 Там же. С. 55, 58, 60.

2 *Сосновский И.В.* О введении в Архангельской губернии земских учреждений... С. 38-39, 49.

3 РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 60. Л. 12-12 об.

ложив губернатору представить заключение по вопросу применения к губернии Положения 1903 года, против которого выступал прежний губернатор¹.

Особое совещание, созванное новым главой губернской администрации, высказалось за введение в губернии земского Положения 1903 года, внося в него некоторые существенные поправки, которые касались вопроса комплектования земских комитетов гласными, выбранными от населения, а не по назначению министра внутренних дел в соответствии с Положением. Совещание посчитало, что присутствие в составе комитетов гласных по избранию облекало бы их работу особым доверием населения, в то время как сдерживавшим началом против нежелательных решений служила бы часть комитета, состоявшая из лиц по назначению². Но как раз в вопросе избрания гласных министр внутренних дел усмотрел существенные отступления от одного из основных начал Положения 1903 года³.

Интересным документом, показывающим деятельность МВД, направленную против распространения земской реформы на Архангельскую губернию, является письмо министра внутренних дел А.А. Макарова председателю Совета Министров В.Н. Коковцеву от 16 марта 1912 года⁴. В нем министр, критикуя проект И.В. Сосновского и предложение С.Д. Бибикова о выборности гласных, отмечает прямое влияние проекта Сосновского на думский законопроект. Несмотря на то, что члены Государственной Думы и местные совещания во главе с губернаторами высказались в пользу привлечения населения к участию в управлении земским хозяйством на выборных началах, Макаров выступил против этого, представляя основные доводы: отсутствие частного землевладения и преобладание казенных земель. Отсюда вытекают два обстоятельства, по мнению министра, несовместимые с земским Положением: 1) земские учреждения будут состоять из людей «некультурных», так как в состав земских собраний войдут одни представители сельских обществ; 2) эти представители сельских обществ окажутся распорядителями средств, в экономном расходовании которых они весьма слабо заинтересованы.

Министр предложил распространить на Архангельскую губернию Положение 1903 года, которое, по его мнению, подготовило бы губернию к переходу в будущем к полному земскому самоуправлению. При этом он выразил готовность

1 ГААО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1741. Л. 3-3об.

2 Там же. Л. 4-4об.

3 РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 60. Л. 12.

4 Там же. Л. 7-18 об.

министерства безотлагательно составить проект применения вышеупомянутого Положения¹.

Совет Министров на заседании 9 апреля 1912 года одобрил предложение министра внутренних дел по поводу земской реформы в Архангельской губернии (ответ В.Н. Коковцева А.А. Макарову от 12 апреля 1912 года)². Таким образом, судьба думского законопроекта была уже предрешена в правительственных кругах еще до вынесения его на обсуждение Государственной Думы.

В справке чиновника особых поручений при председателе Совета Министров, заведующего министерским павильоном при Государственной Думе, от 18 мая 1912 года говорится о том, что необходимо рассмотреть в Совете Министров доклад члена думской комиссии по местному самоуправлению Н.В. Мефодиева. Перед началом обсуждения в Думе планировалось показать отрицательное отношение правительства к данному проекту и отказаться принимать какое-либо участие в его обсуждении, покинуть общее собрание Думы, предупредив, что то же самое будет сделано и при рассмотрении его в Государственном совете³. Таким образом выражалось отношение правительства к думскому законопроекту.

Думский законопроект был разработан специальной подкомиссией по распространению Положения о земских учреждениях под председательством князя И.А. Куракина. В апреле 1912 года подготовленный проект был рассмотрен думской комиссией⁴. 24 мая 1912 года законопроект был вынесен на обсуждение Государственной Думы. С докладом по проекту выступил член комиссии, депутат Думы от Архангельской губернии, кадет Н.В. Мефодиев⁵. Депутат отметил, что комиссия не ставила своей целью улучшение законопроекта, она лишь применила Положение о земских учреждениях 1890 года. При этом комиссией были внесены в Положение 1890 года небольшие изменения с учетом местных особенностей: 1. Принимая во внимание, что в Архангельской губернии нет дворянских предводителей, комиссия нашла необходимым предоставить право земским собраниям самостоятельно избирать председателей из своей среды. 2. Были установлены два разряда лиц, которые должны были иметь избирательные права на выборах

1 РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 60. Л. 16-16 об., 18-18 об.

2 Там же. Л. 24.

3 Там же. Л. 25-25 об.

4 Государственная Дума. Третий созыв. Приложения к стенографическим отчетам. Сессия V, VI. СПб., 1912. № 623.

5 Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. IV. СПб., 1912. Стб. 2542.

в уездные гласные. Первый разряд составляли избиратели от волостей, второй — лица прочих сословий. От каждой волости в уездное земское собрание должны были выбрать по 1 гласному, за исключением Александровского уезда (по 2 гласных на волость). Количество гласных второго разряда определялось в зависимости от их имущественной заинтересованности. 3. Что касается цензов, то имущественный ценз был установлен по Положению 1890 года, а земельный ценз был предложен вдвое меньше, чем подобный ценз для выборов в Государственную Думу. По всей видимости, комиссия стремилась расширить круг избирателей первого разряда. Законопроект предполагал предоставление избирательных прав лицам торгово-промышленного класса, не имевшим имущественного ценза, но платившим земские налоги, а также управляющим имениями или заводами по уполномочию их владельцев. Было введено правило о возможности сочетания двух неполных цензов различных категорий с целью получения полного ценза. Пассивное избирательное право могли получить лица, не имевшие ценза, но получившие образование, которое давало им право на производство в первый классный чин¹. Данный законопроект был принят на последнем 153-м заседании Государственной Думы третьего созыва 9 июня 1912 года и передан на рассмотрение в Государственный совет².

Постановлением Государственного совета от 7 декабря 1912 года думский законопроект был передан на рассмотрение в комиссию законодательных предположений, которая пришла к заключению о нецелесообразности распространения на Архангельскую губернию земского Положения 1890 года, высказавшись за применение к губернии Положения 1903 года³.

9 января 1913 года думский законопроект о введении земских учреждений в Архангельской губернии обсуждался на заседании Государственного совета. Докладчик, член комиссии законодательных предположений А.С. Стишинский выступил против этого законопроекта. Он подчеркнул, что главную основу земского представительства составляет распределение земельной собственности. Архангельская же губерния находилась в условиях, противоположных тем, которые предусматривались земским Положением. Докладчик использовал статистические данные, из которых следовало, что в губернии количество земель, на-

1 Государственная Дума. Третий созыв. Приложения к стенографическим отчетам. Сессия V. Ч. IV. № 623. С. 8-10.

2 Там же. Стб. 4271.

3 РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 60. Л. 70-70 об.

ходившихся в частном владении, ничтожно, а значит, отсутствовал и надежный контингент для пополнения земских учреждений. Немного лучше дело обстояло с владельцами недвижимой собственности. На основании вышеизложенного Стишинский заключил: «Уездные земские собрания в Архангельской губернии будут состоять почти исключительно из гласных, избранных из среды крестьян, мелких торговцев и мещан». Он также затронул вопрос земского обложения, который коренным образом был бы нарушен, так как основные расходы на земство пришлось бы нести казне как крупному землевладельцу губернии, что поставило бы земские учреждения этого региона на казенное содержание. Географические и климатические условия также были причислены к обстоятельствам, затруднявшим введение земской реформы в северной губернии. В заключение своей речи Стишинский объявил, что комиссия законодательных предположений пришла к отрицательному выводу по вопросу введения земских учреждений в Архангельской губернии по Положению 1890 года, но в то же время она считала возможным применение в данной губернии Положения 2 апреля 1903 года. Он заявил, что новый проект уже разработан МВД, одобрен Советом Министров и подготовлен для внесения в Государственную Думу¹.

Член Государственного совета Н.А. Зиновьев выступил в защиту думского законопроекта и одновременно против введения в Архангельской губернии земского Положения 1903 года². Член Совета кадет Д.Д. Грим подверг резкой критике доклад комиссии: «В конце концов, в основе всех этих рассуждений лежит просто страх перед мыслью о демократизме существующего земского избирательного права и готовность скорее мириться с сохранением существующего беспорядка, только не было бы уступки в указанном отношении... Необходимо иметь доверие к собственному народу». Он заметил, что казна, владевшая без малого 99% всей удобной земли в губернии, должна участвовать в поднятии производительных сил местного населения³. Его поддержал член совета П.В. Каменский, который привел в пример Вологодскую и Пермскую губернии, где были земства, так как эти губернии в какой-то степени были похожи на Архангельскую губернию⁴.

1 Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VIII. Заседания 1-51. СПб., 1912. Стб. 681-682, 685-686.

2 Там же. Стб. 689-699.

3 Там же. Стб. 704-707.

4 Там же. Стб. 710-712.

Начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Анциферов, выступая на стороне комиссии, заявил, что ввиду того, что крестьянам принадлежит незначительное количество земли, они в земстве будут мало заинтересованы, в то же время они являлись основным контингентом лиц, на котором собирались построить планируемое земство. Выход из создавшегося положения он видел в применении к губернии Закона от 2 апреля 1903 года¹.

Член Госсовета А.В. Васильев указал на необходимость введения в Архангельской губернии Положения о земских учреждениях 1890 года. От этого решения зависела и судьба земств в Сибири, которая имела много общего с Архангельской губернией. Он уделил внимание и самому Положению 1890 года, заметив, что оно устарело и требует изменения. В конце своего выступления Васильев предложил Комиссии законодательных предположений пересмотреть свое решение². Его предложение было поддержано только десятью членами Совета. В результате Государственный совет думский законопроект «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Архангельскую губернию» отклонил большинством голосов (63 против 41)³.

В марте 1914 года на рассмотрение Государственной Думы четвертого созыва было внесено законодательное предположение 75 ее членов⁴, которое по своему содержанию не отличалось от думского законопроекта, проваленного в Государственном совете в 1913 году.

В связи с этим Министерство внутренних дел разработало контрпроект по управлению земским хозяйством в Архангельской губернии. В его основе по-прежнему находилось Положение 1903 года с некоторыми дополнениями. Основное отличие от вышеназванного Положения состояло в выборности земских гласных. Выборы должны были проводиться по Положению 1890 года⁵.

Проект МВД предусматривал назначение председателя и членов губернской управы по делам земского хозяйства министром внутренних дел из лиц, владевших цензовым недвижимым имуществом и пользовавшихся правами государственной службы. Председатели уездных управ также назначались министром,

1 Там же. Стб. 713-714.

2 Там же. Стб. 715-720.

3 Там же. Стб. 727.

4 Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Ч. III. Стб. 1914.

5 РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 36. Л. 14, 28-30 об.

а члены — губернатором. Председатели и члены губернской и уездных управ должны были находиться на государственной службе¹.

В связи с начавшейся в 1914 году войной работа по данному проекту была приостановлена более чем на год. 30 марта 1916 года Министерство внутренних дел внесло проект на рассмотрение Государственной Думы. Местная общественность в Архангельской губернии крайне отрицательно отнеслась к министерскому проекту². Ни законодательное предположение 75 членов Государственной Думы, ни проект МВД так и не были рассмотрены Думой.

Земские учреждения в Архангельской губернии были введены на основании Постановления Временного правительства от 17 июня 1917 года «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и областях Сибири»³. Но просуществовали короткий срок: в феврале 1920 года были ликвидированы при установлении советской власти на территории Архангельской губернии.

1 РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 36. Л. 29 об.-30.

2 Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 5. С. 219.

3 Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 2. Ч. 1. Петроград, 1918. С. 321-395.

**Органы управления народным образованием в Каргопольском уезде
во второй половине XIX — начале XX века**

*(На основе документов, находящихся на хранении в Каргопольском
муниципальном архиве и ГААО)*

До 60-х годов XIX века в Министерстве народного просвещения не было специальных органов по управлению народными школами и надзору за ними. Общее руководство деятельностью всех учебных заведений в губерниях осуществляли директора народных училищ (одновременно являлись и директорами гимназий). Помощниками у них считались штатные смотрители уездных училищ, которые, в свою очередь, руководили всеми учебными заведениями уезда. Смотритель был подотчетен директору училищ, ему вменялось в обязанность посещение уездного училища ежедневно, а приходских¹ училищ, по крайней мере, три раза в год.

В Каргопольском уезде должность штатного смотрителя появилась с 1806 года, и первым смотрителем был Семен Степанович Полидоров (21.06.1806–13.06.1834), затем данную должность занимали Александр Киприянович Ильинский, Тимофей [Егорович] Сапожников, Федор Иванович Подосенов и др.

В 1864 году было опубликовано «Положение о начальных народных училищах», где цель начальных народных училищ определялась так: «Утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания». К начальным народным училищам были отнесены школы всех ведомств, городские и сельские, содержавшиеся за счет казны, обществ и частных лиц. Все начальные народные училища, находившиеся раньше в ведении различных министерств и ведомств, были подчинены Министерству народного

¹ *Приходские* училища — один из типов начальной школы в дореволюционной России. Учреждены Уставом учебных заведений (1804) как одноклассные школы при церковных приходах. Целью создания являлось, во-первых, подготовить учащихся к поступлению в уездные училища, во-вторых, дать детям низших слоев населения религиозное воспитание и навыки чтения, письма и счета. *Уездное* училище — повышенная начальная школа, вторая (после приходского училища) ступень образования в России XIX в. Согласно Уставу учебных заведений (1804), открывались в губернских и уездных городах для подготовки учащегося к поступлению в гимназию.

просвещения, но для начальных училищ, открываемых духовенством, делалось исключение: они находились в ведении Синода¹.

Для руководства учебно-воспитательной работой школ (кроме церковно-приходских) на местах по данному положению учреждались уездные и губернские училищные советы.

В состав уездного училищного совета должны были входить представители разных ведомств:

— представитель от Министерства народного просвещения (по назначению попечителя учебного округа, обычно учитель гимназии или смотритель уездного училища);

— представитель от Министерства внутренних дел (по назначению губернатора, обычно исправник, т.е. начальник уездной полиции);

— представитель духовного ведомства (священник, по назначению архиерея);

— два представителя от уездного земства (выбирались на уездном земском собрании);

— представитель городского самоуправления.

Председатель избирался из числа членов совета².

17 августа 1867 года штатному смотрителю Каргопольского уездного училища Федору Ивановичу Подосенову по постановлению Олонецкого губернского училищного совета было предписано открыть в городе Каргополе уездный училищный совет. В его состав вошли:

— от Министерства внутренних дел — мировой посредник 1-го участка Петр Иванович Иванов;

— от духовного ведомства — соборный протоирей Василий Павлович Яжелбицкий;

— от уездного земского собрания — протоиерей Ошевенского прихода Никандр Васильевич Виноградов;

— от городского общества — купец Иван Петрович Старицын;

1 Лозинская Н. Воодушевлять, наставлять, заботиться... О деятельности инспекторов народных училищ в конце XIX — начале XX века // Управление школой. 2005. № 13 (397).

2 Школа и педагогическая мысль народов России во второй половине XIX — начале XX века // История педагогики / Ред. Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский, М.Ф. Шабаева. М.: Просвещение, 1982. <http://www.detskiysad.ru/ped/ped129.html>

— а также учитель Каргопольского уездного училища коллежский ассессор Филарет Готгардович Кименталь.

Председателем совета стал Василий Павлович Яжелбицкий¹.

В 1870 году, в связи с увольнением Яжелбицкого с должности протоиерея, на должность председателя был избран смотритель училищ Подосенов Федор Иванович.

В октябре 1872 года коллежского ассессора Федора Подосенова на посту смотрителя училищ сменил коллежский ассессор Филарет Кименталь, который постановлением Олонецкого губернского собрания с 12 января 1873 года был также утвержден и в должности председателя уездного совета. Кименталь на протяжении длительного времени руководил советом: на 1 января 1881 года он уже занимает должность инспектора народных училищ Олонецкой губернии 3-го района и продолжает председательствовать в совете².

Сохранилась информация о фактически проведенных заседаниях совета в первые годы его существования:

1867 год — 6, 12, 23 сентября.

1868 год — 8, 10, 12, 13 августа; 3 декабря.

1869 год — 29, 30 января; 16 августа; 13 октября.

1870 год — 5, 10, 16 марта; 3 июня; 10 августа.

1871 год — заседаний не было.

1872 год — 2 апреля.

1873 год — 12 января³.

Уездный училищный совет руководил начальными школами, давал разрешения на открытие, перевод и закрытие этих школ, назначал и увольнял учителей. Кроме того, учителя должны были спрашивать у совета разрешения на отсутствие, причем это касалось и учебного, и каникулярного времени. «Олонецкий Губернский Училищный Совет в заседании своем 22 ноября 1874 года постановил: учителям сельских начальных народных училищ Олонецкой губернии на случай представления им необходимости отлучиться из училища в учебное или каникулярное время испрашивать каждый раз у местного училищного совета или инспектора народных училищ разрешение на таковую отлучку и вместе с тем добавлять им письменное уведомление от состоящего при этом училище зако-

1 Каргопольский муниципальный архив. Ф. 328, Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

2 Там же. Д. 1. Л. 13, 18; Д. 14. Л. 100.

3 Там же. Д. 11. Л. 10.

ноучителя, что сей последний принимает на себя заведывание училищем на всё время отсутствия учителя...»¹.

Уездные училищные советы занимались не только решением вопросов, касающихся назначения и увольнения учителей, но и заботились о повышении квалификации педагогов. Так, в августе 1873 года был проведен съезд учителей Каргопольского и Вытегорского уездов. В 1875 году губернским училищным советом был отмечен положительный опыт каргопольских учителей в преподавании основ истории и географии, который было предложено обобщить и распространить в училищах².

17 сентября 1874 года земским собранием было принято решение о выделении средств для Вытегорской учительской семинарии (300 рублей ежегодно) для того, чтобы ее выпускники возвращались в Каргопольский уезд для работы в народных училищах. В то же время Вытегорскому ремесленному училищу в таком прошении было отказано³.

Советом поднимались вопросы о поощрении наставников (как моральном, так и материальном), об увеличении жалованья за выслугу лет (постановление земского собрания 18.10.1882 года), о пенсиях, выплатах на обучение детей учителя. Например, в 1888 году было выделено учителю Лекшмозерского училища Братолубову 60 рублей на образование детей: дочери в Епархиальном училище, сыновей в Каргопольском духовном училище⁴. Есть упоминание и о такой поддержке учителей — как снабжение семенами для проведения огородных работ.

Уездные училищные советы не должны были быть в стороне и от вопросов, связанных с благонадежностью педагогов. В отчете за 1908–1909 годы упоминается, что у учительницы Надпорожского училища О. Николаевской был проведен обыск. Она обвинялась в распространении газет и прокламаций нелегального характера. И хотя это обвинение не подтвердилось, обыск результатов не дал, учительница была переведена в другое училище и не лишена звания только потому, что имела достаточный послужной список⁵.

1 Там же. Д. 11. Л. 16.

2 Там же. Д. 11. Л. 16.

* Стиль, орфография и пунктуация первоисточника сохранены.

3 Каргопольский муниципальный архив. Ф. 328. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

4 Там же. Д. 19. Л. 7.

5 ГААО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 12. Л. 25 об.

Еще одно направление деятельности совета — это проведение испытаний для учеников. При Каргопольском уездном училищном совете существовала испытательная комиссия. Члены совета должны были присутствовать на экзаменах в училищах, а результаты испытаний рассматривались на заседаниях. Например, Кименталю инспектором училищ в 1877 году было предписано присутствовать 6 июня в Ольгском, 7-го в Устьвольгском, 8-го в Волосовском, 9-го в Надпорожском и 13-го в Каргопольском приходском училищах¹.

Но все же деятельность уездного училищного совета, на мой взгляд, носила скорее формальный характер. Наибольшая нагрузка по руководству учебными заведениями все же ложилась на инспекторов народных училищ, должность которых была введена в 1869 году.

Первоначально на губернию назначался один инспектор, а уже с 1874 года — три инспектора на губернию. 20 сентября 1869 года на должность инспектора народных училищ Олонецкой губернии был назначен смотритель училищ Вытегорского уезда Николай Емельянович Артемов². Позднее [1876 год] Каргопольский уезд войдет в состав 2-го района, инспектором будет Константин Михайлович Петров³. Инспектором народных училищ Олонецкой губернии 3-го района в [1880–1888] годах был упомянутый ранее Филарет Готгардович Кименталь.

Деятельность инспектора регулировалась инструкцией 1871 года. Он должен был содействовать открытию новых школ и заботиться об их благоустройстве. Вообще на инспектора было возложено такое большое количество задач, что выполнение каждой можно выделить в самостоятельный круг обязанностей. Он фактически управлял не 50 училищами (как было предписано инструкцией), а в 2–3 раза больше. Например, в 1876 году только в Каргопольском уезде было 41 училище, а обязанности инспектора распространялись на несколько уездов.

Инспектор должен был посещать училища не менее двух раз в год, оценивая не только условия, в которых занимаются учащиеся, но и то, как ведется обучение учителем. И здесь хочется отметить, что не всегда мнение о способах преподавания учителя и проверяющих (инспектора либо смотрителя) совпадали. В фонде муниципального архива сохранились учебные программы за 1870–1871 годы по русскому языку, геометрии, арифметике Каргопольского уездного училища, а также рассуждения учителя Ивана Левенштейна о преподавании ариф-

1 Каргопольский муниципальный архив. Ф. 328. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

2 Там же. Д. 1. Л. 9.

3 Там же. Д. 12. Л. 6.

метики. Он обращает внимание на то, что изучение данного предмета имеет две цели: практическую и логическую. И достижение этих целей зависит от умения учителя. Существующий традиционный принцип обучения результата не дает. Левенштейн как учитель учит размышлять, развивать свои способности, не допуская машинального заучивания. По мнению учителя, аналогично должно вестись и преподавание геометрии¹. В отчете же смотрителя училищ за 1871 год упоминается тот же учитель Левенштейн как педагог, не справляющийся с обязанностями и взятый под надзор (после посещения училища инспектором): «...так как он мало удовлетворяет своему назначению: успехи учеников его, особенно в 1 классе, слабы; сам преподаватель, не освоившись еще с предметом, не дает себе труда, как я заметил, готовиться к урокам, вследствие чего и происходит, что давши ученикам задачу, он иногда не в состоянии сам сладить с нею; этим подрывает он конечно свой авторитет перед учениками...»². Оценивая данный факт с точки зрения современной методики, можно отметить, что нетрадиционный подход учителя во многом оправдан.

Инспектор два раза в год представлял отчет о состоянии училищ своего участка в дирекцию училищ и земскому собранию, предварительно рассмотрев его на заседании совета. Вел он денежные книги и отчетность по содержанию училищ, а также всю деловую переписку с учреждениями и ведомствами уезда и губернии, список которых достаточно велик.

Но именно от подхода инспектора к своему делу, его позиции и энтузиазма зависело состояние дел в образовании.

Интересен отчет за 1884 год. Инспектор Филарет Кименталь выражает мнение о недостатке училищ на территории уезда. «Хотя в Каргопольском уезде существуют училища в каждом приходе, а в некоторых по два училища, но при всем том училищ оказывается недостаточно, так как стремление в населении дать образование своим детям с каждым годом усиливается, что видно, как из увеличивающегося ежегодно числа учащихся, так и из поступающих от жителей некоторых местностей приговоров, коими они ходатайствуют об открытии у них училищ»*. Подтверждается данная мысль ходатайствами об открытии училищ, поступившими от Мошинского общества Фатьяновской волости, Корельского общества Мишковской волости, Замошского общества Калитинской волости,

1 Каргопольский муниципальный архив. Ф. 328. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

2 Там же. Д. 5. Л. 27.

Ермолинского и Никольского обществ Быковской волости, а также прошением о переносе училища в Ошевенском приходе и открытии там еще одного. Кименталь активно поддерживает данные ходатайства и убеждает собрание в необходимости выделить средства на их открытие. Кроме того, инспектор обращает внимание на то, что закрывать училища из-за малочисленности учащихся нецелесообразно, т.к. в некоторых приходах уезда существует раскол, а ему нужно и можно противодействовать с помощью школы. Здесь же высказывается предложение об изменении финансирования училищ в зависимости от количества обучающихся в них¹.

В более поздних отчетах (конец 80-х годов) встает вопрос о выплате равного жалования учительницам на территории уезда. Будет подниматься и тема устройства при школах ночлежных помещений для тех учеников, чьи дома расположены далеко от училищ, что способствовало бы увеличению числа обучающихся². С этой же целью на заседаниях совета рассматривался вопрос об устройстве временных школ с переездными наставниками. Но было принято решение: такую форму обучения не вводить, а обратить внимание на существующие церковно-приходские школы³.

Вопрос о введении всеобщего обучения в уезде будет рассматриваться в начале века.

Нельзя обойти вниманием участие в становлении системы образования в уезде управы и земского собрания. На эти структуры были возложены вопросы материального обеспечения училищ, которое, как отмечает Кименталь в своем отчете за 1889 год, было удовлетворительным. «...В материальном отношении училища можно считать обеспеченными, средств, отпускаемых земством на содержание их достаточно... Книгами, учебными пособиями и классными принадлежностями училища снабжаются в достаточном количестве. Квартир, занимаемые училищами большею частью удобны. Вообще положение училищ находится в удовлетворительном состоянии и судя по числу учащихся в них, училища пользуются сочувствием населения приходов уезда и приносят желаемую от них пользу»⁴.

1 Там же. Д. 17. Л. 12–18.

2 Там же. Д. 19. Л. 8 об.

* Стиль, орфография и пунктуация первоисточника сохранены.

3 Каргопольский муниципальный архив. Ф. 328. Оп. 1. Д. 10. Л. 13 об.

4 Там же. Д. 19. Л. 6.

Управа финансировала ряд мер, направленных на поддержку обучающихся. В частности, ученикам, имевшим хорошие и отличные успехи в учебе, выплачивали поощрения¹, существовало пособие бедным ученикам сельских училищ. Например, в 1888 году выдано было пособие в 31 училище 222 ученикам, в сумме 392 рубля². По окончании курса обучения ученики, успешно прошедшие испытание, получали в подарок книги: Евангелие, Священная история и Молитвослов. Деньги на их приобретение выделялись земством.

С 1895 года церковные школы перешли под управление специально созданного епархиального училищного совета. В этом же году была учреждена должность епархиального наблюдателя, в обязанности которого входил контроль и управление всеми церковными школами епархии. В уездах губернии были введены должности уездных наблюдателей церковных школ. В Каргопольском уезде должность наблюдателя школ церковноприходской грамоты занял священник Иоанн Венустов³.

Таким образом, во второй половине XIX века в уезде сложилась сеть начальных учебных заведений, руководство которой осуществляли инспектор народных училищ, уездный училищный совет. В январе 1918 года циркуляром Наркомата по просвещению РСФСР по Петроградскому учебному округу должности инспекторов народных училищ упраздняются, а все делопроизводство передается отделам народного образования при местных Советах рабочих и крестьянских депутатов.

1 Там же. Д. 7. Л. 49.

2 Там же. Д. 19. Л. 5.

3 Там же. Д. 19. Л. 11.

* Стиль, орфография и пунктуация первоисточника сохранены.

**Закон и традиция: вопросы сосуществования в Вологодской губернии
в конце XIX — начале XX века¹**

В конце XIX века автор из Никольского уезда Вологодской губернии, подписавшийся как П.П., сообщал, что «властям (чиновникам по крестьянским делам. — Д.М.), осознавшим всю неправильность такого положения дел (требованию рассматривать вопросы о семейном разделе на сельском сходе². — Д.М.), волей-неволей приходилось истолковывать закон в том смысле, что дела о семейном разделе, как и земельные дела, могут быть решаемы селенными сходами; решения же Сената, несогласные с таким толкованием, пришлось игнорировать»³. Этот пример отражает общую ситуацию, складывавшуюся в этот период в системе крестьянского общественного управления: одновременно существовали нормы различного уровня, нередко противоречившие друг другу. Какая из норм будет применена в конкретном случае (общеимперская, губернская или норма обычного права), зависело от ряда факторов.

Первое противоречие было заложено уже в основном законе, регулировавшем крестьянское общественное управление, — Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 года.

Изучение русской крестьянской общины как социального института началось в 40-х годах XIX века. Толчком к возникновению интереса к ней послужили наблюдения барона А. фон Гакстгаузена, сделанные им во время поездки в Поволжье. Как отметил И.А. Христофоров, «барон Август фон Гакстгаузен не был ни первым, ни самым глубоким автором, обратившимся к общине. Однако он, несомненно, был первым, кто привлек к ней внимание европейской мысли, и уже таким образом, через странный идейный “реэкспорт”, русской читающей публики и самого правительства»⁴.

1 Статья выполнена при поддержке благотворительной программы компании «СеверСталь» «Музеи Русского Севера».

2 Собрать сельский сход из-за больших размеров сельского общества было крайне затруднительно, особенно по вопросам, касавшимся только одного селения.

3 П.П. Семейные разделы крестьян (письмо из Никольского уезда Вологодской губернии) // Северный край. 1899. № 187. С. 1.

4 Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 88.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что в общественной дискуссии под «общиной» понималась прежде всего земельная община. Отмечалось, например, что община «есть только земельный союз», главная цель которого — «уравнительный раздел земли между всеми ее членами»¹. Но Общее положение, регулируя крестьянское общественное управление, базировалось на двухуровневой схеме (волостное и сельское управление), разработанной в рамках реформы управления государственными крестьянами П.Д. Киселева 1837 года, то есть до актуализации дискуссии об общине. В реформе Киселева сельское общество — достаточно крупное административное образование, являвшееся частью государственной системы управления и существовавшее с целью реализации необходимых административных функций.

Таким образом, наличие двух различных источников для законодательства привело к тому, что авторы Общего положения, закрепляя административную структуру, воспринимали именно ее как широко обсуждаемую в обществе крестьянскую общину. И.А. Христофоров отмечал, что «представление авторов закона зиждилось на патриархальной картине: прекрасно знакомые друг с другом уважаемые домохозяева совместно разбирают и решают касающиеся их общих интересов вопросы»². В результате в целом ряде губерний эта система работать не могла. По Общему положению, чтобы сход считался состоявшимся, на нем должно было присутствовать не менее 1/2 всех домохозяев общества, а для решения важнейших вопросов — 2/3. При этом размеры сельских обществ, например, в центральных уездах Вологодской губернии были большими. Так, в конце XIX века в Шебенгском обществе Тотемского уезда состояло 553 домохозяина³, в Богоявленском обществе Устюгского уезда — 604 домохозяина⁴, а в Павинском обществе Никольского уезда — 1020 домохозяев⁵. При этом в сельское общество могло объединяться до 40 деревень. В этих условиях собрать полный сход для решения вопросов одной семьи (например, семейного раздела) или одной деревни было крайне затруднительно. Поэтому значительная часть вопросов решалась на уровне селенного схода — схода домохозяев одного селения.

1 Вениаминов П. Крестьянская община. Б.м., 1908. С. 3.

2 Христофоров И.А. Судьба реформы... С. 263.

3 Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 685. Оп. 1. Д. 1074. Л. 48.

4 Великоустюгский центральный архив (ВЦА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 355. Л. 58.

5 ВЦА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 321.

О роли селенных сходов писал в 1887 году К. Головин: «Здесь, на этом бесформенном сходе, которого не ведаёт закон, решаются все малые и великие дела общинного хозяйства»¹. Эта позиция не совсем соответствовала реальной ситуации. На протяжении конца XIX — начала XX века селенные сходы постепенно санкционировались, но не через изменение Общего положения, а через решения Сената.

Однако ещё до принятия решения Сенатом на уровне Вологодской губернии была сформулирована собственная норма. Летом 1886 года вологодский губернатор М.Н. Кормилицын в ходе ревизии центральных уездов губернии отмечал: «Распоряжение мирской общественной землей и дела, вытекающие из пользования оной, как то: переделы земель, прием новых членов и проч. ныне во всех обревизованных мной уездах ведают хозяйственные сходы, составляемые из домохозяев селений, имеющих отдельное от прочих деревень общества действительное, а не только плановое земледелие»². Иными словами, решением губернатора была нормативно закреплена категория сходов, неизвестная имперскому законодательству, — хозяйственные сходы, являвшиеся сходами поземельной общины.

Но на практике ситуация оказывалась ещё более запутанной. Как отмечал Дж. Яни, «для массы крестьян закон оставался по существу случайной смесью локальных обычаев и арбитражной силы»³. С крестьянскими традициями взаимодействовал скорее не сам закон, а его понимание и интерпретация местным чиновничеством. Согласно циркуляру губернского присутствия уездным съездам земских начальников и чиновников по крестьянским делам, изданному в 1897 году, «ни один из Уездных Съездов не приступил к составлению названной инструкции и вследствие сего не только в целых уездах, но даже в смежных участках предъявляются как к обществам, так и должностным лицам требования самые разнообразные и притом нередко даже противоречивые»⁴. Таким образом, локальный правовой режим формировался на основании восприятия закона конкретным чиновником.

1 Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 32.

2 Циркуляр г. Вологодского Губернатора крестьянским учреждениям и должностным лицам волостных и сельских управлений // Вологодские губернские ведомости (ВГВ). 1887. № 20. С. 3.

3 Yaney G.L. Law, Society and the Domestic Regime in Russia, In Historical Perspective // The American Political Science Review. 1965. Vol. 59. No. 2. P. 387.

4 ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 602. Л. 1.

Подобные противоречия касались и губернского уровня. В 1890 году в циркуляре № 3302 губернатор М.Н. Кормилицын упоминал о незаконности введения штрафов по решению крестьянских сходов. Но, например, в 1899 году «Вологодские губернские ведомости» публиковали положительный пример решения схода: «Крестьяне Межадорской волости и общества, Устьсысольского уезда, сознав то громадное зло, которое приносит самовольное винокурение, постановили следующий приговор: <...> принимая во внимание, что дешевизна и простота производства самокуренного вина дает возможность частого и значительного его употребления, последствием чего являются болезни, различные пороки, нарушения семейного согласия, ссоры, буйства и даже преступления, что ведет к постоянным тяжбам и суду, к непроизводительной трате дорогого для крестьян времени, подает развращающий пример детям <...>; а также признавая, что часто случающиеся в последнее время взыскания больших штрафов, налагаемых акцизным ведомством на крестьян, <...> наносят громадный, трудно поправимый ущерб крестьянскому хозяйству, <...> постановили: с настоящего времени крестьянам нашей волости и общества, с селом Чухлом, самокуренного вина не варить. В случае же, если кто позволит себе это сделать, то кроме взыскания с его по суду акцизным ведомством, он должен будет понести наказание по обществу, а именно: уплатить в той же сумме, как и по суду, штраф в пользу имеющегося быть образованным в обществе особого благотворительного капитала»¹.

В данном случае «Вологодские губернские ведомости» преподносили даже введение сходом повторного обложения штрафом за одно нарушение как позитивный опыт и сознательное действие крестьян, направленное на улучшение нравственного и экономического состояния. Таким образом, за схожие решения крестьянские должностные лица могли получить либо благодарность губернского уровня, либо штраф за незаконные действия.

При этом земские начальники и чиновники по крестьянским делам должны были следить не только за законностью, но и за нравственным состоянием крестьян. Вологодский губернатор Кормилицын, обращаясь к впервые назначаемым земским начальникам, заявлял, что именно благодаря их деятельности «должен быть положен конец ныне царящим распущенности и произволу на сходах волостных судов, волостных правлений и среди должностных лиц сельского

1 Крестьяне Межадорской волости...//ВГВ. 1899. №. 54. Л. 2.

и волостного управления»¹. Исходя из этого могли отменяться решения сходов, не противоречившие закону, но не соответствовавшие представлениям чиновников о нравственности в крестьянской среде. Так, чиновник по крестьянским делам 2-го участка Никольского уезда, рассматривая приговор об избрании старостой недомохозяина, отмечал: «Хотя по закону и можно, но я бы сомневался»². Избрание недомохозяина (разрешенное Общим положением) ставило сына начальником над отцом, что в данном случае рассматривалось как угроза патриархальной крестьянской семье. Но существовала ли такая угроза, были ли основания для отмены приговора — каждый чиновник решал самостоятельно.

В ситуации такой неопределенности крестьянские выборные должностные лица вынуждены были искать способы фиксирования решений сходов, с одной стороны, соответствующие нормам обычного права, а с другой — не противоречившие представлениям местных чиновников. Один из таких вариантов отразился в прошении крестьянки Миньковской волости Тотемского уезда Матрены Хоробровой, поданном в 1896 году. «Приговором сельского схода утвержден семейный раздел между моими сыновьями Петром и Алексеем Петровичем Хоробровым, и приговор этот хотя и написан от имени сельского схода, но в то время сельского общественного схода собрано не было, а только было в то время селенный сход деревенский, и приговор тут на этом сходе, а заподписан от имени сельского схода по практике писаря Гордеева и старосты Шумова»³. Причем под приговором стоят 362 подписи (из 534 домохозяев Косиковского общества). В данном случае после проведения традиционной для крестьян процедуры (селенного схода по вопросу семейного раздела) для утверждения земским начальником был создан фиктивный документ, соответствовавший норме Общего положения.

При поддержке или игнорировании со стороны местного чиновничества могли существовать и официально фиксироваться в приговорах нормы обычного права, противоречившие законодательству как имперского, так и губернского уровня. В приговоре от 21 декабря 1895 года записано: «Мы, крестьяне Вожбальского сельского общества, состоящего из 23 селений, в которых ревизских душ 1211 (например, в соответствии с приговором Вожбальского общества от 31 января 1893 года в обществе значилось 570 домохозяев⁴. — Д.М.) и пятидворных выборных домо-

1 1-го июля в Вологде...//ВГВ. 1891. № 27. С. 9.

2 ВЦА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.

3 ГАВО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 223. Л. 1-1 об.

4 ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

хозяев, имеющих право голоса на сходе 116 человек, находилось на сходе 98 человек выборных»¹. В данном случае, по аналогии с волостным сходом, крестьяне делегировали право участия в сельском сходе отдельным представителям общества, но если в волостном сходе участвовали десятидворные выборные (по 1 человеку от 10 дворов), то в данном случае 5 дворов представлял один человек. В результате в сельских сходах Вожбальской волости могло участвовать не более 20% домохозяев общества, что создавало комфортные условия для организации и проведения схода. Причем именно это количество участников рассматривалось как полная явка, поэтому и необходимые 50% (а возможно и 66%) присутствующих высчитывались исходя именно из этой цифры. То есть, чтобы сельский сход состоялся, достаточно было 10 или 13% всех домохозяев данного общества. В соответствии с Общим положением все приговоры Вожбальского общества были незаконными и подлежали отмене по причине недостаточной явки крестьян. Однако поскольку реакции вышестоящего начальства на такой способ сбора схода не последовало, то этот вариант, как наиболее удобный для крестьян, не только закрепился на практике, но и в определенный период времени официально прописывался в приговорах.

Часть решений сходов, принимавшихся в соответствии с нормами обычного права, но противоречивших законодательству, могла просто не фиксироваться приговорами. Так, в Хреновской волости Вологодского уезда «производится выбор в должность полицейских сотских следующим порядком: первее всего по обществам делается выбор семей, не несших отбывания воинской повинности», после этого волостной сход «из всех представленных старостами списков выбирает по волости двух сотских, на коих и составляется приговор, <...> а семьи, оставшиеся свободными, уже частично помогают служащему денежно за службу его, и на это приговора не делается»².

Составление приговора не являлось обязательной частью процедуры схода. Значимым для крестьян было принятие решения, для чего достаточно было достижения устной договоренности. Так, в деревне Гагарихе Вожбальской волости Тотемского уезда «произведен раздел земли без установленного на то приговора и без участия местного волостного и сельского начальства»³.

Для самих крестьян приговор не являлся единственным способом закрепления принимаемой нормы — достигнутая на сходе устная договоренность уже

1 ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

2 ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 190. Л. 6-6об.

3 ГАВО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 9. Л. 1об.

являлась нормой. При этом приговор представлялся скорее как форма отчетности крестьянских выборных должностных лиц перед вышестоящим начальством. Устная форма закрепления решений схода соответствовала крестьянским представлениям о способе установления правоотношений в целом. М.М. Громыко на материалах из различных районов Российской империи показывает, что и для частно-правовых сделок различного характера также было достаточно устной формы закрепления¹.

В случае выборов сотских в Хреновской волости приговор составлялся только на часть решений, необходимых для отчетности крестьянского начальства перед чиновниками. В результате такой приговор утверждался земским начальником, но на практике действовали оба — и прописанное и устное — решения схода.

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков в сфере крестьянского общественного управления сосуществовали и нередко противоречили друг другу нормы различного уровня: имперского, губернского и локального. Но применение той или иной нормы (или представления о нравственности) в значительной степени зависело от личностного фактора — позиции конкретного чиновника. Существовавшую ситуацию в отношении интерпретации юридических норм хорошо описал в 1899 году корреспондент газеты «Северный край» из Грязовецкого уезда Вологодской губернии: «За отсутствием ясного закона земские начальники в большинстве случаев принуждены руководствоваться собственным пониманием правды и неправды. Один земский начальник будет запрещать в своем участке посиделки, другой не усмотрит в этом достаточного основания; <...> один, рассматривая приговоры о переделах, будет покровительствовать общинным порядкам, другой к переходу от них к подворному владению»². Поэтому не только не существовало единого правового режима сельского управления в Вологодской губернии, но даже на относительно небольших территориях правоприменительные практики могли значительно различаться.

1 Громыко М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 97.

2 Грязовец // Северный край. 1899. № 145. С. 3.

**Крестьянское самоуправление: трансформации 1917–1918 годов
(на материалах сельских обществ
северных губерний Европейской России)¹**

События 1917 и первой половины 1918 года в северной деревне иллюстрируют тезис об опасности проведения любых реформ в условиях социальной, политической и экономической нестабильности².

Волость была элементом общественного сословного самоуправления, первичная ячейка которого — крестьянские сельские общества (или земельные общины, состоящие, как правило, из одной или нескольких небольших деревень), и одновременно — формой реализации фискальных интересов государства, способом взимания с крестьянского населения различных повинностей и платежей. В том виде, в котором они существовали в начале XX века, волости были созданы в 1793 году — сначала для казенных (государственных, удельных) крестьян, а после реформы 1861 года и для бывших помещичьих.

Для удобства налоговой и административной политики территориальные границы волости проводились в зависимости от количества населения. Для слабозаселенных территорий Европейского севера это означало, что волость могла быть очень больших размеров. По мере включения населения в отношения с властью (что особенно проявилось в годы Первой мировой войны, когда требовалось часто бывать в волостном правлении) неудобства волостного деления стали вызывать недовольство населения.

Органом принятия решения в волости был сход. Вопросы обсуждались и принимались при обязательном представительстве всех домохозяев, и только при обязательном консенсусе, даже если он достигался «со ссорами и драками»³.

По мере возрастания численности населения, в условиях сохранения социальной стабильности, принятие решения допускалось при определенном квору-

1 Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237).

2 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917//Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992.

3 Сельская поземельная община в Архангельской губернии по описаниям, представленным в статистический комитет. Вып. 1. Архангельск, 1882. С. 7-8.

ме, а обязательное присутствие всех членов схода заменялось представительством от определенного числа домохозяйств — «десятскими». Такая система была словной, так как участие в выборах могли принимать только приписанные к данному обществу крестьяне. При подобной форме принятия решения лучше были защищены интересы жителей крупных поселений, а также волостных центров: им было легче принимать участие в сходе, в то время как жители дальних деревень не всегда могли себе позволить отправиться за несколько верст (иногда за 15–20 и даже более).

Власть в волости осуществляли староста (или волостной старшина) и писарь — иногда единственный грамотный крестьянин. У населения складывалось впечатление, что эти два лица могут принимать решения за спиной у волости. Мировым судьям нередко приходилось рассматривать жалобы на поддельные подписи в протоколах, что при определенных обстоятельствах мог сделать писарь, подписывавшийся за неграмотных крестьян.

Пока должность старосты (старшины) была без жалованья, как форма общественной повинности, ее нередко воспринимали как наказание. Случалось, зажиточные крестьяне, выбранные на должность, платили жалованье замещающему их в этом деле человеку. Когда была введена плата за исполнение обязанностей, старосты начали подозревать в корысти.

Кроме того, все чаще отмечалось действие внутренних радикальных сил: источники второй половины XIX и начала XX века подтверждают, что на собраниях, особенно если общество не обладало по какой-то причине внутренней солидарностью (чаще всего это было связано с имущественной дифференциацией, либо с присутствием в составе общины значительного количества индивидуализировавшихся членов, побывавших «на стороне» — на отхожих заработках, в армии и т.п.), появлялись «крикуны» и «горлопаны», которые нарушали привычное течение собрания, вынуждали его участников метаться, не зная, к какому предложению присоединиться. Так, причину волнений в деревне в годы Первой русской революции видели в деятельности возвратившихся отходников, попавших под влияние городских революционеров. Именно такие люди «обычно руководят сходом, больше всех кричат и оказывают решающее влияние, а остальные члены как бараны молчат, часто даже не помышляя, к чему подписываются»¹.

¹ Цит. по: *Боговой Ив.* О влиянии политических ссыльных на местное население // Север. Кн. 1. 1923. С. 32.

Чиновники, наблюдавшие народную жизнь, отмечали, что на сходах особое влияние имеют «люди, стоящие по своему положению ниже всех, и пьяницы. Чтобы попасть в число руководителей на сходе, надо уметь кричать и спорить, или уметь уколоть чем-либо своих противников, заставив их молчать». В результате все чаще фиксировалось «абсолютное равнодушие [благоразумной части населения] к общественным делам», что «объясняется нежеланием нажать себе врагов. Они считают, что при разделе податей, если писарь добропорядочный, крикуны ничего сделать не смогут, а если недобропорядочный, то ничего не поможет»¹. Исходя из таких соображений, и староста, понимая, что его «должность не навсегда», стремясь «не нажать недовольства каких-либо лиц, держится мнения большинства и старается подладиться к крикунам»². Такое настроение «добропорядочной» части общества можно рассматривать как свидетельство усиления доверия к закону. Действительно, в случае несогласия с принятым сходом решением отдельные лица все чаще обращались в вышестоящие инстанции; хотя при этом сохранялось стремление «не доводить до начальства и решить полюбовно».

В революционную эпоху население не только перестало доверять любой власти. В связи с этим вернулась традиция достижения консенсуса, чтобы каждый член общества мог быть уверенным в своей защите от власти на основании «круговой поруки». Поскольку обсуждаемые вопросы были принципиальными, а внутриобщинная солидарность имела уже тенденцию к разрушению (особенно в связи с наполнением общины большим количеством маргинализированных элементов), стремление к достижению консенсуса сопровождалось бесконечными прениями, изматывавшими участников сходов. Этим пользовались радикальные элементы: дождавшись, когда значительная часть присутствующих, видя бессмысленность происходящего, расходилась, убеждали оставшихся (чаще всего это была самая податливая масса) принять предлагаемые ими решения. Так, в январе 1918 года в Турчасовской волости Онежского уезда во время волостного собрания «большевики [своим оппонентам] всячески мешали, перебивали их, не давали говорить, обзывали буржуями». Вечером, когда «часть крестьян начали расходиться, большевики почувствовали силу и — без прений, при беспорядочном голосовании — «Кто за?» — «Все за!» — выбрали в местный совет большевиков»³. Даже

1 Сельская поземельная община в Архангельской губернии... Вып. II. Архангельск, 1884. С. 86.

2 Там же. С. 89.

3 Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО. Отдел ДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 36.

если принятые таким способом решения не признавались основным составом общины, для уездных и губернских властей они имели легитимный характер.

С другой стороны, община, принимая заведомо противоправные решения, любыми способами (не только убеждением и уговорами, но и шантажом, запугиванием) принуждала тех, кто был против, дать согласие и поставить свою подпись в протоколе. Поэтому решения принимались обязательно на общих сходах, чтобы лишить людей впоследствии (например, если дело дойдет до судебного разбирательства) возможности «отговориться» незнанием и неучастием. Если член общества по той или иной причине желал уклониться от принятия продавливаемого решения, он пытался под любым предлогом в таких сходах не участвовать, предполагая, что тем самым будет иметь основание не выполнять постановления. Поэтому людей на собрания «сгоняли» насильно, при этом по дворам ходили толпой, чтобы в случае чего сложно было выявить зачинщика.

Как бы то ни было, но введение волостного земства, идея которого обсуждалась еще в последней четверти XIX века, была связана со стремлением ликвидировать такое архаичное самоуправление, ввести его в рамки существующего закона. Критики новой формы опасались, что в результате власть в волостях окажется у наиболее обеспеченной части населения — у кулаков, поэтому реализация проекта началась только после Февральской революции 1917 года. Это было не самое удачное время для проведения реформ. Фискальная сторона волостных земств вскоре стала очевидной. Например, по новому закону город тоже стали считать отдельной земской единицей. Стремление в условиях отсутствия дотаций от государства «распределить» расходы «по справедливости», на все население, включая крестьян («ибо в деревнях имеются большие запасы денег»¹), отпугивало последних от введения земской формы управления.

Собственно волостные земства стали создаваться на основании Постановления Временного правительства от 21 мая; довольно «поздно» по меркам плотно наполненного событиями 1917 года.

Вскоре после смены центральной власти на губернском и уездном уровнях там стали создаваться, прежде всего на основе существовавших земств и городских дум, различные временные комитеты и другие общественные организации (типа комитетов или советов «общественной безопасности»). В деревне также рекомендовалось создавать коллегиальные органы — «временные исполнитель-

1 ГААО. Ф. 272 (Арх. совет рабочих и солдатских депутатов). Оп. 1. Д. 2. Протокол № 3 Архисполкома от 28.02.1918. Л. 23.

ные комитеты» из представителей существующих в волости продовольственных комитетов, попечительств, кооперативов, у руководства которых, как правило, находились представители интеллигенции (то есть местного чиновничества, духовенства, учителя и медицинские работники). Таким образом решался вопрос о всесословности (или бессословности) нового управления.

Но крестьяне, недоверие которых к «интеллигенции» по мере развития революции все более усиливалось, предпочитали обходиться той системой, которая существовала до революции. И только если население само было настроено против старосты и писаря, их снимали с должности и заменяли «комитетом» или «советом». О смещении старшин и полицейских сообщали, к примеру, из волостей Онежского уезда Архангельской губернии¹. Чаще всего это происходило под влиянием возвращающихся в деревню фронтовиков: так, «в Вохтомской волости только с прибытием солдат был смещен волостной старшина и писарь и создан новый комитет. Солдаты вынесли царские портреты и повесили над волостным правлением красный флаг с надписью: “Да здравствует Вохтомская волость и новое Правительство свободной России”. ...старикам хотелось бы оставить старое волостное правление, так как те работали хорошо. Но солдаты убедили общественное мнение тем, что волостные власти были связаны со старой властью, земскими начальниками и полицией... С другой стороны, слишком активные комитеты распускаются самим населением: на Онеге так поступили с комитетом, который хотел описать излишки»².

Административную власть в волостях Временное правительство возложило на волостные исполнительные комитеты только 19 марта. А 21 апреля началось введение еще одного административного органа в деревне; к существовавшим центральному земельному комитету, губернским и уездным добавились еще волостные. Их задачей стал сбор необходимых сведений для подготовки назревшей земельной реформы, которую должно было утвердить Учредительное собрание.

Однако созданные волостные земельные комитеты фактически подключились к уже стихийно начавшейся крестьянской деятельности по переделу земли исходя из представлений о справедливости. И власть ничего с этим не могла поделать, допуская такие «переделы», вплоть до реквизиций, как временные.

1 Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М., 1992.

2 Письма из деревни // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. Местная еженедельная общественно-политическая газета. 1917. 11 июня.

С одной стороны, деревня слышала призывы не допускать запуска полей. С другой — брошенных земель было немало, так как часть населения уходила на постоянные заработки, появившиеся во время войны; солдатки вполне обходились пайками и пособиями. Попытка забрать у этих групп населения землю, исходя из принципа трудовой нормы, в какой-то степени спровоцировала массовое дезертирство солдат, reagировавших на письма из дома, а также «закрытие» по решениям трудовых коллективов фабрик и заводов и массовое возвращение отходников в деревню. Этот процесс, известный по 1918 году, начался уже в 1917-м.

Конфликты волостные земельные комитеты нередко провоцировали сами. К примеру, дав разрешение на изъятие казенной, помещичьей, монастырской земли и другого имущества в пользу своего общества, чем были недовольны соседи, считавшие эти ресурсы «общими». Приходилось ввязываться в эти разборки уездным земствам, а затем советам, настраивая тем самым против себя крестьян. Все чаще крестьяне стремились не допустить до вопросов «распоряжения землей» «чужаков» (земских служащих, учительство и других), превращая эти органы в сугубо крестьянские и нарушая тем самым изначальную идею Временного правительства — бессословность местного самоуправления.

Поскольку становящиеся сугубо крестьянскими «волостные земельные комитеты» выполняли главную, с точки зрения крестьян, задачу справедливого передела пахотных и луговых земель, новый орган, создаваемый на основании принятого Временным правительством постановления «О волостном земском управлении», воспринимался ими как лишний.

Положение о временных волостных комитетах на основе централизованно разработанного «Наказа о производстве выборов волостных земских гласных» принимался в каждой губернии. Так, задачами волостных земств Вологодской губернии были прописаны следующие¹: выполнение всех дел, ранее выполняемых волостным правлением; разъяснение постановлений нового правительства; организация милиции; организация мероприятий для проведения выборов в Учредительное собрание; пропаганда необходимости финансовой поддержки правительства (то есть работа по сбору налогов и различных сборов); забота об обеспечении населения продовольствием; организация хозяйственной жизни в волости (контроль над осуществлением запашки и осеменения всех пахотных площадей);

1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1789. Оп. 1. Д. 187. Л. 1.

а также — оказание содействия другим экономическим мероприятиям, вызванным военным временем.

Состав волостного земства в Вологодской губернии определялся следующим образом: по три члена выбирались на всенародном сходе и на волостном собрании десятников; по одному — от имеющих в волости кооперативов, от рабочих фабрично-заводских предприятий (в случае если таковые имелись на территории волости), от проживающих в волости, но не принадлежащих к местным сельским обществам (то есть — от священно- и церковнослужителей, учителя, медицинских работников и проч.). Один член земства (чаще всего это был председатель), согласно Положению, назначался уездным комиссаром.

Следует отметить, что введение волостных земств, несмотря на самые лучшие намерения, фактически спровоцировало подъем крестьянского движения, актуализировав, к примеру, давнишние земельные споры.

В частности, в малонаселенных северных губерниях, где поземельная община была введена сравнительно недавно, в первой четверти XIX века, а границы волостей для удобства административного управления были очерчены в определенной степени произвольно, таких спорных вопросов было особенно много. Смягченный благодаря отхожим заработкам «вопрос о земле» вновь обострился в связи с деиндустриализацией и связанной с этим безработицей, а также с продовольственным кризисом.

В рамках подготовки земельной реформы местным «исполнительным комитетам» было предложено представить сведения о существующей чересполосности и возможности для ее ликвидации путем изменения границ волостей. Проблем добавили и выборы в волостные земства, которые было решено провести одновременно с выборами в другие органы власти, в частности, в уездные и губернские земства, а также в Учредительное собрание (в дальнейшем перенесенные на более позднее время). Прямые и всеобщие выборы требовали распределения избирателей по округам, что вело к объединению небольших поселений (на севере — даже волостей), или, напротив, к разбивке на участки крупных, густозаселенных административных единиц. Попытка на местах выпросить для себя исключения, опираясь на местные условия, как правило, встречала отказы, что возмущало население. Так, представители от волостей Сольвычегодского уезда Вологодской губернии получили отказ от МВД проводить «по местным условиям» выборы гласных в губернское земство «особо», то есть не по участкам, а в каждой волости. Просьба крестьян объяснялась слабой заселенностью уезда,

в результате чего избирательный участок объединял несколько волостей, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Избиратели друг друга и кандидатов не знают (а для крестьян личное знание человека имело большое значение!), в результате чего гласными от всего округа могут быть избраны представители только от густозаселенных волостей, чем ущемлялись права малолюдных волостей и далеко отстоящих сельских обществ¹.

Формирование избирательных участков, уравнивающих количество имеющих право голоса граждан, требовало уточнения существовавших волостных и уездных границ. Члены участковых комиссий выясняли ситуацию на местах, чем спровоцировали массовое деление волостей, во всяком случае, в северных губерниях, где основным мотивом недовольства крестьян проживать в одной волости были большие расстояния и неудобства расположения волостного центра за десятки верст или за другими препятствиями, например, за рекой. Желали отделиться, как правило, отдаленные сельские общества, нередко у них был для этого материальный интерес. Например, Веркольское общество Пинежского уезда пожелало выделиться в отдельную волость, так как на его территории находились богатые земельные угодья, мельница и другое имущество монастыря. Их соседи по волости соглашались на выделение, но при условии раздела и монастырских угодий, а также разделения расходов на содержание почтовых станций, церкви, школы. Конфликты возникали и в связи с общеволостными продовольственными магазинами, поскольку населению казалось, что жители волостных центров, где те расположены, обеспечиваются лучше².

Возникли вопросы и при составлении списков избирателей. Ко дню выборов они не везде были составлены, поскольку крестьяне нередко отказывались предоставлять в них сведения, традиционно опасаясь любых переписей, полагая, что это приведет к увеличению налогов или еще каким-нибудь бедам. Составление таких списков в некоторых случаях обострило внутренние проблемы сельских обществ. В списках указывалось не только подданство или наличие судимости, но также право участия в выборах (проживает ли сам избиратель в деревне, имеет ли домашнее обзаведение и так далее)³. В результате актуализировался вопрос о «внезапно разбогатевших» во время войны так называемых «учетников» (военнообязанных, получивших по той или иной причине отсрочку от армии).

1 ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 105. Л. 5.

2 Народный архив Республики Коми. Ф. 1205. Оп. 2. Д. 12. Л. 43об.

3 ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 117. Л. 15об.

Для составления списков избирателей, определения административных границ волости или сельского общества с целью ликвидации чересполосицы в деревню направлялись уполномоченные. В большинстве северных уездов из-за недостатка «интеллигентных сил» приискать таких уполномоченных было сложно, и функции их выполняли председатели волостных временных комитетов, нередко — бывшие старосты или писари (иногда это были «изгнанные» служащие бывших волостных правлений, нашедшие место в других волостях, где их не знали и принимали на должности как опытных людей). Так, председателем Емецкой волостной земской управы стал А.А. Аксенов, петроградский приказчик, уехавший на родину «от голода» во время революции¹. Участие в государственной работе, цели которой для крестьян не были явными, дополнительно настраивало их против местной интеллигенции и земских работников.

Непосредственно перед выборами в волости направлялись инструкторы, как правило, учителя и учительницы, которых для этой работы готовили на краткосрочных курсах². На каждом участке работали избирательные комиссии, состоящие из 4–6 членов (в зависимости от численности населения волости) и председателя. Председателя и половину членов назначали уездной земской управой, остальных выбирало население.

В день выборов на местах работали также вспомогательные комиссии из грамотных избирателей «для писания за неграмотных по их просьбе»³ — это было нарушением демократической процедуры, но иначе выборы провести было невозможно. Возникали и другие непредвиденные сложности: случалось, отдаленные деревни направляли — как это было принято при созыве волостного схода — своих представителей, уполномоченных голосовать за всех остальных. Женщины, получившие право голоса, не желали им пользоваться и стремились делегировать свои права мужу или свекру — мол, те лучше знают, за кого голосовать.

Сама процедура выборов в волостные земства включала в себя предвыборное собрание в каждой деревне, на котором обсуждались кандидатуры. Кстати, эти собрания некоторые радикальные элементы, прежде всего вернувшиеся из городов отходники и солдаты-отпускники, использовали для агитации: за передел

1 Тубанов С. Борьба за Советы в Холмогорском (Емецком) уезде в 1918 году // Воспоминания о борьбе за Советы и гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. 1917–1920. Архангельск, 1928.

2 ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 117. Л. 41.

3 Там же. Л. 15.

земли, за окончание войны, за неуплату налогов... За несколько дней до назначенного дня выборов каждый избиратель получал карточку с именами кандидатов. Ее следовало заполнить и вчетверо сложенную опустить в закрытый ящик¹.

Наблюдатели отмечали, что выборы в волостные земства идут слабо. Как сообщал в своих корреспонденциях «уполномоченный», на предвыборные собрания, «несмотря на праздничный день, избиратели собираются плохо. В основном пожилые мужчины, женщин и молодых мало...». «Крестьяне не доверяют своей интеллигенции. В списках кулаки, но не интеллигенция. Причина — интеллигенция понимает ситуацию и ведет борьбу с дезертирством и прочими проблемами, требует сдачи хлеба правительственным органам»². «На обсуждении списка на сходе было недовольство по поводу учителя. Мол, интеллигенция наших проблем не знает, будет только о своих беспокоиться. Надо выбирать от сохи или солдат, которые раненные. Эти люди видели нужду, смелее других и обо всем не стесняются высказать, ни перед кем не стесняются...» После долгих уговоров и пояснений «удалось убедить, крестьяне решили, что один учитель против остальных четырех все равно ничего сделать не сможет...»³.

В Байдаровской волости Никольского уезда Вологодской губернии выборы оказались сорваны; крестьяне «при выборах в земство кричали: не надо нам земства! Возьми карточку, так и будут по ней хлеб отпускать! Вот ужо солдаты выйдут, так они покажут вам земство!»; некоторые заявляли, что «знают, зачем эта управа: они записку положат, а выбранные потом придут к ним в амбары хлеб проверять»⁴.

Результаты выборов тоже разочаровали ратовавшую за волостные земства интеллигенцию и совершенно не воодушевили крестьян. В одной из волостей на первое же заседание «из 47 гласных явились только 35. ...Один гласный послал вместо себя сына». Крестьяне особое недовольство высказывали по поводу дополнительных налогов для выплаты членам земства жалованья: «Не надо, пусть бесплатно служат. Солдаты на войне немного получают!»⁵ Раздражала крестьян и необходимость самостоятельного финансирования всей своей социаль-

1 ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 117. Л. 15об.; Выборы в волостные земства//Никольский край. Газета культурно-просветительского кружка. 1917. 23 июля.

2 Выборы в волостные земства//Никольский край... 1917. 30 июля.

3 Около выборов//Никольский край... 1917. 30 июля.

4 Аруев Н. Выборы (впечатления)//Никольский край... 1917. 20 авг.

5 Около волостного земства//Никольский край... 1917. 10 сент.

ной сферы. Тем более что сторонники «советов крестьянских депутатов» (в основном это были фронтовики) «объясняли» населению, что на все это деньги должно давать государство. Для крестьян особенно привлекательным был тезис о том, что советская власть не предполагает никаких платных (за счет населения) должностей.

Выборы в волостные земства проходили в августе-сентябре 1917 года, когда во многих населенных пунктах сформировались уже крестьянские советы. Как многочисленные и авторитетные общественные организации (на полноту власти они пока не претендовали), советы кооптировали своих членов в земские органы¹. После реализации в Петрограде лозунга «Вся власть Советам!» агитация «против земств» получила дополнительные аргументы. Так, крестьяне Вознесенской волости Каргопольского уезда обращаются в ноябре 1917 года к председателю уездного совета: «Рассмотрите наше крестьянское дело, господин председатель, так как нас, крестьян, приневоливают насильно к волостным земствам, которые нам непосильны, а именно подать с одного душевого надела 25 руб. Приневоливают нас к земству местные учителя и говорят, что они вводят земства не от себя, а по приказу уездного комиссара. А так как мы, крестьяне, народ темный, деревенский, то мы этих земств опасаемся к ухудшению нашего крестьянского дела, как старое бывшее до переворота земство. Нам бы крестьянам взамен этого земства желательно ввести волостные исполнительные комитеты, чтобы мы, крестьяне, могли сами обсуждать наши крестьянские дела, а за проступки своих крестьян наказывать... Мы, крестьяне, этих саботажников очень опасаемся. Будем ожидать Вашей милости»².

Итак, земства не удовлетворили чаяний населения. Созданные параллельно советы как общественные организации сотрудничали с земствами. Нередко председатель волостного исполкома советов был и председателем волостной земской управы (был случай, когда на Холмогорском уездном съезде советов «завис» вопрос об упразднении земства, так как было неясно, кто же и кого будет «упразднить»³).

1 ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 117. Л. 47-48.

2 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 63. Л. 165.

3 Тубанов С. Борьба за Советы в Холмогорском (Емецком) уезде в 1918 году // Воспоминания о борьбе за Советы и гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. 1917–1920. Архангельск, 1928.

После перехода официально власти советам различные земства действовали по-разному. В Вологодской губернии было предложено подчиниться, с целью не допускать хозяйственного развала. Архангельский губернский съезд крестьянских депутатов не взял на себя решение вопроса о власти, спустив его для обсуждения на места. Большинство волостей и сельских обществ выступали за совместную работу советов (как политической организации, имеющей представительство в центре) и земств как хозяйственных учреждений, состоящих из опытных людей.

Советы быстро разочаровали население. (Как отмечал в своем «наказе» губернскому съезду Каргопольский совет, «совдеп земские долги взял на себя, а казна свой долг не считает нужным платить...»¹.) В условиях саботажа бывших государственных органов денег на проведение самых обычных мероприятий (например, выплату жалованья учителям и медицинским работникам) не было, и Наркомфин разрешил обложение чрезвычайным революционным налогом «имущие классы», каковых в северных деревнях не было. Обложение накладывалось в большей степени на учетников и на относительно обеспеченных людей, в том числе на торговцев, которые массово стали закрывать свои магазины, лишив население товаров.

В Архангельской губернии власть советов была ликвидирована в августе 1918-го. Многие председатели земских волостных, да и уездных управ были арестованы как советские работники. В Печорском уезде местный совет передал добровольно власть обратно земствам.

Усугубление продовольственной проблемы в годы Гражданской войны привело к массовым хлебным реквизициям на территориях северных губерний, где продолжала существовать советская власть. Председатели волостных советов стремились в этих вопросах защитить население, и центральная власть при решении своих продовольственных задач стала опираться на комбеды, состоявшие из «безземельных крестьян», фактически — из оторвавшихся от деревни отходников. (По словам Н.К. Крупской, в состав деревенских комбедов попали «не беднейшие крестьяне, а местные люди, забросившие хозяйство» — «бывшие швейцары, дворники и кое-какая интеллигенция контрреволюционная», которые спасались в деревнях от голода и репрессий, «прикрывшись званием советских работников»².) Конфликт в деревне еще более усугубился.

1 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 128. Л. 81.

2 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 10. Д. 69. Л. 63.

В 1920 году возврат к советской форме управления в «белых» уездах и волостях происходил вполне «мирно», но осуществлялся уже жесткий контроль над системой выборов, чтобы не допустить в органы местной власти нелояльных лиц.

Карелия в условиях конституционной реформы второй половины 1930-х годов

В данной статье предпринята попытка на материалах Советской Карелии показать процесс реализации конституционной реформы второй половины 1930-х годов на региональном уровне. Принятие в 1936 году новой Конституции должно было представить миру СССР как демократическое государство. Сталинский режим стремился продемонстрировать, что он опирается прежде всего на доверие народа. Проект Конституции широко обсуждался в печати и в трудовых коллективах. Фактически это обсуждение вылилось в широкую пропагандистскую кампанию, прославление достижений власти, ибо в обществе отсутствовали каналы выражения независимого мнения. Многие заметки в газетах строились по принципу «Раньше и теперь», «Мечта стала явью», «Я дожил до замечательных дней» и т.п.

Ход обсуждения проекта Конституции СССР в Карелии рассмотрела в октябре 1936 года V сессия ЦИК Карельской АССР. Отмечалось, что поступившие дополнения в основном касались социально-культурных вопросов. Колхозники просили предоставить им одинаковые с горожанами права: женщинам — декретный отпуск, пожилым людям — пенсию. В то же время политические новшества проекта Основного закона оказались понятны далеко не всем. Много недоумений было относительно того, что духовенство, раскулаченные крестьяне получат избирательные права, что в Конституции будет закреплена неприкосновенность личности¹. Предлагалось, например, разрешить председателям или членам сельсовета арестовывать «явного врага» с последующей санкцией прокурора².

На V сессии ЦИК КАССР была создана Конституционная комиссия для подготовки Основного закона КАССР³. Первая в истории Карелии Конституция была принята на XI Всекарельском Чрезвычайном съезде Советов 17 июня 1937 года⁴. В докладе мандатной комиссии сообщалось, что на съезд не явились 93 делегата. Причинами неявки чаще всего назывались командировка, отпуск, отъ-

1 Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 689. Оп. 5. Д. 12/69. Л. 171.

2 НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 12/69. Л. 172.

3 НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 12/69. Л. 2.

4 НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 12/73. Л. 88.

езд из Карелии, но за этими формулировками скрывались репрессии делегатов исторического съезда: в 1937–1938 годах были репрессированы более половины членов Конституционной комиссии Карелии.

Важнейшей чертой Конституции КАССР являлась тождественность в структуре и в содержании Конституции РСФСР. После советско-финляндской войны к СССР отошли районы Северного и Западного Приладожья, весь Карельский перешеек. Эти территории, за исключением незначительной полосы, примыкающей к Ленинграду, были переданы КАССР, и 31 марта 1940 года VI сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР».

13–15 апреля 1940 года внеочередная сессия Верховного Совета КАССР избрала Конституционную комиссию для разработки проекта Конституции Карело-Финской ССР. В комиссию вошел 31 человек, но только один из них — хирург Михаил Давыдович Иссерсон имел опыт подобной деятельности, работая в составе Конституционной комиссии в 1936–1937 годах¹. Конституция была подготовлена за очень короткий срок, 9 июля 1940 года на первой сессии Верховного Совета Карело-Финской ССР она была уже утверждена. Текст новой Конституции во многом повторял Конституцию Карельской АССР 1937 года, никакого существенного расширения прав Карелия, став союзной республикой, не получила.

В ходе Конституционной реформы впервые было введено всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании. В декабре 1937 года граждане приняли участие в выборах в Верховный Совет СССР. В июне 1938 года состоялись выборы в Верховные Советы РСФСР и автономных республик, в том числе в Верховный Совет Карельской АССР. В 1939 году в стране проходили выборы в местные Советы. Из-за советско-финляндской войны Президиум Верховного Совета Карелии принял решение выборы отложить², они состоялись в 1940 году после образования Карело-Финской ССР, одновременно на территории этой союзной республики прошли выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет КФССР.

Процедура выборов была подробно прописана в Положении о выборах. Местные советы составляли списки избирателей. Опыта не хватало, поэтому выявлялось много нарушений. Затрудняла составление документов высокая мигра-

1 НАРК. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 2/8. Л. 53.

2 НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 8/18. Л. 177.

ционная активность. Кроме того, списки составляли в условиях, когда раскрывался маховик репрессий, но арестованных НКВД граждан не всегда вычеркивали из списков избирателей. Так, в рабочем поселке Кондопоге не были исключены 559 человек, «выбывших» в разгар «национальных операций» осенью 1937 года¹ — именно с этим в поселке связывалось сравнительно большое число не явившихся на выборы (10%).

Законодательно не запрещалось выдвижение нескольких кандидатов в депутаты, но на практике во всех избирательных округах выдвигался только один человек. Власти боялись альтернативных выборов после коллективизации, падения уровня жизни начала 1930-х годов, стремились запугать и изолировать потенциально недовольных властью. Неслучайно избирательная кампания 1937–1938 годов совпала с Большим террором.

На каждого из кандидатов запрашивались данные из НКВД, по результатам проверки могли арестовать кандидата, показавшегося подозрительным. Так, в разгар избирательной кампании кандидата в депутаты Верховного Совета СССР председателя Олонецкого РИКа Тимофеева арестовали как «врага народа»².

После одобрения партийных органов и НКВД следовало «официальное» выдвижение кандидатуры на собрании трудового коллектива или по месту жительства. В некоторых случаях на собраниях трудовых коллективов могли звучать критические высказывания в адрес предложенных райкомами кандидатов, при голосовании они могли получить несколько голосов «против». В этом проявлялся не столько протест против навязывания определенного кандидата, сколько то, что выдвиженец, как правило, работал в этом трудовом коллективе, и люди хорошо знали и его сильные стороны и недостатки. В любом случае кандидатом в депутаты мог стать только абсолютно лояльный правящему режиму гражданин.

С невиданным доселе размахом развертывалась агитационная работа. Агитатор должен был посетить каждую семью в доме, к которому был прикреплен, что позволяло вести работу с учетом потребностей избирателей разного возраста, статуса, образования, а с другой стороны, каждый избиратель попадал в зону контроля. Всякий случай отказа от участия в выборах расценивался как результат антисоветской агитации.

1 НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 234. Л. 50.

2 НАРК. Ф. 1552. Оп. 1. Д. 432. Л. 9, 11.

День выборов стремились представить всенародным праздником. Подчеркивалось, что люди приходили на избирательный участок празднично одетые. На участках было много живых цветов, играли патефоны, гармошки, баяны. Устраивались танцы, игры, выступления художественной самодеятельности. На каждом участке с раннего утра работали буфеты. Голосование начиналось в 6 утра, к этому времени у избирательных участков уже стояли десятки людей. Рабочих по окончании ночной смены привозили на избирательные участки организованно, с духовым оркестром.

Все без исключения кандидаты были избраны депутатами. На выборах 1937 года за них проголосовали 96%, в 1938 году — 99%, в 1940 году — 98% избирателей. Правда, наряду с бюллетенями в избирательные урны подчас опускались записки, наполненные то горечью, то иронией. Критические по отношению к власти настроения проявились в характерных надписях на избирательных бюллетенях: «Все равно коммунисты без нас кого хотят, того и выберут»; «Теперь в Карелии орудуют настоящие националисты, а арестовывают ни в чем неповинных честных финнов»¹.

Самой широкомасштабной избирательной кампанией стали выборы в местные советы в 1940 году. В работу избирательных комиссий было вовлечено более 35 тыс. человек, с населением работали более 15 тыс. агитаторов. Было избрано 5699 депутатов, почти три четверти из них впервые приступили к государственной деятельности. Депутатский корпус формировался в основном из молодежи, более половины депутатов местных советов составляли члены ВКП(б).

Именно в это время была закреплена модель избирательной кампании, когда отсутствовал общественный контроль деятельности избирательных комиссий, всячески поощрялась гонка за количественными показателями. Ужесточение партийного контроля позволило расширить представительство ВКП(б) в органах власти.

Положительным моментом являлось то, что впервые выборы представительных органов власти имели всеобщий характер. Избрание новых депутатов сопровождалось обсуждением их кандидатур в трудовых коллективах и избирателями, в ряде случаев это обсуждение носило характер демократической процедуры. Вновь избранные депутаты концентрировали свою деятельность вокруг текущих проблем хозяйства, социальной и культурной сфер, стремились к улучшению работы на местах.

1 НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 271. Л. 9.

СЕЛЬСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО СЕВЕРА: ПРОЕКТЫ ВЛАСТИ И ИНИЦИАТИВЫ НАСЕЛЕНИЯ

И.В. Копотева (Москва)

Локально ориентированные подходы к сельскому развитию Опыт Европейского союза и России

Как в Европейском союзе, так и в России стоит вопрос развития сельских территорий, а также разработки сельской политики, учитывающей их разнообразие. Такая политика должна быть способна разрешать очень разные проблемные ситуации, так как необходимые меры по поддержке села сильно зависят от их местонахождения и социального контекста. Сельская политика должна принимать во внимание многофункциональность использования пространства¹, позволять использовать гибкие меры, включая сотрудничество и мобилизацию представителей заинтересованных сторон. Интегрированные и локально ориентированные подходы становятся более популярными у политиков, так как они дают лучшие результаты.

Одним из таких локально ориентированных подходов, применяемых в Европейском союзе для развития сельских территорий, является подход LEADER. В России в принятом в 2003 году Федеральном законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» также заложены основы подобного локально ориентированного подхода. Так, в главе 5 ФЗ-131 рассматриваются различные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления. Форм много, и они по-разному используются на территории России. Одна из них, получившая широкое распространение в некоторых российских регионах, — это территориальное общественное самоуправление (ТОС).

Общая характеристика подхода LEADER

Подход LEADER был разработан в 1991 году как один из инструментов сельского развития. В настоящее время проводится в жизнь уже пятая програм-

1 Gallent N., Juntti M., Kidd S., Shaw D. Introduction to Rural Planning. Abingdon, Routledge, 2008. P. 19.

ма¹. На сегодняшний день LEADER является одним из направлений деятельности Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских районов (EAFRD). LEADER представляет собой локально ориентированный подход, основанный на идее соучастия: местные инициативные группы формируют государственно-частное партнерство, принимают решения о финансовой поддержке проектов развития села. Эти инициативные группы действуют в рамках разработанной для каждой территории комплексной стратегии местного развития. Основными темами являются туризм, обновление деревни, культурное наследие, улучшение качества жизни на селе.

Одна из целей LEADER состоит в том, чтобы объединить государственные, частные и общественные организации для создания механизма местного управления (rural governance). LEADER также рассматривается в контексте поддержания региональной/локальной идентичности, содействия общему «ощущению места» и связанной с этим деятельности местных акторов.

Проекты, реализуемые в рамках подхода LEADER, приносят в развитие села «добавочную стоимость» ввиду лучшей идентификации местных потребностей и более быстрого нахождения решений проблем, большей заинтересованности участников и расширения возможностей для инноваций. Дополнительными преимуществами становятся объединение местных ресурсов, создание сетей для обеспечения взаимного обучения и комплексный подход к решению сложных экономических и социальных проблем².

Хотя программа LEADER обычно рассматривается как локально ориентированный подход, или подход «снизу-вверх» (bottom-up approach), следует отметить, что существует достаточно высокая степень влияния на принятие решений вышестоящих структур, в основном через регулирование финансирования. Например, существуют подробные правила, на какие проекты можно выделять деньги, а на какие нет. Иными словами, даже в рамках подхода LEADER действуют различные уровни регулирования: высший — это Европейский союз, который задает «общие правила игры», на следующем уровне через программы сельского развития вступают в игру национальные правительственные организации стран-участ-

1 LEADER I — 1991–1994, LEADER II — 1995–1999, LEADER+ — 2000–2006, LEADER and RDP (Rural development programme) — 2007–2013. В 2014 году стартовала новая программа на период 2014–2020.

2 High C., Nemes G. Social learning in LEADER: exogenous, endogenous and hybrid evaluation in rural development//Sociologia Ruralis. 2007. Vol. 47. № 2. P. 103-119.

ников. В Германии это происходит на уровне земель (региональных правительств), в Финляндии — национального правительства. Верхние уровни формулируют политически легитимированные цели и правила финансирования, также они могут оказывать политическое влияние на группы акторов или регионы. На низовых уровнях выдвигаются идеи проектов, вовлекаются разные акторы (с их личными интересами), происходит использование местного опыта. Таким образом, LEADER — это подход ни «сверху-вниз» (top-down approach), ни «снизу-вверх» (bottom-up). К. Поллерман¹ называет его «вниз и вверх» (downup) (см. рис. 1).

Итак, вначале устанавливаются структурные рамки на уровне Европейского союза, и далее — на национальном уровне. Но главная идея подхода LEADER реализуется на нижнем уровне — это мобилизация местных акторов, разработка местных стратегий развития с учетом нормативно-правовых актов Европейского союза, поиск необходимых ресурсов, разработка идей для проектной деятельности, направленной на развитие сельских территорий, а также принятие решений по финансированию представленных заявок. Выработанные стратегии местного развития должны быть одобрены вышестоящими инстанциями. Реализация проектов осуществляется благополучателями, т.е. местным населением.

Рисунок 1. Подход «вниз и вверх» (downup)

1 Pollermann K., Raue P., Schanut G. Multi-level governance in rural development: Analysing experiences from LEADER for a Community-led local development (CLLD). Paper contribution for the 54th European Regional Science Association (ERSA) Congress, 26-19 August, 2014 in Saint-Petersburg.

Результаты реализованных проектов, их влияние на развитие села должны соответствовать установленным целям Европейского союза. Кроме того, разработка политики сельского развития идет не только сверху вниз, но и снизу вверх, так как в процессе реализации программ и проектов проводятся постоянные консультации, местный уровень предоставляет информацию о реализации и свои предложения по улучшению программ и для разработки новых регулирующих и нормативно-правовых документов.

Подход LEADER вписывается в концепцию «governance». Как уже говорилось выше, LEADER совмещает в себе два принципа — «сверху-вниз» (top-down) и «снизу-вверх» (bottom-up). Таким образом, LEADER — это многоуровневое управление (multi-level governance). LEADER создает связи как в горизонтальном направлении — между сельскими поселениями, сельскими территориями, политическими или административными структурами, так и в вертикальном — между местными и иными субъектами, между региональными, национальными и европейскими структурами.

Таблица 1. Различные уровни и их главные элементы в многоуровневой перспективе на примере Германии

Уровень	Примеры нормативно-правовой базы	Примеры вовлеченных акторов
Европейский союз	Общие стратегические рамки (CSF) Европейский сельскохозяйственный фонд развития сельских районов (EAFRD) Общее руководство для местного развития сообществ (CLLD) Связанные с программой локальных действий	Европейская комиссия Европейский парламент Европейский совет Совет экспертов
Национальный уровень	Национальные директивы	Конференция министров сельского хозяйства Рабочие группы в министерствах Взаимосвязанные в рамках программы институты

Региональный уровень	Программа развития сельских территорий Правила создания местных инициативных групп Указания по выбору проектов для финансирования	Консультативные советы Отделы министерств
Уровень местных инициативных групп	Местная стратегия развития Критерии выбора проектов	Местные инициативные группы с представителями трех секторов — государство, бизнес, гражданское общество Агентства по сертификации

В целом в литературе подход LEADER оценивается как положительный, привносящий в развитие сельских территорий сотрудничество, обеспечивающий участие разных акторов, сетевое взаимодействие, инновации. Подход устанавливает связи между различными типами знаний, дает возможность для реализации различных проектов, важных для развития конкретных сельских территорий¹. Отмечается также развитие социального капитала².

Общая характеристика ТОСов

Определение территориального общественного самоуправления содержится в ст. 27 Закона 131-ФЗ «Об общих принципах развития местного самоуправления»:

1 *Esparcia P.J.* The LEADER programme and the rise of rural development in Spain// *Sociologia Ruralis*. 2000. Vol. 40. № 2. P. 200-207; *Bosworth G., Price L., Anniba I., Sellick J., Carroll T., Shepherd J.* LEADER as a vehicle for neo endogenous rural development in England// *European Society for Rural Sociology. Rural resilience and vulnerability: the rural as locus of solidarity and conflict in times of crisis*, XXVth Congress of the European Society for Rural Sociology 29.07.-01.08.2013; *Pollermann K.* Destination Governance aus empirischer Sicht. Analyse von tourismusbezogenen Governance-Arrangements und Schlussfolgerungen für die Praxis// *Governance für Destinationen*. K. Wöhler, A. Saretzki (Eds.). Erich Schmidt Verlag Berlin, 2013. P. 131-157; *Böcher M.* Regional governance and rural development in Germany: the implementation of LEADER+// *Sociologia Ruralis*. 2008. Vol. 48. № 4. P. 372-388; *High C., Nemes G.* Social learning in LEADER: exogenous, endogenous and hybrid evaluation in rural development// *Sociologia Ruralis*. 2007. Vol. 47. № 2. P. 103-119; *Dargan L., Shucksmith M.* LEADER and innovation// *Sociologia Ruralis*. 2008. Vol. 48. № 3. P. 274-291; *Metis Gmbh, AEIDL, CEU.* Ex-post evaluation of LEADER+. Vienna, 2010.

2 *Nardone G., Sisto R., Lopolito A.* Social Capital in the LEADER Initiative: a methodological approach// *Journal of Rural Studies*. 2010. Vol. 26. P. 63-72.

Под территориальным общественным самоуправлением (далее по тексту — ТОС) понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования (территория поселений, не являющихся муниципальным образованием, микрорайонов, кварталов, улиц, дворов и других территорий) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением или через создаваемые им органы территориального общественного самоуправления.

Территориальное общественное самоуправление осуществляется на определенной части территории поселения: подъезд многоквартирного жилого дома, многоквартирный жилой дом с прилегающей к нему территорией, группа жилых домов, улица, квартал, группа кварталов, микрорайон, сельский населенный пункт и иные территории проживания граждан.

Организация ТОСов может проходить как в форме юридического лица, так и без него. Эти две формы различаются возможностями по привлечению финансовых средств на решение социально-экономических проблем территории.

Создание ТОСа в качестве юридического лица происходит в несколько этапов и такой ТОС будет представлять собой организацию некоммерческого типа (НКО) с ведением экономической деятельности. ТОС должен будет иметь свой расчетный счет, устав с прописанными видами предпринимательской деятельности, регистрацию в налоговой инспекции¹. В такой форме ТОС имеет возможность самостоятельно распоряжаться своими финансовыми и материальными ресурсами, ТОСу легче участвовать в грантовых конкурсах.

Для ТОСа без регистрации юридического лица необходимо зарегистрировать только устав в администрации муниципалитета. Все финансовые потоки будут проходить через муниципальные инстанции.

В настоящее время в России большая часть ТОСов работает без оформления юридического лица. Согласно данным Министерства юстиции, в 2016 году в России было зарегистрировано 2117 ТОСов в 56 субъектах РФ², в то время как без регистрации юридического лица — около 25 тысяч. Например, в Архангель-

1 Стоякин С. Что такое ТОС? Территориальное общественное самоуправление, 2017. <https://www.syl.ru/article/349645/tos---cto-eto-takoe-territorialnoe-obschestvennoe-samoupravlenie>

2 Мелюхин Г.М. Мониторинг деятельности территориальных общественных самоуправлений в России. Лига ТОС, 2016.

ской области создано около 800 ТОСов, из которых лишь 1% зарегистрирован¹.

ТОСы есть не во всех субъектах РФ, по данным Минюста, они присутствуют в 66% регионов. В разных регионах существуют разные системы поддержки и финансирования работы ТОСов. Согласно ФЗ-131, финансирование деятельности ТОСов может осуществляться из средств местных бюджетов или из собственных средств ТОСов. К сожалению, оба этих пункта не работают в большинстве российских муниципалитетов. Существуют и различные региональные системы поддержки ТОСов. В Волгоградской области, например, разработана региональная программа поддержки территориального общественного самоуправления; в Воронежской — проводятся конкурсы грантов, в Архангельской утвержден региональный законодательный акт — «Постановление Правительства Архангельской области об утверждении концепции развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области до 2020 года».

Несмотря на разные системы поддержки ТОСов, нацелены они в основном на решение местных проблем территорий. Среди основных направлений можно назвать следующие:

- благоустройство территории;
- сохранение и использование местного исторического, культурного наследия и народных традиций и промыслов;
- развитие физической культуры и спорта;
- поддержка социально уязвимых групп;
- экологическая культура и безопасность.

Важными аспектами работы ТОСов можно считать следующие: они создаются «снизу», т.е. самим населением; ТОСы наиболее приближены к населению, способствуют развитию гражданского самосознания, привлекают разные группы населения к решению местных проблем территорий, повышая мотивацию к участию в общественной деятельности.

Сравнение LEADER и ТОСов

Из приведенных выше описаний двух подходов к развитию сельских территорий видно, что в них есть много общего, хотя существуют и различия. В нижеприведенной таблице 2 представлено сравнение этих двух подходов.

¹ Постановление об утверждении концепции развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области до 2020 года. Постановление от 22 июля 2014 г. № 291-пп. Правительство Архангельской области.

Таблица 2. Сравнение подходов к сельскому развитию — европейский LEADER и российские ТОСы

LEADER	ТОС
Создаются местные инициативные группы, в которые входят представители власти, бизнеса и местного населения	Объединения граждан
Деятельность осуществляется главным образом на сельских территориях	Деятельность осуществляется на сельских и городских территориях
Одна инициативная группа объединяет несколько муниципалитетов с общей численностью населения в среднем до 50 тыс. жителей. В Финляндии от 14 до 100 тыс.	ТОС осуществляется на определенной части территории поселения: подъезд многоквартирного жилого дома, многоквартирный жилой дом с прилегающей к нему территорией, группа жилых домов, улица, квартал, группа кварталов, микрорайон, сельский населенный пункт и иные территории проживания граждан
Местные инициативные группы обязательно регистрируются как юридическое лицо	ТОС может работать без образования юридического лица, но могут создаваться ТОСы — юридические лица В настоящее время мало ТОСов — юридических лиц
7-летние программы, четкая организационная структура. Каждая программа имеет свои приоритеты, которые определяются Европейским союзом. На уровне государств — членов ЕС существуют национальные программы сельского развития. На местах создаются «Стратегии местного развития» и выделяются приоритеты развития территорий	В некоторых регионах существуют государственные региональные программы поддержки ТОСов
Решение по финансированию заявленных проектов принимают инициативные группы	Решение по финансированию проектов принимается муниципальной властью
Есть возможность реализации как крупных инвестиционных проектов, так и малых проектов	Нет возможности для финансирования крупных инвестиционных проектов Большая часть проектов — малобюджетные

Финансирование проектов идет из нескольких источников: Европейские фонды, национальные программы, софинансирование граждан/местного бизнеса	Финансирование деятельности ТОС может осуществляться из средств местных бюджетов или собственных средств ТОСов. Кроме того, существуют различные региональные варианты поддержки работы ТОСов: через региональные программы (например, Волгоградская область), региональные конкурсы (например, Воронежская область) или региональные законодательные акты (например, Архангельская область). Финансирование деятельности ТОСов также возможно через национальные приоритетные проекты или программы, например «Комфортная городская среда» 2014–2018. Финансирование идет через субсидии в региональный бюджет, а далее идет финансирование проектов по благоустройству на муниципальных уровнях
Приоритетные направления: развитие сельского хозяйства, туризм, сельский бизнес, модернизация ферм, интеграция/включение новых групп (мигрантов), поддержка биоразнообразия	Приоритетные направления: сохранение исторического и культурного наследия, народных традиций и промыслов, развитие туризма, благоустройство территорий, поддержка разных групп населения, развитие физической культуры и спорта, экологическая культура и безопасность
Содействуют формированию государственно-частного партнерства, развитию горизонтальных и вертикальных партнерских отношений	
Способствуют объединению местных ресурсов	
Способствуют решению социально-экономических проблем территорий	
Локально ориентированный подход	
Формируется/развивается социальный капитал	
Высокая степень влияния вышестоящих структур через финансирование, политическое влияние	Высокая степень влияния вышестоящих структур через финансирование

Примеры реализованных проектов в Германии	Примеры реализованных проектов в России
Сельский магазин, кафе и место встреч для жителей местного сообщества В рамках проекта было реконструировано здание, в том числе системы отопления и вентиляции, построены дворовые складские помещения, проведен ремонт внутренних помещений, обустроены магазин и кафе. Общий бюджет — 35 947 евро, из них 50% финансирования получено в рамках LEADER и 50% частные средства	«Тропой Берендея». Туристический проект, сохранение исторического и культурного наследия Общий бюджет — 95 125 рублей (примерно 1350 евро), из них 42% — проектное финансирование и 58% — частные средства
Мое местное сообщество — почувствуй себя дома Проект интеграции мигрантов: одежда и другие товары для дома, языковые курсы для детей и подростков, помощь в выполнении домашних заданий, распространение общей информации о жизни в муниципалитете среди иммигрантов. Общий бюджет — 56 558 евро, из них примерно 15% финансирование в рамках LEADER, 22% — государственное финансирование и 63% — частные средства	Ремонт аварийного моста Общий бюджет 73 000 (примерно 1050 евро), из которых 84% — проектные средства и 16% — частные
Дигитализация сельской местности Около миллиона сельских жителей из 570 сельских населенных пунктов пяти муниципальных районов получили доступ к высокоскоростному интернету (30 мб в сек). Общей бюджет — 40,9 млн евро, из них 49% финансирование в рамках LEADER и 51% — государственно финансирование	Смотровая площадка, место отдыха местного населения Общий бюджет 188 000 (примерно 2700 евро), из них 80% — проектные средства, 14% — муниципальная поддержка и 6% — частные средства

Заключение

Сельские территории — это огромные пространства как в Европейском союзе, так и в России, они требуют неусыпного внимания и активных действий по их развитию. Разработанные походы — LEADER и ТОСы — существуют уже 30 лет. LEADER впервые появился в послании Европейской комиссии к Европейскому парламенту и Совету Европы в 1988 году. Его основная цель в поддержке регионов Европы с точки зрения устойчивого развития. Основными задачами были сохранение и развитие экологических, экономических, социальных и культурных аспектов жизнедеятельности сельских районов, не утрачивая при этом их разнообразие¹.

Современная история ТОСов также берет свое начало с 1988 года. Согласно исследованиями Елены Шоминой², Россия имеет длительную историю локальной самоорганизации населения. Первый ТОС возник в Москве, в районе Братеево, в результате активных действий населения против точечной застройки и отсутствия необходимой социальной инфраструктуры. Люди выходили на митинги, блокировали дороги, как результат — была создана инициативная группа — первый комитет территориального общественного самоуправления и признание этого комитета властями города. Таким образом, ТОС — это инструмент локальных гражданских инициатив, направленных на решение местных проблем, проблем развития территорий.

Длительный период работы LEADER и ТОСов говорит об успешности этих подходов. Оба направлены на развитие конкретных территорий, используют потенциал местных сообществ для содействия их устойчивому развитию. Оба опираются на принцип «снизу-вверх», при выборе приоритетов развития учитывается мнение местного населения, а в LEADER и принятие решений по финансированию проектов развития осуществляется местным населением. Одним из важных результатов работы оказывается создание и укрепление партнерских отношений как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении, сотрудничество между бизнесом, властью и населением.

1 *Haken R.* The Leader programme in the EU: history and method. EU-Croatia Joint Consultative Committee. 8th Meeting, Zagreb, 27 January 2011.

2 *Шомина Е.* 25 лет ТОСам России: история и трансформация. <https://en.ppt-online.org/201383>

Сельская местность на Русском Севере: локальные очаги развития на внутренней периферии России

Наша статья во многом опирается на полевые изыскания, проведенные в ряде удаленных от регионального центра районах Вологодской области. Во время экспедиции у автора и ее коллег складывалось ощущение, что эта территория настолько уникальна, особенно на фоне депопулирующего Нечерноземья, что можно говорить о некоей «социокультурной аномалии»¹, которая имеет в том числе и видимый экономический эффект. Изученные районы обладали относительно стабильной в современных условиях экономической базой, и происходящие на их территории процессы не вписывались в концепцию тотального сжатия освоенного пространства на периферии сельского Нечерноземья. Однако после более близкого знакомства с другими районами Русского Севера, в частности, юга Архангельской области, можно говорить об особом укладе сельской жизни на Русском Севере и общих процессах, выделяющих северные села на фоне Нечерноземной полосы России.

В современной российской географической и отчасти социологической науках ключевой концепцией изучения сельского пространства остается центр-периферийная модель. Она была разработана в Институте географии РАН еще в 1980-х годах. Изучая различные индикаторы социально-экономического развития сельских районов и их динамику, Г.В. Иоффе² и Т.Г. Нефедова³ пришли к выводу, что на развитии отдельных сельских районов зачастую сказываются не столько природные и локальные факторы, сколько их положение относительно региональных центров, которые концентрируют население, инфраструктурные блага, финансовые ресурсы. Впоследствии центр-периферийная концепция была доработана не только для сельских территорий, но и для социально-экономического пространства в целом.

1 Тотемская культурная аномалия. URL: <https://les.media/articles/694075-totmenskaya-kulturnaya-anomaliya>

2 Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы / Отв. ред. В.А. Пуляркин. М.: Наука, 1990.

3 Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. 2004. № 4. С. 69–93.

С учетом нарастающей сверхцентрализации во всех сферах жизни современной России¹ ось центр-периферия становится ключевой в объяснении территориальных диспропорций большинства показателей и процессов. Близость к федеральному или хотя бы региональному центру предопределяет динамику населения, стабильность экономической базы, привлекательность для инвестиций. В работах Т.Г. Нефедовой² показано, что даже на урожайность различных сельскохозяйственных культур положение территорий в системе центр-периферия нередко оказывает большее влияние, чем объективные природные предпосылки (что справедливо для крупных макрорегионов, но не России в целом). Периферийные территории заведомо обречены на депопуляцию и «сжатие»³ освоенного пространства.

Концепцию центр-периферийных контрастов доработал В.Л. Каганский⁴ за счет введения в оборот термина «внутренняя периферия». Он показал, что центр-периферийная модель организации сельской местности фрактальна (она справедлива для страны в целом и воспроизводит себя на уровне регионов, муниципальных районов и даже отдельных сельских поселений). «Совокупность периферий внутренних регионов дает нам Внутреннюю Периферию. <...> Она, в свою очередь, представляет собой деградирующую изнанку, оборотную сторону процветающих (относительно процветающих) центров регионов и вторых городов вроде Норильска, Череповца или Тольятти, противоположный им полюс»⁵.

Топологически сельская местность Русского Севера находится именно на внутренней периферии Европейской России. Сельские районы юга Архангельской и востока Вологодской областей удалены от крупных городов и вовлечены в процессы «сжатия пространства», как и любые внеагломерационные территории. Но здесь многие негативные процессы проходят не столь стремительно, говорить о необратимой депопуляции и тотальной деградации экономической базы преждевременно и необоснованно. Изучая динамику социаль-

1 Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России//ЭКО. 2014. № 4 (478). С. 6-27.

2 Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

3 Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели//Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования//Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. М.: ИГ РАН, 2010. С. 16–31.

4 Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России//Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.

5 Там же. С. 26.

но-экономических процессов в сельской местности Русского Севера, уместнее обращаться к зарубежным концепциям «периферизации» территорий. Исследователи из Центральной и Восточной Европы¹ публикуют работы о поляризации сельского пространства на фоне роста крупных центров, акцентируя внимание на том, что основные меры региональной политики нередко направлены на поддержку и рост центров (отчасти с надеждой на последующий «спилловер-эффект», когда центры получают достаточно ресурсов, чтобы развивать окружающие сельские территории). В то же время авторы подчеркивают, что «периферия» — понятие не столько топологическое, как это принято в российской науке, сколько социальное, поскольку на степень периферийности влияют в большей степени непосредственно жители территорий, а не расстояния от динамично развивающихся центров².

Прежде чем рассматривать отдельные районы как примеры очагов развития или хотя бы противостояния процессу повсеместного в Нечерноземье «сжатия» пространства, можно попробовать выделить ряд черт, присущих многим сельским территориям Русского Севера и оказавших прямое и косвенное влияние на их современное положение и динамику развития.

Многие сельские территории на Русском Севере относятся к староосвоенным, староземледельческим. Хозяйственное освоение здесь началось еще до XVIII века, населенные пункты тяготели к торговым путям и водным артериям, выполнявшим функции сезонных трактов. Здесь сложилась иная система отношений с государством (преобладание черносошных, а не помещичьих крестьян, район ссылки вольнодумцев). Ландшафтные условия способствовали формированию специфической сети сельского расселения, в основе которой — «кусты» (также называемые в географической и этнографической науках «очагами» или «гнездами») сельских населенных пунктов, сосредоточенные на компактной территории. Благодаря «кустовому» расселению сформировались сплоченные сельские сообщества (каждый «куст» был нередко сильно удален от соседних, и вся хозяйственная деятельность сосредоточена в его пределах), а относительно большая на фоне южных нечерноземных районов (несколько сотен человек) численность

1 *Lang T.* Socio-economic and political responses to regional polarisation and socio-spatial peripheralisation in Central and Eastern Europe//Hungarian Geographical Bulletin. 2015. № 3 (64). P. 171-185 DOI: 10.15201/hungeobull.64.3.2

2 *Bosworth G., Willett J.* Embeddedness or Escapism? Rural Perceptions and Economic Development in Cornwall and Northumberland//Sociologia Ruralis. 2011. № 51 (2). P. 195–214.

населения способствовала созданию и сохранению всей необходимой сельской инфраструктуры.

Безусловно, указанные черты присущи не всем сельским территориям и сельским населенным пунктам на Русском Севере. Есть отдельная группа поселений — это лесозаготовительные и транспортные поселки, возникшие в советский период. Если им не удалось стать центрами современных лесозаготовительных компаний или местами размещения крупных предприятий деревообработки, то их ожидает стремительная депопуляция и деградация инфраструктуры и среды в целом. Во многом именно миграционный отток из прежде многолюдных лесных и лесотранспортных поселков определил крайне высокие темпы сельской депопуляции в Архангельской (сельское население с 1991 года сократилось на 41%, и только за последние 10 лет на 88 тыс. человек, то есть на 25%) и Вологодской (сокращение на 29% за постсоветский период и убыль за 10 лет на 50 тыс. человек, 15%) областях. Сельские населенные пункты в староосвоенных районах также испытывают миграционную и естественную убыль, но не столь стремительную.

Очаги сельского развития на востоке Вологодской области

В рамках экспедиционных исследований методом экспертных и глубинных интервью автором были обследованы несколько районов в восточной части Вологодской области. Затем с помощью анализа статистических показателей, собираемых федеральной службой государственной статистики, а также данных, предоставленных администрацией обследованных районов, была предпринята попытка количественного анализа современных социально-экономических процессов в сельской местности в сопоставлении с более южными районами Нечерноземья. Далеко не все выявленные автором особенности и процессы поддаются количественной оценке, но некоторые показатели оказались красноречивыми.

Основные процессы, выделяющие районы востока Вологодской (и, как выяснилось позже, юга Архангельской) области на фоне сельского Нечерноземья, сводятся, на наш взгляд, к следующим:

- 1) противостояние социально-экономическому сжатию пространства: попытки вернуть в оборот часть сельскохозяйственных земель, появление новых сельскохозяйственных предприятий, рост продуктивности сельскохозяйственного производства;

- 2) реальное развитие индивидуального предпринимательства, не ограничивающееся торговлей и базовыми услугами. Развитие мелкой обрабатывающей промышленности, услуг в сфере туризма;
- 3) миграционные стратегии сельских жителей, реализовавшихся в профессии, и их социальный капитал;
- 4) насыщенная культурная жизнь районов, ориентированная не только на прием туристов из других регионов, но и на местных жителей.

На примере Тарногского района видно, как медленно происходит рост сельскохозяйственного производства. Его трудно назвать восстановительным, поскольку в полном объеме достигнуть показателей советского периода в современных условиях невозможно. Происходит и пространственное сжатие аграрного комплекса, и сужение его специализации. Но за счет этого идет оптимизация производства, сохраняются наиболее рентабельные отрасли, меняется территориальная организация сельского хозяйства. В рамках новой системы постепенно возрождается производство на тех территориях, где сельское хозяйство уже не велось в течение многих лет.

Так, в стороне от основной полосы сельского расселения Тарногского района, недалеко от Сухоны и межрегиональной трассы, на заброшенных ранее полях развивается хозяйство по производству овощей (картофеля, моркови). Ежегодно от выросшего на сельскохозяйственных землях леса очищаются новые поля. Хозяйство узкоспециализированное и, по оценкам его директора, рентабельное. На месте крупных предприятий, которые в прошлом имели льно-молочную специализацию со вспомогательным свиноводством, появляются небольшие, специализирующиеся только на одной отрасли. Из 14 животноводческих хозяйств района 11 имеют молочную специализацию, в двух хозяйствах откармливают бычков, еще одно — свиноводческое. Откормочные хозяйства не могут обеспечить прежней нагрузки на сельхозугодья и предоставить жителям много рабочих мест, но они все равно способствуют поддержанию аграрной функции и дают надежду на замедление экономического сжатия пространства.

В любом случае 16 жизнеспособных сельскохозяйственных предприятий в муниципальном районе на (внутренней?) периферии области — это нетривиальная для Нечерноземья ситуация. Даже в Великоустюгском районе функционируют всего 10 предприятий, в Тотемском — 6, а в менее благополучном в сфере аграрного производства Нюксенском — только 4. В Тарногском, Великоустюгском и Тотемском районах происходит постепенное увеличение поголовья КРС,

в том числе коров, что нехарактерно для большинства нечерноземных территорий. В сочетании с ежегодным ростом продуктивности молочного хозяйства это дает увеличение объемов производства молока. В районах востока области реализуются различные стратегии развития молочного хозяйства.

Во всех рассматриваемых районах сельское хозяйство функционирует в тесной связке с лесным комплексом. Причина кроется в особых институциональных условиях (сложившихся в Вологодской и Архангельской областях, в отличие, например, от лесных Костромской и Тверской областей¹), позволяющих сельхозпредприятиям брать леса в долгосрочную аренду на льготных условиях. В Тарногском районе половина директоров сельскохозяйственных предприятий — владельцы лесного бизнеса, в Великоустюгском — только два, а остальные предприятия (за исключением совсем небольших) входят в вертикально интегрированный холдинг «Устюгмолоко», в который также включены два предприятия Тотемского района и откормочное хозяйство в Тарногском.

Сам по себе факт симбиотического существования сельского и лесного хозяйства не удивителен, в советские годы лес всегда помогал колхозам находить дополнительные средства для развития. Но то, что на востоке Вологодской области сельхозпредприятия сохранились и что владельцы лесного бизнеса активно включились в аграрную сферу, а не сосредоточились на эксплуатации леса, — это нетривиально. В Бабаевском районе, по словам одного из респондентов (в глубинном интервью, проведенном автором статьи с фермером из Бабаевского района в 2016 г.), *«лесная деньга глаза застилала»* — многие директора сельскохозяйственных предприятий бросали сельскохозяйственное производство и торговали лесом на корню.

В рассматриваемых районах развито индивидуальное предпринимательство. Лесной бизнес во многом опирается на малые предприятия, не считая фанерного завода «Новатор» в Великоустюгском районе. Деревообрабатывающие предприятия рассматриваемых районов выпускают широкий ассортимент продукции. Только в Тарногском районе производится около 120 наименований продукции, от несложных в изготовлении пиломатериалов до клееных мебельных щитов, ступеней и других изделий. Тарногский район выделяется на фоне области по удельному количеству ИП.

1 Кузьминов И. Ф. Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. № 5. С. 31-43.

Широким ассортиментом изделий деревообработки восток Вологодской области обязан своему географическому положению. Вozить круглый лес на экспорт или на крупные предприятия отсюда далеко. Чем выше добавленная стоимость продукции, тем рентабельнее становится ее транспортировка. Повышение рентабельности бизнеса в условиях относительной малодоступности также способствовало развитию малого предпринимательства в лесной сфере.

Преобладание малых предприятий и индивидуальных предпринимателей в лесном бизнесе Вологодской области — мера отчасти вынужденная, поскольку малые предприниматели имеют определенные налоговые льготы. В некоторых случаях более крупные деревообрабатывающие компании разделяются на несколько малых предприятий для оптимизации налоговых расходов.

Другая причина обилия малых предприятий — это рынок труда. Как показали исследования¹, многие начали свой бизнес из-за отсутствия альтернатив и узости местного рынка труда. И сейчас главы районов стимулируют развитие малого бизнеса в лесной сфере, осознавая, что зачастую производительность труда остается низкой. *«Пусть некоторые работают вообще как кустари, самозанятые, но это все равно хорошо, иначе начнется либо интенсивный отток, либо маргинализация населения»* (из глубинного интервью, проведенного автором статьи с представителем администрации Тарногского района в 2016 г.).

Индивидуальное предпринимательство развивается и в других сферах. Наряду с «традиционной» торговлей, которая еще остается в сельской местности, где нет торговых точек федеральных сетей, развивается предпринимательство в сфере сельского хозяйства и пищевого производства. Не всегда производителей можно назвать предпринимателями, поскольку многие не оформляют бизнес. Но в рассматриваемых районах есть немало хозяйств, специализирующихся на производстве домашнего пива, хлеба, грибов. В Тарногском районе развито производство меда. Местный спрос на такую продукцию усиливается благодаря проведению различных мероприятий, в том числе сельскохозяйственных ярмарок и фестивалей. В Великоустюгском районе благодаря раскрутке бренда «Родины Деда Мороза» существует много предпринимателей, обслуживающих туристов: турфирмы, перевозчики, центры размещения и другие. Развита сувенирный бизнес, мастера (в форме ИП и те, кто не оформляет свою деятельность) производят различные изделия, сохраняя богатые местные традиции (шемогодская резь-

1 Воробьева И.Н. Специфика мотивации предпринимателей в сельской местности // Экономические и гуманитарные науки. 2017. № 4 (303). С. 39–46.

ба по бересте, устюжская роспись и др.). Только зарегистрированных мастеров в районе — 82, еще около 150 человек, по оценкам администрации, — надомники, не оформившие свой бизнес.

Несколько удивительным выглядит то, что многие предприниматели, создавшие прибыльный бизнес, не стремятся уехать из районов, хотя имеют такую возможность, продолжают работать с азартом. Даже пришедшие в сельскохозяйственное производство представители лесного бизнеса в интервью отмечают, что это прежде всего интересно. Постепенно, используя технические знания и навыки успешного руководства предприятиями, они могут сделать аграрный бизнес не менее выгодным, чем лесной. В современных условиях кризиса строительной отрасли отдельные предприниматели отмечают, что иногда уже сельское хозяйство позволяет удерживать на плаву остальные виды деятельности.

Многие респонденты (сотрудники администрации, предприниматели и сотрудники малых предприятий, представители сферы культуры и др.), получив высшее или среднее специальное образование и в отдельных случаях имея опыт работы за пределами района, вернулись на территорию района и смогли успешно реализовать себя в своей профессии и/или приобрели новую. Безусловно, в любом из рассматриваемых районов немало тех, кто покинул малую родину и не планирует возвращаться, но наличие молодых специалистов в различных сегментах рынка труда говорит о том, что небольшой поток, противостоящий центростремительным миграциям, все же существует.

Еще одно свидетельство того, что далеко не все жители сельской периферии стремятся покинуть свои районы, — это активное жилищное строительство, по крайней мере, в районных центрах и в прилегающих к ним поселениях. Вокруг Тарногского городка выросли целые слободы из новых улиц. Новое жилье строят и жители Тарногского городка (взамен квартир в муниципальных домах или в дополнение к ним строят молодые семьи, чтобы жить отдельно от родителей), и жители удаленных от районного центра сельских поселений, перебравшиеся в центр. Как отмечают в интервью главы удаленных сельских поселений, многие из тех, кто переехал в районный центр, не бросают свои дома в периферийных селах, а используют их как сезонные, дачные. При этом рассматриваемые районы статистически не выделяются на фоне других в области. Удельные показатели ввода индивидуального жилья в сельской местности во всех районах ниже среднеобластных показателей. Во многом это можно связать с тем, что более высокие показатели наблюдаются или в районах вблизи Вологды и Череповца (жилищное

строительство в рамках субурбанизации и дачного движения), или в западных районах области, где много дач петербуржцев.

Культурная жизнь рассматриваемых районов востока области отнюдь не исчерпывается мероприятиями, связанными с брендом Деда Мороза в Великом Устюге, искусственно появившемся в 1999 году. Главный герой зимних праздников притягивает на восток области многочисленных туристов, но сами жители районов отмечают не связанные с ними праздничные события. Тотемский район не перестает удивлять количеством мероприятий, проводимых Тотемским музейным объединением, кроме того, в городе проходят и гонки на собачьих упряжках, и фестиваль северной кухни «Морошка», и фестиваль «Дни Русской Америки» и другие многочисленные праздники. Тарногский район — родина межрегионального фольклорного фестиваля «Деревня — душа России», который ежегодно проходит в Вологодской области.

Во всех районах несколько раз в год проходят выставки-ярмарки местной продукции, в которых активно участвуют жители всех районов восточной части области. Все эти мероприятия дополняют череду государственных, религиозных и народных праздников, которые также отмечаются широко. В сельских поселениях отмечают Дни села и местные храмовые праздники. Даже индивидуальные торжества иногда приобретают характер массовых мероприятий, как, например, свадьба в народном стиле, прошедшая в Нюксенском районе и собравшая несколько сотен гостей¹.

Многие рассмотренные на примере Тарногского и соседних районов Вологодской области черты и процессы присущи и характерны и южным районам Архангельской области, в частности Вельскому и Каргопольскому, где мы только начали проводить экспедиционные исследования. Отличительной чертой сельских сообществ Архангельской области является очень высокая роль ТОС в благоустройстве территорий, решении коммунальных проблем, развитии туризма и культуры.

Многие выявленные черты и процессы, характерные для сельских районов Русского Севера, с трудом поддаются количественной оценке — отчасти в силу отсутствия адекватной статистики, отчасти в силу несовершенства учета. Многие болезненные для сельской местности процессы реорганизации сельскохозяйственного производства здесь уже завершились, и сейчас наблюдается постепен-

1 Настоящий Русский мир. Как живут в единственном в Европейской России регионе, где возродили старину <https://eastofvologda.livejournal.com/10622.html>

ный рост показателей валового производства и продуктивности. При сжатии рынка труда идет рост предпринимательской активности населения (не только в сфере торговли, но и в реальном секторе экономики, и в индустрии туризма), в этих районах есть условия для приема квалифицированных специалистов, а насыщенная культурная жизнь не только привлекает туристов, но и сплачивает сельское население, что ведет к росту социального капитала сельских жителей. У исследователя складывается ощущение, что эти территории смогли занять удобную экономическую и социальную нишу в современных условиях. Безусловно, нестабильная экономическая ситуация делает такое равновесие очень шатким, но в схожих условиях существуют практически все нечерноземные области.

Варианты развития сельского Русского Севера начала XXI века: глобальная очаговость или тотальная экофильность?¹

На конференции, состоявшейся в Каргополе два года назад, я представил доклад, посвященный двум достаточно противоположным концепциям российского сельского северного развития XX века, сформулированным в работах А.В. Чаянова и Б.Д. Бруцкуса².

Сейчас мне бы хотелось продолжить эту тему через рассмотрение системных и концептуальных идей сельского развития Русского Севера уже XXI века, связанных прежде всего с разработкой так называемого Угорского проекта Т. Нефедовой и Н. Покровского³, а также с экофильской концепцией развития России Б. Родомана⁴. Любопытно, что в рекомендациях этих современных ученых можно обнаружить некоторые отголоски былой полемики «южан» и «северян» начала XX века, связанной с вопросами как тотальности, так и очаговости сельского освоения Русского Севера.

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект №18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

2 Никулин А.М. Вопросы сельского развития северного Нечерноземья в работах А.В. Чаянова и Б.Д. Бруцкуса // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. Материалы XIV Каргопольской научной конференции (15–18 августа 2016 г.) / Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников, Н.И. Тормосова. Каргополь, 2017. С. 19–25.

3 Угорский проект — такое название получили многолетние полевые междисциплинарные географические и социологические исследования группы ученых-обществоведов в регионе Северного Нечерноземья — Угоры Костромской области, инициаторами и идейными вдохновителями которых стали Т.Г. Нефедова и Н.Е. Покровский. Новейшие результаты Угорского проекта представлены в кн.: Ойкумена Ближнего Севера России / Общ. ред. и сост. Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова; авт. К.В. Аверкиева, Л.М. Баскин, А.В. Дроздов, С.Т. Жуков, В.А. Зайцев, Т.Г. Нефедова, Н.Е. Покровский, Е.С. Преображенская, А.И. Трейвиш. М.: Университетская книга, 2016.

4 Родоман Б.Б. Экологическая специализация — желательное будущее России // [География: развитие науки и образования](#), коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной Году экологии в России, 220-летию Герценовского университета, 85-летию факультета географии, 145-летию со дня рождения профессора Владимира Петровича Буданова. 2017.

Сельский Север в Угорском проекте: территория очагов глобальной диверсификации

Нефедова и Покровский воспроизводят в целом логику рассуждений многочисленных сторонников южнорусского сельского развития, высказывая сдержанно скептическую оценку собственно сельскохозяйственного потенциала Русского Севера. Так, опираясь на общий теоретико-географический взгляд А. Трейвиша, ярко выраженный в названии одной из его статей «Слишком много Севера»¹, и содержащееся в нем утверждение: «после распада СССР стало быстро расти значение российского Юга»², Нефедова в ряде своих публикаций рассматривает целый веер возможных моделей российского сельского развития, приходя к заключению, что во всех моделях сельского Нечерноземья проявляется экономика пространственного сжатия при его диверсификации. В итоге все эти модели «не останавливают уменьшения населения, сокращения крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения и разнообразие занятий, они спасут от тотального забрасывания земель и деревень»³.

Предлагаемые Нефедовой модели носят преимущественно «оборонительный» (говоря языком военной науки) пространственный характер. Как отмечал Трейвиш, в сравнении как с Канадой, так и со скандинавскими странами Россия в свое время гораздо глубже продвинулась в сельскохозяйственном освоении и заселении северных территорий, хотя сопоставимые в географических координатах территории Русского Севера в целом холодней и суровей скандинавских и канадских территорий. В результате в постсоветское время началось массовое отступление населения из северных регионов, разрушение социально-экономической среды его обитания, потерявшего былую значительную поддержку советского типа для развития экономики и инфраструктуры Севера.

Итак, модели Нефедовой ориентированы прежде всего на повседневную трудовую занятость и жизнеобеспечение местного сельского населения Севера.

Первая модель подразумевает сохранение сельскохозяйственного производства, но в резко сокращенных объемах. Модель базируется на поддержке и развитии тех выживших в 1990-е годы, но, как правило, сильно уменьшившихся в размерах сельхозпредприятий, которые формально сохраняя организационно-производ-

1 *Трейвиш А.И.* Слишком много севера // <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/095/tema03.php>

2 Там же.

3 *Нефедова Т.Г.* Что будет с нечерноземной глубинкой // *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской географии: ответы географа. М.: Ленанд, 2013. С. 233.

ственные черты бывших колхозов и совхозов, фактически превращаются в своеобразные коллективные фермерские хозяйства своих талантливых руководителей¹.

Вторая модель подразумевает сохранение и развитие мелкотоварного частного хозяйства, ориентированного на инициативу мелких фермеров и предпринимателей, часто пришедших из городов или даже из этнических меньшинств стран СНГ, традиционно практикующих аграрные занятия.

Третья модель направлена на поддержку и развитие занятости, связанной с использованием местных природных ресурсов (прежде всего леса и воды) в виде местных малых лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий, охоты, рыбалки, сбора дикоросов, туризма и так далее. Как отмечает Нефедова, в рамках этой модели возможно даже возвращение к посевам пшеницы и овса, но не в аграрных, а в охотничьих хозяйствах, и не для пропитания населения, а в целях привлечения кабанов и медведей для их спортивного отстрела.

Четвертая модель заключается в развитии местного сектора услуг — ремонта и строительства домов, автосервиса и так далее.

Пятая модель предполагает специализацию на сохранении и развитии местных поселений как особо ценных историко-культурных или эколого-культурных объектов.

Наконец, для порой остающихся в сельской местности исключительно стариков предлагается шестая модель: «Специальная социальная поддержка населения. Ведь депопулировавшие деревни — это, по существу, дешевые дома для престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечивают. Но им необходима автолавка, доступная медицинская помощь, регулярные автобусные маршруты, что дает дополнительные рабочие места...»².

В заключение Нефедова подчеркивает, что «все эти модели занятости местного населения вместе с дачным реосвоением сельской местности предполагают относительно щадящие виды природопользования»³.

Фактически все шесть моделей возможного развития Нечерноземья, описанные Нефедовой, представляют собой генерализацию результатов ее многочисленных эмпирических исследований массовых и относительно устойчивых практик современного повседневного существования локальных северных территорий России.

1 Там же. С. 233.

2 Там же. С. 235.

3 Там же.

От себя также добавим, что часто в российской северной глубинке можно наблюдать взаимное сосуществование, взаимопресечение сразу нескольких моделей, упомянутых Нефедовой, что идет на пользу устойчивому развитию местных территорий. Тем не менее надо признать, что всем упомянутым моделям присущ в основном оборонительно приспособительный характер социальной и экономической жизни местных северных сообществ к современной конъюнктуре рынка и воле государства, без формулирования собственных стратегических доминант развития Русского Севера, которые в свое время все же пытались сформулировать Бруцкус и Чаянов.

Коллега географа Татьяны Нефедовой социолог Никита Покровский к Русскому Северу стремится применить концепцию так называемой клеточной глобализации, которая, по его мнению, «заключается в макроизменениях повседневных практик, обычаев, привычек даже в тех сообществах, которые традиционно считаются периферийными по отношению к магистральным путям глобализации... — сельских сообществах Севера России»¹. В этой связи Покровский предложил гибкую переориентацию и перепрофилирование деятельности местных северных хозяйств с учетом глобальных трендов развития современного общества, прежде всего «в раскрытии рекреационных и других экономических перспектив... В противном случае сообществам реально грозит достаточно быстрое демографическое вымирание на фоне все более жестокого усугубления социальных проблем»². Покровский уже достаточно много за последние 15 лет написал оригинальных публикаций о понятии и перспективах клеточной глобализации в российской северной глубинке, но все же большинству его рекомендаций и оценок в целом присущ некий прекраснодушно глобально абстрактный характер, мало способствующий конкретизации ответов на драматический вопрос «что делать?» на Русском Севере.

Сельский Север по Борису Родоману: территория тотального экофильного природопользования

Б.Б. Родоман в начале XXI века выдвинул оригинальную концепцию трансформации экономики, да и всей жизни гигантской, малозаселенной, но обладающей громадным экологическим потенциалом Северо-Восточной России в сторо-

1 Покровский Н. Перспективы российского Севера: сельские сообщества// Мир России. 2008. № 4. С. 127.

2 Там же. С. 132.

ну превращения ее в сплошной экологический резерват, сохраняющий не только для России, но и для всего мира стратегические запасы дикого леса, чистой воды и воздуха¹.

В то время как Россия больших городов и их агломераций, а также черноземно-степного плодородного сельского хозяйства будет искать и отстаивать свое место в соответствующих конкурентоспособных отраслях современной мировой экономики, Нечерноземная Россия, выживая в суровых и в основном пока еще экологически девственных северо-восточных направлениях, должна будет стать гигантским всемирным природным резерватом и заповедником.

Родоман полагает, что сельское хозяйство на Севере России уже не имеет какого-либо самостоятельного социально-экономического значения: «В том или ином смысле “нормальное”, “здоровое” сельское хозяйство за пределами Черноземья и Северного Кавказа существует лишь в пригородных зонах, а разносторонняя крестьянская жизнь и демографически полноценное сельское население наблюдается только у некоторых нерусских народов Поволжья, Урала и Сибири (скорее, как пережиток патриархального уклада). В остальной сельской местности коренное население деградирует и вырождается... На большей части российского Нечерноземья деревня если не совсем исчезла, то стала реликтовым явлением и поддерживается летней деятельностью горожан, а вокруг городов преобразовалась в дачные поселки»².

Действительно, в Нечерноземье за последние десятилетия стремительно исчезли созданные кропотливым трудом поколений сельские угодья — пашня, сенокосы, пастбища, они зарастают дикими травами, кустарниками и деревьями. Здесь возникает, по мнению Родомана и его коллеги В. Каганского, новая растительная формация, так называемая «русская саванна»³.

Родоману близка идея о том, что современное международное разделение труда превращает всю земную поверхность мира во Всемирный город (Эйкуменополис), в котором функциональные зоны столь велики, что с точки зрения интегрированного мирового хозяйства в них оказываются целые страны. Поэтому «нет ничего трагического или позорного, если Россия своей большей частью (северо-восток Европы, Сибирь, Дальний Восток, Субарктика, все горы) попадет в рекреационно-экологическую зону мира, станет *экологическим дополнени-*

1 Родоман Б.Б. Экологическая специализация — желательное будущее России. С. 75–87.

2 Там же. С. 78

3 Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Русская саванна//География. 2004. № 5 (732). 1–7 фев. С. 3–11.

ем, лесопарковой периферией континентов Старого Света. Ведь мы же не плачем от того, что на территории московского природного национального парка «Лосиный остров» нет никакого промышленного развития»¹.

Во что же должны трансформироваться бывшие сельскохозяйственные территории Нечерноземья, в настоящее время стихийно входящие в состав дичающей и дикой природы Северо-Востока России? Родоман полагает, что они вступают в фазу так называемого нео-неолита — развития культуры бродяг, собирателей, охотников, рыболовов. В условиях новой всемирной и российской экофильской идеологии экологическая специализация России «предполагает *экофильное хозяйство* на большей части территории: рыболовство, охоту, собирательство, рыбо- и дичеразведение — потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); *экологический туризм* — потребление природных богатств без присвоения и уничтожения.

Потомки крестьян, переселившихся в город, не порывают с деревней, приезжают туда на лето, используют и преобразуют старое фамильное жилье. Вот так же и многие бывшие россияне смогут посещать «историческую родину» в качестве туристов и рекреантов. Россия может занять по отношению к Западной Европе и США такое же место, как Подмосковье по отношению к Москве (закономерная стадия мировой урбанизации), но главная и первоочередная задача — *простое сохранение* природных территориальных комплексов, биогеоценозов, фрагментов биосферы, мирового климата»².

Таким образом, сельско-лесопромышленный Север России должен будет превратиться в заповедно-экологический Север — резерват дикой природы мирового значения. В нем бывшие работники сельского хозяйства и лесопромышленности превратятся в егерей, экологов, экскурсоводов, туроператоров, обеспечивающих пути российского и всемирного экобродяжничества, собирательства, охоты и рыболовства. Само государство российское, поддержав этот проект, сможет конвертировать свои избыточные полицейско-милитаристские функции в функции эколого-технологические, формируя новые подразделения экосиловиков, перековывая мечи милитаристского машиностроения и приборостроения на орала экомеханизмов и экотехнологий.

Автор этой концепции признает, что его могут уличить в сочинительстве некоей новой иронично-прекраснодушной утопии, но отнюдь не смущаясь этим, он

1 Родоман Б.Б. Указ. соч. С. 83.

2 Там же. С. 85.

резонно напоминает, что многие идеи и элементы бывших утопий в перспективе оборачивались вполне жизнеспособными и практичными социальными структурами и институтами.

Угорский проект, экофильская концепция и вопросы сельской политики на Севере

Угорский проект и концепцию Родомана объединяет меж собой, пожалуй, в целом скептическое отношение к перспективам северного сельского хозяйства как отрасли самостоятельной, обширной, имеющей какое-либо существенное экономическое значение в современном народном хозяйстве России. Различия между Угорским проектом и концепцией Родомана прежде всего заключаются в их философско-эпистемологических основаниях. Рекомендации Угорского проекта сформированы «снизу» на основе отдельных и многообразных эмпирических наблюдений, исследований районов северного русского Нечерноземья, и далее генерализованы в ряд предлагаемых локальных моделей местного развития, приспособленных к текущей глобальной конъюнктуре рынка и политике российского государства. Возможное применение этих моделей все же нацелено если не на предотвращение, то хотя бы на торможение процессов сжатия обитаемого пространства в российской северной глубинке.

Соображения Родомана возникают «сверху» из осознания неких картоидно-платонических конструкций идеально-гармонического расположения как всего человечества, так и российского населения между городской и природной средой. Хотя Родоман, как и положено настоящему географу, безусловно, обладает талантом проницательного путешественника-наблюдателя, все же в своих мировоззренческих устремлениях он ярко выраженный интроверт, предпочитающий, чтобы все в этом мире капсулировалось и разграничивалось в своих идеально-первобытных формах. А идеально-первобытная форма Русского Севера, по Родоману, — страна полудикой природы, по которой бродят охотники, собиратели, рыболовы, да еще отшельники-созерцатели, Родоману подобные. Поэтому автор экофильской концепции, кажется, мало озабочен процессами исчезновения сельской экономики Севера и его сети сельских поселений, зато много пророчествует о наступлении здесь некоей новой экологически чистой рекреационно-уединенной зоны, охраняемой новейшими экотехнологиями новой российской эконополии от бурлящего урбанистическо-аграрного перенаселения земного шара XXI века.

Время сельских миров Русского Севера: социологическая рефлексия¹

Речь пойдет о времени, о *настоящем* времени. Мы, как правило, воспринимаем выражение «настоящее время» в смысле «сейчас», «сегодня» или как исчисленное «теперь» — в этом году, на этой неделе, на днях. Однако у *настоящего* в языке есть еще одно смысловое значение, которое мы вкладываем в выражение, когда имеем в виду, *что-то* задевающее нас каким-то особенным образом, выходящее за рамки обыденного. И тогда мы говорим — «настоящая вещь», «настоящее искусство». На первый взгляд это значение настоящего вообще не связано со временем, его как бы нет, оно неуловимо, но присутствует постоянно, и дает нам точку отсчета: это — настоящее, а это — нет. Возможно, именно это настоящее только и позволяет нам жить в согласии с миром. *Мир* — еще одна ускользающая дефиниция нашей темы. *Мир* мы тоже пытаемся исчислить — первый, второй, третий мир. Или систематизировать — театральный мир, мир музеев, мир окон. При этом существует еще какой-то *настоящий мир*, о котором мы вспоминаем, когда он куда-то исчезает, и это нас почему-то начинает беспокоить и волновать. И тогда мы говорим о «тяжелых» временах. В языке нет выражения «легкое время», потому что мы его не замечаем, оно просто есть, как дыхание, но именно оно является тем *настоящим*, которое позволяет существовать *миру, настоящему миру*.

В данной статье мы будем говорить о *настоящем* времени сельских миров Русского Севера. Насколько уместно сегодня об этом говорить? И это совсем не праздный вопрос, учитывая исчисленность нашего настоящего мира, в котором, по мнению некоторых ученых, за пределами «базового дорожного каркаса» нет места не только сельскому миру, но даже и малым городам². И, как результат,

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

2 «Н. Зубаревич: ...Базовый дорожный каркас, связывающий основные крупные центры страны, должен быть. А вот дальше, от этого базового каркаса, уже начинаются вопросы. Сколько пива — столько песен. На чем акцент делают? Малые Карелы, Архангельск и, соответственно, Северодвинск — это жилая агломерация... Туда сначала (инвестировать. — О.В.) или куда-то — в Пинежье? Денег все равно никогда не хватит.

Е. Кутукова: А малые города? У нас — 11 малых городов.

Н. Зубаревич: Да расслабьтесь! Нет там денег и не будет. Ну, вот давайте смотреть правде в глаза — денег нет там и не будет. У них нет — ни ресурсной базы... у региона нет приоритета, как у Крыма. И ничего вам не добавят — будете жить на том, что есть. И инвестировать надо в пер-

в современном информационном поле, редко сообщаящем нам о сельском мире, в основном присутствуют пессимизм и отчаяние. При этом часто говорят об угасании села и необходимости хотя бы сохранить его традиции. Почему сохранять надо не сам сельский мир, а его традиции? Как можно их сохранить вне мира, не превратив в пустышку, в красивую упаковку для других более важных целей? Ответы на эти вопросы лежат в понимании сути традиции и ее неотделимости от *настоящего* мира, в котором она живет. Эта суть была подмечена М. Хайдеггером: «...правильно понятая традиция несет нам настоящее, то, что в качестве дела мысли настоятельно требует нас и о чем у нас таким образом идет дело. Подлинная традиция — в столь малой мере баржа с грузом прошлого, которую мы тащим за собой, что она, наоборот, освобождает нас в настоящее, становясь так главным путеводителем в дело мысли»¹.

На примере социологического материала, собранного в ходе экспедиции по поселениям муниципального образования (МО) «Покшеньгское» Пинежского района Архангельской области, мы попытаемся отразить небольшую часть подлинных традиций истории и культуры этого края, позволяющих местному населению в суровых природных условиях за пределами «базового дорожного каркаса» разворачивать свои настоящие сельские миры.

Пинежский — один из самых больших по территории районов Архангельской области занимает ее северо-восточную часть. Его административный центр — село Карпогоры — расположен на правом берегу реки Пинеги, притока Северной Двины, в 220 км от областного центра. Автомобильные дороги района практически не имеют твердого покрытия, за исключением одной, связывающей районный и областной центры, полотно которой выложено железобетонными плитами по одной полосе движения. Поэтому в межсезонье, в периоды продолжительных дождей они становятся условно проходимыми для автомобильного транспорта.

Природные ландшафты Пинежья образованы огромными лесными массивами, занимающими 81% территории района, а также множеством рек, речек, озер

вую голову в те точки роста, которые вам могут подбавить прибыль. А песнь про малые города в стране в 17 миллионов километров немножко утомила. Денег нет на это. Давайте уже честно смотреть, а не плакать». Запись эфира передачи «Полный Альбац» — «Россия за пределами Москвы: как выжить?» радиостанции «Эхо Москвы» от 17.09.2018. <https://echo.msk.ru/programs/albac/2279186-echo/> (доступ: 30.09.2018).

1 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления/Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2007. С. 528.

и болот, создающих для передвижения населения определенные трудности. В 2016 году в районе насчитывалось 124 населенных пункта в составе 15 сельских поселений, сосредоточенных в основном вдоль реки Пинеги по обоим ее берегам, здесь же и вся его основная транспортная инфраструктура. И хотя поселения района расположены в основном вдоль многочисленных рек и речушек на относительно близком расстоянии друг от друга, прямой проезд между ними часто возможен лишь по зимнику. В остальное время года из-за недостатка автомобильных и пешеходных мостов через реки жители вынуждены пользоваться платными переправами — паромными или на лодках. А если учесть, что почти вся инфраструктура района сосредоточена в административном центре, то многочисленные естественные водные преграды, как и суровые климатические условия этого региона, резко повышают стоимость жизни для его жителей и одновременно снижают их мобильность.

Железнодорожное сообщение между административным центром района — селом Карпогоры и Архангельском ограничено одним поездом в вечернее время в сторону Карпогор и в ночное — обратно. Время в пути чуть более 5,5 часа. В летний период поезд ходит ежедневно, а в остальное время года — через день. Автобусного сообщения между Архангельском и Карпогорами в настоящее время нет. Передвижение по автомобильной дороге из-за ее плохого качества возможно только на автомобилях повышенной проходимости и занимает в зависимости от сезона намного больше времени, чем по железной дороге.

Сегодня самыми злободневными для района, как и для всей Архангельской области, являются проблемы, связанные с финансированием зимнего обустройства и содержания транспортной инфраструктуры областного и местного значения — дорог, ледовых переправ и мостов. Средств, выделяемых на эти цели из областного дорожного фонда по существующим на сегодня нормативам не хватает даже на самое необходимое. Поэтому вопросы, связанные с возможностью перемещения жителей по территории области, из-за огромного количества водных и других естественных преград считаются для местных властей стратегическими и рассматриваются на губернаторском уровне.

МО «Покшеньгское» находится в центральной части Пинежского муниципального района. Численность его населения, по данным РОССТАТа, в 2017 году составляла 242 человека. В состав этого образования входят 5 деревень: Кобелёво — административный центр, Лохново, Малое Кротово, Большое Кротово и Красное. Три из них — Кобелёво, Малое Кротово и Красное расположены на левом берегу реки Покшеньги притока Пинеги, а два других — Лохново и Большое

Кротово — на правом. Поэтому перед жителями правобережья постоянно стоит вопрос доступности административного центра МО.

Таблица 1. Динамика численности населения муниципального образования «Покшеньгское» Пинежского района Архангельской области

Численность населения по состоянию на начало года, чел.									
2005	2010	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2005/2017	
494	362	381	317	297	273	239	242	-252	-51%

Таблица составлена по данным РОССТАТа.

Как видно из таблицы 1, МО «Покшеньгское» за последние 12 лет потеряло больше половины численности своего населения. При этом, как показано в таблице 2, численность зарегистрированного населения более чем в два раза превышает показатель фактически проживающего.

Таблица 2. Численность населения муниципального образования «Покшеньгское» Пинежского района Архангельской области по состоянию на июль 2014 года

Поселенческий куст	Численность населения, чел.		Фактически проживающее население, %
	зарегистрированных	фактически проживающих	
Лохново	250	122	48,8
Кобелёво — административный центр	101	76	75,2
Красное	120	40	33,3
Большое Кротово	54	18	33,3
Малое Кротово	90	50	55,5
Весь куст	615	306	49,7

Таблица составлена по экспертной оценке главы муниципального образования «Покшеньгское» на июль 2014 года.

Часть жителей Покшеньги работают в Карпогорах, другие уезжают на заработки в города, например, в Архангельск на Ломоносовский горно-обогатительный комби-

нат ОАО «Севералмаз», или в иные регионы. Те, кто уезжает с семьями и имеет здесь дома, часто по тем или иным причинам сохраняют и местную прописку (см. табл. 2). Возвращаясь в родные места на время летних отпусков, большинство из них принимают активное участие в территориальном общественном самоуправлении (ТОС) своих поселений. По словам местных жителей, деревни буквально оживают в летний период.

«Сейчас каждый дом полный, народу полно в деревне летом... Сезон — где-то с мая и до августа. Раза в два, в полтора народу увеличивает-ся в это время у нас».

Однако с потерей населения уменьшается и доходная часть муниципальных бюджетов, рассчитываемых по фактически проживающему населению, поэтому они уже не могут себе позволить, например, расходы на строительство и восстановление подвесных пешеходных мостов, периодически разрушаемых паводками. В таких случаях на помощь приходят ТОСы. Так, в МО «Покшеньгское» ТОСы ежегодно, начиная с 2009 года, участвуют и выигрывают в конкурсах проектов. Такая активность общественного самоуправления объясняется деятельным участием в их судьбе и работе как главы администрации муниципального образования, так и большей части местного населения и «отпускников». МО «Покшеньгское» не только небольшое по численности населения, но одно из самых труднодоступных муниципалитетов области, поэтому без механизма общественного самоуправления оно не смогло бы выжить в современных условиях. Строительство и восстановление мостов «всем миром» — это одна из *подлинных* традиций этого сурового края, *освобождающая* его сельские миры *в настоящее*.

Ниже приведена цитата из интервью главы администрации МО «Покшеньгское» о своих усилиях по организации ТОСов:

«У меня — 2 ТОСа. Я их сама создавала и считаю, что ТОСы, особенно в таких муниципалитетах, как наш, это основная движущая сила. Я, когда пришла работать сюда, начала с того, что всех (чиновников. — О.В.) стала сюда возить, в Покшеньгу. Нас никто не видел, никто знать не хотел, ни район, никто!..»

Необходимость для МО «Покшеньгское» подвесного моста через реку Покшеньгу между деревнями Лохново и Кобелёво была обусловлена прежде всего наличием в последней единственной средней школы всего поселенческого ку-ста. Поэтому в 2013 году двумя инициативными группами — ОТОС¹ «Рассвет»

1 Орган территориального общественного самоуправления.

из деревни Лохново и ОТОС «Остафьев Холм» из деревни Кобелёво были поданы проекты на конкурс «Поддержка социально уязвимых групп населения»¹ под названиями: в первом случае «Мост через Покшеньгу» (берег правый), во втором — «Мост через Покшеньгу» (берег левый). Оба проекта стали победителями в рамках приоритетного направления этого конкурса, и в этом же году на деньги проектов был сооружен подвесной пешеходный мост через реку Покшеньгу между деревнями Лохново и Кобелёво. Однако менее чем через год — весной 2014 года он был снесен мощным паводком, но ТОСы не отчаялись и летом этого же года вновь восстановили мост. На деньги проектов, как правило, закупаются стройматериалы и нанимается техника, но большинство мелких работ выполняют местные жители в добровольном порядке, считая это *своим собственным* делом.

Интересно, что понятия «свое» и «собственное» также имеют в русском языке двойную коннотацию, связанную с *настоящим*. Факт несовпадения смысловой окрашенности этих понятий подчеркивал В. Биbihин: «Так же *свое* и *собственное* пусть расширятся в направлении родного, исконного, подлинного, истинного, которое исторически было первым в этих словах, когда настоящее узнавалось как свое, а не наоборот. Раньше сущностная укорененность слышалась в этих словах яснее. Еще Владимиру Далю юридическое, владельческое применение *собственного* было противно как “нерусское”; *собь* для него “самая суть человека”»².

Деятельность ТОСов и местной администрации за последние несколько лет частично ликвидировали «забытость» покшеньгских деревень, в которой, по словам главы администрации МО «Покшеньгское», они оказались после развала совхозов в начале 1990-х годов. Ниже приводится выдержка из интервью с главой администрации МО «Покшеньгское», в котором она описывает последовательность предпринимаемых администрацией МО совместно с ТОСами усилий по восстановлению связи куста покшеньгских деревень с внешним миром:

«Когда совхозы пропали, эти деревни стали забытые. Мы жили как на острове. У нас дорог не было, у нас до Русковеру было не добраться, до Карпогор — не добраться. Покшеньга вообще очень удобное занимает место географическое. Потому что по пути из Архангельска у нас переправа только в Паленге. Тем, кто выше (по течению реки. — О.В.), чтобы ехать в Карпогоры в центральные или еще куда-то, надо две переправы:

1 Подробнее об этом конкурсе см. на сайте <http://www.pinezhye.ru/?pages&page=659>

2 Хайдеггер М. Бытие и время / В.В. Биbihин. Примечания переводчика / Пер. с нем. В.В. Биbihина. М.: Академический Проект, 2011. С. 445.

по крайней мере, в Ясном еще или здесь у нас под рыбзаводом, пересекать. А у нас здесь все очень просто. Еще — плюс у нас, мы подремонтировали дорогу Кротово — Русково¹. У нас до Карпогоры прямая товарная дорога. Она все время есть. И туда у нас ходит частник, у него “буханка” — машина. Ездить стало проще, и люди поехали. Зашили дорогу Кротово — Русково проектом ТОСа. Первый раз ремонтировали в 2011 году. А в 2012-м мост поставили. И последние годы население ездит, приезжают дачники, туристы... Да, плюс мост, что мы сделали. Его 20 лет не было. Теперь он тоже есть на дороге, которая — в Русково. Люди садятся на машину и спокойно доезжают куда надо. Еще Сийскую перемычку сделали. Ее тоже не было. Она не так давно работает...»

Проект ТОС по ремонту дороги Кротово — Русково, о котором в этом интервью говорит глава администрации, победил на конкурсе 2011 года. Заявка была подана от ОТОС «Остафьев Холм» из деревни Кобелёво под названием «Не проехать не пройти». Заявленной целью этого проекта был ремонт и обустройство дороги Товарная — Лохново для проезда туристов на территорию МО «Покшеньгское». Проектом предусматривалось проведение исследовательских работ по ремонту этой дороги, ее оканавливание и подсыпка грунта, а также заготовка леса для обустройства мостовика и его укладка. Для проведения этих работ в рамках проекта были запланированы 4 субботника². Это был самый большой проект ТОСов. Всего в нем принимали участие три соседних муниципальных образования. Два из них, по договоренности, написали проекты на одну и ту же сумму, так как дорога общая, она проходит через три муниципалитета, а ТОС может проводить работы только на той территории, на которой проживает население, организовавшее этот ТОС. Третий муниципалитет помогал на строительстве дороги людьми.

В результате всех этих усилий у жителей МО «Покшеньгское» появилась возможность проезда в районный и областной центры в любое время года. Вместе с тем в покшеньгские деревни стали приезжать люди на время летнего сезона, привозить сюда на отдых к родственникам и родителям детей, знакомых. Дачники стали покупать здесь заброшенные дома, потянулись сюда и туристы.

1 Поселок Русково сельского поселения Шилегское находится примерно в 7 км юго-западнее Большого Кротова, недалеко от него есть мостовой переезд через речку Покшеньгу, соединенный прямой грунтовой дорогой с поселком Ясный этого же сельского поселения.

2 См.: Проекты Органов ТОС на 2011 год. URL: <http://www.pinezhye.ru/?pages&page=368> (дата обращения: 30.10.2014).

Еще одним интересным начинанием в деятельности ТОСов МО «Покшеньгское» было восстановление в 2010 году четырех видов колодцев, распространенных на его территории в прежние времена. На участие в конкурсе «Сельская инициатива» в 2010 году от инициативной группы ОТОС «Остафьев Холм» из деревни Кобелёво была подана заявка под названием «Где в деревне воды напиться». Целью этого проекта было восстановление четырех видов колодцев. Проект ОТОС «Остафьев Холм» был одним из 8 победителей конкурса 2010 года, в котором приняли участие 13 проектов от муниципальных образований района. Размер областной субсидии для реализации проектов-победителей 2010 года составил 531 800 рублей, районная часть софинансирования равнялась 256 тысячам рублей¹.

Это был второй проект ОТОС «Остафьев Холм» после образования в 2009 году. Следует отметить, что своим созданием ТОСы МО «Покшеньгское» обязаны главе администрации этого образования. Это один из удачных примеров эффективного социального партнерства власти и населения. Все проекты ТОСов обсуждаются публично на деревенских сходах, на них же определяются способы решения тех или иных задач и намечаются планы на будущее. Но такое гармоничное сотрудничество власти и населения было достигнуто не сразу. Первоначально, с момента выборов в 2008 году, главе администрации пришлось в буквальном смысле ходить по домам и, по ее выражению, «будить» каждого, а на сходах еще и выдерживать эмоциональные нападки в свой адрес. Вот выдержка из интервью с главой администрации МО «Покшеньгское»:

«Первый ОТОС у нас — “Остафьев Холм”, это в Кобелёво. Он создан в 2009 году. Первый проект у них был — “Дом молодого специалиста”. Вторым проектом был по колодцам — “Где в деревне воды напиться”. Я когда сходы провожу по деревням, я очень не люблю, чтоб кто-то приезжал из Карпогор или еще кто-то. Я считаю, если вы хотите приехать, отчитаться, давайте мы вам людей снова соберем. А когда я сама сходы собираю, тогда мы с людьми можем откровенно говорить обо всем. И когда были сходы в первые годы, там был просто рев. Все просто орали. И я так боялась на них ходить. Думаю, придю сейчас, как голый, честное слово, на распятии стоишь, и каждый тебя выругает. Теперь такого нет. У нас теперь сходы просто проходят — какие-то конструктивные разговоры.

¹ См.: О социально-экономическом положении Пинежского района за 2010 год. URL: <http://www.pinezhye.ru/?pages&page=289> (дата обращения: 30.10.2014).

Мы решаем, что нам нужно сделать и каким образом нам даже нужно это сделать. И вопрос по колодцам стоял очень крикливо. Все колодцы были запущенными. А они не муниципальная собственность. Где я денег возьму? Поэтому я предложила ТОСам. Вот у нас был такой проект. Мы восстановили 4 вида колодцев, а самих колодцев восстановили 9 — по деревням Красное и Лохново. Часть колодцев сами за счет самообложения ремонтировали. А другие за счет проектов, потому что были вообще в упадочном состоянии. Я говорю, девчонки у нас активные, они быстренько по этим колодцам еще и туристический маршрут сделали. То есть они вам могут еще экскурсию показать и рассказать по этим колодцам.

Актив ТОСа по Кобелёво — 9 человек. Есть среди них те, которые не живут в деревне, но приносят пользу со стороны. А участвует вся деревня. Есть, конечно, там пара-тройка человек, которые абсолютные противники вот этого движения и того, что там делают. Например, когда мост делали, они ходили и кричали: “Что вы тут делаете?”»

Еще одной крупной проблемой для МО «Покшеньгское» являются лесные пожары. Все деревни этого муниципального образования окружены лесом, а со стороны рек — заливными лугами, на которых после схода большой воды весной остается много сухой травы. В это время возрастает опасность возникновения пожаров, а поскольку переезды еще затоплены, то местному населению приходится справляться с возникающими пожарами самостоятельно. До реализации проекта ТОСа по ремонту дороги Кротово — Русково в 2011 году положение с чрезвычайными ситуациями в правобережных покшеньгских деревнях было безвыходным. Например, скорая вообще не могла попасть к больному на эту сторону реки Покшеньги. В деревне Лохново несколько лет назад умерла женщина от сердечного приступа, не дождавшись врача скорой, которого пришлось перевозить в деревню на лодках по переправам.

«И вообще, приходит весна, куда нам деваться? Мне стать под рыбзаводом и кричать: “Караул! Помогите!” Как нам вообще в эту пору? А пожары?! Они же как раз весной. Трава сухая. Кто ко мне приедет? С Ясного — не попасть, с Карпогор — не попасть, с рыбзавода перевоза нет. Мы всю жизнь сами тушимся» (из интервью с главой администрации МО «Покшеньгское»).

Поэтому у активистов ОТОС «Рассвет» из деревни Лохново, созданном в 2012 году, возникла идея по переоборудованию старого здания начальной школы под пожарный пост и гараж для пожарной машины. Заявка проекта ОТОС

«Рассвет» под названием «Что нам стоит гараж построить» была подана в рамках приоритетного направления конкурса «Благоустройство территории, природоохранная деятельность» в том же году. Проектом предусматривались такие работы, как частичный демонтаж полов и стен бывшего здания школы, оборудование ямы для ремонта пожарной машины, установка в котельной печи, замена электропроводки, проведение косметического ремонта фасада бывшего здания школы и благоустройство прилегающей к нему территории. Этот проект в числе других 12, из 21 поданной заявки, стал победителем конкурса 2012 года¹.

В течение 2012 года он был успешно реализован. В результате в деревне Лохново в январе 2013 года был торжественно сдан в эксплуатацию пожарный пост и гараж для пожарной машины. В гараже, кроме ямы для ремонта пожарной машины и места для ее стоянки, были оборудованы: комната отдыха для водителя, котельная для обогрева здания водяным отоплением, место для просушки пожарных рукавов и туалет. Пожарный пост был рассчитан на то, что машина будет готова к выезду в случае возникновения пожара или какой-либо чрезвычайной ситуации в любое время года и суток.

Следует отметить, что в конкурсе «Лучший ТОС Архангельской области 2013 года» одним из победителей стал ТОС «Остафьев Холм» из деревни Кобелёво МО «Покшеньгское». Всего на этот конкурс были представлены 54 заявки от ТОСов Архангельской области².

Пример МО «Покшеньгское» показывает, что большинство местных проблем можно решить на местах, если инициатива исходит от самих местных жителей, и они воспринимают ее как *свое собственное* дело, которое было бы невозможным без их непосредственного участия. При этом такое же отношение к этому *настоящему* делу должно быть и со стороны местной власти.

Таким образом, время сельских миров Русского Севера, приносящее с собой подлинные традиции, позволяет не только устоять этим мирам в настоящем, но и «узнать себя» в будущем.

1 Подробнее об этом конкурсе см. на сайте <http://www.pinezhye.ru/?pages&page=659>

2 Подробнее об этом конкурсе см. на сайте <http://www.pinezhye.ru/?page=862>

Северная деревня как «Сельский мир»¹

(Опыт наблюдения и осознания)

«Сельский мир» — формула не терминологическая, а образная. В ней есть намек на что-то большое и просторное. Но уместны ли такие, не вполне ясные отсылки? Ведь в науке существует обширный понятийно-терминологический кластер, где фигурируют и «сельская местность», и «местное сообщество», и «пространство сельской повседневности», и «негородская среда обитания», и «руральная зона». Однако «сельский мир» также фигурирует в познавательном пространстве — либо явочным порядком, либо через запятую, синонимически. В чем тут дело? И что здесь такое — «мир»?

Вот перечень основных трактовок «мира» из «Толково-образовательного словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой: «1) Вселенная в ее совокупности; система мироздания как целое. 2) Отдельная часть Вселенной; планета. 3) а) Земной шар, Земля со всем существующим на ней. б) Люди, населяющие Землю. в) Действительность, бытие с точки зрения порядка, строя жизни на Земле. 4) а) перен. Какая-л. сфера, область явлений в природе. б) Совокупность явлений, предметов, окружающих человека»². В словаре В.И. Даля записано примерно то же: «(міръ) м. вселенная; вещество в пространстве и сила во времени | Одна из земель вселенной; особ. | наша земля, земной шар, свет; | все люди, весь свет, род человеческий; | община, общество крестьян; | сходка»³. Содержание понятия «мир» истолковывается как необозримая сумма вещей, как некий объем, разнообразное множество. Представление о широкой распахнутости мира, его исчерпывающей наполненности неоспоримо, однако это ограниченное, частичное видение мира. В словарях имеют место дефиниции, выходящие за рамки лишь объемно-количественного понимания.

В «Энциклопедии социологии» читаем: «Мир — 1. Согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры. 2. Соглашение воюющих сторон о прекращении войны. 3. Душевное спокойствие, равновесие, состояние внутрен-

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

2 Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Русский язык, 2000. В 2 т. <http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/mir/46024/>

3 Толковый словарь Даля онлайн <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15824>

ней гармонии, согласия с самим собой»¹. Толковый словарь Ушакова: «Мир — Тишина, покой, спокойствие. «В душе мир и спокойствие». «Прости, беспечный мир полей». Пушкин»². Поэтому ответ на вопрос «что же такое мир», если рассматривать его в целостности, не вмещается автоматически в список привычных представлений.

«Не берите голыми руками такие вещи, как мир, целое, полнота, слово, логос, — они очень горячие»³, — предупреждал В.В. Бибихин. Тогда в чем существо самого «мира»? В чем его целостность? Читаем М. Хайдеггера: ««Мир» особенно располагает к тому, чтобы подразумеваемое под ним понимать как наличное, понимать «мир» как сумму частей»⁴. Эта констатация интригует — а как же иначе? Как его понимать? А вот как: мир — это настроение, тон, *die Grundweise*. Это своеобразная мелодия бытия. «Настроение — это некий строй, строй в смысле мелодии, которая не парит над так называемым наличным бытием человека, но задает тон этому бытию, т.е. настраивает и обустривает «что» и «как» его бытия. ...Настроения — это основострой, в которых мы так-то и так-то находимся. Настроения — это то *как*, в соответствии с которым человеку *так-то* и *так-то*»⁵. Комментируя Хайдеггера, его русский переводчик и знаток В.В. Бибихин подчеркивает неразрывную связанность настроения и мира. «Настроения... *настолько* не малозначительны для хайдеггеровской фундаментальной онтологии, что, *наоборот*, в этих настроениях... *только и может* человеческое существо прикоснуться к такой вещи вещей, как целое, т.е. мир»⁶.

Хайдеггер определенно противопоставляет «мир как целое» (с его настроенческим охватом) «миру как счетной сумме» предметов. Подлинный мир — и особенно мир «сельский», малоподвижный, монотонный, однообразно звучащий — создается настроением, как правило, молчаливым или чуть выговариваемым, понятым детьми этого мира без разъясняющих слов. Этот мир запрятан в фоновую мелодию, еле слышную чужаку, человеку «странному». Такой мир только маячит, мелькает в жизненных просветах, прорывается в случайном слове, во взгляде,

1 Энциклопедия социологии http://www.endic.ru/enc_sociology/Mir-1239.html

2 Толковый словарь Ушакова <http://www.endic.ru/usakov/Mir-30043.html>

3 Бибихин В.В. Собственность. Философия *своего*. СПб.: Наука, 2012. С. 191.

4 Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир-конечность-одинокчество. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 452.

5 Там же. С. 116-117.

6 Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 100.

в интонации. «Единство мира таинственно, оно существует не по способу суммы и не по способу пространства и множества. Всё-таки на самом деле, когда люди говорят, что мир — это всё, совокупность всего, они говорят не всерьёз»¹. Мир как настроение чаще всего молчит. Попытки расшевелить это настроение, прямые расспросы о мире, «прямая наводка» в социологическом прицеливании на мир оказываются не вполне продуктивными. Мир не дается в руки. Его надо синтезировать из интонаций, из мелодики настроений, из тональности повседневной жизни. Тут работает чутьё, тут нужен навык, который сродни «чтению между строк».

Займемся таким чтением. Вот запись из полевой тетради участницы крестьяноведческого проекта Т. Шанина, работавшей в Пинежском районе Архангельской области².

«Исстари здешние деревни отличались одним основным богатством — земельными угодьями. Тайги было много, а земли и сенокосов мало. Местоположение деревни играло громадную роль в оценке ее достоинств. Так, деревня Марьиная Гора была расположена на высоком берегу Пинеги — место солнечное и теплое. Здесь родился хороший хлеб. Но зато заливные луга, наволоки, были маленькие. Сенокосами крестьян наделяли на противоположном берегу Пинеги, на Острове. Расположенная рядом деревня Шотова Гора имела такие же поля, но и сенокосы были совсем рядом. Для девушки, выходящей замуж в Шотову Гору, была поговорка: «Хоть за подпору, да в Шотову Гору», т.е. выйти замуж в Шотову Гору было несказанным счастьем».

Здесь конкретный участок сельского мира очерчен в его предметно-вещном абрисе. Сравним его с записанным на диктофон рассказом бабушки Екатерины Богдановой из деревни Кобелево Пинежского района Архангельской области. Он обогащает общую картину содержательно и эмоционально и, в сущности, дает возможность феноменологически уловить здешний сельский мир как строй бытия, расслышать его основную тональность.

«У нас здесь хорошее место. У нас здесь мороз ни разу, считай, не бил. А в Жабье поумирало много мужиков, с голоду. А у нас никто не помер. Народ-то из Жабья ходил к нам, выменивал хлеб. А у нас морозов не было. Жабей что? Там мороз бьет картошку и всё. У нас как? Мы жнём жито

1 Биbihин В.В. Мир. СПб.: Наука, 2007. С. 318.

2 См.: Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992–2002. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

от реки. Это зелено, но все отойдет. У нас, етта, — не било морозом. А в Жабье морозом всё бьёт! И жито, и картошку — беда! А у нас от реки Пинеги тепло, испарение. И мороз нисколь не заденет. А Жабье и Лохново заденет. Как, вот, раньше разбиралися? — ты была бы у отца, он бы тебя в Лохново не отдал. Скажет: «Мёрзло гнездо, замёрзнешь там!» А в Кротово отдал бы — там хороша земля! Жабей-деревню не хвалили раньше: там мороз. Сена там худы. В Жабье, в Земцове за сеном надо на телеге трястись, а у нас всё здесь рядом — и, ох, как хорошо! Всё здесь, на острову. Сено хороше... Мы с жабоконами жили вместе. Етта, робили. Они к нам приедут на наволоки: сено охапка за охапкой. А у них там — ведь вовсе голы наволоки. Плохо у них с сенами. Но тоже жили, но больше в лесу-то у них всё было. А здесь хороши и вовсе сена-ти!..»

На первый взгляд Екатерина Богданова, рассказывая о деревнях Кобелево, Жабей, Земцово, Кротово, имеет в виду удачные микроклиматические характеристики именно деревни Кобелево. Однако из общей драматургии повествования следует, что метеорологические кондиции разных участков данного сельского мира в сознании рассказчицы естественно, чуть ли не автоматически, конвертируются в то, что можно обозначить как *репутацию* этого мира. И определение «мёрзло гнездо» точно характеризует недостаточно полную степень его огороженности, защищенности и житейской надежности. Получается, что на крошечном участке северной русской земли существуют несколько разных сельских миров. В отличие от мира деревни Кобелево, сельский мир деревни Жабей накрыт монотонной, «долгоиграющей» музыкой сомнения, настраивающей жителя на заведомую терпеливую выносливость, на смирение, на хроническую неуверенность в благоприятных жизненных перспективах. Воспроизведенный памятью Богдановой «разбор» матримониальных резонов молодой крестьянки, решающей, куда ей идти замуж, свидетельствует о широте крестьянского взгляда на сущее, о понимании деревни, сельского мира как многослойной феноменологической конструкции, резюмирующей не столько в сумме вещей, сколько в настроении. Именно оно, вобравшее в себя весь объем местного жизненного опыта, формирует и повседневное бытование, и историческую участь маленькой северной деревеньки, существующей, слава богу, и сегодня.

Сельский мир, рассматриваемый как настроение согласия (равно как и в форме отсутствия такого настроения), возникает и дышит в рамках села, которое не сумма, а система крестьянских дворов, связанных многообразными отно-

шениями. Село накрыто сетью связей, создающих особый настроенческий климат. Эти отношения профилируют облик, характер и специфику сельского мира каждого конкретного поселения и, что самое важное, обеспечивают основной (как материально-экономический, так и нравственно-психологический) ресурс выживания села как обжитой, наполненной людьми точки социально-географического пространства, где возобновляется человеческая жизненная энергия.

Как же выглядит сельский мир северной деревни, взятый в проекции соседства и междворовых связей? Начнем с доколхозных времен. Сердцевиной мира была система совместных крестьянских действий по распределению главного «инструмента выживания» двора — земли. Рассказчики хорошо помнят общие обстоятельства и мелкие детали процесса наделения хозяйства землей. В этой сосредоточенности светится коренное свойство крестьянской натуры и всего сельского мира — стремление владеть и распоряжаться обозримыми и посильными для хозяйственного присвоения природными ресурсами. В крестьянских рассказах слышится подлинный «азарт владения». Он натурально мощен, объемлющ, формирует жизненный «основострой» крестьянина. Воспоминания стариков полны довольно точной «статистикой», проникнуты особой эмоциональностью.

«Пахотной земли было мало. Вот здесь только (показывает на угоры за усадьбой), а сенокосы были там. Землю выровняли все вместе и распределили. Я еще помню, как землей менялись, делились. Тут вот Дюков наволок: тот конец этот год ставят наши, а потом — другие. Через год меняли. Душник был. У тебя две, а у тебя, скажем, три души было, а у другого — пять душ... Размеряли на всех. Если мальчик родился, прибавляли. Раз в десять лет, потом почаще, через пять лет. Бывало, соберутся наши летом на улице. Горушка к жабоконцам принадлежала. Список, душник. Палка одна — одна душа. Палка — не полтора и не два метра, а побольше, — называлась душник. Если на сей год ты первый получал, то на следующий год будешь последний получать свою долю — передвигались. Колесом все шло. Список хранился...» (Север, Кобелево Архангельской области, Попов).

Перед нами не что иное, как сельский мир в его функциональном, процессуально-деятельностном развороте. «Мирской» передел земли выверен годами и поэтому «мирен» и успокоительно надежен. Разумеется, это настроение нетипичное. Его можно обозначить как «модельное», «классическое» — относительно самого представления о сельском мире как настроении согласия. Наблюдая крестьянскую повседневность как сельский мир, рассматривая деревенскую фе-

номенологию сквозь фильтр «мира» как настроения, как тональности согласной тишины, слыша последнюю за разноцветной занавеской крика и экзальтации, мы передвигаемся в новый аналитический регистр. Исторические судьбы деревни предстают в необычном освещении. Продолжим наблюдения сельских миров северной деревни.

В деревенской повседневности нередко возникают экстремальные обстоятельства, осложняющие жизненные практики отдельной крестьянской семьи (хозяйственная неуправка, скудость запасов продовольствия, пожар, падеж скотины, смерть кормильца и др.). В этих ситуациях сельский мир обычно оказывал упавшему хозяйству серьезную и, как правило, бескорыстную помощь. Подобные акции были нормой и условием выживания как двора, так и сельского мира в целом. Разумеется, эти действия отягощают мир, отнимают у односельчан силы и средства, но одновременно выступают как регулятор, как камертон общего «мирского» настроения.

«Когда я на Романово жила, то, помню, жили деревней дружно. Друг другу помогали и навоз вывезти, и дом построить. Бедным, которым картошки, хлеба до следующего урожая не хватает, то ведь обязательно дадут займы. Если тебе сеяться нечем, то обсеют тебя: получишь, отдашь. А здесь, в Леонтьевщине, я по соседству равнодушно жила» (Север, Леонтьевщина Вологодской области, Кузнецова).

«Равнодушно жила...» Вот точная характеристика! «По соседству равнодушие» села Леонтьевщина (равнодушие, которое ведь тоже есть мир!), по сравнению с «дружностью» деревни Романово — это не что иное, как разные настроения, разные тональности неодинаковых, несовпадающих сельских миров.

В начале своей, принудительно обобществленной в 1930-х годах, жизни сельский мир как настроение стал во многом опосредствоваться колхозными порядками. Но гравитация общины не упала. Остались важные хозяйственные привычки. Заглянув за официальный фасад, можно увидеть, что в изменившихся условиях упорно возобновлялось настроение старого сельского мира. Врезанный в крестьянскую генетическую память, традиционный рисунок междворовых человеческих связей проступал в системе мелких и крупных актов взаимопомощи, взаимоподдержки, взаимовыручки. В сельском мире звучала тональность открытости, безотказной готовности к помощи, мягкой расчетливости в процедурах определения и возврата трудового и финансового вклада соседей в твою нужду.

«Народ очень бережливый был друг к другу... Вот я живу и у меня посеяно есть. И я подговариваю женщин выжать поле. Прибежует человек полдесяток у меня. Пожнут у меня. И надо их вином угощать. За помощь — только угощение. А если дом строить, то каждый сам себе строит. Вот если мне надо, то поможет сосед. Если свободен — сосед, если нет — то соседи. А вот еще лес-от худо давали. Давали девять-десять деревьев бесплатно. Кому надь строиться, то я беру у соседа, опять на другой год отдаю! Каждый год так. Бесплатно. Заготовят материал. А строить помогали родственники. Соседей приглашали, но только за деньги. Ведь раньше дешево все было! (Смеется.)» (Север, Кобелево Архангельской области, Богданова).

Колхозный строй, упростив кинематику соседских отношений и распорядительно их опосредствовав, все же не смог регламентировать мощную тягу субъектов сельского мира к прямому, непосредственному, многообразному, неформальному и существенно оздоравливающему психологический климат деревни общению.

«— А вот, когда вы были молодым, были в деревне праздничные гулянья?»

— Да, были!.. Жили мы вроде плохо, неважно, а люди не горевали. Общались больше, чем сейчас. Сейчас люди не общаются. Не только общение, а и свою-то родню порой забудут... Жили в недостатке, а праздники проводили все: и Богородицу, и Николу, и советские праздники. И советские праздники проводили, и религиозные отмечали. Всё отмечали. Соберутся — и обед в колхозе сделают. Каждый свое несет на стол — у кого что есть. Пиво варили. Общественных пивоварен уже не было, так по домам варили. Колхоз что-нибудь немножко выделит: мяса, там, даст на праздник. Теленка зарежут...

— А где собирались?

— А у кого изба побольше, да где семья поменьше, да чтобы хозяйка организовать сумела. И проводили очень весело. Во время войны мы жили в лесу, я на лесозаготовках жил. В 1945 году я жил — карточки, хлеба нет, но мы не горевали, весело жили. Придешь с работы — только пятьсот граммов хлеба давали. Никаких приварков, никаких спецпайков — ничего не давали! Не то что сейчас. Придешь, поешь, что есть покушать, и обязательно идешь в клуб. Собираются все и поют, и пляшут. Ежедневно ведь

так, понимаешь, ежедневно!.. И в лесу, и в деревне. Если в клуб не пошли, вечерянку такую устроят в бараке где-то. Там опять что-нибудь чудим. Жили дружно, хорошо. Пели и чудили!.. Жизнь текла интересно...» (Север, Кобелево Архангельской области, Козьмин).

Рассказывая о том, что мы обозначаем терминологической связкой «сельский мир», деревенские старики заметно пребывали в настроении некой печальной хрононостальгии. Крестьяне говорили о распаде моральных установок, о редуцированности традиций полнокровного соседского общения и взаимопомощи, о завистливости и неприязни, о том, что это на глазах становится нормой сельского мира как настроения. В негативизме крестьянских оценок картины отношений, характерных для сельских миров конца XX столетия, прорисовывается не столько реальный мир, сколько состояние сознания сельчан, неожиданно оказавшихся в ненормальной для традиционного сельского мира социально-экономической ситуации. В этой бытийной материи всё постыло. И деревенские старики понимают, что из этой горькой ситуации им уже не выбиться, их жизненный ресурс — на последнем рубеже. Тревожатся они за судьбу детей и внуков. Отсюда и непрестанные срывы в невротическую раздраженность, и намеренное приукрашивание минувших жизненных порядков, и простодушный эскапизм, и оторопь перед жесткой новизной рынка.

Дело социолога — по возможности точно зафиксировать подлинный голос людей, болезненно переживающих настроение времени. И реконструируя настроение сельских миров, попробовать отыскать хотя бы отдельные примеры гармоничного, преимущественно мажорного звукоряда. Спасение мира может быть обеспечено связью социальных времен и практиками полноценного наследования важнейших черт крестьянского способа существования, постоянным прислушиванием к тональности сельского мира в целом. Однако громче других звучит мотив разобщенности, противопоставленности, разорванности нынешних соседских и внутридеревенских связей.

«Сейчас пришли с работы и сразу все на замки замкнулись. Каждый в своем кутке сидит. И каждый старается друг друга сгрызти! Раньше жили духовно намного богаче. Связи между людьми были лучше. А сейчас как-то разобщенно, враздробь живем» (Север, Кобелево Архангельской области, Козьмин).

В отношении новейших дворов все больше начали входить криминальные моменты. И в этом проявляется уже такая степень отчуждения, разорванности

дворов, за которой вполне может последовать развал деревни как крестьянского микрокосма, как сообщества людей одной социально-экономической судьбы. Это — реальная опасность, миновать которую можно не путем укрепления правопорядка, а лишь с помощью новой схемы кооперирования дворов, включения их в систему рыночных связей сначала на микрорегиональном, а затем и на более высоком уровне. Крестьянское семейное хозяйство хорошо работает тогда, когда оно открыто внешнему миру, когда в нем нуждаются. Когда же оно направлено на путь самовыживания, когда оно игнорируется властями как самостоятельная производственная единица — неизбежны «выбросы» инстинктивного негативизма, в форме воровства, невосприимчивости к нуждам и бедам соседей, систематических словесных перепалок и жестокого рукоприкладства.

«Раньше народ очень бережливый был друг к другу. У нас ведь не было замков никогда. Давно ли замки появились? А то ведь уходишь, поставь палочку на крыльцо поперек — и всё! Никто ничего не возьмет, не тронет. А сейчас дома сидим и засовом заложились! У меня вот позавчера картошку утащили — сломали все двери. Банку трехлитровую огурцов унесли, трехлитровую же грибов. А я их для сына берегла. Он работает главврачом в поликлинике, в Новгороде. Думала, угощу его... Прошлый-то год не было грибов: одну, маленькую, баночку съели, а вторую, побольше, берегли. Так унесли все! И не знай кто...» (Север, Кобелево Архангельской области, Богданова).

Такова общая картина. Разумеется, она, как любая реконструкция, верна лишь приблизительно. Но все же ее основные детали указывают на некие существенные сдвиги, происшедшие в российских сельских мирах кануна третьего тысячелетия. А именно: человеческие связи рвутся, распадаются. И в труде, и в соседском общении, и в быту. Что же приходит на их место? И что может прийти? Какие настроения вызревают, чтобы тональность сельских миров зазвучала с очередной, не важно какой, определенностью. Будущее покажет. А пока же крестьяне сами делают нехитрый русский ремонт своим утомленным жизнью душам. Хорошо сказала на этот счет умная сибирская бабушка:

«Сейчас — нехорошая жизнь! Сейчас все чего-то дожидаем плохого. Кабы не было этого проклятого телевизора, так меньше слыхали бы про плохое!.. Сейчас старух много в селе. Сидим, сидим, да кто-нибудь возьмет и догадается: «Давайте складёмся да выпьем!..» Тотчас одного за водкой посылаем, а другие бегут до дома за тряпками. Вот так и живем, так и дружим...» (Сибирь, Александровка Алтайского края, Беза)

Сельское самоуправление под прессом реформ: сибирские реалии¹

Одним из направлений социально-экономической трансформации современной России стало реформирование системы местного самоуправления, включающее несколько этапов возрождения и развития². Начало модернизации муниципальной власти в России датируется 2003 годом, когда был принят Федеральный закон 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Для сельских территорий Закон предусматривал создание двухуровневой модели органов самоуправления, включающей сельские поселения и муниципальные районы. Каждому уровню власти были выделены полномочия и определены источники их финансового покрытия, для этих целей также была предусмотрена передача управления части государственного имущества на муниципальный уровень. Закон обозначил порядок предоставления из бюджетов вышестоящего уровня субвенций органам местного самоуправления для исполнения ими отдельных государственных полномочий, а также определил механизм выравнивания бюджетной обеспеченности поселений. За пятнадцать лет, прошедших со вступления в силу 131-ФЗ, система финансового обеспечения функционирования муниципальной власти законодательно корректировалась как минимум семь раз. Пересматривался список федеральных, региональных и местных налогов, вводились специальные налоговые режимы, «зоны ответственности» за разные социально-экономические функции передавались с одного уровня власти на другой, при этом менялся порядок межуровневых финансовых взаимоотношений³. В основе этих структурных изменений лежала, по-видимому, благая цель — устранить противоречие между избыточностью полномочий местных органов власти относительно располагаемых ими финансовых ресурсов в существующей модели бюджетного устройства на федеральном и субфедеральном уровнях. Однако эта цель так и не была достигнута. Число полномочий сельских поселений за эти годы значительно

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00464-ОГН).

2 Горяченко Е.Е., Малов К.В. Реформирование системы местного самоуправления: оценки и проблемы // Регион: экономика и социология. 2017. № 1. С. 271–291.

3 Сумская Т.В. Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики / Ред. С.А. Суспицын. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016.

выросло — и достигло рекордных 39 при сокращении собственной базы налоговых и неналоговых поступлений¹.

В мае 2015 года Президент РФ подписал Закон № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», который вновь скорректировал процедуру перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации². Начало данного перераспределения полномочий, в том числе между муниципальным районом и муниципальными образованиями, было назначено на 1 января 2015 года. Законом предусматривалось сокращение (изъятие) полномочий сельских администраций с 39 до 13 для передачи их исполнения в районные и региональные органы власти. Вышедший в марте 2017 года 62-ФЗ содержал очередную порцию изменений системы управления на местах и узаконил правила принятия решений об укрупнении муниципальных образований, преобразования сельских поселений в городские округа и пр. не жителями выше-названных территорий, а представительными органами власти. С этого момента официально граждане лишились последних минимальных рычагов влияния на «институты народной демократии и самоуправления».

Как показало наше социологическое обследование нескольких сельских районов Новосибирской, Томской, Тюменской областей и Алтайского края (2015–2017 годы), в ряде случаев законодатели пошли по пути передачи части полномочий от администраций сельских муниципальных образований к районным администрациям. При этом произошло перераспределение части доходов сельсоветов (так по-старому во многих местах называют сельские муниципальные образования) в пользу района. Подобная централизация обосновывалась оптимизацией системы управления и необходимостью концентрации ресурсов на районном уровне для более эффективного использования тех небольших доходов, которые достаются сельским территориям.

В связи с этим с начала 2015 года в сельских поселениях ухудшилась ситуация с собственными источниками бюджетных поступлений, прежде всего со-

1 Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2010.

2 URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/ (дата обращения: 28.08.2017)

кратились поступления налогов от доходов физических лиц (НДФЛ). Также сельсоветы лишились части доходов от аренды «не востребовавшей» земли. Это привело к уменьшению возможностей даже не развития, а сохранения имеющейся инфраструктуры и элементов благоустройства на уровне отдельных сел, так как собственные доходы сельсоветов в ряде районов сократились на 40–45%. Сельсоветам было предписано передать ответственность за содержание ЖКХ и свалок на районный уровень. В течение нескольких лет проблемы с утилизацией твердых бытовых отходов на уровне поселений в целом были решены, передача же этих обязательств стала неожиданной для районных властей, которые не обладали ни соответствующей службой, ни нужной техникой.

Из интервью с главой администрации объединенного сельсовета (куда помимо районного центра входят еще два небольших села): *«Бюджет нашего сельсовета небольшой. До 136-го федерального закона у нас было порядка 17 млн рублей. На жизнь трех сел хватало, хватало на возведение и содержание детских площадок. У нас планы были даже устанавливать современные спортивные площадки, хоккейные коробки. 136-й закон внес свою смуту. Финансирование культуры осталось за нами. ЖКХ от нас ушло. Водопроводы передаем в район. У нас сети водоотведения были с полями фильтрации — это все тоже передаем, имущество и земли. Свалки передаем.*

У нас было около 40 полномочий, осталось 13. Ключевые полномочия остались у нас, хотя финансирование сократилось. Благоустройство у нас осталось, это самая на сегодняшний день затратная статья, уличное освещение тоже для нас очень дорогое. Сначала с нас сняли ответственность за содержание улиц, но мы все это назад забрали, потому что стало понятно, что район не сможет это делать, а у нас есть техника и знание, где что находится. У них этим некому заниматься».

Из интервью с другим главой администрации муниципального образования: *«Но полномочий-то гора, их убрали, только толку от того?! Эти полномочия никогда не были подкреплены деньгами. С нас убрали уход за кладбищем, но мы его до сих пор обрабатываем, чистим, так как район этим заниматься не будет. Убрали с меня ответственность за библиотеку, а она находится в здании сельсовета. Ни единой копейки с января-месяца ни за свет, ни на уголь район нам не дал. Содержим библиотеку мы, а деньги-то от нас ушли».*

Бюджеты большинства сельских администраций в России в целом и в Сибири в частности имеют глубоко дотационный характер. Вышестоящие органы власти

через подушевое дофинансирование местных бюджетов, исходя из определенных нормативов, пытаются уравнивать показатели бюджетной обеспеченности разных поселений, но дело в том, что реальные и номинальные показатели численности сельского населения сильно расходятся. Данные о количестве проживающих на определенной территории жителей, которыми оперируют власти для подобных досчетов, базируются на статистике последней Всероссийской переписи населения 2010 года с учетом текущего демографического баланса, в то время как местные администрации ссылаются на количество зарегистрированных в их поселениях человек. Эти показатели могут различаться между собой на десятки процентных пунктов, в том числе потому, что перепись зафиксировала прежде всего находящееся в момент опроса население (тех, кто в день опроса не был дома, «статистика не посчитала»)¹. Это недофинансирование еще больше осложняет для глав местных администраций решение локальных проблем и требует нетривиальных подходов: «У нас в поселении постоянных жителей, как нам статистика даёт, 720 человек. На самом деле по прописке у нас числится около 900 человек. Вот на благоустройство территории у нас уже денег нет. Нас выручают осужденные товарищи — те, кому за разные проступки (нарушение правил дорожного движения, неуплату алиментов и пр.) назначают общественные работы. Они нам косят траву по сельским улицам. Ну, и центр занятости детей к нам на работу отправляет».

Если говорить в целом, то внесенные законодательные корректировки серьезно ухудшили уже налаженную систему. В предыдущие годы и районные администрации, и сельсоветы прошли этапы сокращения специалистов, потребность в которых возросла после перераспределения полномочий. Также имеется дефицит оборудования и техники и на районном, и на поселенческом уровнях. Из интервью с главой сельсовета: «Когда такие решения принимаются, не знаю, неужели нельзя «на землю» спуститься, вот приехать к нам — и посоветоваться». Однако это недовольство новым распределением полномочий и финансовых источников копится внизу — ни районы, ни сельсоветы свои несогласия с этой реформой наверх никак не транслируют, а предпочитают приспосабливаться, адаптироваться к новым условиям.

В последние годы вследствие ряда административных реформ сельсоветы во многом утратили возможности контроля над селом². Ликвидация паспортных сто-

1 Моляренко О.А. Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия // ЭКО. 2018. № 1. С. 23–29.

2 Моляренко О.А. Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 120–133.

лов и передача этих функций миграционным службам привела к тому, что на местах не всегда становится оперативно известно, кто прибыл в село на постоянное место жительства и зарегистрировал там свое пребывание. Зачастую главы поселений узнают об этом тогда, когда случаются какие-то чрезвычайные ситуации. Например, к ним из района поступает запрос о каком-то жителе, о котором до этого им ничего не было известно. Так, неожиданно для главы одного из сельсоветов село наводнили цыгане, которых регистрировали за деньги по своим адресам некоторые сельчане.

Из интервью с главой сельсовета: *«Суть в том, что мы даже не знаем, кто к нам прибыл. У нас очень много сейчас людей приезжих и для нас незнакомых. У меня, например, возникает всегда проблема, есть ли там несовершеннолетние ребяташки, мы же тоже с ними ведем работу. А что можно сделать? Я вот не понимаю то, что осталось нам. Не осталось вообще ничего. Бухгалтера у нас сейчас забрали, за это теперь платит район. Нам сказали, что население у нас меньше, чем мы заявляем, поэтому сократили подушевые дотации нашему бюджету. У нас забрали паспортный стол, поэтому прописка, загс ушли от нас — за этими услугами жителям нужно обращаться в районный центр. Но нас нагружать стали работой прокуратура, Роспотребнадзор, все контролирующие органы за справками и отчетами к нам идут».*

Схожая ситуация сложилась и с контролем за оборотом сельскохозяйственной земли. В сельсоветах не осталось специалистов, которые занимаются землей — способствуют ее правовому оформлению, ведут учет договорам аренды, следят за общей земельной ситуацией: вся ли земля юридически оформлена, обрабатывается и пр. Даже на уровне района сейчас не существует единого органа, который бы занимался текущим администрированием и надзором за качеством использования сельскохозяйственной земли, т.е. владел полной информацией о том, что происходит с движением сельскохозяйственной земли, сколько земли находится в залежи, кому земля принадлежит и кто ее арендует (на каких условиях), почему часть земли не обрабатывается. Этот контроль очень важен, так как до сих пор существенная доля земли находится в коллективно-долевой собственности жителей сел, получивших свои земельные пай в ходе приватизации колхозов и совхозов. Подобная распыленность прав собственности затрудняет процессы эффективного использования земельных ресурсов. Службы Росреестра и Россельхознадзора с этими задачами справляются не в полной мере¹.

¹ Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. Локальные рынки земли: от виртуальных к реальным//ЭКО. 2017. № 6. С. 83–101.

Пока далека от завершения работа с «невостребованными земельными долями» — с выявлением судьбы тех жителей села, которые в начале 1990-х годов получили свидетельства на права земельной собственности, но так и не вступили в эти права. Сельсоветам предписано найти этих людей, собрать соответствующие документы — и через суд стать собственниками этой «невостребованной земли». Но проблемы с поиском людей, получением от них нотариально заверенных отказов от земельной собственности, высокие затраты на оформление земельных прав, «неподъемные» правила продажи этой земли или сдачи ее в аренду и пр. не дают завершить процесс юридического оформления прав собственности на землю. До сих пор в России «земельный вопрос» остается проблематичным: много земли остается юридически неоформленной, необрабатываемой, неэффективно используемой¹.

По-прежнему острой проблемой на селе остается сокращение рабочих мест — и в первую очередь с круглогодичной занятостью. За последние 25 лет произошла замена коллективного сектора хозяйствования массой фермерских хозяйств, которые специализируются на выращивании растениеводческой продукции и не нуждаются в постоянных работниках. В зимний период занятые у фермеров механизаторы остаются без работы, часть из них встают на учет в службы занятости и получают статус безработных и пособие, другие едут в город или в другие регионы «на вахту». Лучше положение в тех селах, где сохранилось крупное сельхозпредприятие. Здесь есть разнообразие рабочих мест, налажен круглогодичный трудовой процесс, работодатели в большей мере заинтересованы в закреплении работников у себя — и проводят определенную кадровую политику, которая может определить будущее села. Но в целом сокращение спроса на работников сельского хозяйства продолжается, в том числе вследствие модернизации производства.

Сокращаются также объемы ведения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения, так как без прежней льготной «колхозной поддержки» основной массе крестьян вести такое хозяйство экономически невыгодно. К тому же в последние годы уходит поколение крестьян, для которых семейное хозяйство (несколько голов скота, птица, большой огород) было обязательным. Молодое и среднее поколение сельских жителей все больше отказываются от ЛПХ, в том числе из-за того, что им приходится работать вдали от дома. Помимо сельхозпроизводства, если

1 Шагайда Н.И. Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2010.

оно есть в селе, работу местные жители в основном могут получить в бюджетных организациях — школа, детский сад, почта, ФАП. Отсутствие других организованных видов деятельности — главная проблема сельского развития. Летом жители зарабатывают на сборе и продаже дикоросов, там, где есть водоемы, доход приносит ловля рыбы. Огромный потенциал имеет развитие сельского туризма, создание рекреационных зон, но отсутствие инвестиций и инвесторов, которые понимают, что срок оказания данных услуг в сибирских условиях крайне мал, обнуляют эти возможности.

Потенциал участия местных властей в развитии сельских территорий невелик и все более сокращается в связи с очередным витком «оптимизации» функций и централизации властных полномочий. «Вертикальная оптимизация» ломает сложившуюся систему жизнеобеспечения и усиливает значимость горизонтальных социальных контрактов и роли самоорганизации сельских сообществ. Однако это способствует скорее выживанию, нежели развитию сельских поселений. Тем не менее участие глав фермерских хозяйств и руководителей сельскохозяйственных организаций в жизни села трудно переоценить. Именно с ними главы сельских администраций заключают договора о техническом обслуживании дорожной сети населенных пунктов (и делают это, как правило, на льготной основе), к ним обращаются за спонсорской помощью при проведении культурно-спортивных мероприятий и для поддержки наиболее ущемленных групп сельских жителей. Огромную роль в успешности работы местных органов власти играют профессиональные и человеческие качества сельского лидера — главы сельского совета: в какой мере он способен добиться расположения у представителей местной элиты и завоевать уважение простых сельчан; организовать работу по оформлению и регистрации прав муниципальной собственности, добиться участия муниципалитета в федеральных и региональных программах по развитию сельских территорий, способствовать получению грантов для благоустройства сельских улиц и модернизации объектов инфраструктуры, включая организацию местных зон отдыха, помочь жителям самим взять на себя ответственность за порядок и чистоту их «малой родины»¹. Однако не всегда потенциал внебюджетных источников развития и самоорганизации достаточен для компенсации ослабления финансовой и организационной роли низовых органов сельской власти.

1 Калугина З.И., Нефёдкин В.И., Фадеева О.П. Драйверы и барьеры сельской реиндустриализации // ЭКО. 2017. № 1. С. 20–38.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что реформа сельской муниципальной системы, нацеленная на разделение полномочий между разными ветвями власти и их реализацию на локальном уровне, зашла в тупик и, по сути, способствовала разрыву связи между местными бюджетами и экономикой¹. Мы имеем дело с эффектом «перевернутой пирамиды», когда ответственность за организацию поселенческой жизни (функционирование коммунальной и социальной инфраструктуры) передана вниз, а средств для ее осуществления крайне мало.

Этой системной болезнью страдают и те сельские территории, где сохранилось производство, и те, где оно распалось. Ресурсы для поддержания социально-экономической жизни сельских поселений слабо связаны с местными источниками дохода — их получение обеспечивается в первую очередь региональными бюджетами и наличием у них средств для выравнивания сложившихся территориальных диспропорций. Попытки передела бюджетных источников и полномочий между сельским и районным уровнем не приносят большого облегчения ни тем, ни другим — слишком о малых средствах идет речь. Пока в селах остаются жизнеспособными горизонтальные социальные связи, у населения сохраняются инициатива и желание улучшить свою среду обитания за счет «самообложения» и развития ТОС, а местный бизнес готов брать на себя часть затрат на общие нужды, часть забранных районом полномочий будут продолжать «автоматически» выполнять сельские власти. Если со временем инициативы и желание нести бремя дополнительных расходов у местного населения и бизнеса иссякнут, то районные структуры в силу уже описанных выше причин не смогут в полном объеме исполнять возложенные на них обязательства по обслуживанию обширных территорий.

Сельское самоуправление оказалось отодвинутым от функций, связанных с организацией как экономической, так и социальной жизни в селе. Показательно, что в бюджетах сельских поселений практически нет расходов на стимулирование хозяйственной деятельности, национальную безопасность и охрану правопорядка, развитие физической культуры и спорта, а также на социальную политику. Образование и медицина окончательно ушли из сферы влияния местных властей. Реформы управления закрепили за сельчанами роль «безгласных» свидетелей ограничения доступности базовых гражданских прав, обещанных Конституцией

1 *Фадеева О.П.* Реалии сельского самоуправления: реформы и их последствия // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 267–289.

РФ, во имя «оптимизации» государственных расходов. С этих позиций можно говорить об огосударствлении института местного самоуправления и выхолащивании всех идей реформ, начавшихся 15 лет назад.

О последствиях административных реформ для сельских районов (на примере семи районов Северо-Западного региона РФ)

Статья представляет собой некоторые выводы, к которым мы пришли в результате исследований (2005–2008 годы) в семи районах четырех субъектов Российской Федерации: в Тверской области — Максатихинский и Лесной районы; в Новгородской — Пестовский; в Вологодской — Бабаевский, Кадуйский и Устюженский; в Ленинградской области — Бокситогорский¹.

В ходе наших исследований мы не только провели сплошной опрос всех глав муниципальных образований и руководителей действующих сельскохозяйственных предприятий (колхозов, СПК и т.п.) в обследованных районах, но и проанализировали архивные и статистические данные начиная с 1958 года. Этот год в качестве стартовой позиции был избран не случайно. Именно тогда партия и правительство, пожалуй, впервые за много лет обратили серьезное внимание на сельское хозяйство и издали постановление № 425 «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 года².

При всех недостатках тогдашней (да и современной тоже статистики) «сухие цифры» позволили получить очень правдоподобную и неопровержимую картину. Во всех обследованных районах численность населения систематически сокращалась, особенно интенсивно начиная с 1970-х годов. Рождаемость заметно падала, а смертность столь же заметно росла, порождая так называемый «демографический крест». Да и неизбежно назревал развал сельского хозяйства.

Причин убыли населения несколько. Во-первых, официально сельские жители до 1974 года не имели паспортов³. Наибольшие перспективы преодолеть это

1 Исследования были поддержаны грантами РГНФ: «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» (№ 04-03-00367а) и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-Западного региона РФ)» (№ 07-03-00571а).

2 Источник: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm

3 См. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об утверждении положения о паспортной системе в СССР» от 28 августа 1974 г. № 677. Источник: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8401.htm

«право» имели мальчики, достигшие призывного возраста. Когда они уходили в армию, председатель колхоза (или сельсовета) был обязан передать их паспорта военкомам. После демобилизации далеко не все возвращались в родные деревни: как правило, старались «осесть» в городах. Кроме того, развивающейся в крупных городах промышленности и строительству (при экстенсивном режиме развития) перманентно не хватало рабочих рук. Промышленность была ненасытна и как мощный насос «откачивала» население не только из ближайших пригородов, но и из отдаленных городов и сел. В последние перед перестройкой годы территория СССР уже была почти исчерпана: рабочие кадры начали завозить из Вьетнама.

Во-вторых, уже в 1950-е годы появилось такое понятие, как «неперспективные» деревни, и началось укрупнение колхозов. В укрупненных сельских поселениях под девизом «сближения города и деревни» начали строить городские пятиэтажки со всеми городскими удобствами: водоснабжение, канализация, газ. При этом кардинально нарушался веками установившийся уклад сельской жизни: жилье оказалось оторванным от огородов, хозяйственных построек, где можно было содержать и крупную, и мелкую скотину. Таков был идеологически обоснованный план социально-экономических государственных реформ. Вместе с укрупнением колхозов вся инфраструктура (школы, больницы, дома культуры, библиотеки и т.п.) стягивались в центральные усадьбы, обрекая другие населенные пункты на тихое умирание.

В 1970-е годы в сельское хозяйство вкладывались очень большие деньги. Именно в это время существенно обновился парк сельскохозяйственной техники, активно внедрялась механизация и автоматизация сельскохозяйственного производства: транспортеры для подвоза кормов и уборки навоза, доильные аппараты и т.п. Немалые деньги отпускались на мелиорацию и удобрения. Но и это мало способствовало подъему производительности труда в сельском хозяйстве. В середине 1980-х возникло достаточно широкое кооперативное движение, а в сфере сельского хозяйства — фермерское.

Пожалуй, один из фундаментальных выводов состоял в том, что постперестроечная Россия совсем недалеко ушла от России советской. А СССР, в свою очередь, в части отношения к селу не сильно отличался от царской России. Как и в царские времена, советская армия держалась на рекрутах из деревни, да и строительство промышленности и многие экономические вопросы в Советском Союзе решались за счет крестьянства.

По мнению В.М. Ефимова, нынешняя ситуация в российском сельском хозяйстве является естественным результатом многовековой институциональной эволюции. Он рассуждает о существовании особой русской аграрной институциональной системы, основными институтами которой всегда было крестьянское хозяйство, сельская община, органы территориального управления и поместье-вотчина. Ефимов исследует ее в рамках интерпретативной институциональной экономики и приходит к выводу об устойчивости русской аграрной институциональной системы в ее советском варианте, о чем свидетельствует борьба аграрной бюрократии против реформы в сельском хозяйстве в 1990-е годы. Можно говорить о сохранении совхозно-колхозной системы в модифицированном виде, институте крестьянского хозяйства, а также о том, что органы территориального управления по-прежнему являются важными элементами этой системы¹.

Под влиянием прежде всего экономических факторов, в частности в результате нарушения экономических связей (поставка кормов, сбыт продукции), в начале 1990-х начался массовый развал совхозов и колхозов, на смену которым пришли СПК и разнообразные ООО, ЗАО и т.п. Заметную роль в этом процессе сыграла и ваучерная приватизация.

Процессы преобразований сельхозпредприятий (бывших колхозов и совхозов) в 1990–2000-е годы подробно описаны в литературе (Пациорковский В.В.², Нефедова Т.Г.³, Калугина З.И.⁴). Тогда же исследователи стали отмечать применение местными властными структурами административного ресурса для монополизации распределения средств (кредитов, техники, сбыта продукции). Параллельно шел процесс концентрации собственности и вертикальной интеграции сельхозпредприятий с торговыми и обслуживающими структурами, создания крупных агропромышленных объединений. В.П. Данилов⁵ писал, что новые собственники

1 *Ефимов В.М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 74.

2 *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: 1991-2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.

3 *Нефедова Т.* Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

4 *Калугина З.И.* Многоукладность аграрной экономики в контексте рационального использования ресурсов Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/search?q=%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%97%D0%B5%D0%BC%D1%84%D0%B8%D1%80%D0%B0%20%D0%98%D0%B2%D0%B0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0>

5 *Данилов В.П.* Из истории перестройки (переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011.

земли, появившиеся в результате реформ 1990-х годов, особенно из сельскохозяйственной администрации, скорее стремились стать частными управляющими и совладельцами бывших колхозов и совхозов. Он считал, что идеология постсоветских реформ заключается в стремлении создать класс «эффективных собственников», сельских предпринимателей. Остальные же крестьяне должны были стать наемными работниками. Именно простые работники и отказались участвовать в «земельном переделе».

М. Грановеттер утверждает, что институциональные сдвиги в хозяйственной сфере можно анализировать и объяснять только с учетом двухсторонней связи между экономикой и обществом, экономическими и неэкономическими переменными¹. Формальные институты всегда включают неформальную составляющую. Без учета характера соотношения формальных и неформальных составляющих конкретных институтов нельзя понять механизма их функционирования, трансформаций (например, института предпринимательства) (Капелюшников Р.И.², Шабанова М.А.³). Неформальные отношения сопровождают деятельность формальных институтов, компенсируя неизбежные сбои их функционирования. Таким образом, неформальные отношения становятся неотъемлемым компонентом деятельности любых рыночных акторов (Барсукова С.Ю., Радаев В.В.⁴). В постсоветское время фиктивная экономика советского типа трансформировалась в новую модель экономики, основанную на теневых, неформальных связях. Многие исследователи приходят к выводу о том, что неформальные ресурсы и практики часто оказываются более значимыми и эффективными и в большей степени определяют характер взаимодействия между ветвями власти, между бизнесом и властью (Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.⁵).

Если в СССР взаимоотношения власти и предприятий строились на принципах «бюрократического торга», когда возникающие проблемы решались за счет

1 Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа / Пер. с англ. Н.В. Глебовской, А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1.

2 Капелюшников Р.И. Новая атака на теорему Коуза. Препринт WP3/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

3 Шабанова М. А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1. Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4 Электронный ресурс <http://ecsoc.msses.ru>

4 Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99-111.

5 Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. 2015. № 3. С. 6-32.

распределения дефицитных материальных ресурсов, то в новой экономике монополия на дефицит изменила свой характер и трансформировалась в возможность получения налоговых и других льгот, дешевых кредитов в банке, обмене услугами (Бессонова О.Э.¹). Принцип торга тот же, только ресурсы другие. Исследователи пишут о создании в государстве институциональной системы власти-собственности на всех уровнях (Плискевич Н.М.², Нуреев Р.М.³). Теория власти-собственности аргументирует статусную обусловленность доступа к экономическим ресурсам. Н.М. Плискевич, Р.И. Капелюшников, Э.Л. Панеях независимо друг от друга пишут о добровольной принудительности отношений социального партнерства между малым и средним бизнесом и представителями нижних этажей вертикали власти.

Многие из наших респондентов в бедственном положении села винили исключительно перестройку. Конечно, она в определенном отношении стимулировала процесс развала сельского хозяйства. Прежде всего из-за того, что стремительный и совершенно не продуманный переход от социализма к капитализму, к рынку, в том числе отказ от планирования (ликвидация Госплана), внезапно разрушил сложившиеся экономические связи. Но все-таки основной причиной этого положения стало неэффективное управление сельским хозяйством, которое в течение многих лет разрушало не только хозяйственный уклад сельских жителей, но и разнообразными способами отбивало у них интерес к своему труду. Не удивительно, что и сегодня рядовые работники сельских предприятий в основном полагаются на своих руководителей и практически «свалили» на них всю ответственность. Почти все наши респонденты сетовали на безынициативность работников и на явное нежелание работать с полной отдачей.

Параллельно с разрушением экономических связей между хозяйствующими субъектами прошла, по сути дела, стихийная приватизация. На городских промышленных предприятиях она была как бы виртуальной и ничем реально не обеспеченной. Ну, получили люди свои ваучеры, которые стоили сущие копейки, а что с ними делать, никто не знал. А вот на селе приватизация была отчасти реальной.

1 Бессонова О.Э. Феномен Советского Союза на фоне современности в контексте теории раздатка // Мир России. 2014. № 3. С. 46-66.

2 Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. № 3. С. 62-113.

3 Нуреев Р.М. Власть-собственность в современной России (как проблема зависимости от траектории предшествующего развития). Электронный ресурс <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/233.pdf>

Для многих колхозников эти ваучеры оказались конкретно опредмеченными: кто под ваучеры получил трактор, кто грузовик, кто сеялку или другой ценный для хозяйства сельскохозяйственный инвентарь. Домовитые люди приватизировали в основном именно средства производства. Почти вся техника, которая, что называется, «на ходу», была приватизирована. Поэтому на балансе колхозов и совхозов остались откровенный металлолом и никому в личном хозяйстве не нужные коровники, гаражи, мастерские и прочие здания, поддерживать которые и дорого, и хлопотно. Кто-то с приватизированной (т.е. уже с собственной) техникой остался в колхозе, а кто-то занялся частным, а точнее — диким, предпринимательством.

Тем временем резко сокращалось поголовье скота, площади пашни, в то время как налоги начислялись исходя из «плановых» показателей. Таким образом, долги колхозов и совхозов перед государством неизбежно росли. В конце 1990-х — в начале 2000-х годов, дабы «законным» путем избавиться от долгов, началась чехарда в изменении статусов хозяйств, они переименовывались и переоформлялись из колхозов в СПК, потом в ООО, ЗАО или в «Товарищества на вере», а то и просто в КФХ. Часто это происходило под прямым давлением районного начальства. В первую очередь в ходе этих преобразований списывались с баланса «новых» хозяйствующих субъектов фермы, гаражи и прочие здания (кстати, еще раньше с балансов колхозов были выведены социальные объекты) и, конечно же, «металлолом». Сколько за четыре года экспедиций мы видели руин ферм, гаражей, клубов! Естественно, в это время образовавшиеся на месте колхозов и совхозов СПК, ООО, ЗАО совсем перестали что бы то ни было строить, и прежде всего жилье. А это существенным образом повлияло на возможность привлечения свежих трудовых ресурсов, особенно молодых специалистов: агрономов, зоотехников, механизаторов.

Если пресловутая перестройка в чем и виновата, так это в развале механизмов управления и в недопущении создания каких-либо механизмов самоуправления. Перестройка прежде всего кардинально изменила состав властных структур. Место всесильных ранее райкомов и обкомов партии заняли Советы народных депутатов как власть законодательная и муниципалитеты — как власть исполнительная, которые никакого отношения к производству (как промышленному, так и сельскому) фактически не имели, так как не обладали возможностью каким-либо способом руководить им.

Этому во многом способствовал ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года.

В 2004 году правительство утвердило план подготовки правовых актов, необходимых для реализации положений настоящего Федерального закона, а затем в него вносилось множество уточнений и изменений. Последнее было принято 3 августа 2018 года.

В итоге органы местного самоуправления, особенно на селе, оказались серьезно депривированными, с урезанными полномочиями и практически лишенными финансирования. К тому же они не входят в пресловутую «вертикаль власти» и не относятся к системе государственного управления. Сегодня местное самоуправление абсолютно немошно и зависимо буквально от всех.

За прошедшее с 2008 года время кое-что изменилось. Было принято несколько национальных программ, в том числе и в отношении сельского хозяйства. В частности, появились федеральные и региональные гранты поддержки фермерских хозяйств, вроде бы увеличилось число субсидий. Практически во всех обследованных нами десять лет назад районах сменилось их руководство (за исключением Бокситогорского района Ленинградской области).

В рамках реализации гранта РФФИ¹ мы решили проехать по старым адресам в те же семь районов четырех субъектов РФ. К настоящему моменту успели обследовать два: Бокситогорский и Бабаевский.

Пожалуй, самые заметные изменения произошли в Бокситогорском районе. Если 10 лет назад вместо пяти крупных совхозов, которые работали в советское время, здесь было всего четыре действующих сельхозпредприятия (включая агро-техникум), то нынче к этим четырем добавились около 20 фермерских хозяйств. Фермеры активно занимаются овцеводством (7 КФХ), рыбоводством (5 КФХ), откормом крупного рогатого скота (2 КФХ), а также кролиководством, пчеловодством, разведением индюков и производством овощей. Как видим, спектр производимой сельхозпродукции существенно расширился.

Специалист по сельскому хозяйству в районной администрации Марина Викторовна Прохорова при первой нашей встрече дала подробнейшую информацию о каждом из хозяйств. Почти все наши респонденты в этих хозяйствах очень тепло отзывались о Марине Викторовне и говорили о том, что управление оказывает им всемерную помощь и поддержку.

1 Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья». Научный руководитель проекта А.М. Никулин.

Существенно и то обстоятельство, что среди фермеров преобладают молодые люди, осознающие все трудности, как правило, нового для них дела, но полные энергии и оптимизма.

В Бабаевском районе картина не столь радужна. И 10 лет назад здесь было 11 сельхозпредприятий (включая фермерские хозяйства), но сегодня действуют только пять: три прекратили свое существование, два перестали заниматься производством сельскохозяйственной продукции, одно уже третий год находится в стадии банкротства. Правда, добавились четыре новых фермерских хозяйства. Отрадно, что и здесь новые фермеры молоды.

Заключение

Безусловно, по первому впечатлению изменения заметны. Но те проблемы, которые мы фиксировали 10 лет назад, никуда не делись. Более того, сейчас они проявляются, пожалуй, более отчетливо. Во-первых, так и не решен на законодательном уровне земельный вопрос: оформление земли хоть в аренду, хоть в собственность тянется годами. Во-вторых, так же остра проблема кадров, прежде всего ощущается дефицит специалистов. В-третьих, по-прежнему актуальна проблема сбыта продукции сельского хозяйства. Наконец, очень сильны оковы бюрократизации, в частности, получение грантов, отчетность по ним, оформление субсидий представляют для фермеров большие трудности.

Один из основных выводов по исследованиям 2005–2008 годов состоял в том, что успешность или неуспешность деятельности сельских предпринимателей самым существенным образом зависит от того, какова политика в отношении сельского хозяйства в районе, каковы в том числе личные отношения сельских предпринимателей с руководителями районов и областей. Судя по первым впечатлениям, эта зависимость сохраняется. При весьма непрозрачном законодательстве неформальные связи и отношения, как тогда, так и сейчас, оказываются более эффективными, нежели формальные. Иными словами, жить по действующим правилам (читай — законам) практически невозможно. К тому же эти правила постоянно меняются, поэтому сельские предприниматели постоянно живут «на грани фола» и моральных компромиссов.

Ландшафтно-хозяйственный ареал северной деревни и его трансформации под влиянием государственной системы управления

Понятие ландшафтно-хозяйственного ареала возникло в культурной географии. Фактически под ним понимается материальная основа традиционного культурного ландшафта. Это особенно значимо для культурного ландшафта северной деревни, где почти невозможно существовать исключительно за счет сельского хозяйства, а наличие значительных по размерам лесных (древесина, корм для скота, охота, ягоды, грибы, рыба и др.) и водных (в основном рыба, но также и более редкие виды использования, как водоросли в качестве корма скоту, речной жемчуг) угодий было обязательной принадлежностью любой русской северной деревни. Причем эти угодья зачастую появились еще до проникновения сюда сельского хозяйства, которое развивалось в лесной зоне постепенно и долго играло вспомогательную роль.

Однако все изменилось на рубеже I и II тысячелетий н.э. с приходом земледельческих племен, владевших технологией пашенного земледелия. Именно тогда в лесной зоне возникли первые постоянные крупные агроландшафты, причем даже в средней тайге, например, агроландшафт Белозерья или поречья в Западном Прикамье, и сельское хозяйство стало ведущей отраслью экономики в целом, а агроландшафт — основной частью ландшафтно-культурного ареала.

Такой ландшафтно-хозяйственный ареал складывался еще в период стихийной аграрной колонизации лесной зоны, когда его границы определялись формулой «куда топор и коса и соха ходили». В то же время он настолько естественен, что в том или ином виде сохранился почти до наших дней.

На рисунке 1 представлен ландшафтно-хозяйственный ареал деревни Крестовая (Валдайский район Новгородской области), определенный по полевым исследованиям и сохранившимся локальным топонимам, выявленным в ходе интервью с местными жителями. Его анализ показывает, что в структуре исторического культурного ландшафта основную роль играют: природный ландшафт, сельские поселения и строения, дороги, сельскохозяйственные и иные угодья, а также сакральные места. Существенно то, что большая часть из неприродных элементов культурного ландшафта, в том числе элементы агроландшафта, фиксируемые собственными именами (локальными топонимами), в настоящее вре-

мя исчезла или утратила прежнее значение, однако они сохранились в памяти местных жителей. Более того, некоторые топонимы, например, сенокосный луг Фомино, можно отождествить как с деревней Фомино по писцовым книгам, так и с пустошью Фомино на плане Генерального межевания (1778 год). На картах XIX века такой топоним уже не значится. Тем не менее память местного населения сохранила его в виде локального топонима до настоящего времени. Характерно, что среди локальных топонимов сельскохозяйственных угодий преобладают сенокосы: 8 из 12 топонимов. Это связано с тем, что основные сельскохозяйственные угодья, пахотные земли, окружающие деревню почти сплошным кольцом, непосредственно к ней примыкая, не имеют собственных названий (или не сохранили их).

**Таблица 1. Структура ландшафтно-хозяйственного ареала
по локальным топонимам¹**

Подсистема культурного ландшафта	Тип локальных топонимов (включая...)	Число локальных топонимов
Природный ландшафт	Гидронимы	16
	Болота	5
	Лес	3
	Характерные формы рельефа: «горы» и др.	4
Сельские поселения	Все поселения (исчезнувшие хутора и отдельно стоявшие строения)	6 (5)
Дороги	Все основные дороги (дороги, утратившие общее значение и превратившиеся в локальные дороги данной деревни)	4 (3)
Сельскохозяйственные угодья	Все угодья (сенокосы)	12 (8)
Другие угодья	Места добычи глины, скотомогильники	4
Сакральные объекты ¹	Часовня, придорожный крест	2

Таким образом, в центре элементарного ландшафтно-хозяйственного ареала находится поселение. Оно является центром управления агроландшафтом,

¹ Уничтожены после революции 1917 года.

при этом важно отметить, что оно привязано к управляемым сельскохозяйственным угодьям не только в функциональном, но и в пространственном отношении, как это видно на примере агроландшафта деревни Крестовая. Это естественно, поскольку близость к сельскохозяйственным угодьям сокращает трудозатраты на их обработку. Инфраструктура, в первую очередь дорожная сеть, и удаленность от рынка сбыта также связаны с минимизацией трудозатрат на получение и сбыт сельскохозяйственной продукции.

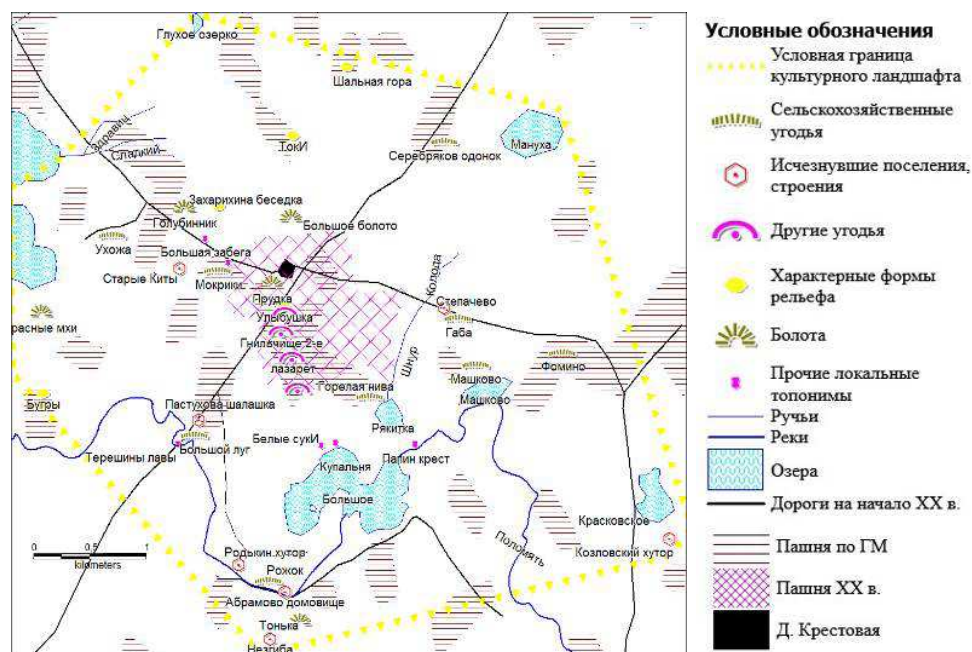

Рисунок 1. Локальные топонимы деревни Крестовая

Как уже указывалось, одним из районов раннего сельскохозяйственного освоения является Западное Прикамье. В Прикамье сформировались крупные агрогеосистемы в долинах рек, окруженные лесными массивами, сохранившиеся до наших дней. Исторически они получили название «поречий». Самые крупные и хорошо сохранившиеся из них — Иньвенское поречье в бассейне р. Иньва и Обвинское поречье в бассейне р. Обва. Первоначально они были заселены пра-коми, но на рубеже XVI–XVII веков, и затем к концу XVII века в таежном Прикамье шла стихийная русская крестьянская колонизация. Эти волны переселения очевидно связаны, во-первых, со Смутным временем, когда в ряде регионов на западе России численность населения сократилась в разы, и, во-вторых, с Церковным собором 1666–1667 года, после раскола церкви предавшем старообрядцев анафеме как еретиков и принявшем решение об их наказании. С 1646 по 1679 год количество населенных пунктов в Обвинском поречье возросло в 5 раз, а население более чем в 3 раза, в Иньвенском

поречье в 2 и 2,5–3 раза соответственно¹. При этом не происходило смены системы хозяйствования, а имело место лишь увеличение числа жителей и еще большее — населенных пунктов, что приводило к экстенсивному увеличению площади ландшафтно-хозяйственного ареала, однако с сохранением его структуры. Его пространственно-временная организация отличалась удивительной устойчивостью. Как в XII веке, так и в XVII–XIX веках преимущественно небольшие (1–3 двора) населенные пункты располагались по долинам рек. Вокруг них в радиусе нескольких километров находились кормовые угодья и поля. Поля делились на ближние, дальние и отъездные. Правильный севооборот — трехполье: пар, яровые, озимь — соблюдался только на ближних, постоянно обрабатываемых полях. Источником плодородия служило регулярное внесение навоза, единственного удобрения, известного крестьянам.

В Прикамье в отличие от Западной и Центральной России принципиальное изменение структуры агроландшафта произошло только в конце XIX века после отмены крепостного права, что стало одной из причин геоэкологического кризиса. Особенно существенным было введение общинного землепользования, никогда ранее не практиковавшегося в этом регионе. Так, в «Материалах к оценке земель...» прямо указывается, что существующий тип землепользования сложился еще до реформы 1861 года, когда «повсеместно господствовало подворно-захватное земледелие, в результате чего население разбросано по множеству деревень, починков, выселок и одноворков при отсутствии общего обязательного севооборота, присущего общине»². Введение общинного земледелия и землевладения преследовало в первую очередь сугубо фискальные цели, и такого рода нововведения «не только сильно воспрепятствовали, но, можно сказать, положили конец столь необходимому для культуры края процессу центробежного расселения»³. Крестьяне в Пермской губернии в целом не страдали так от недостатка земли, как в Центральной России, однако сложной проблемой в таежном Прикамье всегда было поддержание баланса между скотоводством и земледелием. В регионе всегда не хватало естественных кормовых угодий, тогда как для поддержания плодородия почв соотношение площади сенокосов и пашни согласно агрономическим нормам того времени⁴ должно было быть 2:3 соответственно.

1 Устюгов Н.В. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во II половине XVII века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. М., 1962. Сб. V. С. 78–95.

2 Материалы к оценке земель Пермской губернии с 1898 по 1900 г. Т. 1. Оханский уезд. Пермь, 1898. С. 38.

3 Там же.

4 Там же.

В реальности же оно составляло не более чем 1:3 в дореформенный период, а после проведения реформы стало резко падать. Однако в северных уездах Пермской губернии этому препятствовал исходный низкий потенциал земледелия, тогда как к югу этот процесс шел по нарастающей. Например, в Оханском уезде за период с 1878 по 1898 год существенно сократилась доля покосов, а в восточной части Оханского уезда произошло даже сокращение пахотных земель. Причем в структуре сельскохозяйственных угодий восточной и центральной частях уезда они оказались замещены наименее ценными угодьями — выгонами и залежами. Деградации сельскохозяйственных угодий не произошло только в северо-западной, поречной части уезда, несмотря на худшие природные условия или как раз благодаря им. Это приводило к парадоксальной картине: геоэкологический кризис в большей степени поражал более благоприятную по природным условиям к югу от поречий (переходную пограничную полосу и хвойно-широколиственную подзону), что проявлялось в более сильном нарушении структуры сельскохозяйственных угодий и падении продуктивности сельского хозяйства по сравнению с агрогеосистемами поречий (табл. 2). Этот парадокс объясняется действием правила природного ограничителя: *чем жестче природные факторы ограничивают возможности сельскохозяйственного использования территории, тем больше вероятность того, что пространственная организация агроландшафта сохранится при изменении социально-экономических условий.*

Таблица 2. Доля сенокосов и пашни в общей площади сельхозугодий¹

Уезд (Пермская губерния)	Физико-географическая подзона	Пашня	Сенокосы	Сенокосы
			суходольные	пойменные
(% от общей площади надела)				
Чердынский	Средняя тайга	20,7	3,3	8,2
Соликамский	Средняя тайга и северная часть южной тайги	38, 4	10,9	11,8
Пермский	Южная тайга	38,2	21,1	7,6
Оханский	Южная тайга	67,1	2,8	6,0
Осинский	Хвойно-широколиственная; лесостепь	55,1	5,7	8,1

¹ Варгин В.Н. Из поездки по Оханскому уезду. Пермь, 1899.

Таким образом, община искусственно законсервировала пространственную структуру сельского расселения, сложившуюся на момент реформы. Перестали возникать новые «починки», стала затруднена распашка новых земель. Препятствие экстенсивное развитие стало окончательно невозможным. Исходя из фискальных целей общинного землевладения, земля закреплялась не за каждым крестьянским хозяйством, а за общиной в целом, которая могла включать несколько населенных пунктов вплоть до волости. Соответственно, присущий общине регулярный внутренний подушный передел земель, различного рода «переделы», «свалки», «навалки» и «уравнения», а также общий севооборот не могли не уменьшать стимулы к удобрению максимального количества пашни навозом и развитию более прогрессивной агротехники. В результате начался процесс обезземеливания крестьян, живущих в деревне, но не вследствие нехватки земельных ресурсов, а обеднения деревни, связанного с невозможностью развития ни экстенсивного, ни интенсивного хозяйства.

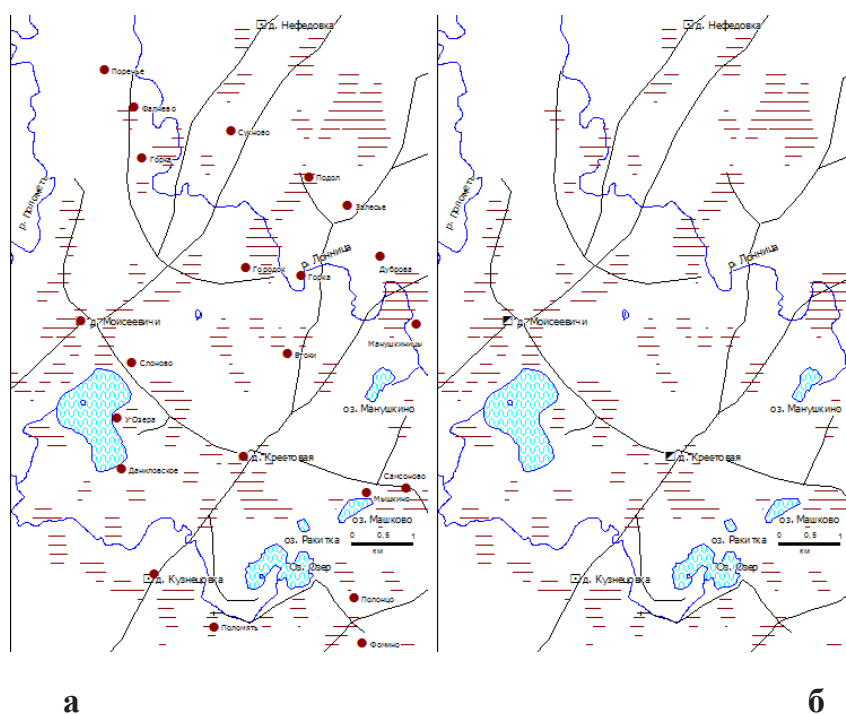
В Прикамье этот процесс деградации агроландшафта интересен тем, что хорошо задокументирован, так как происходил в конце XIX века, однако в западных и центральных регионах Нечерноземья аналогичный процесс деградации ландшафтно-хозяйственного ареала начал происходить на два столетия раньше.

В XVI–XVII веках на территории Западной и Центральной России разразился и социальный и аграрный кризис, кульминацией которого стал период Смуты в начале XVII века. В то самое время, когда в таежном Прикамье шла стихийная крестьянская миграция и количество жителей и поселений увеличивалось в разы, в западных и центральных районах России, откуда и шел отток населения, исчезло до 90% деревень. Большинство их уже не восстановилось. Восстановление хозяйства региона шло уже в совсем других условиях: при повсеместно господствовавшей поместной системы. При этом произошла смена системы расселения с малодворной на многодворную, но существенно более разреженную (рис. 2).

Почему это так важно? С изменением системы расселения изменилась пространственная агроландшафтная структура региона: возникло большое количество так называемых пустошей, т.е. заброшенных пахотных земель на месте бывших поселений. Часть из этих пустошей, наиболее удаленных, была заброшена окончательно, однако другие обрабатывались «наездом», поскольку близлежащей пашни стало не хватать на возросшее число жителей. Крестьяне оказались обречены на постоянную нехватку близко расположенной и доступной для регулярного удобрения плодородной земли. Надел каждого крестьянина в большой деревне-общине состоял из отдельных участков как близкой, так и удаленной пашни, с «хорошей» и «плохой» землей. Так возник-

ла чересполосица и, следовательно, принудительный, обязательный для всех членов общины севооборот. К тому же от поколения к поколению ситуация с количеством людей в каждом дворе менялась, из-за чего были необходимы переделы земли.

— отдельные участки пашни существенно различаются как по урожайности, так и по близости к селению;

1 Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). М., СПб.: Альянс-Архео, 2008. Т. 1.

Отсюда возникает настоятельная необходимость общинного землепользования, чересполосного нарезания полей и регулярного их передела. Другого способа учесть интересы всех членов общины и обеспечить всех примерно равным по количеству и качеству земли наделом нет. Но в этом случае помимо уже существующих проблем с падением плодородия почв возникает новая: крестьянин не слишком заинтересован в поддержании, а тем более повышении плодородия земель, поскольку его надел ему не принадлежит и в любой момент может перейти кому-то еще. Все эти факторы, в свою очередь, приводили к минимизации обработки земель крестьянами и, как следствие, падению эффективности сельского хозяйства. Крестьяне, и без того отличавшиеся консерватизмом, окончательно лишились стимула что-то менять, и на протяжении последующих веков, в отличие от Европы, повышения уровня земледелия не происходило. Все это в целом не способствовало сохранению плодородия почв и повышению урожайности. В конечном итоге в первой половине XIX века урожайность в Новгородской губернии, например, не превышала сам-2,6.

Достижение к середине XIX века некоторого предела роста, связанного как с природными, так и социальными факторами, привело к геоэкологическому кризису и деградации сельского хозяйства региона. Было необходимо реформировать сельское хозяйство, однако реформа 1861 года не привела к желаемым результатам. Как это ни парадоксально, ее результатом явилось лишь усиление геоэкологического кризиса, усугублявшегося в лесной зоне конкуренцией со стороны позже освоенных черноземных губерний, где себестоимость зерновых была гораздо меньше.

Очевидно, что причиной не могут быть ни природные условия, ни аграрные технологии, так как ни те, ни другие не изменились. Скорее, наоборот, климатические условия улучшились, поскольку закончился малый ледниковый период (XIV–XIX века). Причиной можно считать нарушение геоэкологической оптимальности земледелия под влиянием социальных факторов, прежде всего государственной политики.

Проблемы, приведшие к кризису, возникли еще до реформы. После реформы они лишь усилились, так как повсеместно стала действовать общинная собственность на землю даже там, где ее ранее не было, как в таежном Прикамье¹ с ее переделами и принудительным севооборотом. Добавила проблем также демогра-

¹ Материалы к оценке земель Пермской губернии с 1898 по 1900 г. Т. 1. Оханский уезд. Пермь, 1898.

фическая ситуация: если, по данным А.Л. Перковского¹, крепостное крестьянство в первой половине XIX в. носило характер «застойной демографической группы, которая вымирала, если не в чисто популяционном, то, во всяком случае, в социально-демографическом смысле», то после отмены крепостного права именно эта группа пережила настоящий «демографический взрыв», что усилило нагрузку на землю.

При этом следует отметить, что те трансформации, которым подверглись условия сельской жизни в Нечерноземье в XX веке, не идут ни в какое сравнение со всеми перипетиями предыдущих веков. За это время произошли:

- Столыпинские реформы;
- разруха, связанная с Первой мировой и Гражданской войнами;
- коллективизация;
- разруха, связанная с Великой Отечественной войной;
- реформы сельского хозяйства при Н.С. Хрущеве;
- Программа ликвидации «неперспективных» деревень;
- Программа мелиорации и др.

Таблица 3. Изменения системы сельского расселения в Каргополье в XIX–XXI веках

Субрегионы Каргополья		Окологород		Бассейн о. Лаче	Бассейн р. Моши	Верхняя Онега
Волости в к. XIX — н. XX века		Павловская	Надпорожская	Ухотская	Фатьяновская	Александровская и Шелтомская
Сельские советы в к. XX — н. XXI века		Павловский с/с		Ухотский с/с	Мошинский с/с	Коневский с/с
Деревни в 1893 г.	общее число деревень	71	35	45	77	39
	% малодворных	93	88,5	71	78	5,1
	% среднедворных	7	11,5	24,4	22	66,7
	% крупнодворных	-	-	4.4	-	28,2

1 Перковский. А.Л. Кризис демографического воспроизводства крепостного крестьянства России в первой половине XIX столетия, 2012. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0493/nauka03.php>

Деревни в 2003 г.	общее число деревень	6	2	13	56	16 (22)
	% малодворных	66,7	50	38,5	87,5	68,75
	% среднедворных	-		46	7,1	25
	% крупнодворных	33,3	50	15,4	5,4	6,25 — с. Конево
% сохранившихся деревень		8,5	5,7	28,9	72,7	41 (56,4)
Динамика численности населения в %	к. XIX — н. XX в.	+25,2	+ 10,8	+ 16,9	+ 21	+ 16
	к. XX — н. XXI в.	- 10,5	- 17,1	- 32	- 31,8	- 14,2
Изменение общего числа населения с 1893 по 2003 г., %		- 83,5	- 90	- 76,2	- 71,6	- 56,2
Изменение числа населения в «неперспективных» деревнях с 1893 по 2003 г., %		- 99,8	- 99,9	- 92,6	- 90,6	- 95
Среднее число человек на 1 двор в 1893 г.		4,4–5,9	5,9–6,5	5,6–7,5	5,8–8	5,9–7,8
Среднее число человек на 1 хозяйство в 2003 г.		1,3–3,4	1–2,7	2–2,6	1–2,5	2,1–2,2

Причем все эти преобразования, может быть, за вычетом Столыпинских реформ, не учитывали геоэкологических условий ведения сельского хозяйства в регионе, что привело к постоянному снижению его эффективности и, как следствие, деградации и почти полному исчезновению после снятия административного пресса в результате развала СССР, что, в свою очередь, вылилось в катастрофическое сокращение поселенческой сети (табл. 3).

Выводы:

- Проведенный анализ показывает, что трансформации ландшафтно-хозяйственного ареала традиционного культурного ландшафта под воздействием государственной системы управления имели место на протяжении всей истории освоения лесной зоны Восточно-Европейской равнины.
- Так, изменение системы расселения, прошедшее в западных и центральных районах лесной зоны Европейской равнины в XVI–XVII веках, вошло в противоречие с природными (геоэкологическими) факторами, что определило многовековой тренд на снижение эффективности сельскохозяй-

зяйственного производства, тогда как в северных и восточных районах жесткие природные ограничения и менее сильное действие социальных факторов (в первую очередь государства) обеспечили сохранность экологически сбалансированных традиционных агрогеосистем в этот период.

- В свою очередь, введение общинного землевладения после отмены крепостного права способствовало деградации агроландшафтов в северных районах Нечерноземья, не затронутых сменой системы расселения после Смуты.
- В XX веке политика ликвидации «неперспективных деревень» находилась в том же тренде игнорирования государством природных условий земледелия в регионе, результатом чего является долговременное снижение эффективности сельского хозяйства, частично маскируемое административными факторами.

ТОСы Каргополья

Развитие территориального общественного самоуправления в Каргопольском районе имеет уже достаточно долгую историю. ТОС объединяет активных неравнодушных жителей, которые стремятся совместными усилиями решать проблемы своего микрорайона или населенного пункта: это благоустройство территорий, ремонт колодцев и пожарных водоемов, строительство детских и спортивных площадок, восстановление памятников павшим в Великой Отечественной войне и многое другое.

История создания ТОСов в Каргопольском районе начинается в 2001 году (см. рис. 1). В настоящее время на территории района осуществляют свою деятельность 40 территориальных общественных самоуправлений: МО «Каргопольское» — 11 ТОСов; МО «Ошевенское» — 2 ТОСа; МО «Павловское» — 10 ТОСов; МО «Печниковское» — 3 ТОСа; МО «Приозерное» — 9 ТОСов; МО «Ухотское» — 5 ТОСов.

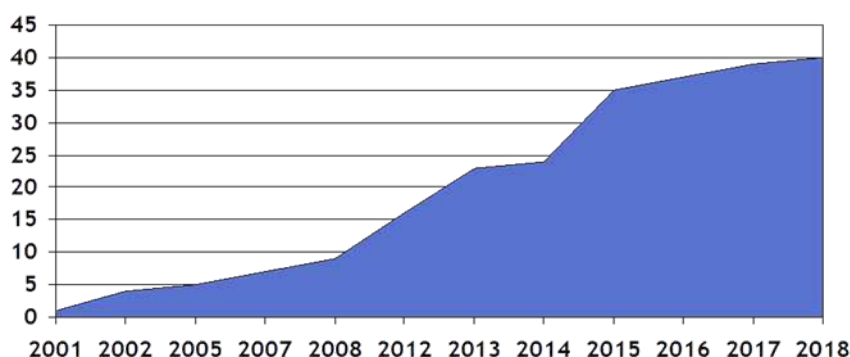

Рисунок 1. Динамика создания ТОС

Если раньше территориальное общественное самоуправление ассоциировалось в основном с сельскими территориями, то в последние годы движение развивается и в новых городских микрорайонах г. Каргополя. Так, в Каргополе создано 11 ТОСов, охват населения ТОСами составляет 70%. Через ТОСы жители на местах активно включаются в социально-экономическую жизнь территорий. Они понимают, что совместная сплоченная деятельность способна решить множество проблем.

Основная форма поддержки ТОСов в районе — финансирование проектов на конкурсной основе. В нем задействованы средства областного и районного бюджетов, а также привлеченные и собственные средства органов ТОС (с 2009 года поддержано проектов на общую сумму около 6 млн. руб.).

Стало уже традиционным проведение ежегодного районного конкурса проектов ТОС (в 2007–2008 годах ежегодно поддерживали 3–4 проекта в год, сегодня уже от 15 до 20). Всего за эти годы ТОСами реализовано более 100 проектов.

По итогам прошлых лет наибольшее число проектов реализуется по направлению «благоустройство территории, природоохранная деятельность» и «развитие физической культуры и спорта»:

- в районе построено более 30 детских и спортивных площадок, которые ежегодно обновляются;

- обустроено 10 колодцев и источников, отремонтировано около 10 пожарных водоемов;

- к 70-летию Победы во многих населенных пунктах отремонтированы памятники землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны (только в 2015 году на эти цели привлечено более одного миллиона рублей из областного бюджета);

- восстанавливаются четыре памятника духовного наследия (рис. 2 и 2а);

- в деревне Зеленый Бор ликвидирован пожароопасный объект (разваливающееся здание старого клуба), представляющий опасность для жизни и здоровья детей; сейчас работа по сносу старого здания детского сада ведется в д. Тихманьга новым ТОС «Радуга» (рис. 3 и 3а);

- производятся ремонты в сельских клубах;

- в деревнях появились площадки и беседки для отдыха;

- в городе открылись парк отдыха, экопарк и музей лыжного спорта, уличные тренажеры в трех городских ТОСах.

Рисунки 2-2а. ТОС «Култинская сторона». Проект «Ремонт часовни». 2016 год

Рисунки 3-3а Ликвидация пожароопасных объектов в деревне Зеленый Бор

Конечно, тосовцам хочется общаться и обмениваться опытом, поэтому администрацией Каргопольского района постоянно оказывается организационная поддержка ТОСов:

- в 2014 году состоялся семинар для представителей ТОСов, НКО и активных граждан Каргопольского, Няндомского и Плесецкого районов;

- в 2015 году председатель Ассоциации общественных организаций В.В.63 ммПерфильева приняла участие в заседании Совета ТОС при губернаторе Архангельской области;

- в 2015 году делегация Каргопольского района приняла участие в выездных общественных слушаниях в Республике Карелия «Потенциал сельских территорий как основа сохранения и развития культурной среды в России». Органи-

заторм данного мероприятия выступила Общественная палата РФ по вопросам агропромышленного комплекса и развитию сельских территорий;

— в том же году делегация Каргопольского района приняла участие во всероссийском форуме ТОС и НКО «Лучшие муниципальные практики» в г. Москве;

— в 2015 году Каргопольский район принял на своей территории областной проект «Эстафета социальных инициатив», в рамках которого прошел обучающий семинар. Итогом его работы явилась поддержка четырех районных проектов;

— в 2016 году Л.Б. Викулова приняла участие в I съезде ТОС России «Сила общественности — на благо России» в Москве;

— в 2016 году З.В. Порожникова — в семинаре «Добрые города — развитие малых городов и территорий» в Санкт-Петербурге. Результатом поездки стало создание в Каргопольском районе общественного движения «Доброе Каргополье»;

— в январе 2017 года состоялся круглый стол «ТОС: Территория Осуществления идей» органов территориального общественного самоуправления Пинежского, Приморского, Холмогорского и Каргопольского районов Архангельской области;

— в августе прошлого года состоялась встреча тосовцев с Еленой Сергеевной Шоминой, доктором политических наук, ординарным профессором НИУ «Высшая школы экономики», автором мастер-классов и семинаров в разных городах России для активных жителей, представителей местной власти, органов ТОС по темам «Развитие соседских сообществ», «Социальные технологии добрососедства»;

— ежегодно делегации Каргопольского района принимают участие в работе фестиваля «ТОСы Поморья» в деревне Вершинино Плесецкого района и на территории Каргопольского сектора Кенозерского национального парка, а также в работе Северного гражданского конгресса.

С 2011 года проводятся конкурсы «Лучший ТОС Архангельской области» и «Лучший активист ТОС Архангельской области».

ТОСы обладают высоким потенциалом, однако он вряд ли может быть реализован в полной мере без формирования навыков социального лидерства путем систематического обучения и ресурсной поддержки органов общественного самоуправления со стороны администраций муниципальных образований.

В любой небольшой деревне жители друг друга знают десятилетиями, все злободневные проблемы решаются после обсуждения с соседями. Обязательно

находится кто-то, кто проявил инициативу и организаторские способности, постепенно становясь лидером.

Есть несколько территорий, где ТОСы — скорее «бумажные», нежели живые и значимые для жителей организации, а потому так важна информация о лучших практиках, наработанных социальных технологиях взаимодействия ТОС и жителей, ТОС и органов МСУ, ТОС и местного бизнеса, ТОС и НКО. Необходимо научить жителей не только определить проблему своей территории, но и найти способ ее решения.

Есть территории, где ТОСы успешно работают много лет, а некоторые делают лишь первые шаги. Опыт создания ТОС показывает, что очень часто важные гражданские инициативы не реализуются, т.к. правовая, социальная и экономическая грамотность руководящих кадров органов ТОС, несмотря на их авторитет среди населения, чрезвычайно низка. Почему бизнесу и управлению учатся, а основам организации, эксплуатации и развития места жительства, созданию органов ТОС, эффективным соседских объединений, способных решать достаточно сложные задачи местного сообщества, — нет?

Этот пробел мы постарались восполнить в рамках проекта «ТОС: Территория Осуществления идей», победившего в областном конкурсе проектов для СО НКО министерством по МСУ и внутренней политике Архангельской области. Проект направлен на поддержку представителей ТОСов, мобилизацию инициатив, обеспечение общения и взаимодействия как внутри организации, так и между ее представителями в решении проблем своих территорий. Уже проведены два двухдневных обучающих семинара-тренинга на территориях сельских и городских ТОСов. Партнером проекта выступил информационный центр «Гарант». В работе второго обучающего семинара принял участие Владимир Вайнер, директор Фонда развития медиапроектов и социальных программ. Кроме этого, участники семинара учились писать проекты. Участники смогли проанализировать основные проблемы своих сообществ, обсудили причины их возникновения, определили приоритеты в решении и предложили возможные варианты их решения с участием активных граждан. Отметим, что семинар помог выявить ошибки в проектах, найти единомышленников, сформулировать новые проектные идеи, реализация которых может улучшить жизнь в сообществе.

Вся информация о работе ТОСов активно освещается в районной газете «Каргополье» и на официальном сайте администрации района.

В течение последних пяти лет проводится ежегодная районная конференция ТОС, на которой подводятся итоги работы за год, тосовцы обмениваются опытом работы, решают совместные проблемы, получают новую информацию.

Таким образом, можно утверждать, что в Каргопольском районе создана и успешно работает система развития ТОСов, во многом благодаря взаимодействию власти и гражданского общества на местах. Территориальное общественное самоуправление на практике доказало, что может внести свой серьезный вклад в устойчивое развитие любой территории.

Отдаленный сельский мир деревни Ступная: ферма, промыслы и лес неприступные¹

Жизнь одной деревни на границах Каргополья

Каргополье — южная территория Архангельской области — исторически один из самых крайних районов регулярного сельского хозяйства на севере России. Термин «Каргополье» шире в пространственном и смысловом значении ныне существующего Каргопольского района и имеет отношение прежде всего к Каргопольскому уезду, в состав которого входили до 1929 года территории, расположенные сегодня в Каргопольском, Няндомском и Плесецком районах.

До середины XX века села и деревни Каргополья являли собой миры еще в целом традиционной русской деревни, несмотря на социально-экономические и культурно-политические потрясения Гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны. Фактически лишь с 1960-х годов начинают стремительно меняться сельские миры Каргополья. Это связано с неоднозначными успехами сельской индустриализации, укрупнением сельских поселений, позднесоветскими программами развития Нечерноземья, приведшими в конечном счете к депопуляции и старению сельского населения Каргополья, исчезновению многих деревень к концу XX века, усугубившимися последствиями социально-экономического кризиса 1990-х годов.

Недавно проведенное исследование Н.И. Тормосовой документально засвидетельствовало, как в Каргополье за последние несколько десятилетий катастрофически сократилось число сельских населенных пунктов².

Кроме статистических сведений очевидные феноменологические факты формируют печальную картину обширного сельского запустения и одичания. Тем любопытнее и парадоксальнее выглядят примеры выживания и развития удаленных и маргинальных даже по меркам Каргополья сельских сообществ.

Наиболее ярким примером противодействия исчезновению северной русской деревни является судьба деревни Ступная. На сегодняшний день Ступная —

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

2 Тормосова Н.И. Каргополье: История исчезнувших волостей. Каргополь: Каргопольский музей, 2011.

это самая удаленная деревня Каргополья, она расположена в гуще архангельских таежных лесов на берегу живописного Покровского озера в 150 километрах от райцентра и в 90 километрах от ближайшего железнодорожного пункта, соединяемая с обоими лишь грунтовыми дорогами, непроезжими для транспорта осенью и весной.

Деревня Ступная основана в XVIII веке. Как это типично для Русского Севера, здесь по берегам озера Ильинского и вытекающих из него речек размещались так называемым «кустом» мелкие деревеньки в 10–15 дворов. Ступная оказалась в центре этого куста и в советское время превратилась в небольшую центральную усадьбу местного колхоза. В советский период сельская жизнь Ступной и ее окрестностей подверглась унифицирующей прогрессистской трансформации. Была в конце 1930-х годов разрушена местная церковь, в 1960-е годы в центре деревни выстроена по регулярному плану симпатичная площадь, состоящая из трех деревянных достаточно обширных и уютных зданий: колхозной конторы, клуба, школы-детского сада. В центре площади установлен памятник погибшим в Великой Отечественной войне. От площади, располагающейся на вершине приозерного холма, в разные стороны неспешно сбегает четыре искривленных улицы, на которых стоят несколько десятков домов. К концу советского периода в Ступной жили чуть более 400 человек, в настоящее время — около 200, причем окрестные мелкие селения ступнинского «куста» за последние десятилетия окончательно опустели, и только отдельные дома в летнюю пору населяются дачниками.

Надо сразу отметить, что по своему экономико-географическому положению Ступная расположена чрезвычайно невыгодно. Однако по сравнению с многими тысячами сел и деревень северного Нечерноземья, бесследно исчезнувшими за последние полвека, Ступная продолжает существовать.

Для объяснения этого феномена обратимся к оригинальной гипотезе А. Познаненко, проводившего исследования выживаемости-исчезновения удаленных сельских населенных пунктов Российской Федерации¹. По его мнению, быстрее всего исчезают сельские населенные пункты, расположенные в самой близости крупных городов. Их, как правило, просто поглощают городские новостройки. Противоположный вариант исчезновения села — нахождение его в такой глуши, с которой невозможно регулярное сообщение ни одним видом транспорта. Относительно более устойчивыми оказываются населенные пункты, которые, с одной

¹ Познаненко А.А. // [Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология](#). 2017. № 40. С. 244-255.

стороны, находятся на благоразумном отдалении от всепоглощающих центров городской цивилизации, с другой — имеющие возможности регулярной связи с внешним миром.

Месторасположение Ступной в значительной степени тяготеет ко второму, удаленному от благ цивилизации, варианту, и тем не менее эта деревня даже неплохо развивается. Обратимся к более подробному анализу причин ступнинской живучести.

На ком держится сельская жизнь: типы сельских активистов

Размышляя над причинами выживания или исчезновения сел и деревень современной России, мы до сих пор останавливались на экономико-географическом местоположении. Однако не менее важным оказывается социальная и культурная организация местного сообщества. Так, в целом ряде регионов Российской Федерации в последние десятилетия отмечалась более высокая выживаемость сельских поселений, сохранивших традиционные ценности сельских миров: этнические, религиозные, общинные и т.д.

На первый взгляд Ступная отнюдь не обладает какими-либо особенными сельскими традиционалистскими добродетелями. Это не старообрядческое село, держащееся мотивацией религиозной дисциплины, не татарское или башкирское село, где сильны традиции этнического уклада сельской жизни.

Хотя в Ступной до сих пор преобладают коренные жители, но в современных условиях глобальной рыночной экономики среди сурового северного Нечерноземья должны быть и иные социальные причины сохранения местного сообщества. К ним относятся прежде всего личностные, персональные качества руководителя, лидера местного сообщества. Им оказался ступнинский уроженец — председатель колхоза, руководивший ступнинским хозяйством с середины 1960-х до конца 1980-х годов. При нем небольшой ступнинский колхоз специализировался на молочном животноводстве, органично сочетая его с ведением личных подсобных хозяйств и разнообразными лесными промыслами.

Депрессивные 1990-е годы оказались тяжелыми и для Ступной. С крахом плановой экономики и денежной инфляцией ступнинское колхозное хозяйство фатально разрушалось, его руководители не смогли найти пути сбыта молока и средств для обновления производства. К концу 1990-х годов бывшее колхозное стадо значительно уменьшилось, и остатки были разобраны по ЛПХ. Но и для местных подворий, как и для бывшего колхоза, центральной остава-

лась проблема реализации молока, которое было трудно везти почти за сотню километров до ближайшей железнодорожной станции или райцентра, тем более что там имелись более удачно расположенные многочисленные конкуренты.

Единственное фермерское хозяйство, образовавшееся в 1990-е годы в Ступной, пыталось организовать молочную переработку непосредственно в деревне, изготавливать масло и сыр, но и оно скоро прогорело, также не найдя устойчивых рынков сбыта. На рубеже двухтысячных годов ступнинская сельская экономика стремилась к банкротству, отчасти выживая лишь благодаря интенсификации самообеспечения в личных подсобных хозяйствах и окрестным лесозаготовкам. В это время начинается ускоренный исход местных жителей из деревни, а среди остающихся процветает пьянство и хулиганство.

После банкротства бывшего колхозного хозяйства его кризисным управляющим был назначен Алексей Морозов. Ему удалось в короткий срок получить кредиты для реанимации хозяйственной деятельности на двух молочных фермах в Ступной. В скором времени ступнинские фермы стали одними из самых производительных не только в районе, но и во всей Архангельской области. За явные хозяйственные успехи, поддержание и развитие социальной сферы Ступной Морозов был избран депутатом Законодательного собрания Архангельской области. Это избрание, безусловно, добавило ему и определенный административный ресурс для дальнейшего развития ступнинской экономики.

Как это свойственно многим сельскохозяйственным предпринимателям постсоветской поры, Морозов успешно сочетает в своей деятельности элементы капиталистического менеджера и советского хозяйственника. Так, он приобрел в собственность более половины паевого имущества бывшего колхоза, став фактически главным собственником этого предприятия, но при этом он старательно поддерживает идею исторической преемственности своей деятельности с колхозным управлением. На стенах конторы нынешнего сельхозпредприятия висят стенды с фотографиями, документами, графиками как колхозной поры, так и современной. Сам председатель всячески подчеркивает преемственность колхозных и советских традиций, например, вполне в советском духе ему удалось найти средства на строительство четырехквартирного дома для молодых специалистов. Большое внимание руководитель предприятия уделяет организации публичных мероприятий в деревне: День села в Ступной отмечают торжественно и с большим размахом.

Стоит отметить и активность других жителей деревни. Например, именно в Ступной одним из первых среди сельских поселений района был построен храм, в основном благодаря деятельной и инициативной религиозной общине, возглавляемой церковным старостой Владимиром. Собственного священника маленький ступнинский приход не имеет, но регулярно приглашает провести церковную службу батюшку из райцентра.

Кроме православной общины в Ступной проявила себя и территориальная организация самоуправления. Благодаря ее деятельности было реализовано несколько проектов по благоустройству деревни: ТОС принял участие в сооружении небольшой деревянной гостиницы для туристов и гостей в центре деревни.

Несмотря на удаленность, дачники и туристы регулярно добираются до деревни Ступная, конечно, в основном в летнее время. На живописном озере и его речных притоках хорошая рыбалка, а в окрестных лесах много грибов и ягод, птицы и зверья для охоты.

Значимым событием в жизни Ступной стала неудачная попытка рейдерского захвата местного сельхозпредприятия, предпринятая лесопромышленниками из Архангельска. Семь лет назад рейдеры на джипах, преодолев апрельскую распутицу дороги, ведущей в Ступную, нагрянули в момент проведения общего собрания трудового коллектива с критикой Морозова. Они попытались щедрыми предложениями скупить пай у местных с целью смены собственника. Это было очень бурное собрание. «Варяги» обещали «золотые горы» в случае их прихода к власти. Руководитель предприятия и солидарное с ним большинство работников трудового коллектива все же полагали, что неожиданных покупателей прежде всего интересовала возможность быстрой и хищнической вырубki окрестных лесов и распродажа мясомолочного хозяйства. В результате большинство ступнинцев предпочли тут же продать свои земельные пай руководителю. Так Морозов получил контрольный пакет в управлении собственностью предприятия, а незваные гости в тот же вечер убрались прочь.

Сегодня экономика Ступной по-прежнему сохраняет все отвоеванные позиции, проходит постепенная модернизация двух молочных ферм, на которых надои остаются одними из лучших в Архангельской области. Председателю хозяйства удастся успешно сочетать занятость работников Ступной в лесозаготовках и мясомолочном животноводстве. А используя свой административный ресурс депутата, он получает дополнительные дотации на развитие не только экономической, но и социальной сферы Ступной.

ТОСы и местная церковная община также успешно реализуют проектные инициативы по благоустройству села.

Перспективы деревни Ступная: прошлое в будущем

По мнению большинства жителей, решающим фактором устойчивого развития Ступной все же можно считать наличие сильного лидера местного предприятия и сообщества. Однако в интервью Морозов признался, что не представляет, что произойдет в местной хозяйственной жизни после его ухода на пенсию.

В беседах с разными жителями обсуждались несколько возможных сценариев дальнейшей эволюции жизни местного сообщества. В целом они укладываются в типологию сценариев возможного развития территорий северного Нечерноземья, сформулированных Т.Г. Нефедовой¹.

Первый предполагает достаточно долгое и успешное хозяйственное развитие Ступной под руководством ее нынешнего председателя, сочетающего сельское хозяйство и лесные промыслы на благо социального развития деревни.

Второй вариант — без нынешнего председателя, но с достойной ему заменой — рассматривается как маловероятный. В настоящее время ступнинцы не видят в своей деревне другого руководителя, сопоставимого по своим управленческим талантам с Морозовым.

Третий вариант предполагает, что в среднесрочной перспективе от молочного животноводства в Ступной придется отказаться, т.к. перевозить производимое здесь молоко приходится на далекие расстояния. В этих условиях местные жители могут выбрать ориентацию на эксклюзивные промыслы экологического направления и дачное развитие.

И конечно, центральный вопрос дальнейшего развития Ступной — смена поколений. Все же несмотря на относительно комфортную жизнь этой деревни, в ней продолжается, пусть и умеренный, исход молодежи в город, а также неуклонное старение местного сельского населения.

¹ Нефедова Т.Г. Глава 6. Что будет с нечерноземной глубинкой в кн. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской географии: ответы географа. М.: Ленанд, 2013.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

М.С. Черкасова (Вологда)

Новые документы по Каргопольскому уезду и Чаронде XVII — начала XVIII века

В процессе поисковой работы в государственном архиве Вологодской области (ГАВО) автором было выявлено несколько новых документов, относящихся к Каргопольскому уезду и Чарондской округе XVII — начала XVIII века. Они интересны тем, что показывают церковную принадлежность разных мест названной территории разным институциям — Вологодско-Белозерской архиепископии и Новгородской митрополии. Их можно использовать для изучения структур церковного управления и тем самым включить в тематику Каргопольской научной конференции 2018 года. Эти документы приведены в приложении к этой публикации в хронологической последовательности. Кратко охарактеризуем их.

Под № 1 дана челобитная крестьян церкви Рождества Богородицы в Шильской (Шильдской) волости в Чарондской округе вологодскому архиепископу Симону (1664–1685) с просьбой посвятить к ним в попы сына умершего священника Евтихей Викулов. Вероятно, упомянутый в челобитной как волостной староста Силуян Викулов являлся его братом. Весьма многозначительно указание на то, что умерший поп ещё при жизни благословил мирских людей выбрать его сына. Челобитная не датирована, но судя по упоминанию попа Евтихия Викулова и его сына Петра в записной книге Белозерья и Чаронды при Симоне, может быть отнесена ко времени его архиерейства (166–1685). Согласно этому описанию, храмовый комплекс включал церковь св. пророка Ильи с приделами Параскевы Пятницы и московского митрополита Филиппа, а ещё церковь Николая Чудотворца. В приход входило 80 крестьянских дворов¹. Поскольку из четырех указанных в записной книге сыновей попа Евтихия Петр стоит последним, можно предположить, что он был самым младшим. Первым же отмечен сын Иван, а среди подписей под

1 Васильев Ю.С. Две переписные («записные») книги: а) монастырей и пустыней; б) церквей и причта Белозерского уезда и Чарондской округи конца XVII века // Белозерье. Краеведческий альманах. Вып. 3. 2007. С. 127.

челобитной он же фигурирует как церковный дьячок Ивашко Евтихеев Попов. Запись иерея Софийского собора в Вологде Кузьмы свидетельствует о прохождении исповеди Петром перед его поставлением в попы. В монографии Н.Т. Тормосовой по данному погосту приведены сведения из дозорной книги 1615 года, в которой отмечен священник Викул Ларионов¹. Таким образом, можно говорить по крайней мере о трёх поколениях священников Николо-Ильинского погоста в Шильдской волости в XVII веке — Викуле, Евтихии и Петре. Скорее всего, каждый из них нёс церковное служение в течение всей своей жизни.

Под № 2 в Приложении публикуется храмозданная (или храмосвятная, как они ещё назывались) грамота новгородского митрополита Корнилия (1674–1695) на сооружение церкви Богоявления Господня с приделами влмч. Климента и Георгия взамен сгоревшей в вотчине Крестного Онежского монастыря в Каргопольском уезде от 5 февраля 1675 года. Митрополичья грамота была выдана в ответ на челобитную богоявленского священника и церковного старосты. Новопостроенная деревянная церковь не должна быть шатровой. Антиминс для неё необходимо было взять из новгородского Софийского собора и освятить по новоисправному в ходе Никоновской церковной реформы Требнику. Храмозданная по форме своей напоминает аналогичные акты, выданные митрополитом Корнилием на построение церквей в других приходах Каргополья, опубликованные А.Н. Старицыным².

Под № 3 приведено не имеющее конца дело об освидетельствовании духовного завещания крестьянина дер. Шухтиной Печенской волости Чарондской округи Архипа Фомина, умершего от побоев в гостях у Р. Романова в дер. Тимофеевой Вещеозерской волости. Датировка дела — февраль-март 1688 года. Дело должно было рассматриваться в судебном приказе вологодского архиеп. Гавриила. В составе дела сохранились три документа: 1) челобитная сына умершего; 2) духовная избитого до смерти; 3) память архиеп. Гавриила поповскому заказчику Алексею о расследовании обстоятельств смерти крестьянина, составлении им духовного завещания и присылке сведений об этом на Вологду в судебный приказ архиерея его должностным лицам. Приведенные под № 1 и 3 документа расширяют сведения о Чаронде в статье Р.Б. Мюллер. В ней исследовательница использовала главным

1 Тормосова Н. Каргополье. История исчезнувших деревень (серия «Мы родом из деревни»). Каргополь, 2011. С. 507-508.

2 Старицын А.Н. Уникальный источник по истории сельских приходов Каргопольского уезда // Вестник церковной истории. 2011. № 3-4 923-24. С. 265-266, 306-307.

образом дозорные, писцовые и переписные книги 1615, 1617, 1624, 1646, 1710, 1718 годов¹.

Наконец, под № 4 приведен список с указной грамоты вологодского архиеп. Гавриила о назначении игумена Спасо-Вожеозерского монастыря Иасафа духовным судьёй в Чарондской округе от 21 июля 1703 года. В его прерогативы входило отправление суда по духовным делам над мирянами, попами и причетниками. Кроме того, его суду было подведомственно монашество Спасо-Вожеозерского монастыря. О судебном делопроизводстве и принятых решениях игумен Иоасаф обязан был докладывать в архиерейский приказ. На обороте списка имеется подорожная запись архиерейского дьяка Петра Ташлыкова² о предоставлении в приходах по одной подводе с проводником для проезда новоназначенного духовного судьи от 25 июля 1703 года. Сама же практика привлечения монастырских настоятелей на должности духовных судей в епархиях известна и по Вологде. Здесь в архиерейском доме в таком качестве работали архимандриты Спасо-Каменного и Спасо-Прилуцкого монастырей. В Устюжской епархии — архимандрит Михайло-Архангельского и игумен Троице-Гледенского монастыря.

Приложение

№ 1

1670-е гг. — Челобитная крестьян Шильской волости вологодскому архиепископу Симону о посвящении к их храму Рождества Богородицы в попы Петра Евтехеева.

Государю преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьют челом сироты великого государя Чаронской округи Шилской волости церковной старостишко Ивашко Семенов, волостной старостишко Силуянко Викулов, земской судейка Емельяшко Иванов, Федорко Данилов, Мишка Прокопьев, Степанко Мартынов Попов, Якушко Захарьев, Филка Титов и во всех крестьянех место Шилской волости, что у нас, у бедных у сирот ноне в приходах у церквей

1 Мюллер Р.Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни (Вопросы аграрной истории Европейского севера СССР. Вып. 4). Вологда, 1973. С. 278-298.

2 Этот дьяк отмечен во многих документах Вологодского архиерейского дома конца XVII — начала XVIII в., в том числе в обширном сборнике хозяйственной документации, подготовленном к печати Н.В. Башниным (РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Кн. 47. Л. 124, 182). Благодарю Никиту Викторовича за возможность ознакомиться с этим источником ещё до его публикации.

божиих священника не стало, судом божиим помер отец наш духовной Евстехей Викулов и после своего живота благословил нас выбрать в попы сына своего Петра Евтехеева. И мы, сироты, его, Петра, выбрали и послали к тебе, великому святителю, преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бити челом и ставитца в попы. Государь преосвященный Симон, архиепископ Вологодцкий и Белоозерский, смилуйся пожалуй, постави его, Петра, во дьяконы и соверши его в попы к церквам пророку Илье и Николе Чудотворцу, что у нас те церкви стоят без пения и боли помирают без причастия и роженицы лежат без молитвы.

Государь, смилуйся.

На обороте разными почерками:

К сей челобитной Шалги Болшей Рожества Богородицы поп Михей Васильев вместо старосты волостного Селуяна Викулова, церковного старосты Ивана Семенова по их велению руку приложил.

К сей челобитной Шалги Болшие Рожества Богородицы поп Иакинфей Яковлев вместо судейки Емельянка Иванова и во всех крестьян Шилские волости по их велению руку приложил.

К сей челобитной Шилской волости вдовой поп Иван Алексеев руку приложил.

К сей челобитной Шилской волости церковной дьячок Ивашко Евтихиев Попов руку приложил.

К сей челобитной Шилские ж волости Степанко Тихонов Попов руку приложил.

К сей челобитной Шилские волости Антонко ... ¹ руку приложил.

В верхней части л. 1об.: Се сын мой духовной Петр по его исповеди достоин ерейства. Софейского собору ерей Козма руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 2506. Подлинник.

№ 2

1675 г. февраля 5. — Храмозданная грамота новгородского митрополита Корнилия церковному старосте Богоявленского прихода в вотчине Крестного Онежского монастыря на сооружение новой церкви.

(л. 1) Божию милостию се яз, смиренный Корнилий, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук. В нынешнем во 183-м году февраля в 1 де[нь] били

¹ Далее фамилия неразборчиво.

челом нам Каргопольского уезду Крестного монастыря вотчины Полской волости Богоявленского приходу поп Алексей Исидоров да церковной староста Гришка Зиновьев и вместо всех крестьян и подали челобитную, а в челобитной их написано.

В нынешнем, де, во 183-м году ноября в 29 де[нь] волею, де, Божию у них в Полской волости погорели церковь Богоявления Господня, да у тое ж церкви два предела священномученика Климонта да великомученика Георгия. И нам бы их пожаловать, благословить и велети б церковь вновь построить во имя Богоявления ж Господня на старом церковном месте и на освящение тое церкви антиминс и нашу благословенную храмосвятную грамоту велеть б дать.

И яз, смиренны преосвященный Корнилий, митрополит Великого Новаграда и Великих Лук, попа Алексея и церковного старосту Гришку и крестьян пожаловал, благословил, велел на тое новую церковь лес ронить и в том лесу в Полской волости на старом церковном месте построить новую церковь во имя Богоявления Господня. А верх бы на той церкви был не шатровой и алтарь сделать (л. 2) кругом тройной. А в церкви б в алтарной стене посреде б были царские двери, по правую сторону ж южные, а по левую северные. А подле царских дверей меж южных в начале поставить образ настоящего того святого храма, а по левую сторону царских дверей меж северных поставить образ Пресвятыя Богородицы и иные образы по чину.

И как божиею помощью та новая церковь со всем совершится, и тое церковь святить попу со дьяконом по чину, как о том написано в новоисправном печатном Требнике. А на освящение тое церкви антиминс из Софейские и из нашия казны мы дать велели. А после освящения в той святей божией церкви вечерни и заутрени пети, а божественные литургии служить шесть недель по вся дни безпереводно. Тако же и впредь в той святей божии церкви без пения и без божественной службы не было б.

Писан в Великом Нове граде лета 7183 февраля в 5 де[нь].

На обороте л. 1 и л. 2 по склейкам: Дияк Тимофей Тяпин.

На л. 1об. архивная пометка XIX в. «О построении Богоявленской церкви в Полском приходе № 2 № 2 1685

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 4347. Подлинник со следами раскрошившейся красной печати.

№ 3

1688 г. не ранее февраля 17 — марта. — Дело по освидетельствованию духовной крестьянина дер. Шухтина Печенской волости Чарондской округи А. Фомина, умершего от побоев, нанесённых Л.Л. Кузнецовым.

(л. 1) Государю преосвященному Гавриилу, архиепископу Вологодскому и Белоозерскому, бьет челом великих государей крестьянин Чаранской округи Печенской волости деревни Шухтины Архипко Фомин. В нынешнем, государь, во 196-м году в праздник святых великомученицы Парасковии нареченная Пятницы в Вещезерской волости в деревне Тимофееве у крестьянина у Романа Романова то же Чаранской округи Пречистенского приходу крестьянин¹ Лаврентей Ларионов сын Кузнецов бил отца моего и увечил насмерть, и от тех его побоев он, отец мой, лежал многое время в тяжелой болезни. В нынешнем же во 196-м году февраля в 17 де[нь] написал духовную изустную память при многих седелцах, кому что после себя мне заемного долгу заплатить. И бил его насмерть он, Лаврентей, и от того ему смерть случилась. А я на него, Лаврентья, про смерть отца своего не истец.

Умилостивися, вели, государь, ту изустную память свидетельствовать. Государь смилуйся пожалуй.

(л. 2) Список. Во имя Отца и Сына и Святаго духа.

Се яз, раб божий Фома Гаврилов Лалин, пишу сию духовную изустную память, лежачи при смерти своим целым умом и разумом Печенской волости при священниках при Леонтье Степанове да при Семене Миронове в том. В нынешнем во 196-м году будучи в Вещезере о празднике великомученицы Парасковии нареченной Пятницы, в деревне Тимофееве у Романа Романова в избе, бил меня и увечил Пречистенского приходу Лаврентей Ларионов сын Кузнецов. А случит Бог мне смерть, ино от его Лаврентьевых побоев, да что кому дать по моей смерти.

Роману Романову кабала в полтине и по той кабале заплачено десять алтын, а две гривны не плачено. Да по росписе гривна да у целовалника у Якова в деревне Колесове кабала в рубле, и яз то же кабалу писать и заручивать не велел никому и питья я никою не имал. На Трифане Романове без кабалы взять десять алтын на пол-четье. На Иване без кабалы взять десять алтын. Родиону Степанову по старой кабале платить тринадцать алтын две денги. У Марка Савинова кабала плаченная в десяти рублях. По кабале не доплачено Кирилу Савину гривна. У Архипа Никитина Волкова кабала плаченная в десяти рублях. На Чаронде у Матюшки Боброва плаченная в мере в рже. Да у целовалника у Селивана заклад две мережи боталные да полукаванье крашениное, да колоколец медной. А все лежит во шти алтынех.

¹ Слово над строкой.

А у духовной седали: священники Леонтей Степанов да Семен Миронов, да Василей Степанов, Иван Иванов, да Андрей Петров, да Ферапонт Петров, да Артемей Марков, Иван Михайлов, Михайло Кондратьев.

Подлинную духовную писал вдовой дьякон Ларион Павлов лета 7196-го году февраля в 17 де[нь].

Позади подлинной памяти пишет.

Отец духовной поп Семен у духовные сидел и руку приложил.

К сей духовной Васка Степанов в свое место и вместо тех людей, кои у духовные сидели, а в грамоте не умеют, по их велению руку приложил.

(л. 3) Лета 7196-го марта в де[нь] по указу преосвященного Гавриила, архиепископа Вологодского и Белоозерскаго¹, память Чаронские округи Печенские волости поповскому закащику² георгиевскому³ попу Алексею.

Бил челом преосвященному архиепископу Чаронской ж округи Печенской волости деревни Шухтины крестьянин Архип Фомин. В нынешнем во 196-м году в день⁴ святых великомученицы Параскевы нареченные Пятницы в Вещезерской волости в деревне Тимофееве у крестьянина у Ромашки Романова тое ж Чаронской округи Пречистенского приходу крестьянин Лаврушка Ларионов сын Кузнецов бил отца иво и увечил⁵ на смерть и от тех ево побоев он, отец ево, лежал многое время в тяжкой болезни. В нынешнем во 196-м году февраля в 17 де[нь] написал духовную изустную память при многих седелцах, кому что после себя заемного долгу заплатить, и от того, де, и смерть случилась. А он, де, Архипко, на него, Лаврушку, про смерть отца своего не истец, и преосвященный архиепископ пожаловал бы ево, велел ту изустную память свидетельствовать.

И как к тебе ся память придет, и ты б против той иво Фомкина духовного и седелцов, которые у той духовной были, и писца, которой тое духовную писал, (л. 4) по евангельской записи Господни еже ей-ей, в нынешнем во 196-м году февраля в 17 де[нь] Чаронской округи Печенской волости деревни Шухтины крестьянин Фомка Гаврилов в целом своем уме и совершенном разуме тое духовную вдовому дьякону Лариону Павлову писать велели и они, седелцы, у той духовной

1 Имя и титул архиепископа переданы буквенным сокращением, обведённым кружками: п г а в и б

2 Далее зачеркнуто *храма*.

3 Слог всякому написан поверх строки.

4 Написано по зачеркнутому *в праздник*.

5 Слово написано над зачеркнутым *моево*.

сидели и той иво Фомкин духовной изустной завет слышали и у той духовной руки приложили или седелцов и от чего он, Фомка,¹ и не от побои ли чьих умре. Буде от побои и от кого имянем и много ль он от тех побои лежал и после тех побои² до смерти (л. 5) своей он, Фомка здоров был ли и работу крестьянскую работал ли, да что ево отец духовной и седелцы и писец в допросах своих скажут, и ты их допросные речи за их руками³ и тое подлинную духовную велел подать в судном приказе приказному Ивану Александрову да дьяку Федору Быкову.

ГАВО. Ф. 1260. Он. 1. № 7786.

№ 4

1703 г. июля 21. — Указная грамота вологодского архиеп. Гавриила игумену Спасо-Вожеозерского монастыря Иосифу о назначении его судьей духовных дел на Чаронде.

(л. 1) Лета 1703-го июля в 21 де[нь] по указу преосвященного Гавриила, архиепископа Вологодского и Белоозерского, Чаранские округи Спаского Вожеозерского монастыря игумену Иоасафу. В нынешнем 1703-м году июля в де[нь] преосвященный Гавриил, архиепископ Вологодский и Белоозерский, указал тебе на Чаронде и Чаронской округи в уезде быть у духовных дел судиею и того града Чаронды и Чаронской округи попов и церковных причетников судити росправою, также и мирской чин, кроме монастырского чина людей, которые надлежат против правил святых апостол и святых отец в духовных ведать тебе, игумену. А о вящих и неудобь разсудительных делах докладывать и описывать о всем к нам, архиепископу, на Вологду. Также которые дела буду у тебя и вершены, и те дела все закрепую своею присылать на Вологду ж.

И как к тебе сей преосвященного архиепископа указ придет, и ты б о том сей архиепископа указ ведал⁴ о всем чинил⁵ по сему⁶ господина архиепископа⁷ как писано выше сего.

1 Далее зачеркнуто *умре*.

2 Далее зачеркнуто *здоров*.

3 Далее зачеркнуто *прислал к преосвящённому архиепископу*.

4 Далее зачеркнуто *и чинил*.

5 Далее зачеркнуто *по указу*.

6 Слово над строкой.

7 В ркп. буквенное сокращение: г а (господина архиепископа).

К сему¹ указу преосвященного Гавриила, архиепископа Вологодского и Белоозерского, печать приложена.

(л. 2) Лета 1703 июля в 25 де[нь] по указу п г а в и б от Вологды в Чаронскую округу до Спаского Вожеозерского монастыря по церковным погостам попам с причетники. Да вы давали судие духовных дел игумену Иосафу подвод с человеком с проводником везде не задержав ни часу. Послан он, игумен, по указу преосвященного архиепископа в тот Вожеозерской монастырь и для управления духовных дел судиею.

Другим почерком: Такова подорожная за приписью дьяка Петра Ташлыкова без печати для того: приказной был в вотчине.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 12605. Список.

¹ Далее зачеркнуто *наказу*.

СПИСОК АВТОРОВ

Аверкиева Ксения Васильевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Аверьянов Константин Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)

Болотина Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент РГГУ (Москва)

Виноградская Ольга Яковлевна — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории РАН (Санкт-Петербург)

Грот Лидия Павловна — кандидат исторических наук, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ» (Швеция)

Зворыкина Екатерина Игоревна — аспирант биологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва)

Зворыкина Юлия Викторовна — доктор экономических наук, директор АНО «Институт исследований и экспертизы Внешэкономбанка» (Москва)

Истомин Андрей Александрович — старший научный сотрудник МБУК «Устьянский краеведческий музей» (п. Октябрьский Архангельской области)

Кабринская Ольга Анатольевна — заместитель главы МО «Каргопольский муниципальный район» (Каргополь)

Комиссаренко Аркадий Иванович — доктор исторических наук, профессор РГГУ (Москва)

Кононова Антонина Юрьевна — кандидат исторических наук, главный специалист РГАДА (Москва)

Копотева Инна Викторовна — доктор социологических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Кубецкая Любовь Ивановна — старший научный сотрудник ФГБУ ЦНИИП Минстрой, Почетный архитектор России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Кудрявцева Наталия Орестовна — PhD, архитектор (Москва)

Кутукова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, заместитель губернатора Архангельской области, руководитель представительства Архангельской области при Правительстве Российской Федерации (Москва)

Мухин Дмитрий Александрович — заведующий научно-экспозиционным отделом архитектурно-этнографического музея (музей «Семенково»), (Вологодская область)

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, директор Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Никулина Екатерина Сергеевна — научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Онучина Ирина Викторовна — заведующая научно-экспозиционным отделом Каргопольского музея (Каргополь)

Попова Елена Николаевна — начальник архивного отдела администрации МО «Каргопольский муниципальный район» (Каргополь)

Порохина Светлана Сергеевна — магистрант исторического факультета Вологодского государственного университета (Вологда)

Пригодина Ольга Борисовна — главный хранитель Каргопольского музея (Каргополь)

Пугач Иван Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Вологодского государственного университета (Вологда)

Решетников Николай Иванович — кандидат исторических наук, профессор факультета дополнительного профессионального образования (ФДПО) Московского государственного института культуры (Москва)

Сметанин Владислав Александрович — краевед (Архангельск)

Старицын Александр Николаевич — главный библиограф ИНИОН РАН (Москва)

Тормосова Наталья Ильбрусовна — ученый секретарь Каргопольского музея (Каргополь)

Трапезникова Ольга Николаевна — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института геоэкологии РАН (Москва)

Трошина Татьяна Игоревна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного Арктического федерального университета (Архангельск)

Фадеева Ольга Петровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, доцент Новосибирского государственного университета (Новосибирск)

Филимончик Светлана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Хрушкая Любовь Николаевна — ведущий архивист отдела документов по личному составу Государственного архива Архангельской области (Архангельск)

Черкасова Марина Сергеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Вологодского государственного университета (Вологда)